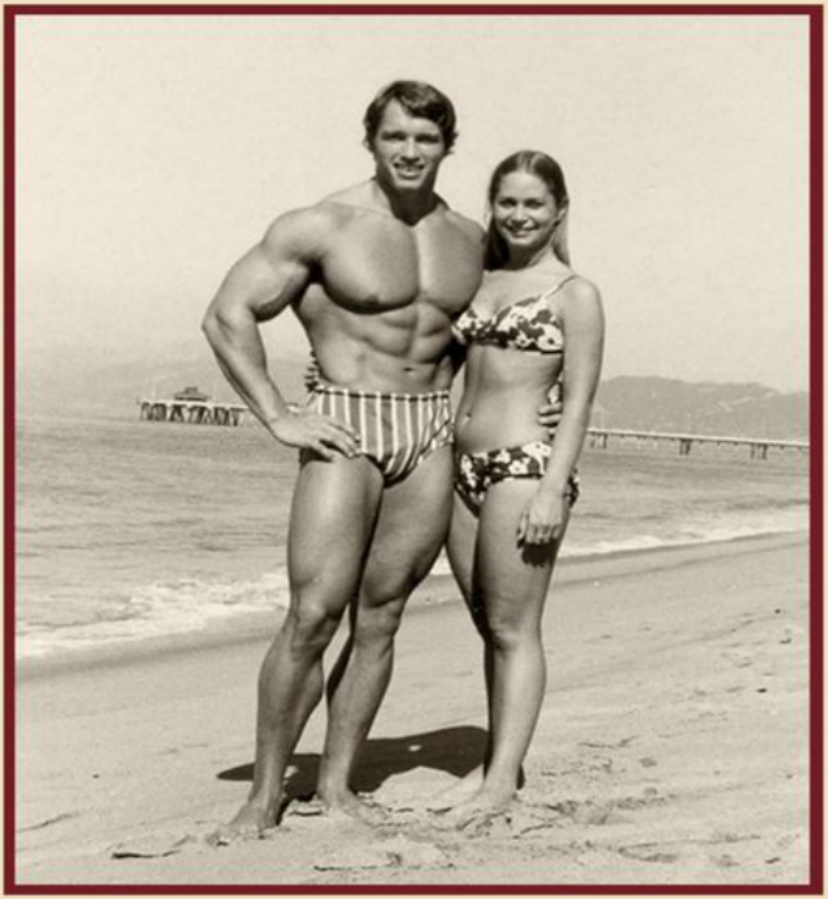


Арнольд и я

Жизнь в тени Австрийского Дуба

Арнольд Шварценеггер рекомендует

Барбара Аутланд Бейкер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Откровенный рассказ об отношениях с легендой бодибилдинга, суперзвездой Голливуда и бывшим губернатором Калифорнии Арнольдом Шварценеггером.

- Арнольд и я. Жизнь в тени Австрийского Дуба
  -
  - Вступительное слово
  - Предисловие
  - Благодарности
  - Внезапная смерть
  - В поисках спокойствия
  - Мечты Арнольда
  - Австрийский Дуб пускает корни
  - Очарованная Австрийским Дубом
  - Во власти Австрийского Дуба
  - В плену его мускулов
  - Быть сильнее смерти
  - В погоне за мечтой
  - Живу чужой жизнью
  - Верую в его мечты
  - Гостья в доме
  - Жизнь в разных мирах
  - Битва за признание
  - В поисках себя
  - Живем разными жизнями
  - Арнольд пишет книгу
  - Заслуженная награда
  - Абсолютное неведение
  - Тяжкий крест
  - Работа над книгой
  - Минута славы
  - Инаугурация
  - Снова в тени
  - Встреча в офисе губернатора
  - Эпилог
  - Вопросы и пожелания

Арнольд и я. Жизнь в тени Австрийского Дуба
Барбара Аутланд Бейкер

Посвящается Джону

Их любовь в прошлом…
Его слава проходит…
Но свет звезды останется
с нами, даже когда она погаснет…

© Барбара Аутланд Бейкер, 2015
© Александр Стихин, перевод на русский, 2015
© Артем Козионов, дизайн обложки, 2015

Редактор Александра Ерохина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вступительное слово

Иногда в нашей жизни встречаются люди, которые меняют ее навсегда. Так произошло и со мной: мне было всего двадцать два года, когда после переезда в Калифорнию я познакомился с человеком, оказавшим огромное влияние на мою жизнь в один из важнейших для меня периодов.

Барбара выделялась из всех остальных девушек, которых я знал на тот момент, и я с любовью вспоминаю проведенное с ней время. За следующие шесть лет мы многое пережили, и благодаря Барбаре (не говоря уже о ее замечательных родителях) чужая для меня страна открыла мне мир семейных отношений и радушно приняла меня.

Вместе с Барбарой мы прошли через многое и, думаю, хорошо дополняли друг друга. Однако в то время как я придерживался свободы в наших отношениях, она демонстрировала зрелость и силу, помогавшую ей удерживать меня в самые сложные моменты. К тому же, что даже более важно, она была замечательным учителем английского языка – кто знает, где бы я был сегодня без ее уроков! Когда я полностью сосредоточивался на своих целях, Барбара помогала мне взглянуть на себя со стороны, и этот опыт я пронес через всю жизнь.

Бывает очень трудно, когда пути двух людей расходятся в разные стороны, но я знаю, что больше всего наш разрыв ударил по Барбаре: занятия бодибилдингом и начавшаяся карьера в кино полностью поглотили меня. Спустя два года после нашего расставания я встретил Марию, которой суждено было стать моей истинной любовью, моей супругой и моим партнером в жизни. Я знал, что после прекращения наших отношений расстройства и разочарования будут долго преследовать Барбару, но только по прошествии времени, познакомившись с ее историей, я осознал, каким болезненным был тот период ее жизни. Оказалось, что на протяжении всей моей жизни и карьеры – в Голливуде, бизнесе, браке и политике – Барбара наблюдала за мной со стороны.

В своей книге Барбара поведает о наших отношениях и крепкой дружбе, пронесенной через годы, – этот рассказ, вне всякого сомнения, будет интересным и покажет, какое огромное влияние на ее жизнь мне довелось оказать. Справедливости ради хотелось бы заметить, что мы с Барбарой все же разные люди со своими собственными взглядами, поэтому иногда наши воспоминания могут не совпадать. Тем не менее я поддерживаю ее работу, ведь Барбара предлагает уникальный взгляд на жизнь

и отношения, и я надеюсь, что многие читатели извлекут для себя полезные уроки из этого рассказа.

Арнольд Шварценеггер,

июнь 2006 года

Предисловие

С того времени как я сознательно произнесла: «Думаю, что я хочу писать!» – прошло уже пять лет, семь месяцев, шесть дней и одиннадцать часов (не учитывая переходов на зимнее и летнее время), и, должно быть, планеты в тот судьбоносный момент захотели сыграть шутку космического масштаба.

Для тех из вас, кто захочет прочесть несколько параграфов этой книги перед ее покупкой, бесплатно приведу три усвоенных мной урока. Во-первых, будьте мудрыми в ваших желаниях – ведь на пути к желаемому всегда может произойти что-то непредвиденное. Урок второй: даже если вы учитель чтения с тридцатилетним опытом преподавания английского языка в колледже, не так-то легко стать заметным писателем. И пожалуй, самый главный урок: старые отношения и их отложенное во времени влияние могут изменить вашу жизнь самым непредсказуемым образом.

Познать все эти истины мне пришлось на собственном опыте, и на долгие годы моим хобби стали увлекательные занятия живописью, помогавшие мне отдыхать от преподавания английского языка. Но со временем накопившаяся усталость и поврежденный палец на руке лишили меня этого увлечения, и, хотя хирург помог мне, мой творческий энтузиазм был подорван. С этого времени начались поиски новой отдушины, и мне на ум пришли слова: «Думаю, что я хочу писать». Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что могла бы обрести душевное спокойствие при помощи куда более простых вещей, но я стала писателем.

Литературное творчество не было для меня в новинку: когда-то давно я опубликовала одну небольшую книжку по скорочтению, несколько статей в журналах и ряд красиво оформленных благодарственных писем. Отмечу, что книгу об Арнольде я написала еще в далеком 1979 году – через четыре года после прекращения наших отношений. Прошло время, и я подумала: *«Почему бы не стряхнуть пыль с той работы? Уверена, что история моей жизни с Арнольдом вдохновит его фанатов».*

Я начала подсчитывать количество читателей журнала *MuscleMag*, издаваемого Робертом Кеннеди, которые интересовались парой Шварценеггер – Шрайвер, а также бодибилдеров, которые хотели бы узнать больше о своем кумире. К тому же я знала, что японские фанаты обожали Арнольда за его фильмы, а бизнесмены помнили его за воплощенный идеал «американской мечты». Я не забыла и о женщинах, которые любят читать книги об отношениях. Ко всему прочему, разве эти

читатели не хотели бы взглянуть на давние фотографии молодого Арнольда? Да, налицо потенциал настоящего бестселлера.

Двадцать лет минуло с тех пор, как я написала фундаментальную историю «Арнольд: анатомия легенды». В новой книге «Битва Арнольда: путешествие в прошлое Шварценеггера» широко использовался материал предыдущей работы, хотя она и была посвящена совершенно другим темам. Со временем права на книгу приобрел инвестор, а затем вынудил меня выкупить их обратно для продолжения работы. Проблемы, однако, возникли и при написании второй версии книги. Четыре месяца моих метаний по поводу возможности переписывания первой версии окончились ничем. Тем не менее через четыре года я завершила книгу о том, какое влияние оказал Арнольд на мою жизнь. Во время работы друзья конструктивно критиковали и хвалили меня, а издатели, после того как я тайком отправила им рукопись, требовали пикантных подробностей.

Здесь я столкнулась с дилеммой: идти на поводу у таблоидов или дать взвешенную оценку образу Арнольда? Как мне сохранить непредвзятость? Моей целью было стать автором хорошо написанной, увлекательной истории, и я хотела показать взгляд изнутри на первые годы Арнольда в Америке, раскрыть силу нашего влияния на жизни друг друга и продвинуть идею о максимальной гибкости при достижении цели. Проблема состояла в том, что я была пустым местом для агентов и издателей, тогда как Арнольд являлся известной и влиятельной фигурой. Некоторые агенты думали, что читатели хотели бы узнать больше о самой «иконе», чем о бывшей девушке Шварценеггера, – да и то правда, кого волнуют ее страдания от несчастной любви и потери Арнольда? Такой подход вполне объясним, но у меня была только эта история, и я верила, что она уникальна, – несмотря даже на то, что я была всего лишь бывшей подружкой.

За шесть месяцев до выборов, на которых Калифорния объявила Арнольда Шварценеггера своим «спасителем», стало еще труднее. Я написала человеку, чьим наивысшим титулом на тот момент был *Терминатор*, и поинтересовалась, одобрит ли он мои воспоминания. Сможет ли он написать вступительное слово? Признает ли он то влияние, которое оказал на мою жизнь? Спустя несколько недель после отправки письмо попало уже к кандидату от Республиканской партии на повторных выборах губернатора штата Калифорния, и с этого момента ситуация стала развиваться самым непредсказуемым образом.

Тогда, в семидесятые, мы с Арнольдом любили друг друга шесть незабываемых лет, и тогда же, спустя время после разрыва

наших отношений, я усвоила урок, в истинности которого не сомневаюсь до сих пор: дух Арнольда, однажды войдя в вашу жизнь, проникает во все ее сферы.

Строить песчаные замки и смотреть, как их уносит в море, – не такое уж плохое занятие. Но будет ли у меня для этого время? Возможно, что и нет, – по крайней мере до того момента, как книга «Арнольд и я: в тени Австрийского Дуба» закончит свое действие.

Барбара Аутленд Бейкер,

июль 2006 года

Благодарности

Мою книгу поддержало бесчисленное множество людей. Я должна начать с Арнольда, который пробудил во мне идею этой книги и в знак уважения нашей дружбы написал необыкновенное вступительное слово. Ну а после общения с его сотрудниками я продолжаю с трепетом относиться к способностям Арнольда нанимать на работу только дельных людей. Второй, но от этого не менее значимый помощник – мой муж Джон, ставший для меня поддержкой и опорой на протяжении всего процесса написания книги. На своей студии *JB Photography Studio* Джон восстановил старые фотографии и даже отреставрировал одно изображение, ставшее обложкой книги. Мой разносторонний муж демонстрировал живой ум, понимание и логику в процессе работы над книгой и продолжает отвечать всем моим душевным чаяниям.

Вместе с каждой правкой я получала дельные комментарии от моей мамы, к сожалению, не дожившей до завершения работы над книгой, и от моей «приемной матери» Луизы Райнс, в семье которой я жила во время обучения в колледже. Также я выражаю огромную признательность моим друзьям детства: Барбаре Миллер – за эмоциональную реакцию на первые наброски, Сисли Рейнольд – за энтузиазм относительно моего авторского стиля, Линн и ее мужу Кари Нолану – за поощрение моих исследований женской психологии, Дорин Клифтон – за каверзные вопросы. Мои давние друзья тоже уделяли мне время, и я должна выразить им искреннюю благодарность: Джону Бейлу – за улучшения текста, Дэйву и Маргарите Берг – за чудесные воспоминания о прошлом, Саре и Бобу Галлавей – за нахождение «белых пятен», требующих заполнения, Рози Ли – за ее чуткость ко всему происходящему, Аленну Лунину – за его выдающуюся справедливость, Пегги Рунелс – за ее познание внутреннего мира героя и доверие к моему авторскому стилю, Тоду и Трейси Троцки – за содействие в описании образа, и, наконец, Шерри Вайнштейн – за помощь в начальных правках.

Среди всех прочих «болельщиков», поддерживавших меня, я должна особо отметить тех, без чьей помощи не смогла бы обойтись, и сказать им всем огромнейшее спасибо: доктору Джо из лечебного центра Форда в Плано, штат Техас, за лечебные процедуры; доктору Кирби Джонсону из Агоры, штат Калифорния, за лечение позвоночника и фанатскую поддержку бодибилдинга; Рону Тернеру за его безграничную веру в меня – до такой степени, что он даже согласился приобрести первый

экземпляр книги еще до ее выхода.

При помощи советников губернатора я восстановила связи со старыми друзьями из «золотой эры бодибилдинга», а также познакомилась с новыми людьми, изменившими ход моей жизни. Всем тем, кто проявил немалую чуткость, я говорю огромное спасибо: Альберту Басеку, Джорджу Батлеру, Дэйву и Лерри Дрейпер, Чарльзу Гейнсу, Дену Говарду, Джеку и Элейн Лалэйн, Джиму Лоримеру, Джину Музу, Джон-Джону Парку, Регу Парку, Брендану Райну, Дику Тайлеру, Майклу Волчеку и Бернарду Циммерману. К Митсу и Дот Кавашима у меня всегда будут самые теплые чувства. Некоторые люди индивидуально помогали мне в процессе написания книги, и я выражаю свою неизменную признательность этим великодушным личностям: Джону и Стефании Балик, издателям знаменитого журнала *Iron Man*, за их наставления; Лу Ферриньо – за нашу исключительную дружбу; Дугласу Кену Холлу – за его проницательный взгляд и наставления по издательским вопросам; Роберту Кеннеди, владельцу журнала *MuscleMag, et al.*, поделившемуся своими знаниями и критикой по поводу маркетинговой стратегии; Ларри Лимеру – за то, что пригласил меня в издательский мир и высказал мнение о моих перспективах; Шону Перину из журнала *Flex, et al.* – за его замечательные идеи; а также Фрэнку и Кристиан Зейн – за то, что ободряли и воодушевляли меня. Кладезем знаний и постоянным источником поддержки стал для меня Адам Таннер из *Reuters News*: его замечательная исследовательская работа не просто раскрыла меня, но и изменила направление книги «Арнольд и я» – не говоря уже о моей жизни!

Члены моей семьи оказали мне особую поддержку в ходе кропотливого процесса создания книги. Я благодарна моей дорогой падчерице Дженнифер Бейкер за ее остроумие и логику, моим любимым племянникам, Бобу и Биллу Касперам, за их безбрежный энтузиазм и веселые воспоминания и моим племянницам, Дженни Хоу, Холли Нессиф и Саманте Мерилл, за их материнскую заботу при изложении истории моей жизни. С нежностью благодарю моих сестер Паулу Каспер, Марианну Мерилл и Салли Ред за наш творческий союз и их независимую точку зрения.

Годами я учила своих студентов необходимости совместного творчества, а сейчас я могу рассказать об этом как автор. Я нуждалась во взгляде со стороны, и Дид Киркwуд помог мне в этом. Терес Талли-Баллард предоставила в мое распоряжение свой блестящий ум, знания психологии и постоянную поддержку. Без ее ободрения у меня бы возникли огромные проблемы

с написанием книги. Неоценимую помощь оказала также Уитни Кристиансен, представитель издательства *Author House*, – книга «Арнольд и я» пропитана ее великолепным языком, пониманием деталей и интуицией. Без ее жизнерадостности процесс издания не получил бы такого трепетного исполнения. Совместными усилиями Уитни и Терес не только привели меня к завершению книги, но и указали путь к безбрежным радостям жизни.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Глядя на легендарного губернатора, восседающего на своем древнем китайском «троне», я пыталась осознать сюрреалистичную природу времени: как бы могли пройти эти тридцать пять лет с тех пор, как Арнольд вошел в мою жизнь? И вот теперь я здесь, зрелый преподаватель английского языка – встречаюсь с политиком средних лет, и нет больше той цветущей девчонки из шестидесятых, боготворившей европейского атлета. Сегодня меня привела сюда сила любви к Арнольду, жертвой которой я пала, и лишь морщинки вокруг моих глаз напоминают о давно ушедших временах.

Сегодня я «выхожу на ринг» с моим бывшим возлюбленным-тяжеловесом, и путь к этому разговору с одним из самых значимых людей в моей жизни был неблизким. Несмотря на то что я надеялась получить определенную помощь в написании мемуаров, больше всего мне все же хотелось найти ответы на некоторые вопросы. Был ли мне дорог этот человек? Была ли я важна для него? Бог его знает, но он оказал огромнейшее влияние на мою жизнь. В кои-то веки я выступаю в роли ведущего: в тяжелейшей борьбе выкроены два эксклюзивных часа в расписании Арнольда Алоиса Шварценеггера, уже седьмой месяц пребывающего в должности губернатора штата Калифорния.

Надеясь пробиться сквозь однотипные ответы из интервью средствам массовой информации, я начинаю с основ – отца Арнольда, который играл важнейшую роль в его жизни. Он был жестким человеком, по иронии судьбы воспитавшим в своем младшем сыне бунтарский дух. Арнольд всегда с гневом рассказывал о своих притеснениях в юности; но после его первого ответа я поняла, что за прошедшее время он поменял свое отношение к отцу.

Арнольд ответил более витиеватой фразой, чем я ожидала от него услышать:

– [Мой] отец был джентльменом – наподобие тех, кто пропускает дам вперед в автобусе, чтобы они смогли занять

место. Он был жандармом – это примерно как американский шериф. Всегда выслушивал и был приветлив. Его мать была весьма сильной женщиной, а отец умер очень рано. Он крайне уважал свою мать, и она жила с нами два месяца в году – это смешно, но моя мать тоже приезжала к нам пожить на два месяца. Кто знает, как случаются подобные совпадения.

Я был счастлив, потому что мои родители всегда были дома, – это давало мне ощущение стабильности. И несмотря на наше скромное материальное положение и наказания со стороны отца, я никогда не унывал. Позже я понял, что это было распространенное явление в Австрии. Все приятели моего отца поступали точно так же – подобное поведение было частью нашей культуры.

Внезапная смерть

Однажды у меня случилось психическое расстройство наподобие того, которым страдал герой Дастина Хоффмана в фильме «Человек дождя». У меня, как и у главного героя этой киноленты, сильно обострилось восприятие, и я стала толковать каждый вздох моего бойфренда. Для самоуспокоения я очень тщательно подбирала и интерпретировала нечаянно оброненные им слова или двусмысленные фразы. После отбора фраз я пропускала их через специальный магический фильтр, который преобразовывал мои фантазии в реальность, – только при помощи подобных манипуляций я могла поддерживать свою веру в то, что мой любовник когда-нибудь женится на мне. Я черпала силы в его дыхании и впитывала их при каждом поцелуе. Дышала с ним в унисон, в то время как он спал, – шесть долгих лет я жила лишь Арнольдом Шварценеггером.

После завершения наших отношений у меня была только одна цель – освободить свою душу от его влияния. Усилия, правда, не всегда давали результат: чем больше проходило времени, тем отчетливее я понимала, что никогда не смогу избавиться от тени этого человека.

Тогда, в семидесятые, я была одержима желанием получить его согласие на наш брак. К своим двадцати четырем годам я успела побывать подружкой невесты на многих свадьбах. Моим главным увлечением стало чтение между строк – если Арнольд говорил: «Малышка, ты есть лушая» или «Мы будим абсуждать это после соревнований», я понимала, что дата нашей свадьбы будет назначена до конца года. Чем более размытыми были его комментарии, тем больше сил они придавали мне в определении даты свадьбы. В то время как Арнольд поднимал тонны стали для формирования своей мускулатуры, я перелопачивала статьи из свадебных журналов в поисках идей для реализации своей мечты.

Временами я могла представить каждый аспект моих фантазий: «Та часовня в Палос Вердес просто создана для проведения великолепных свадеб» или «Разве это не прекрасно – провести свадебную церемонию на палубе „Куин Мэри“, пришвартованной в доке Лонг-Бич?»

После подобных намеков он говорил пару слов для поддержания моей уверенности, например: «Харашо, довай тагда пакушаем» – и стоило лишь мне услышать подобный ответ, как я придавала ему свое собственное значение. Трезвый разум называет подобное поведение «жизнью в розовых очках» – я же

называла его «жизнью моей мечты».

Я была очень недалеким человеком: развлекала наших гостей-культуристов и подружек из студенческого братства, просматривала свадебные фотографии и следила за своим весом.

А еще я собирала брошюрки, рекламирующие экзотические места для проведения медового месяца. Меня, конечно, беспокоила финансовая сторона свадебной церемонии: как невеста, я не могла позволить себе подобные экстравагантности, но это никоим образом не мешало мне планировать чудесную свадьбу на весну 1972 года.

Арнольд Шварценеггер возле своего дома, Таль, Австрия, 1974

После его возвращения той зимой из Франции с титулом «Мистер Олимпия» в кармане я ждала обещанного объяснения. Находясь в ожидании разговора с Арнольдом насчет свадьбы, я сохраняла многозначительное молчание. Поскольку ожидаемого объяснения не произошло, я перенесла разговор на новогодние праздники, когда мы могли бы обсудить все детали нашей

будущей жизни. Итак, в конце ноября, пока Арнольд путешествовал и позировал в Австралии, я посвятила себя созданию уюта в нашей квартире. Ко времени возвращения в Санта-Монику он не только пополнил свой банковский счет и увеличил количество фанатов, но и умудрился серьезно повредить колено, позируя на помосте, который рухнул во время его выступления. В Лос-Анджелес Арнольд вернулся напуганный и растерянный, смущаясь поддерживавших его костылей.

Я сильно волновалась из-за этого досадного происшествия (и, конечно, успокаивала его по телефону) и опасалась, как бы это событие не повлияло на наши свадебные планы. Бóльшую часть воскресенья я провела за приготовлением романтического ужина, с нетерпением ожидая наступления ночи. Сделав в квартире генеральную уборку, как он любил, я занялась жаркой стейков, фаршированием омаров и изготовлением засахаренной в яблочном соке моркови. Я начала долгий процесс измельчения моркови для приготовления его любимого десерта – морковного пирога – и даже успела взбить холодный сливочный сыр в ожидании, пока пирог остынет. Я нарезала хлеб и для придания уюта поставила в комнате красные и зеленые свечи. Я знала, что рождественская елка и накопленные за всю жизнь украшения подогреют атмосферу вечера, а наши совместные фотографии напомнят нам о горячей ночи в Греческом театре. И «Матеуш», популярное в те годы вино, расслабит в ожидании прекрасного тоста. Я так и слышала, как Арнольд произносит тост за свое «сокровище»: «За нас, золотце!»

Услышав шаги Арнольда, поднимающегося в квартиру по лестнице, я бросилась встречать его, гордясь своим новым подтянутым телом, заметно постройневшим после недавнего набора веса: морковь и цветная капуста сделали свое дело. Как только он вошел в дверь, я раскрыла руки, демонстрируя связанный мной джемпер, призванный подчеркнуть мои таланты домохозяйки. Я продумала каждую деталь для того, чтобы очаровать его и чтобы заученная мантра «Смотри, Арнольд, я буду отличной женой» проникла в его душу.

Но Арнольд пребывал в необычном для него расположении духа – и это было плохим знаком. Куда подевался мой веселый друг? Как мы сможем обсуждать наши свадебные планы, если он чем-то расстроен? Переживая по поводу предстоящего разговора, я налила ему бокал вина, втайне надеясь на то, что пара глотков выведет его из такого состояния. Однако, усевшись за стол, я поняла, что приготовленный мной ужин не оправдал возложенных на него надежд: хлеб в корзинке подсох, морковь больше напоминала конфету, чем овощ, стейки были пережарены,

а замороженные омары так и остались в своих панцирях. Думаю, ничто в тот момент не было так сильно напряжено, как мои нервы.

Переходя от омаров к пережаренным стейкам, мы слегка поужинали, перебрасываясь ничего не значащими редкими фразами, хотя обычно в наши разговоры невозможно было вставить слово. Почему весь вечер он был таким молчаливым? Тем не менее, несмотря на его настроение, я серьезно настроилась на то, что предстоящей ночью поговорю с ним о планах на будущее. И хотя речь была тщательно подготовлена, я поймала себя на мысли, что подбираю слова, с которых можно было бы начать разговор. Но стоило мне только произнести фразу: «Раз уж десерт на подходе, могли бы мы…» – как Арнольд с набитым засахаренной морковью ртом вымолвил: «Кстате скозать, умер мой отец».

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Я попросила Арнольда описать свое детство и поподробнее рассказать о том, каким он был сыном.

– Однажды наступает такой возраст, когда душа бунтует против устоявшихся порядков, и в этом возрасте все, что бы ни сказали родители, выглядит неправильно. Такое происходило и со мной, когда мне было 14—15 лет. Если родители говорили мне: «Волосы должны быть коротко подстриженными», я начинал их отращивать; когда же они соглашались: «Хорошо, пусть себе растут», я, наоборот, их укорачивал. Если они говорили: «Надень черную рубашку», я надевал белую, а услышав фразу «Надень шорты», надевал длинные брюки. Мне было неважно, что они говорили.

Его шутливые рассказы о своем подростковом возрасте вызвали во мне воспоминания о моем собственном «протестном настрое», который в семидесятые и подтолкнул меня к этому очаровательному силачу.

В поисках спокойствия

Задолго до того, как в мою жизнь вошел Арнольд Шварценеггер, оказав на нее огромное влияние, я придерживалась традиционных семейных ценностей. Мое детство прошло в зажиточном городе Сан-Марино – тезке старейшего независимого государства Европы. Мой родной город, расположенный недалеко от Пасадены, известной своими цветочными фестивалями, был одним из самых богатых в стране. Служебные успехи всех «отцов города» заносились в специальную «Голубую книгу Сан-Марино», и указанный в ней общественный статус каждого из них был даже более важен, чем номер телефона его семейства. К тому времени как я пошла в старшие классы, мой отец, которому похвастаться было особенно нечем, числился в книге как «строительный подрядчик». Мы, конечно, не сильно распространялись о том, что нашей матери приходилось подрабатывать, чтобы сводить концы с концами: подобные подработки в то время считались чем-то ненормальным, и наша семья предпочитала помалкивать об этом.

Сказать по правде, семья Аутленд отличалась от других семей Сан-Марино и всячески пыталась казаться лучше, чем была на самом деле. Мои родители перебрались сюда из небогатого пригорода Лос-Анджелеса после того, как получили здесь наследство, и отсутствие знаний по финансовому планированию давало о себе знать: наша семья жила явно не по средствам. Учитывая, что в семье было четыре дочери, каждая из которых представляла собой эмоциональную и финансовую головоломку для родителей, это самым серьезным образом сказывалось на нашем материальном состоянии. Постоянная нехватка денег приводила к большим скандалам между отцом и матерью, которые порой затягивались до поздней ночи. Как часто я ложилась спать с мольбой о том, чтобы их угрозы о разводе так и остались только угрозами!

После подобных сцен мы с сестрами просыпались, чтобы обсудить текущую ситуацию в семье. Все это закончилось тем, что папа с мамой решили прекратить жить не по средствам и уехать из города. Нашего отца уважали за его взвешенность: если мы хотели получить ответ на какой-то вопрос, он становился нашим лучшим советчиком. Честно сказать, он всегда был в курсе всех дел, а его чувство юмора и наблюдательность могли заставить толпу смеяться или удивляться его острому уму. Мы с девочками просто обожали отца, но вместе с тем хотели бы видеть его более энергичным. К сожалению, он так и не оправдал наших надежд.

Мама запомнилась нам своим добрым и отзывчивым сердцем: если мы хотели получить новые теннисные туфли с шипами или разрешение пойти в гости к парню, то знали, что все это можно сделать через нее. Мы любили нашу активную, веселую маму, с удовольствием наблюдая за каждым ее движением, но хотели, чтобы она в большей степени контролировала себя, что с ее темпераментом было совсем не лишним. К несчастью, она так никогда и не добилась той обеспеченной жизни, к которой стремилась.

Я росла очень чувствительным ребенком и искала всяческие способы побороть свою детскую неуверенность. Даже сейчас у меня еще свежи воспоминания о детских увлечениях и забавах. Как самый обычный ребенок, я запускала палочки от мороженого по водостокам и любила кататься на велосипеде. Мне нравилось стучаться в двери к соседям и просить их пожертвовать игральные карты для пополнения моей коллекции. Не говоря уже о том, что я собирала самодельные игрушки и одежду, которые потом относила на ежегодный церковный аукцион. Я помню, как наслаждалась большим семейным ужином, на котором главным угощением была знаменитая баранья нога, приготовленная по особому маминому рецепту. После ужина, собравшись вокруг пианино, мы все вместе пели песни. Не могу не вспомнить и про походы в соседский бассейн, в котором можно было сделать свое фирменное сальто. Отдельным пунктом развлечений были наши семейные выезды в Южную Калифорнию, которыми я очень дорожила.

Но было совершенно неважно, как прошел мой день, ведь к вечеру я уже знала, что мама и папа обязательно приложатся к выпивке, и это меня очень сильно нервировало. Чтобы «заесть» проблемы, я стала налегать на сласти: доедала каждый оставшийся кусочек яблочного пирога за завтраком и увеличивала количество шоколадного печенья в своем пакетике для обеда. Я не могла дождаться того момента, когда мама объявит: «Сегодня вечером у нас на десерт будут шоколадные эклеры!» или «Получите сладкие лимонные палочки Ван де Камп, если съедите все овощи!» Налегая на сладости, чтобы успокоить нервы, я надеялась и верила, что однажды моя жизнь может стать спокойнее, – однако годы учебы в старших классах лишь подпитывали мою неуверенность.

В 1965 году, после двадцати пяти лет брака мои родители столкнулись с серьезной проблемой нехватки денег: их запросы подорвали наши финансовые запасы. Даже если бы мы перебрались в менее престижный район Хантингтон Драйв, наш дом по адресу 1595, Уэстхейвен-Роуд нуждался в глобальном

ремонте канализационной системы. Как раз в это время доходы от нашего наследства снизились, возможности отца покупать строительные материалы тоже были не на высоте, и каждый цент его скудного заработка уходил быстрее, чем приходил. Сложившуюся ситуацию усугубляло и то, что мы с сестрами были готовы потратить каждый доллар, заработанный потом и кровью. Чтобы выйти из этого бедственного положения, сократить расходы и прекратить поток звонков от кредиторов, родители продали наш дом в Кейп-Код, однако прибыль от его продажи составила всего несколько сотен долларов.

Не считая того, что теперь я не могла позволить себе наряды от Ланца или студенческие программы обучения за границей, я к тому же лишилась своих корней. Совершенно неожиданно для себя я осознала, что не могу больше рассматривать ставший мне близким Сан-Марино в качестве убежища. Более того, я не могу больше претендовать на прописку в этом четырехмильном оазисе и хвастаться тем, что самые богатые люди со всего мира были моими соседями. Теперь, словно простой турист, я могла лишь проходить по красивым извилистым улицам, заглядываясь на бесконечные акры лужаек и оранжерей. К огромному моему сожалению, только на правах постороннего я могла посещать городскую библиотеку Сан-Марино, любоваться японским садом и великолепными картинами «Девочка в розовом» Томаса Лоуренса и «Мальчик в голубом» Томаса Гейнсборо.

По причине тяжелого финансового положения моей матери пришлось стать управляющей в доме престарелых «Счастливая жизнь», а отцу – заняться поисками лучшей доли. На новой работе маме предоставили жилье, в которое мы и переехали всей семьей, и в свои семнадцать лет я оказалась среди живущих на пособие старых и дряхлых людей. Наше новое жилище располагалось на оживленной улице с удобными подъездами к дому, которые были специально сделаны для облегчения вывоза покойников автомобилями скорой помощи. В этом городе, населенном преимущественно представителями среднего класса, я жила вблизи ферм, и вместо пения птиц среди старых эвкалиптовых деревьев до меня доносился запах коровьего навоза, претивший моему нежному обонянию. Каждое утро я покидала Беллфлауэр, город голландских молочных фермеров, и за сорок пять минут добиралась до школы в Сан-Марино, которая представляла собой средоточие будущих юристов, докторов и генеральных директоров.

Понимая шаткость своего внешне благополучного положения, я была вынуждена делать большой крюк, дабы избежать встреч со старыми знакомыми из моего родного города. Вжимая

до отказа педаль газа, я всеми силами старалась поскорее покинуть это унылое место, наполненное пожилыми людьми и коровами. Я пыталась убежать от самой себя, выдумывая различные заведомо нереализуемые способы защиты своего детства: меня так и подмывало проехать на красный свет или выехать на встречную полосу для того, чтобы вернуть хоть крупицу своего прежнего положения. В свои семнадцать лет я точно знала, что больше никогда в жизни не познаю подобных унижений. Мои защитники потеряли свои позиции, и мне было стыдно от осознания того, что Аутленды больше не относятся к зажиточным семьям. Когда наши родители начали все чаще прикладываться к спиртному, мы с сестрами стали готовиться к худшему. Ко всему прочему, меня выматывали долгие поездки в школу, и я злилась из-за того, что мне приходилось брать в дорогу младшую сестру. Как человек, старающийся соответствовать своему окружению, я ощущала стыд за те уловки, на которые мне приходилось идти, дабы успокоить свое эго.

Однако к моменту окончания школы у меня были неплохие перспективы дальнейшей карьеры, особенно на фоне остальных учеников. В те годы, когда я училась в школе, отец часто рассказывал нам о статьях из газеты *Los Angeles Times*, а новостные репортажи открыли для меня дверь в большой мир. Надо сказать, что все новости сливались в один бесконечный список кровоточащих ран Лос-Анджелеса: бунт чернокожего населения в Уоттсе; студенческие собрания в Университете Беркли для защиты свободы слова в кампусах; трупы американских солдат во Вьетнаме; русские под властью Косыгина и Брежнева; голодающие китайские дети – жертвы революции. Каждый из этих несчастных, вне всякого сомнения, имел больше прав на сочувствие, чем я. Новые знания притупили мой гнев, предоставив мне примеры, с которыми я стала сравнивать свою малоприятную жизнь.

Я была одним из тех подростков, которые задумываются о природе человека, и всячески пыталась понять мотивы людского поведения. Размышляя над этим, я пришла к неутешительным для себя выводам относительно жизни в таких необычных условиях. Мне начала нравиться идея индивидуализма, и я почувствовала не только готовность отпраздновать окончание школы, но и свободу от необходимости притворяться представителем высшего класса: теперь Барбара Джейн Аутленд имела смелость пригласить к себе в гости подруг детства из Сан-Марино. Я бросала им вызов – прийти ко мне домой и посмотреть на то, как «БиЭй» существует на «неправильной» стороне жизни. Пусть они сравнят мое нынешнее положение с моим прошлым:

прилежная ученица, любимица учителей, лидер школьного самоуправления, член клуба, капитан группы болельщиц. Девчонка, у которой всегда был парень, душа компании. Не стоит говорить о том, что я ревностно оберегала однажды созданную репутацию.

Мои друзья всегда знали, что я любила устраивать не совсем обычные вечеринки, и с удовольствием приняли странное приглашение. В назначенное время к нашему дому начали съезжаться гости; выходя из машины, они сразу же попадали в апартаменты управляющего, оборудованные всего лишь одной ванной комнатой. По пути от холла до лифта гости глазели на наших пожилых жильцов и нервно похихикивали над поникшими головой в креслах-каталках или бубнящими стариками, которые смотрели на них потускневшими глазами. Благодаря удачному стечению обстоятельств в тот день у соседских коров случился запор, и поэтому запах от них «поприветствовал» гостей только тогда, когда они пересекали дверной проем нашего гостеприимного жилища.

Несмотря на некоторую нервозность, я чувствовала огромное облегчение от того, что прошла «точку невозврата»: гости стали свидетелями моего существования в этом унылом доме, и к концу дня я уже буду знать, как мне жить с этим дальше. Очень скоро нам с друзьями придется попрощаться и столкнуться с реалиями студенческой жизни в колледже. Осознавая все это, мы плакали под песню *Yesterday* Пола Маккартни. Все двадцать человек, приглашенные на вечеринку, наслаждались уникальным коктейлем из юношеских слез, объятий и смеха в тот вечер празднования окончания школы. Затем наша развеселая компания погрузилась на машины и поехала в бухту Лонг-Бич, и здесь мы, намазавшись маслом для загара, подставили нашу молодую кожу приветливому солнцу Южной Калифорнии.

Когда мы небольшими группками позировали на пляжных полотенцах, я прошептала достаточно громко, чтобы все кругом услышали: «НЕ ПОВОРАЧИВАЙТЕ голову все разом, но зацените того парня вон там» – и указала носом направление. Конечно же, вся наша компания, проигнорировав мое замечание, тут же повернулась в указанном направлении.

Все мы совершенно бестактно начали отпускать шуточки и хором произносили: «Не может такого быть!» – его отчетливая мускулатура вызывала у нас юношеский сарказм. Все, что мы могли сделать, – наслаждаться нашим неудержимым смехом по поводу этого занятного парня.

«Мистер Тело» позировал в плавках бирюзового цвета, и его развитая мускулатура бронзовела от каждого лучика солнца.

Никогда прежде мы не сталкивались с бодибилдерами, но хорошо понимали, что этот момент достоин того, чтобы быть увековеченным, и каждая из нас сфотографировала этого чудака на память. До сих пор эта фотография хранится в одном из моих альбомов, и запечатленный на ней культурист продолжает демонстрировать нечто такое, что однажды уже приковало к нему взгляд двадцати пар удивленных глаз. Если тогда он правильно истолковал наше внимание к его персоне, то его самомнение получило дополнительную поддержку; в противном же случае он мог просто впасть в уныние от наших насмешек. Сегодня мои друзья с трудом припоминают того парня из-за большого количества впечатлений и времени, прошедшего с тех пор, но я помню его потому, что мне пришлось воскрешать в памяти все события моей жизни. Выживание, как известно, зависит от наблюдательности, и я вполне заслуживаю пятерки за свою память.

Возвращаясь в тот день домой, я вспоминала две свои вечеринки, и, хотя у меня еще сохранились воспоминания о праздновании этого события с семьей, больше всего мне врезались в память личные переживания и размышления. Как мне сказать маме и папе о том, что я открыла тайну нашего жалкого существования своим друзьям? Новость о том, что я стесняюсь условий нашей жизни, вне всякого сомнения, огорчит их. Да и моя младшая сестра Салли опасалась, что с началом моего обучения в колледже она потеряет поддержку близкого ей человека. Я, конечно же, переживала за сестру, но была не в силах поддержать ее.

С другой стороны, я успокоилась относительно результатов своего социального эксперимента: друзья по-прежнему принимали меня в свой круг, и мое скромное существование оказалось не таким уж непреодолимым препятствием для нашей дружбы, как я полагала ранее. Мое хорошо сложенное тело, загорелое и подтянутое, отражало благоприятное расположение духа, но мне потребовалось много сил и мужества для того, чтобы побороть свои страхи.

В ночь после вечеринки я долго ворочалась и не могла уснуть: переживания прошедшего дня будоражили меня. Кто был этот парень на пляже? Его похожая на статую фигура не выходила у меня из головы и разбивала все мои прежние представления о мужественности. Я думала о нем, о его коже, на которой не было волос. Конечно же, у меня и мысли не было с ним встречаться – нет, нет и еще раз нет. Этот атлет выглядел слишком эксцентричным для меня, да и в придачу ко всему был великовозрастным иностранцем. Но по правде сказать, я была

заинтригована его целеустремленностью в создании подобного тела.

Что у него за мотивация? Как много времени он проводит на тренировках для достижения подобного результата? Зачем ему эти горы мускулов? Неужели кто-нибудь предпочтет его раздутое тело обычному спортсмену? Есть ли кто-нибудь на свете, кого любит этот человек, помимо себя? Может ли он говорить о чем-либо другом, кроме выполнения становой тяги? Кто знает? Может быть, он даже не говорит по-английски.

Этот парень, несомненно, выбрал для себя несколько странноватый путь «эксгибициониста», и сама жизнь поделилась тогда с нами этим чудаком. Я смеялась про себя во сне, представляя его нелепую мускулатуру, но вскоре забыла о нем, пока мне в конце недели не попался на глаза сделанный на пляже снимок. Когда сегодня я смотрю на эту фотографию из моего альбома, мне кажется, что он выглядит худоватым: с течением времени и с накопленным опытом наши взгляды имеют свойство меняться.

Тем не менее мое желание покинуть родной дом никуда не исчезло, и последние месяцы лета я жила только мыслью о том, чтобы уехать оттуда. Я хотела освободиться от стариков, коров, ночных пьяных родительских перебранок, дыма отцовских сигарет, менопаузы матери и необходимости возить с собой младшую сестру. Подобно своим друзьям, я заслужила право на отдельное проживание, и обучение в колледже предоставило мне такую возможность. Я и мои школьные подруги стали студентками колледжа, а большинство из нас были белыми англосаксами протестантского вероисповедания поздних шестидесятых.

Несколько девочек из богатых семей уехали на Атлантическое побережье, другие перебрались в Колорадо, а одна очень яркая девушка получила возможность продолжить свое обучение в престижном Стэндфордском университете. Бóльшая же часть моих знакомых поступила в Университет Южной Калифорнии, ну а скромных возможностей нашей семьи хватило лишь на Университет Сан-Диего. Не нужно и говорить, что из-за такого положения вещей я чувствовала себя самым несчастным человеком во всем штате. Меня и моих друзей не особо беспокоили проблемы окружавших нас людей, и мы наслаждались нашим привилегированным положением жителей богатого города. От нашего взора, конечно же, не могли укрыться проблемы, которые активно обсуждались в студенческих кампусах по всей стране. Но сказать по правде, в глазах протестующих против военных действий, хиппи и либерально

настроенных профессоров наши ценности выходцев из зажиточного города не стоили и ломаного гроша. Правда жизни состояла в том, что снобизм Сан-Марино не подготовил нас к совместному проживанию с нашими соседями по студенческому общежитию.

Немного отвлечься от своих мрачных мыслей мне удалось после того, как я заняла высокий пост в студенческом братстве «Каппа Альфа Тетта». Девушки, состоявшие в этом братстве, все как на подбор были статными и сообразительными блондинками, однако это не спасало нас от некой фальшивости в отношениях внутри коллектива. Но надо сказать, что ощущение фальши не охладило моего увлечения греческой культурой и искусством. Каждый вечер я посещала традиционный ужин для членов братства, неимоверно гордясь при этом своей принадлежностью к высшему студенческому обществу. Мой статус члена братства накладывал на меня определенные ограничения, и я старалась больше не курить в присутствии посторонних. Мне также приходилось много общаться с нашими преподавателями и просить их о помощи для улучшения своих оценок, которые шли в общий зачет братства «Тетта», – другими словами, я боролась за иллюзорное превосходство. Помимо всего прочего, я хранила девственность (с которой бы согласилась расстаться только в браке) для своего избранника. Он должен был быть членом братства «Сигма Альфа Эпсилон» или «Каппа Сигма», но уж никак не «Мистером Пляж», которого мы видели на вечеринке по случаю окончания школы.

Очень скоро студенческая жизнь начала крутиться в основном вокруг духа соперничества: мне приходилось унимать свое воображение и бороться с обуревавшим меня чувством зависти по отношению к лучшим ученикам колледжа, женским сумкам из кожи и великолепным балетным туфлям. Что касается политики, я насмехалась над людьми, сжигавшими флаги и требовавшими вывода войск из Вьетнама, а по возвращении в отчий дом яростно доказывала родителям, что Америка должна уйти из далекой азиатской страны. Меня также беспокоило то, что ребята из студенческих братств периодически избегали меня, тогда как в моем бойком воображении я одерживала победы над моими высокими белокурыми «соратницами», наличие мозгов у некоторых из которых было под большим вопросом. У меня, конечно же, были моральные принципы, но после убийства президента Кеннеди мой бунтарский разум решил, что Бога нет: он просто не может существовать в этом полном антагонизма мире, в котором убийство президента похоронило и иллюзию демократии. Если бы Бог существовал, разве бы он допустил

подобное? Поэтому я уверовала в его отсутствие: нельзя верить в то, что не может доказать свое существование.

Пребывая в расстроенных чувствах, я была вынуждена бороться с лишними калориями, от которых мое тело определенно начало раздаваться. К такому положению вещей меня привело слишком частое участие в спорах «кто сможет съесть больше всего мороженого за один присест», поедание в больших количествах малиновых лакричных палочек и регулярное посещение «попкорновых вечеров», которые были визитной карточкой наших девушек-блондинок. Я ела печенье, пончики, шоколадное мороженое и сладости из магазина. Каждый съеденный кусок отзывался болью в моем сознании и еще сильнее лишал меня уверенности в себе. Учебные дни превратились для меня в не связанные между собой двадцать четыре часа, бóльшую часть из которых я поедала сласти, к чьему вкусу привыкла с детства.

Где-то глубоко внутри себя я понимала ту ситуацию, в которой оказалась: Барбара вела войну против «термитников в древесном мире». Эти «насекомые» вели подкопы под мой шаткий фундамент, «питаясь» ночными новостями, в которых показывали ребят вроде Элдриджа Кливера, подливающего масла в огонь ярости «Черных пантер» в период борьбы за гражданские права, и Джеймса Эрл Рея, не давшего осуществиться мечте Мартина Лютера Кинга. В новостях показывали сюжеты о том, как сжигают флаг моей страны, и об убийстве еще одного представителя семьи Кеннеди палестинцами. Студентки срывали с себя бюстгальтеры, борясь за свободу самовыражения без оглядки на пол. Американцы больше не доверяли президентам Джонсону и Никсону, а мое поколение подсело на травку, ЛСД и галлюциногенные грибы.

Во время учебы я поддерживала хорошие отношения со своими друзьями детства, и перед окончанием колледжа мы с тремя моими подружками договорились снять квартиру для выпускной вечеринки. Каждая из нас должна была внести четверть суммы за аренду старенькой, но очаровательной квартиры в Санта-Монике. Тем летом шестьдесят девятого года мы все чувствовали свободу от студенческой жизни, наших «приемных семей» и бурных свиданий.

При осуществлении этого плана мне пришлось столкнуться с нехваткой денег; к тому же все мои подруги были при машинах, а у меня ее не было. Изрядно нервничая, я поделилась своими переживаниями с «приемными родителями» Джорджем и Луизой, отвечавшими за братство «младших сестричек». Со своими «приемными родителями» я всю жизнь поддерживала дружескую

связь, и тогда они помогли мне решить проблему с деньгами. В то время они жили в шикарнейшем районе Лос-Анджелеса – Вестсайде – и были лично знакомы с владельцем знаменитого еврейского ресторана «Деликатесы Зака» в Санта-Монике. Они посоветовали мне устроиться туда на работу официанткой или продавцом-кассиром. Ресторан располагался на пересечении Пятой улицы с бульваром Уилшир, а я жила на перекрестке Пятой и Сан-Винсент и могла легко добираться до работы на автобусе. Это было не бог весть какое спасение на ближайшие двенадцать недель, но я училась жить отдельно и независимо.

Впервые в жизни я осталась без родительского «комендантского часа» и без воспитательницы, которая в случае необходимости могла разнять своих воспитанниц. В нашем студенческом общежитии на одну большую душевую приходилось сорок девчонок, а сейчас у нас было две ванных комнаты на четверых. Самой старшей из нас был двадцать один год, и мы были ничем не обремененными студентками, которые собирались прожить три месяца совершенно беззаботно. Тогда мне казалось, что, несмотря на некоторые огорчения в жизни, весь мир принадлежит мне.

Моим первым приобретением стала форменная одежда, бóльшую часть которой я сшила сама на швейной машинке «Зингер», мысленно поблагодарив при этом школьные уроки труда. Результатом моих занятий кройкой и шитьем стал довольно милый наряд – нечто среднее между стилем хиппи и формой учеников частных школ. Такое облачение позволило мне, после того как схлынет утренняя толпа еврейских посетителей, приветствовать туристов и фланирующих в округе хиппи, которые забредали в наше круглосуточное заведение. В наряде, включавшем в себя кожаные малиновые туфли на каблуке и верхнее платье цвета лайма с вкраплениями розовых цветочков, я провожала посетителей к их стилизованным под пятидесятые годы столикам. Проводив гостей на место, я возвращалась в фойе, где продолжала отрабатывать жалованье улыбкой, от которой мои щеки постоянно уставали и болели. Иногда мне приходилось сидеть за стойкой с выпечкой нашего заведения и продавать ее посетителям. В такие моменты я обычно припрятывала несколько печенюшек для себя и наловчилась съедать их так, чтобы проходящий мимо меня хозяин ничего не заметил.

Самым лучшим моментом дня было обеденное время, и я с наслаждением лакомилась сокровищами еврейской кухни – мацой и яйцами, пастромой или грудинкой с квашеной капустой. В один из самых обычных дней в период праздников по случаю

Дня независимости я, как всегда, сидела за стойкой и сокрушалась о своей неустроенной личной жизни. В этот момент подошел мой начальник и сказал:

– Тот большой парень, который все время к нам приходит, хочет с тобой поговорить.

Я была поражена тем, что кто-то, похожий на того неприятного типа с пляжа, чей образ преследовал меня все эти годы, попробовал назначить мне свидание. Но процесс обретения статуса замужней женщины с одновременным получением степени в колледже в следующем июне, как ни крути, требовал участия двух сторон.

Два в одном – Арнольд и я, 1969

Первые свиданья, 1969

Пока я в расстроенных чувствах доедала свой обед, над моим левым ухом кто-то произнес: «Ты есть такая сиксуальна, и я должен прегласить тебя на свидание».

Я обернулась на эти слова и где-то в глубине себя улыбнулась: это, определенно, был не тот «большой парень»! Но что это за создание Диониса, скажите мне на милость? Чьей настойчивости я должна поддаться? Какого-то вакханального гомосексуалиста? Тевтонского завоевателя? Пророка самого Аполлона? В тот момент, когда я взглянула в лицо ожившему герою мифов, меня охватило сильное влечение, очень похожее на то, в объятиях которого нашел свою смерть Нарцисс.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Во время нашей встречи Арнольд упомянул о том, что своими феноменальными успехами он обязан одному случаю, произошедшему с ним в детстве, после которого он почувствовал себя обманутым.

Заинтригованная таким заявлением, я поинтересовалась у него, про какой такой случай идет речь. Уж не про тот ли, когда родители отправили его в деревню, а сами вместе со старшим сыном Мейнхардом уехали в отпуск? Оказалось, что Арнольд

говорил именно про него.

– Родители отправили меня в деревню к бабушке за пятьдесят миль от нашего родного города, а сами с моим старшим братом на две недели уехали в Зальцбург и Вену. Мне тогда было всего десять лет, и я не понимал, как родители могли так поступить со мной: сами поехали в отпуск, а меня отправили на два месяца к бабушке. Позже, правда, брат приехал ко мне, и мы до осени жили в деревне, но я так и не мог поверить, что они могли куда-то отправиться без меня. Тем не менее этот случай крепко засел у меня в голове и оказал на меня огромное влияние. Положительным моментом всей этой истории было то, что я приобрел ценный опыт: бегал босиком, занимался тракторами и лошадьми – в общем, жил свободной жизнью. Играл в реке, дрался с местной ребятней. И это дало мне волю, собственные желания и заряд энергии, которого в «нормальной жизни» просто нет.

Это как тот итальянский актер, который выиграл Премию Академии и побежал за ней прямо по рядам! Он всех благодарил за то, что у него было очень трудное детство, и здесь я полностью согласен с этим парнем!

Мечты Арнольда

Тот парень, с которым я познакомилась у Зака, выглядел настолько необычно, словно свалился с луны. Как потом оказалось, даже для собственной семьи и сограждан этот австрийский паренек был странноватым: они не ценили Арнольда с раннего детства, и до пятнадцати лет никто не поддерживал его стремлений. В пятидесятых годах люди, жившие в деревнях наподобие Таля, особо не тратили время на распознавание талантов у ребенка – по крайней мере, такими были родители Арнольда Алоиса Шварценеггера.

Когда солдаты стали возвращаться домой после войны, они старались побыстрее обзавестись семьей. Отцу Арнольда, состоявшему на службе во время гитлеровской оккупации, было тогда тридцать восемь лет, и, несмотря на утрату веры после поражения Германии, он претендовал на главенствующую роль в семье. Он женился на матери Арнольда Аурелии, для которой этот брак стал уже вторым. Несмотря на разницу в возрасте в пятнадцать лет, 20 октября 1945 года пара Шварценеггер официально зарегистрировала свои отношения. Надо отметить, что, когда Арнольд был маленьким, его очень удивляло то, что его мать могла любить еще кого-то, кроме его отца. Густав и Рели, как он ее называл, внесли посильный вклад в послевоенный всплеск рождаемости: 17 июля 1946 года, когда Аурелии было двадцать четыре, на свет появился Мейнхард, а еще через год, 30 июля 1947-го, родился Арнольд.

В то время как Австрия приходила в себя после недавно отгремевшей войны, родители Арнольда служили на немецком участке австрийской таможни. У них не было никаких других идей по воспитанию детей, кроме как растить их в традициях выживания. Инфраструктура страны была разрушена войной, и требовалось основательно попотеть, чтобы заработать себе на кусок хлеба. Неудивительно, что восстановление довоенного уровня жизни стало для австрийцев главной целью, но вначале идея объединения разрозненных коммун в одну страну была очень призрачной.

Несмотря на то что важнейшей задачей австрийских властей стало послевоенное возрождение, требовались и определенные усилия для улучшению психоэмоционального состояния гражданского населения. Каждый, кто участвовал в боевых действиях, страдал от коллективного комплекса вины, а отрицание этой вины стало общим правилом. Ну а граждане, знавшие историю «из первых рук», предпочитали помалкивать

и не особо распространяться о войне. Даже к моменту рождения Арнольда на душе его отца было неспокойно, и эхо войны постоянно звучало в их повседневной жизни. Семья полностью подчинилась милитаристскому режиму Густава, сутью которого стал окрик «Ахтунг!», – услышав его, Рели, Мейнхард и Арнольд должны были беспрекословно выполнять распоряжения отца. Слова «дисциплина, постоянство и самосовершенствование» стали их семейным девизом.

Для облегчения собственных страданий Густав напивался – чаще всего он нагружался «вечерним шнапсом», а вечером в пятницу вместе со своими дружками устраивал общую попойку. На этих шумных сборищах они играли и рассказывали разные истории, а затем спотыкаясь шли домой к своим любимым женам. Отец Арнольда был склонен к проявлению неслыханной щедрости и тратил много денег из своего еженедельного заработка на пиво для своих друзей. Ради семьи Рели приходилось не только контролировать безудержные траты мужа, но и подрабатывать на стороне, чтобы купить товары, на которые не хватало заработка сельского полисмена. Закончилось все тем, что она привыкла действовать за спиной своего мужа, и это стало своего рода защитной реакцией на чванство и притеснения со стороны супруга.

Каждое воскресенье семья ходила на исповедь в церковь, где каялась в своих грехах местному священнику. Нельзя сказать, что родители Арнольда были набожными людьми, они просто следовали традиции, принятой в католическом обществе, и хотели, чтобы со временем их дети стали такими же – отличными австрийскими сыновьями. Нетрудно догадаться, что главной во всем этом действе была внешняя видимость – одна сплошная внешняя видимость и слепое соблюдение однажды заведенных ритуалов.

После войны большинство австрийцев жили в сильной нужде, но отцу Арнольда удавалось извлекать выгоду из своего положения в городе. Любимым занятием местных жителей были пешие прогулки по соседним деревням, и, когда *герр* Шварценеггер по пыльной дороге приводил свою семью к соседям, те привечали их. Домашние деликатесы – мясо под соусом, шницель, яблочный пирог, сыры и пиво – становились их воскресным обедом.

Здоровье было «пунктиком» Густава – повсюду он ходил только пешком. Рели выращивала овощи и держала небольшую ферму, что позволяло ей обеспечивать свою семью трехразовым горячим питанием, а ее муж, несмотря на свой суровый нрав, во время еды развлекал домочадцев разными занимательными

историями. Во время каждого приема пищи Густав наставлял своих сыновей учиться пользоваться серебряными приборами, как того требовали строгие правила этикета. И еще они должны были держать локти прижатыми к талии, а если они этого не делали, то он хлестал их по щекам.

Отдых умиротворял Густава: ему нужно было отвлечься от военных воспоминаний и перфекционизма, и такой отдушиной для него стала классическая музыка. При этом он не просто уважал таких композиторов, как Бах и Моцарт, но и сам выступал в качестве дирижера в местном оркестре. Он проводил бесчисленные часы, слушая произведения этих музыкантов, и, казалось, его душа находила успокоение в этой великой музыке. Несмотря на то что сыновья Густава не разделяли отцовского увлечения при его жизни, его тяга к эстетике высокого искусства все же передалась им. Со временем Арнольд обнаружил в себе интерес к искусству, когда, воспользовавшись случаем, начал позировать под классическую музыку и собирать картины для своего будущего музея.

Тем не менее бóльшую часть своего детства Арнольд провел в состязаниях, ведь его отец всячески поощрял дух соперничества в своих сыновьях – футбол, бокс и керлинг стали их любимыми занятиями. Братья часами тренировались в упражнениях с мячом, а Мейнхард даже стал местной футбольной знаменитостью. Парни не раз сходились в кулачной битве, и первенец Шварценеггеров в очередной раз стал звездой – на этот раз в боксе. Когда близлежащее озеро замерзало, они тренировались в запуске девятидюймового камня по льду, и Мейнхард стал отцовским любимчиком в игре в керлинг.

По заведенным в семье строгим правилам дети называли Густава «отец» (*Vater*) вместо обиходного «папа». Отец, будучи перфекционистом до мозга костей, заставлял сыновей состязаться в любом деле, будь то умственные забавы, школьные оценки или работы. Из-за разницы в возрасте Мейнхард обычно выходил победителем, и, помимо того что он снискал уважение со стороны родителей, он еще и умудрялся добывать себе карманные средства за счет денежных призов. У матери не было достаточно сил, чтобы вмешаться в этот неравный спор, и все, что она могла сделать, – это утешить своего младшего сына. Она, конечно, понимала природу детской ревности, но ничего не делала для того, чтобы изменить поведение своего мужа.

Когда ее сыновья стали взрослеть, у них обнаружился еще один общий интерес – женщины. Мальчики с легкостью завоевывали сердца сестер своих друзей, девочек из школы и туристок, приезжавших на озеро. Отец поддерживал подобное

увлечение сыновей и даже выдавал каждому из них по бутылке пива, чтобы они могли укрыться со своей «добычей» в укромном месте. От взрослых людей смышленый от природы Арнольд узнавал множество интересных вещей о жизни, в том числе и об отношениях с прекрасным полом. Успех у женщин мог казаться ему обыденным, но, по всей вероятности, подобному положению вещей способствовала хорошо развитая мускулатура этого арийца. Очень может быть, что инициалы А. А. Ш. оставили свой след во многих женских сердцах.

Промискуитет не был, однако, проявлением неуважения к матери – на протяжении всей жизни она с нежностью относилась к своим сыновьям и проявляла материнскую заботу. Рели была больше слугой, чем равноправным партнером для Густава, и ее молодые сыновья не могли по достоинству оценить ее жертву – только к двадцати пяти годам Арнольд стал воспринимать свою мать как равного себе человека.

Когда в период полового созревания Арнольд искал для себя примеры мужественности, он столкнулся с бодибилдингом. Играя в футбольной команде, мальчик познакомился с представителями атлетического мира Таля, которые занимались подъемом тяжестей в гимнастическом зале, и они пригласили его к себе. К пятнадцати годам главным занятием Арнольда стали упражнения для укрепления мышц ног.

В гимнастическом зале он нашел старые журналы по бодибилдингу наподобие тех, что выпускал Джо Уайдер. В этих журналах он впервые увидел рекламу «греческого телосложения» Рега Парка, и именно тогда у него сформировался взгляд на свое будущее. Несмотря на то что этому «Мистеру Вселенная» было всего девятнадцать лет, мальчик представил себя с такой же мускулатурой через четыре года. Арнольд был рад узнать, что Рег Парк заработал целое состояние при помощи своих мышц, и даже просмотрел все семь фильмов с его участием, в которых тот сыграл Геркулеса. Подросток проникся достижениями Рега Парка и решил повторить его жизненный путь. Таким образом, бывший британец, а теперь – «икона» Южной Африки стал невидимым ментором Арнольда. Другой известный бодибилдер, Стив Ривз, тоже получил свою долю признания от Арнольда, но Рег Парк полностью завладел воображением юноши, и тот хранил его образ в своих глазах и своем сердце.

Арнольд перед съемками фильма «Геркулес в Нью-Йорке», 1969

Он тренировал свою мускулатуру с таким усердием, что со временем стал настоящей машиной из плоти и крови, а с каждым жимом масса его тела росла. Арнольд приказывал своей крови смешивать протоны и нейтроны и получал на выходе «взрывчатое вещество», а каждое новое упражнение приводило его в состояние эйфории от роста и укрепления мускулатуры. Благодаря хорошим генам Арнольда его мышечная масса росла головокружительными темпами, и каждый день он и его приятели могли оценивать результаты занятий.

Благодаря бодибилдингу подростковая жизнь Арнольда приобрела смысл: он ел, спал, работал, фантазировал, думал, верил и доверял только этому занятию. Бодибилдинг стал целью его существования, его «заветным ковчегом». Все остальные занятия, будь то семейные обязанности или разработка плана

упражнений, стали просто средствами поиска необходимого баланса его тела и разума. Наращивание мышечной массы стало для него спасением: физические упражнения позволили ему переносить придирки своих родителей и насмешки над своим причудливым подростковым телом. К тому же он пожертвовал спокойной сельской жизнью и тем эмоциональным теплом, которое может дать девушка. Он отбросил все принятые нормы поведения для того, чтобы стать Личностью, европейским Регом Парком.

Арнольд стал мастером в самодисциплине и не только совершенствовал мускулатуру, но и укреплял свою волю: у него не было времени нянчиться с нытиками и эмоциональными вампирами. Матереющий бодибилдер обдумывал каждую деталь и находил общий язык только с теми, кто разделял его страсть к спортивному оборудованию и измерительной рулетке. Несмотря на то что Арнольд чувствовал себя уверенно во всех видах спорта, он понимал, что для достижения лучших результатов в любой дисциплине ему нужен хороший тренер, – в выбранном же им бодибилдинге он пока продвигался вперед только маленькими шажками. У него созрел жизненный план, целиком построенный на мускулах: уехать из города, из страны, с континента; и, хотя его смышленость не нашла отражения в табели успеваемости, он, словно по мановению волшебной палочки, достигал своих целей.

Правда это или нет, но Арнольд всегда чувствовал себя нелюбимым сыном: Мейнхард был старшим ребенком и на правах первенца получал родительское расположение. С давним чувством обиды Арнольд рассказывал мне о фаворитизме родителей: они упрятали его на ферме, тогда как сами уехали на свои первые каникулы. В то время он наслаждался пасторальной сельской жизнью, но когда узнал о родительских интригах, то был уязвлен в своих самых лучших чувствах. Как они могли взять в Вену только старшего сына, а его оставить? С осознания родительского предательства и той боли, которую они причинили ему своим пренебрежением, берет свое начало вера Арнольда в себя.

Он пошел бы на многое, чтобы заслужить признательность отца, но симпатии родителя были целиком и полностью на стороне Мейнхарда. Братья дрались за родительскую любовь, обвиняя друг друга в своих страданиях. Бойцы дошли до самой последней грани в своем противостоянии в детстве и юности, но никто из них не оказался достаточно зрелым для того, чтобы выкинуть белый флаг. После окончания школы Мейнхард перебрался в Мюнхен, и с этого момента у братьев стало меньше

поводов видеть друг друга.

Арнольд занялся самопознанием, и его исключительные способности к концентрации стали хорошей отправной точкой для веры в себя, а большие амбиции, по всей видимости, были «прошиты» у него в ДНК. Он не особо беспокоился о том, что тяга к силовым занятиям была вызвана его незащищенностью, – в какой-то момент он просто осознал, что его необыкновенная мотивация базировалась на причудливой смеси разных обстоятельств: врожденной силе, семейных трудностях и великолепных генах. Где-то в глубине души Арнольд понимал свою чужеродность в семье: он был чужим своему отцу-перфекционисту, раболепной матери и удачливому старшему брату.

Этот австриец, нерадивый ученик и нелюбимый сын, очень точно сформулировал свои желания: он знал, что обычное образование не принесет ему желаемых результатов по причине того, что существующий стереотип европейской образовательной системы подразумевал успехи в карьере только за счет наличия достижений в учебе. Невысокая успеваемость в школе подтолкнула Арнольда к самому простому решению для достижения карьерных вершин: к восемнадцати годам он полностью уверился в том, что наука и профессиональное образование не пригодятся ему при построении карьеры.

Для получения нового жизненного опыта Арнольд решил пойти на военную службу – даже несмотря на то, что это должно было отнять у него целый год жизни. Связи отца, служившего в свое время в армии, помогли ему в этом начинании, и в возрасте семнадцати лет он был зачислен на службу в качестве водителя танка. Надо сказать, что благодаря выбору такого места службы его тяга к силе, мощи и контролю получила новую подпитку. Здесь он имел возможность поднимать тонны железа, преодолевать любые препятствия, слышать грохот выстрелов и отдавать приказы своим товарищам – такая «игра в войнушку» стала раем для Арнольда и заложила в нем шаблоны сильного и решительного поведения в жизни.

За время службы он даже умудрился схлопотать парочку выговоров – за разбитый джип и уход в самоволку для участия в спортивных соревнованиях, проводившихся в соседней Германии. Тем не менее, несмотря на свои армейские приключения, гражданин Арнольд Шварценеггер был с честью уволен со службы в 1965 году и после армии перестал рассматривать свою маленькую страну как место осуществления своих мечтаний.

Тех достижений, которых он добился к моменту окончания

службы в армии, ему явно было мало: смысл своей жизни он видел только в борьбе за следующую цель. У этого смышленого малого всегда было чутье на подходящие для изменений в жизни моменты, и если подумать, то его выбор выглядит экстраординарно – но в реальности его постоянное желание одерживать победы приводило к спонтанным действиям. Ясность и последовательность поступков происходила от ясности его мыслей, и Арнольд действовал так, как будто в жизни его вело само провидение, – фактически он сам стал своим поводырем.

Следующим этапом в жизни Арнольда становится немецкий Мюнхен – с закаленным армией характером, охваченный жаждой приключений и мировыми амбициями австрийский юноша приехал в этот старинный город. После переезда в Мюнхен Арнольду пришлось пару раз столкнуться с нечистыми на руку предпринимателями, но в конце концов он нашел себе место инструктора в спортивном зале. Заработков от тренерской работы Арнольду вполне хватало на одежду, крышу над головой и питание для его атлетического тела. Со временем он даже купил первый в своей жизни автомобиль, «Опель», и гонял на нем по городу, собирая попутно штрафы за езду по тротуарам. Арнольд был рад своим новым знакомствам, и результаты не заставили себя долго ждать: в 1966 году он выиграл три соревнования.

Пока Америка переживала бурные шестидесятые, Арнольд занимался своими делами в бойком европейском городе. В этой «самой большой немецкой деревне» он не просто жил, но еще и постигал гедонистические, плотские радости. Центральная площадь Мюнхена, родина «Хофбройхауса», полностью отвечала его желанию повысить уровень адреналина: этот многолюдный город давал выход животным инстинктам, и среди его мюнхенских друзей числились сутенеры, охранники и вышибалы, бóльшая часть из которых была быстра на расправу. Арнольд с дружками слонялся по улицам и барам, ища слабых, для того чтобы в кулачном бою потешить свое самолюбие.

Большие мускулы обеспечивали внимание немецких *фрейлейн* легкого поведения и легкий секс с ними. Некоторые женщины, занимавшиеся в спортивном зале, тоже были не прочь поразвлечься, если «повелитель» их позовет, что он часто и делал. Можно с уверенностью сказать, что, помимо бодибилдинга, главной движущей силой этой компашки были сексуальные развлечения. Но все это были лишь мимолетные связи – как будто все бодибилдеры подписали кровью клятву избегать крепких отношений. В мире бодибилдинга не было места чувствам к женщине: эмоциональную подпитку эти атлеты получали,

только «качая железо».

Тем не менее Арнольду все же пришлось столкнуться с некоторыми неприятными моментами: его брат Мейнхард поселился вместе со своей девушкой Эрикой в Мюнхене. Хотя они редко видели друг друга, Арнольда возмущало беспечное поведение брата в пивнушках. Несмотря на свое не слишком серьезное отношение к женщинам, Арнольд был уверен, что Мейнхард пренебрегает семейными обязанностями, оставляя беременную возлюбленную дома одну.

Оба брата редко виделись с родителями, которые так до конца и не осознали причин отъезда сыновей в чужой город, и Арнольд чувствовал себя одиноким. Он не мог наладить серьезных отношений, ведь вокруг не было никого, кто бы разделял его стремления к саморазвитию, успехам в бодибилдинге и достижениям в бизнесе. Даже не все его приятели могли понять всю серьезность его жизненных притязаний, но, к счастью, он был самодостаточным человеком и мог контролировать собственные эмоции. Тренировки в зале занимали бóльшую часть его жизни, позволяя ему привлекать столько преданных фанатов, сколько только было возможно. Постепенно он стал лидером группы бодибилдеров, ее наставником и вдохновителем, подтрунивал над соперниками, а его магнетизм и беспечность притягивали сторонников и отталкивали противников.

Так, однажды к Арнольду подошел невзрачный с виду посетитель зала и спросил его о СЕКРЕТЕ, при помощи которого он добивается таких успехов в бодибилдинге. Жесткий тренер склонился к уху своего приверженца и прошептал специальную формулу: «Слушай очень внемательно. Тебе надо поти и купить упаковку мази „Бен-Гей“ и тихонко ею намасаться с ног до головы перед следующей тринировкой, и ты сибя не узнаешь после ние». В защиту подобной шутки Арнольд сказал: «Если парень настолько ленив, чтобы спрашавать про сикрет успеха, он впалне заслуживоет такого савета».

Понятное дело, что за внушительной мускулатурой стояли упорные тренировки, и к 1967 году Арнольд серьезно нацелился на победу в соревновании «Мистер Вселенная» в Лондоне. На фоне достигнутых успехов у него росла уверенность в том, что он может занять заметное место в этом шоу-бизнесе. Арнольду было хорошо известно, что на этих соревнованиях ему придется столкнуться как с корифеями, так и с новичками, но он был уверен, что с помощью своей мускулатуры завоюет первое место.

Он начал подготовку к соревнованию с массовой саморекламы, в которой говорил о своих притязаниях на титул,

используя при этом весь свой шарм и очарование. Задолго до начала состязаний он проиграл в голове сценарий своей победы, визуально представив, как плененные его мускулами эксперты вносят оценки в протоколы. В отличие от других участников соревнований, этот двадцатиоднолетний парень понимал важность психологической подготовки и поэтому не скупился на комплименты судьям: «Только вы есть знать, что такое отличное сложенное тело» – и подтрунивал над соперниками: «У тебя такая бледная кожа, что твоих мускулов даже и не видно».

Подготовительные мероприятия перед соревнованиями не прошли даром, и Арнольд Шварценеггер стал самым молодым «Мистером Вселенная». Сейчас, конечно, трудно понять важность той победы, но главным ее результатом стала убежденность Арнольда в реальности осуществления своих жизненных планов. После любого соревнования он обычно говорил: «Эта есть только первый шаг – падаждите до следующего года, и я удивлю вас еще больше. Вы никагда такого еще не видели!»

Неспособность испытать удовлетворение от достигнутых результатов стала основной причиной триумфа Арнольда на соревнованиях: он всегда считал, что эмоции от одержанной победы должны бить через край. Детские обиды вели его вперед: «Смотри, отец! Посмотри на меня. Я есть самый большой в мире чиловек. Можешь ты это панять?» – а со стороны казалось, что Арнольд примерял на себя новый титул еще до своего выхода на помост. Этот бессознательный крик, должно быть, долетал через границу до самого Таля.

Победа в соревнованиях «Мистер Вселенная» в 1967 году стала поворотным моментом в карьере Арнольда: на лондонском помосте ему удалось привлечь к себе внимание влиятельных людей. Джо Уайдер, магнат из мира бодибилдинга, пригласил Арнольда поработать в свой журнал *Muscle Builder*. При помощи нового харизматичного бодибилдера Джо планировал увеличить сбыт своих товаров для спортсменов, а Арнольд благодаря выдающимся предпринимательским талантам Уайдера стал настоящей «иконой» бодибилдинга.

Перерезать «пуповину», соединявшую Арнольда с европейским континентом, было несложно, и, хотя у него здесь было много знакомых и друзей, ни один из них не смог удержать его в Мюнхене. Единственным по-настоящему ценным для Арнольда человеком был выходец с Сардинии Франко Коломбо, но даже ради него Арнольд не был готов отказаться от продолжения своей карьеры в Америке. Он улетел к новому партнеру, надеясь уговорить Джо выписать в США своего давнего

итальянского приятеля. Что же касается личной жизни, с собой в Штаты Арнольд увез лишь один адрес – некой Патти, стюардессы из Лондона, которая получила отставку еще до его следующего приезда в Англию. Нескольким бизнесменам и фотографам посчастливилось обменяться с ним контактами, и в конечном счете двое немцев извлекли из этих сведений определенную выгоду.

Перешагнув рубеж в двадцать один год, *герр* Шварценеггер приехал в Америку для участия в соревнованиях, проходивших в Майами. Вдохновленный победой, одержанной в Лондоне, Арнольд был в полной уверенности, что добыть третий титул «Мистер Вселенная» не составит большого труда. Но преградой на пути к легкой победе стал Фрэнк Зейн, которому Арнольд проиграл в финальном состязании. Всего лишь за неделю до соревнований «Мистер Вселенная» Фрэнк Зейн завоевал титул «Мистер Америка», был в отличной форме и имел все основания получить звание суперзвезды бодибилдинга. Арнольд вступил в борьбу с великолепно тренированным, обладавшим хорошей симметрией телом Фрэнка и понял, что одной только мышечной массы для победы уже недостаточно. Этот проигрыш стал для Арнольда одним из тех случаев, когда он дал волю своим чувствам: заносчивый европеец был посрамлен, но сексуальная связь с горничной из флоридской гостиницы подсластила горькую пилюлю.

После завершения соревнований во Флориде Арнольд поехал в «Ка-ле-форн-ею», настоящую Мекку для иностранцев, и был рад оказаться в «Санкта-Мо-нее-ке» – сексуальном рае для бодибилдеров. Здесь, казалось, оживали воспоминания о великих бодибилдерах своего времени – Стиве Ривзе, Джеке Лалэйне и Микки Харгитее. К 1968 году старый «пляж культуристов» находился в забвении и нуждался в возрождении: старые добрые дни, когда фанаты наблюдали за качающими железо мускулистыми парнями в бикини, прошли безвозвратно, а сам пляж со временем стал объектом для шуток местных жителей.

Когда-то в старых комиксах Чарльза Атласа изображался мускулистый человек, произносящий знаменитую фразу: «Не позволяй им бросать песок себе в лицо», но теперь имя этого автора использовалось лишь в саркастическом контексте, когда надо было сослаться на бодибилдеров, «мечтающих о реванше». К 1969 году сам термин «бодибилдер» стал метафорой неуверенного в себе и замкнутого человека, тщеславного фата и в дополнение ко всему латентного гомосексуалиста. Но Арнольд был воспитан на старых журналах, пропитанных духом «пляжа культуристов», и стал частым посетителем этого

знаменитого в прошлом места, постепенно меняя отношение общественности к нему.

Хотя новый житель страны провел целых семь лет за изучением английского в школьной системе Австрии, к моменту переезда в США у него были минимальные знания языка. Несмотря на обычную для него уверенность, Арнольду пришлось столкнуться с трудностями в общении и полагаться в разговорах в основном на язык жестов. Проблем добавляло и то, что он говорил на нижненемецком диалекте, придававшем его речи тяжелый акцент. Арнольд, правда, был большим мастером в языке любви, и очарованные им партнерши еще и давали ему уроки английского языка. Другим ценным источником языковой практики, помимо занятий на мимолетных свиданиях с девушками, стало для Арнольда общение с приятелями по спортивному залу, с помощью которых он выучил простейшие синтаксические конструкции и пополнил свой лексикон парой сотен слов.

От своего первого американского тренера Арнольд получил совет разнообразить занятия при помощи раздельных тренировок. У Арнольда всегда были хорошие напарники, и если один из них говорил ему: «Надо закончить подходы после пяти повторений», то Арнольд вторил в ответ: «Сделаем еще один подход и закончим. Давай, делай!» После этого он брал штангу или гантели и поднимал их до тех пор, пока на голове не проступали вены, а лицо не становилось синим. Если же он бросал вес от боли, то, утерев лицо, делал очередной, «штрафной» подход.

Во время своих первых занятий в Америке Арнольд завязал знакомство с несколькими людьми, которые стали его друзьями на всю жизнь, партнерами по тренировкам и развлечениям. Вместе с новыми друзьями он часто шутил и смеялся, а они, в свою очередь, водили его в забегаловки, загорали с ним на «пляже культуристов», приглашали в кино и помогали организовывать свидания, а также рассказывали о политическом устройстве США.

Прибытие Арнольда в Америку совпало с обострением общественной обстановки: события во Вьетнаме были в самом разгаре, а сомнительный актер Рональд Рейган, недавно перешедший на сторону Республиканской партии, уже год был губернатором Калифорнии. Полным ходом шла президентская предвыборная кампания, конкурентами в которой были Ричард Никсон и Герберт Хемфри. Приятели Арнольда давали ему пояснения относительно устройства двухпартийной системы и рассказывали, каким образом американцы избирают президента страны. Если Арнольд был когда-то социалистом «по рождению»,

то под влиянием философии Никсона он совершенно переродился: новый иммигрант стал приверженцем духа свободного предпринимательства.

Первое время после приезда в Америку Арнольд в точности выполнял требования своего строгого босса, но и Джо Уайдер понимал, что связал себя пятилетним контрактом со звездой бодибилдинга, от которой в немалой степени зависело его будущее. Выплата Арнольду высокого для того времени жалования была уступкой со стороны Джо, за что его протеже демонстрировал невиданное уважение. Между Джо и Арнольдом, конечно, возникали разногласия по поводу соблюдения контракта и размера зарплаты, но каждый из них понимал важность сохранения партнерских отношений. Они могли повысить голос друг на друга, обсуждая детали контрактных обязательств, но уже минуту спустя громко смеялись над какой-нибудь дурацкой шуткой.

Уладив дела, Джо начинал исполнять роль отца, давая Арнольду советы о том, как лучше извлекать прибыль из мировых событий, истории и самоанализа. В ходе подобных наставлений Джо обнаружил у Арнольда эдипов комплекс и старался подвести его к идее поиска «матери» в какой-нибудь девушке. Бодибилдер всегда воспринимал подобные комментарии с сарказмом и вопросы взаимоотношений предпочитал обдумывать в моменты уединения. Тем не менее Арнольд смог найти в Джо любящего «отца».

Благодаря обширной сети контактов Джо Уайдера Арнольд познакомился с американо-японской парой – Митсом и Дот Кавашима. Эта семья держала один из самых посещаемых залов в Гонолулу и помогала организовывать различные рекламные акции в Вайкики. Однажды они пригласили двух самых заметных в мире бодибилдеров для проведения рекламной кампании. Одним из приглашенных был «Мистер Вселенная» и подающий надежды актер Дэйв Дрейпер, другим – восходящая австрийская звезда, также недавно завоевавший титул «Мистер Вселенная» Арнольд Шварценеггер.

После того как бодибилдеры прибыли на место, выяснилось, что бизнесмен, отвечавший за проведение мероприятия, уехал, лишив тем самым Арнольда и Дэйва положенного им вознаграждения. Три недели им пришлось провести в Вайкики, ожидая разрешения Джо на возвращение в Калифорнию, и семья Кавашима взяла их под свою опеку. Они водили Арнольда и Дэйва в рестораны подальше от их непрезентабельного отеля, позволяли им заниматься в своем спортивном зале и выполняли роль гидов. Однажды ночью Митс даже повел их на фильм для

взрослых, или, как он сам называл кино подобного сорта, «фильм Микки-Мауса». «Эта есть фо-нта-сте-ка!» – сказал Арнольд после просмотра пикантной картины.

Он видел, что Митс и Дот отлично заботятся о своем спортивном зале и поддерживают друг друга, ну а прибыли, получаемой от бизнеса, супругам хватало на хороший уровень жизни. Арнольду импонировал эстетический вкус этой супружеской пары, отражавшийся в картинах, которые украшали их жилище, и он восхищался той поддержкой, которую Дот оказывала мужу, ее способностями в ведении бизнеса и здоровым микроклиматом в семье. Митс же всегда обсуждал с женой все свои дела и брал ее во все поездки.

Чете Кавашима нравился этот огромный австриец, и Дот с удовольствием делилась с ним своими секретами правильного питания. Митс, в свою очередь, поддерживал идею Арнольда о возможности получения дохода в мире фитнеса. Супруги Кавашима приняли Арнольда в свою семью, и этот молодой человек стал для них своего рода приемным сыном. Что же касается Арнольда, то он с большим уважением воспринимал такое отношение к себе, хотя, по правде сказать, это было несколько неожиданно для такого заносчивого и агрессивного юноши.

Товарищ Арнольда по несчастью в связи с пребыванием в Гонолулу, Дэйв Дрейпер, был ходячим кладезем знаний, представлявших определенный интерес для австрийца. Дэйв был чуть старше Арнольда, хорошо сложен и источал добродушие. Именно он тогда предложил молодому австрийцу попробовать марихуану, от которой Арнольд пришел в восторг. Арнольду понравился эффект от употребления наркотика, после которого случался приступ смеха и тянуло к «нездоровой пище». Можно со всей уверенностью сказать, что, несмотря на некрасивое поведение людей, уговоривших бодибилдеров приехать в Гонолулу, но так и не выполнивших своих обязательств перед ними, эта поездка, по мнению Арнольда, стала «сам-ай лу-шей!».

После возвращения домой Арнольд набросал план предстоящих мероприятий на ближайшие полгода: до соревнований на звание «Мистер Вселенная» и «Мистер Олимпия» оставалось всего 180 дней, и на счету была каждая секунда. Дело было перед новогодними праздниками, и Арнольд сформулировал для себя пять вопросов, требовавших обсуждения с его американским спонсором: снять квартиру вблизи спортзала *Gold's Gym*, подобрать себе в напарники человека с хорошей мотивацией, договориться с людьми, которые бы помогли ему в написании статей для журнала, достать машину и увеличить

свое жалование.

На ломаном английском Арнольд сделал своему партнеру следующее предложение:

– Джо, паслушай. Я нашел квартиру на Стренде, неподалеку от Тард-стрит, и хател бы предложить тибе сделку. Ты помогаешь перебраться сюда из Германии Франко Коломбо для нашех савместных тринеровок и обеспечиваешь нам машину. И, эта, еще – я хочу получать больше денег каждый мисяц, и мне нужна помощь писателей для составления моих стотей. Обеспечь мне все это, и я зоработаю для тебя миллионы!

Арнольд смог убедить Джо выполнить все его просьбы: он всегда командовал другими людьми с улыбкой на устах.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Пока я сидела напротив Арнольда в его офисе, невольно задумалась о наших постаревших телах. Когда-то давно Арнольд всячески поощрял мое стремление держать себя в форме, хотя мне всегда казалось, что дополнительная дисциплина мне бы не повредила. Тем не менее даже сейчас он находился в очень хорошей физической форме, хотя, конечно, и не в такой, как в молодости. Надо, однако, сказать, что именно его приверженность физическим упражнениям стала той тропкой, которая привела его в губернаторское кресло, и мне бы хотелось расставить все точки над i.

– Я всегда хорошо знал, что бодибилдинг был для меня всем. Мне прекрасно было известно, каких результатов я могу достигнуть, и такое видение давало мне огромную мотивацию. Вместо того чтобы заниматься по два часа в день, как это делали остальные ребята, я тренировался два раза в день по два часа. Мой подход к тренировкам был совершенно фанатичным: иногда я занимался три раза в день, а иногда и четыре. Когда я, к примеру, шел домой на обед, у меня в запасе был целый свободный час, и я занимался приседаниями, для того чтобы быть первым.

Арнольд также знал, что тренировать нужно не только тело, но и разум и дух, или, как он это называл, «моделирование будущего». Он понимал, что потенциал есть у многих людей.

– Чем отличается чемпион от парня, занявшего второе место? У чемпиона есть психологическое преимущество. Ведь все зависит от психологического настроя, – добавляет он. – У меня было психологическое преимущество, потому что я мог создавать вокруг себя виртуальный мир, – ведь настоящей реальности вокруг меня было очень мало: телевидения тогда еще не было,

а первый фильм я увидел в десять лет.

Каких-то других дополнительных преимуществ у меня не было. Но мне было легко развить у себя правильный настрой: «У меня есть только один путь уехать из нашего города, уехать из нашей деревни. Возможно, я смогу получить приглашение от кого-нибудь из американцев». И… это было как у Мухаммеда Али, когда он говорил о своем пути наверх: «Кроме бокса, у меня нет другого способа выбраться из гетто». Когда я в черно-белых фильмах впервые увидел Нью-Йорк, его высотки и большие автострады, то спросил сам себя: «Почему я здесь? Что я здесь делаю?»

Приехав в Америку, я был точно уверен, что в конце концов оказался дома. Я всегда чувствовал, что приеду сюда и что дорогу мне проложит бодибилдинг. О каком-то другом пути я не мог даже и помыслить.

Австрийский Дуб пускает корни

Одним июньским днем в ресторан «Деликатесы Зака», что в Санта-Монике, вошел огромный силач, сопровождаемый Робертом Кеннеди, издателем журнала для бодибилдеров. Как представитель ресторана, я усадила их на место, лишь скользнув взглядом по мускулистому феномену, который сказал мне:

– Не валнуися, у миня есть твой нумер.

Не понимая, что он имел в виду, я пожелала гостям приятного аппетита и, удивленная, удалилась.

Только позднее Роберт рассказал про то, что случилось за их столиком. «Мне по-настоящему нравится это деф-ушка», – признался Роберту этот ходячий анатомический атлас.

– Арнольд ни об одной девушке никогда не говорил ничего подобного, – рассказывал мне Роберт. – Уверяю тебя, Барбара. Уверяю тебя.

Однажды в июне я сидела за стойкой и обедала, когда кто-то, обращаясь ко мне, сказал с тяжелым акцентом:

– А, превет.

Я повернулась на стуле, чтобы посмотреть на того, кто это произнес. *Вот же блин!*

Его следующие слова были еще более странными, чем он сам:

– Ты такая сыксуальная, и я хачу пайти с тобой на сведание.

Ух ты! Я сексуальная? Но, черт побери, кто этот ненормальный? Я почувствовала, как у меня вскипела кровь, а мысли спутались. Мне стало как-то не по себе от одной только мысли о свидании с… кем? Я даже не знала, как к нему обращаться: «инфернальный монстр» или «Адонис из другого мира»? И это что-то с чем-то уставилось на меня с вызывающей улыбкой. Мои мысли улетели куда-то за горизонт, и для того, чтобы собраться, я набила себе рот жареной картошкой. Мне надо было что-то ответить, но что я могла сказать? Так я и сидела, улыбаясь, словно овечка, и поедая очередную порцию жареной картошки, пока не поняла, что пауза несколько затянулась. «Сейчас произойдет что-то интересное!» – подумала я.

Слово «произойдет» подействовало словно стимулятор на его неандертальский оскал, и я, нервно улыбаясь, посматривала на иностранца. Наши провокационные усмешки повлияли на нас как афродизиаки. Когда он выходил из ресторана, унося в своем кармане написанный на салфетке мой номер телефона, я проводила его взглядом. Никогда бы не подумала, что мне могут сделать такое предложение: меня словно включили в список полетов на Луну, которая вращается вокруг Земли, – оборот

за оборотом, невзирая на силу притяжения.

Вечером, вернувшись с небес на землю, я поведала своим соседкам по квартире о забавном знакомстве с бодибилдером – мы с ними посмеялись и пообсуждали вероятность его звонка. В нашей памяти всплыл тот одетый в бирюзовые плавки силач с пляжа, которого мы видели три года назад и прозвали «Мистером Лонг-Бич». «Только этот-то, девочки, такой, которого вы точно никогда не видели. Он просто катастрофически огромен, прямо как Гаргантюа! О боже, мне точно не надо было давать ему свой номер телефона – я так подставилась!»

Наши насмешливые разговоры затянулись до поздней ночи, и незаметно для себя мы с Линн уснули. Помня о беспечности парней, мы решили, что он никогда мне не позвонит из-за своей короткой памяти на мимолетные разговоры с девушками. Тем не менее я чувствовала себя словно скованной, разрываемой на части противоречиями, и мне было трудно определиться со своими желаниями.

Такая громадина, как Арнольд Шварценеггер, явно выходила за пределы моих ожиданий – ведь всю свою жизнь я стремилась к традиционным в моем понимании мужчинам, чьи физические занятия ограничивались игрой в гольф или теннис да участием в школьной команде по американскому футболу. А этот мужлан совсем мне не подходил – дайте мне, пожалуйста, обычного парня, а не какого-то переростка! Но как бы то ни было, это знакомство стало для меня единственным за то лето. У меня, правда, был за плечами опыт нескольких долговременных отношений, но мне захотелось чего-то нового. Как только я представляла себе этого экзотичного нонконформиста в качестве моего нового увлечения, так меня сразу же охватывал страх, что он мне все же позвонит… или не позвонит… позвонит… не позвонит… И он позвонил. Я хорошо помню, как той ночью услышала в трубке его слова, произнесенные с акцентом:

– Бар-бха-ра, эта Арх-нолд. Я не магу найти место, гди ты жывешь!

Потребовалось еще два телефонных звонка с уточнением маршрута поисков, прежде чем в нашу дверь позвонила эта 120-килограммовая туша. Однако после его прихода мой интерес к визитеру очень быстро угас, и я стала невольной заложницей нашего черно-белого телевизора. Наш гость уставился в экран, где показывали Нила Армстронга, готовящегося сделать «огромный шаг для человечества». Так мы сидели и смотрели на достижение человечества, а я ждала того момента, когда начнется наше свидание.

Когда я пригласила этого крупногабаритного иностранца

к себе в комнату, сначала в ней водворилась тишина. Наш первый разговор наедине начался с волнительного обсуждения только что увиденного события из далекого космоса. Как в эту минуту чувствует себя тот человек на Луне? Какое это замечательное достижение: прямо сейчас на Луне находится космический корабль, два человека и американский флаг. Мы только-только начали осознавать важность происходящих событий, и я решила запечатлеть этот исторический момент: каждый из нас сфотографировал другого на фоне телевизора. Начало наших отношений оказалось сохраненным таким вот необычным образом.

Наше первое с Арнольдом свиданье совпало с датой высадки американцев на Луне, 20 июня 1969

После окончания трансляции мы перешли к обсуждению более простых вещей – таких, как гений ученых и то, что

в Америке нет ничего невозможного. Арнольд к тому времени находился в стране всего девять месяцев, но я уже видела его увлеченность оригинальными идеями и погоней за результатом. Я рассказала ему о космической гонке между Америкой и Советским Союзом и инициативах президента Кеннеди по привлечению инвестиций в это направление. Он понял большинство моих объяснений и в ответ на мое желание обучать его с благодарностью кивал головой.

Спустившись с небес на землю, я начала оценивать своего гостя – похоже, он мало беспокоился о своей одежде, так как был облачен в полиэстеровые европейские брюки серо-голубого цвета и поношенную синюю рубашку с открытым воротом. Самой смешной деталью гардероба Арнольда были черные остроносые кожаные туфли, подчеркивающие его чванство. В то время в большом ходу были прически в стиле хиппи, а его прическа словно пришла из пятидесятых годов и ясно указывала на его иностранные корни.

Пару ему составляла длинноволосая девушка из шестидесятых, представлявшая собой тот «хиппи-парадокс», под влияние которого попали все студенческие братства Америки. Я была одета в свой любимый наряд: облегающие джинсы *Levi's*, цветастую мексиканскую рубашку и резиновые сандалии на толстой подошве. Длинные, соломенного цвета волосы обрамляли мое загорелое лицо, хорошо сочетаясь с дразнящими красными розами на рубашке. Длинные волосы позволяли мне чувствовать себя увереннее и меньше комплексовать по поводу своих полных бедер. Хотя, надо сказать, у него бедра были явно больше, чем у меня.

Тем вечером 20 июля 1969 года я ощущала себя очень уверенно – ведь я училась на последнем курсе колледжа. Сила знаний придавала мне ощущение уравновешенности, и я просто излучала «авторитетное спокойствие». Но с этим парнем мне пришлось учиться разговаривать при помощи жестов, коротких слов и медленного произношения фраз. Мы вместе с ним смеялись над моими попытками подражать австрийскому акценту.

– Ахр-нольд Шварц-эн-еккер, – произнесла я, чем вызвала у него сильное удивление.

– И что означает «Шварц-эн-еккер»? – поинтересовалась я.

– Чьорный пахарь, – медленно выдавил он из себя.

– Ничего себе! Какая странная этимология! – воскликнула я, уставившись на этого арийца с утиным акцентом.

– Что такое? – в его глазах мелькнул вопрос.

«Так, Барбара, притормози-ка!» – сказала тут я себе,

почувствовав, что начинаю подпадать под его обаяние.

– Черный? Но… ты… же… белый! – медленно, с раздельной и четкой пунктуацией проговорила я и в первый раз дотронулась до его загорелой кожи. – И пахарь? В Австрии… ты… наверное… вместе… с семьей…. выращивал пищу? – в это время мои пальцы как раз касались его предплечья, и мы оба почувствовали, как между нами пробежала искра.

Во время нашего первого свидания мои соседки так и шныряли через мою комнату. Сначала к нам забежала Линн, душа любой вечеринки. После взаимного обмена шутками Линн обратила внимание на бицепсы Арнольда и взмолилась, чтобы он их «выжал». Затем он удивил ее тем, что начал «играть» своими грудными мышцами, вызвав тем самым сильный непрекращающийся смех.

Смех привлек внимание Венди, и она тоже вскоре очутилась в комнате вместе с нами.

– Я бы точно хотела нарисовать подобное тело на своих уроках живописи! Боже мой, что за мускулатура! – воскликнула Венди. Картина того, как Венди рисует обнаженного Арнольда, вызвала у нас очередной приступ смеха.

– М-м-м-м, – засмеялся Арнольд, облизывая свои полные губы. – Эта звучать карашо. Возможно, я побываю на твоих занятиях с табой, Венди!

Воспользовавшись удобным случаем, Сьюзан слегка охладила наше веселье, предложив гиганту кусок торта, который остался с празднования моего двадцать первого дня рождения.

– Сакхар делает вас толстыми, девушки! Это не есть карашо, – предостерег нас Арнольд.

Смеясь и переглядываясь с подругами, каждая из нас думала: «Какой же он чудной!»

Мы с девчонками еще немного посмеялись над Арнольдом, а особенно над его «детской» бранью. Не то чтобы нас привлекала вульгарность его выражений, но я завороженно вслушивалась в его акцент. Его *«о баже май»* вызывало у нас смех, а слово *«дермо»*, сказанное им, звучало не в пример веселее, чем мое «дерьмо». Хоть он и выглядел странновато и так же странно разговаривал, но этим он меня и очаровал. Когда «Арх-нолд и Бар-бар-ха» наконец-то пошли на присмотренный заранее фильм, я ощущала себя так, как никогда прежде. За свое недолгое знакомство с ним я поняла, что привлекала его внимание знанием английского языка и утонченными манерами. Я удерживала Арнольда под влиянием своих чар и бросала ему вызов как объект сексуального желания. Перефразируя Баки Фуллера, можно сказать, что я ощущала себя той ночью

«явлением, доставляющим радость».

Оказавшись на улице, я была несколько обескуражена тем, что мне пришлось самой открыть себе дверь машины. *«Кто знает, может быть, у европейцев другие правила»*, – подумала я. Тем не менее, несмотря на некоторые недостатки в его манерах, я была рада сидеть рядом с таким крепышом в его «жуке». По крайней мере, он был в состоянии заплатить за меня в кинотеатре *Pacific Palisades*, и мы вместе с ним погрузились в мир исторического фильма «Гавайи».

Вскоре я ощутила его тяжелую руку у себя на бедре, но все мое воспитание было построено на соблюдении строгих правил поведения в сексуальной сфере. В перерыве я начала щебетать, рассказывая ему разные истории из жизни нашего ресторанчика, а один из официантов к тому же толкнул меня, чем еще больше усилил чувство неловкости, охватившее меня.

– Что с табой? – пророкотал Арнольд и, обхватив меня своими руками, притянул к себе в надежде на первый поцелуй.

После поцелуя я наконец-то получила ответ на свой главный вопрос: события всего дня указывали на то, что он, по крайней мере, не был геем. Но все же я ощущала себя несколько странно: что же происходит между нами? После окончания перерыва я поймала себя на мысли, что нахожусь в смятении от его сильных рук – подобно аборигенам, на которых обрушилась вся мощь колонизаторов.

По окончанию сеанса мой не гомосексуальный гигант предложил мне перекусить, и мы с ним пошли в заведение *The Broken Drum*, располагавшееся на бульваре Уилшир. Как мне помнится, Арнольд тогда пытался прощупать мое отношение к сексу и начал рассказывать мне историю про свою связь с гостиничной прислугой и про то, как они по-быстрому переспали прямо во время ее работы. Хотя мне недавно исполнился двадцать один год, я все еще оставалась достаточно наивной – восхищение и сомнение боролись во мне. Поцеловавшись с ним на прощание у моих дверей и пожелав ему спокойной ночи, я не могла определиться с тем, как мне удержать его. Мне хотелось схватить, связать и обернуть дорогой бумагой этого увальня, а потом засунуть в подарочную коробку. У этого парня явно был огромный потенциал, но его было очень трудно контролировать.

Арнольд в своей первой квартире, Санта-Моника, 1969

Пока я терялась в догадках относительно этого человека, чье имя даже произнести могла с трудом, Арнольд уже ехал в аэропорт встречать своего европейского напарника. Быстро покидав багаж Франко Коломбо в свою машину, Арнольд отвез напарника в их маленькую квартирку на Венис-Бич.

Несмотря на то что Арнольд был лет на десять младше Франко, он тем не менее являлся лидером их маленького коллектива. Арнольд, проживший к тому времени в Штатах около десяти месяцев, лучше своего друга владел английским языком, и это давало ему дополнительное преимущество. Поэтому можно сказать, что по своей природе Арнольд был ведущим, а Франко – ведомым. Во-первых, итальянский коротышка дал Арнольду хорошую возможность «парить» над ним, а во-вторых, этот сельский парень мог верно понимать внутренние переживания Арнольда. Франко был очень большим шутником и всегда был готов словом поддержать своего друга на родном для него

немецком языке, позволяя тем самым Арнольду контролировать себя на двух языках одновременно. Арнольд никогда особенно не любил оставаться в одиночестве и с приездом Франко получил в свое полное распоряжение не просто постоянного собеседника, но и напарника по тренировкам, который мог правильно его мотивировать и оценивать его результаты. На пару с Франко Арнольд занимался и побочной работой по укладке тротуарной плитки. По возращении домой с тренировки или с работы Франко занимался готовкой и мытьем посуды.

Во время своих занятий друзья пристально присматривались к девушкам, которые занимались вместе с ними, и отчаянно флиртовали. Самым важным моментом в дружбе Арнольда и Франко стало то, что Франко невольно занял место старшего брата Арнольда, которым тот все время хотел управлять.

Эти двое стали по-настоящему неразлучными: они вместе жили в маленькой, просто меблированной квартире, в которой Арнольд занял хорошую кровать, а Франко приходилось довольствоваться раскладушкой. Для людей, чем-то отдаленно напоминавших животных, Арнольд и Франко поддерживали у себя в квартире достаточную чистоту и порядок, хотя им и приходилось иметь дело с расставленными по полкам многочисленными сувенирами и трофеями, на которых и под которыми постоянно накапливалась пыль. Дважды в день друзья ходили на тренировку в знаменитый зал *Gold's* к своему тренеру Джо Голду, которого Арнольд прозвал Толстяком. Там, в зале, под надзором Джо Австрийский Дуб и Итальянский Жеребец тренировались до самозабвения. Во время тренировок друзья постоянно подшучивали друг над другом и обменивались колкостями относительно своей мускулатуры.

– Франко, тавай лучше прорабатывай внутреннюю поверхность бедер, ты, шлюха солдатская.

– Арнольд, давай тринируй свои девчачьи голени и свой жырный жывот, ты, свинья!

Им нравилось разговаривать на подобной тарабарщине, и они ощущали, что во время совместных занятий их силы умножаются в большей степени, чем если бы они тренировались поодиночке. Арнольд, таким образом, получил себе в распоряжение «брата» – человека, о котором можно было заботиться и с которым было весело проводить время. Имея в лице Франко суррогатного брата, а в лице Джо Голда – суррогатного отца, Арнольд начал формировать свою идеальную американскую «семью». Арнольд был самым знаменитым бодибилдером своего времени, постоянно появлялся на страницах журнала, издаваемого Джо Голдом, жил в стране своей мечты и уверенно шел к финансовым успехам.

Однако в свои двадцать два года он все же начал осознавать, что его жизнь далеко не идеальна.

После нашего знакомства мы с Арнольдом проводили все время вместе, а затем в нашу жизнь вошел вновь приехавший Франко. После своих занятий в зале Арнольд заходил за мной на работу, которую я к тому времени уже успевала закончить, и мы с ним шли в кино, к его знакомому фотографу Арти Зеллеру или уезжали на побережье Малибу. Буквально вся моя жизнь вращалась вокруг нашей троицы: мы ели вместе, загорали вместе, вместе ездили на машине и учились разговаривать на английском тоже вместе. Если кто-то из них указывал мне на часть тела, какую-нибудь птицу или, скажем, песок, то я говорила, как это слово будет звучать по-английски. Стоит отметить, что оба моих силача были прилежными и благодарными учениками.

По ходу общения с этими заезжими европейцами я постепенно начала к ним привыкать, хотя и представляла себе развитие событий несколько иначе. Арнольд жил в своем собственном мире, состоявшем из конкурирующих между собой бодибилдеров и их ярких спутниц, но во мне он открыл новый тип девушки, которая в культурном и интеллектуальном плане была на голову выше девушек из его обычного окружения. «Противоположности притягиваются», – смеялись над нами друзья.

Прознав о моем не совсем обычном летнем романе, мои родители изъявили желание познакомиться с этим силачом – они планировали провести выходные в Санта-Барбаре и предложили нам присоединиться к ним. Арнольд всегда был рад побывать в новых для себя местах, и мы с ним поехали к моим родителям. Я просто не могла дождаться того момента, когда увижу их реакцию и выслушаю их мнение о своем новом друге, – ведь он был так не похож на всех тех, с кем я раньше встречалась. Оставив в стороне его габариты, можно сказать, что он был экстравертом, всегда пребывал в веселом настроении и выглядел очень взрослым.

После формального представления родителям мне стало понятно, что Арнольд им понравился: он отвечал им улыбкой на улыбку и смеялся самым неподражаемым образом. Мне, конечно, приходилось работать переводчиком и объяснять Арнольду непонятные моменты на упрощенном английском, но большинство наших шуток касались простых вещей и были понятны всем.

Бывали, правда, времена, когда Арнольд не был смешным. К примеру, он мог разозлиться по поводу чужой беспечности – особенно это касалось медленно едущих водителей, которые

были абсолютно непохожи на немцев, рассекающих на большой скорости по своим автобанам. В то время как я сидела в пассажирском кресле, а Арнольд был за рулем, я нервничала так, словно была мухой, попавшей в сети к пауку. Я мучила себя картинами скорой и быстрой смерти на дороге, и непреклонный Арнольд доводил меня до белого каления бешеной скоростью, резкими поворотами и частыми перестроениями. Пасифик Кост Хайвей, Фривей 405, бульвар Сан-Винсент – любая из этих улиц могла стать местом моей смерти и «украсить» некролог.

Противоядием от стресса на дороге стали наши разговоры с Арнольдом. Неважно, где мы находились – лежали в кровати или на пляже, ехали в машине, выходили из кино или просто стояли на лестничной клетке, – мы все время разговаривали. Он постоянно подшучивал над моей быстрой речью, и мне приходилось сбавлять обороты и упрощать фразы, чтобы мы могли обходиться парой сотен слов. Арнольд просил меня исправлять его неправильную грамматику и неверно сказанные английские слова. При помощи смеха и пантомимики мы обсуждали кучу вещей: его карьеру, политику, взаимоотношения, психологию, философию, различные системы правильного питания, колледж, путешествия, кино – и в конце концов приходили к вопросу про ЭТО. Подобные разговоры я заканчивала бескомпромиссным «нет»: «Спим вместе, но сексом не занимаемся».

Моя жесткая позиция относительно секса была единственной помехой в наших отношениях, и мы сломали кучу копий по этому поводу. В двадцать один год я хотела расстаться с девственностью только в первую брачную ночь и поэтому старалась сохранять целомудрие, защищаясь при этом как только можно. Под воздействием полученного мной воспитания я считала, что секс возможен только в официальном браке. И хотя мои родители больше всего боялись неожиданной беременности, они втайне надеялись на то, что первым и единственным сексуальным партнером каждой из их дочерей будет ее собственный муж. Мои духовные наставники в церкви также воспитывали во мне ценности сохранения целомудрия до брака, и как бы удивительно это ни звучало, но и мои бывшие бойфренды из старшей школы и колледжа руководствовались подобными идеями. В довершение всего мои друзья детства и «сестры» из студенческого братства придерживались той же самой консервативной линии в поведении. Ну, по крайней мере, они так постоянно говорили.

К концу шестидесятых, когда движение хиппи стало расшатывать строгие нормы морали, я начинала все больше и больше походить на белую ворону. Тем не менее мантра

свободных отношений «Занимайтесь любовью, а не войной» ни на йоту не изменила моих воззрений и не смогла бросить меня в омут беспорядочных половых связей. Моя позиция, таким образом, оставалась неизменной: сексуальные отношения возможны только в браке, и на меньшее я не согласна.

С другой стороны, для Арнольда секс был одной из главных составляющих свиданий – а зачем иначе встречаться? Мы часто обсуждали вопрос сексуальных отношений и то, какой смысл он придает фразе «Я тебя люблю». Как мне казалось, я знала, что означает слово «любовь», но в этом парне я не видела подлинных эмоциональных переживаний. В самый ранний период наших отношений я, конечно же, не стремилась связывать себя с ним узами брака, но у меня была надежда, что когда-нибудь это все же произойдет. Если быть точнее, то мысли о браке посетили меня где-то на шестой неделе наших встреч.

Мой отказ от занятий сексом в большей степени был связан не с отсутствием желания, а с самодисциплиной. Я была пленена этим мужчиной и его физическими данными. Не то чтобы мне нравились большие мускулы, но это было что-то вроде состояния туриста, находящегося под впечатлением от Эйфелевой башни. А Арнольд умел разжечь страсть – ведь он был большим искателем приключений, имел хорошее чувство юмора и здоровое сексуальное желание, постоянно флиртовал и щедро тратил деньги. Совершенно неожиданно мне в голову пришла мысль, что я ощущаю себя с ним как за каменной стеной: прижимаясь к его необъятному и мощному телу, я чувствовала себя ребенком в «кенгурятнике».

Однажды мы решили провести двойное свидание и съездить в Диснейленд на встречу с моими друзьями, с которыми я училась в седьмом классе, – Би и ее братом-близнецом Бобом. Арнольд, который никогда не расставался со своим другом, усадил в свою машину меня и Франко с его девушкой, которые всю дорогу флиртовали на заднем сиденье. У меня сложилось такое впечатление, что, пока мы ехали до Анахайма, Арнольд усиленно размышлял: он подкалывал Франко за его слишком навязчивые приставания к своей подружке и одновременно дулся на меня из-за отказа заняться с ним сексом.

Чуть ли не единственной смешной ситуацией в тот вечер стал процесс представления Арнольда моим давним школьным друзьям – и они, с удивлением глядя на иностранца, вежливо пожали ему руку. Высокий, стройный, утонченный и скромный Боб затаив дыхание поочередно переводил взгляд с Би на меня и с меня на этого человека-гору, лишь бы только не встречаться глазами с Арнольдом. Боб с удивлением размышлял о том, как

такой ручищей можно вообще чистить зубы.

Несмотря на изумление, которое овладело Бобом, от встречи со старыми друзьями и удивительного мира Диснея веяло каким-то спокойствием. Однако по дороге домой мы поругались с Арнольдом – он проговорил, когда усаживался обратно в машину:

– Сигодня вечером у нас будит секс.

– А разве у меня есть выбор? – ответила я холодно и из-за его намерений распоряжаться моим телом почувствовала себя настолько возмущенной, что смогла только сказать: – Просто отвези меня домой.

На протяжении всего обратного пути мы дулись друг на друга и не проронили ни слова.

Вернувшись домой и припарковавшись на улице Сан-Винсент, Арнольд попросил меня покинуть машину. Не успела я с тяжелым сердцем выйти из машины и захлопнуть дверь, как он сорвался с места и уехал.

Я поднялась в квартиру и следующие несколько дней провела в опасениях за свое будущее. Только спустя некоторое время я смогла вернуться к своим подружкам в колледж на общий сбор. Арнольд прекрасно знал о моем состоянии, но ни разу не позвонил. Пораскинув мозгами, я пришла к выводу, что надо описать мои переживания на бумаге – взять пишущую машинку у своих соседок и составить для Арнольда записку.

В тот вечер в квартире Арнольда собралась куча народа, преисполненного решимости покурить травки. Я всегда с осторожностью относилась к алкоголю, не говоря уже про наркотики, но в этот раз решила поступиться своими моральными принципами и показать Арнольду, что могу быть компанейским товарищем. Мысленно попрощавшись со своей целомудренной жизнью и затянувшись из переданной мне трубки, я ощутила, как мое сердце бешено заколотилось. Пока я сидела, погруженная в свои собственные мысли, Арнольд читал мою записку. Он рассеянно отреагировал на мое послание, сказав: «Я уверен, что ты пишешь подобные письма всем своим парням», и вернул его мне.

Подобное жесткое заявление мигом вывело меня из состояния равновесия, в котором я находилась в тот момент. После того как он вернулся из Европы, я поняла, что у нас больше нет возможности продолжать долговременные отношения. Нас разделяли не только участие Арнольда в соревнованиях, но и его съемки в фильме «Геркулес в Нью-Йорке».

Но вдруг Арнольд сменил тон и поманил меня к себе своей фирменной командой: «*Kommen Sie hier*, Бар-бар-ха!» – иди, мол,

сюда. Так мы и просидели весь вечер: смеялись, курили трубку и постоянно что-то жевали. Потом Арнольд уговорил меня остаться с ним на ночь, как это бывало уже много раз, и, затерявшись в его гигантском теле, с напряженными донельзя нервами, я поцеловала его, пожелала спокойной ночи и уснула.

С утра мы позавтракали и мои последние дни в Санта-Монике провели вместе, после чего Арнольд проводил меня:

– Аста ла виста, беби.

– Ауфидерзейн, Арни.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Одной из тем нашего разговора с Арнольдом стало его уважительное отношение к Рональду Рейгану, и я попросила его поподробнее остановиться на этом. В 1968 году, когда Арнольд лишь мечтал о получении разрешительных документов на пребывание в США, Рональд Рейган находился на посту губернатора Калифорнии уже второй год. За двенадцать дней до моего разговора с Арнольдом Рональд Рейган умер, а нынешний лидер Калифорнии присутствовал на погребальной церемонии в качестве почетного гостя.

Сидя в своем старинном китайском кресле, губернатор Калифорнии вспомнил одно из выражений Рональда Рейгана, которое лучше всего описывает патриотизм Арнольда: «Вы можете уехать в Турцию и жить там, но вы никогда не станете турком. Вы можете уехать во Францию или Германию, но вы никогда не станете ни французом, ни немцем. Но если вы приедете в Америку даже из самого дальнего медвежьего угла планеты – вы будете чувствовать себя американцем».

«Эй, я как раз и есть один из таких американцев», – прочла я в глазах Арнольда.

Очарованная Австрийским Дубом

После возвращения в колледж той осенью я показала подругам по студенческому братству сделанную Арти Зеллером фотографию того голиафа, с которым провела последние два месяца. Сказать, что мои «сестры» по братству «Тетта» испугались, – значит практически ничего не сказать. Смех, кудахтанье и шквал вопросов – все это было, но никто из них не одобрил моего выбора. Я чувствовала себя на месте героини драмы «Грозовой перевал», в которой описываются любовные отношения молодой девушки и незнакомца, но эти чувства между молодыми людьми никто не понимает. Такое явное неодобрение подруг усилило мою грусть от расставания с Арнольдом. Тем не менее, несмотря на все насмешки, которыми «одаривали» его необычную мускулатуру подруги, все мои мысли крутились вокруг Арнольда.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, мне требовалось найти новое увлечение, и я бросила все свои силы на подготовку к предстоящей поездке в Европу, которую планировала совершить после выпуска из колледжа. Все планы по поводу будущего путешествия я обсуждала вместе с Дорин – моей «сестрой» по братству и давней подругой детства. Пока до поездки еще оставалось время, я с головой ушла в подготовку курсовых, новую для меня работу преподавателя и соблюдение правил братства. Жизнь без Арнольда казалась мне возможной, но его имя, честно сказать, все никак не выходило из головы.

Перед поездкой в Европу мне пришлось пройти вакцинацию, и эта процедура доставила мне очередную порцию болезненных ощущений. В один из ноябрьских дней, когда у меня болело все тело и я уже мысленно прощалась с жизнью, моя соседка Мария принесла мне почту. В конверте лежала открытка из Великобритании, на которой было написано: «Привет, Барбара, я выиграл соревнование и скучаю по тебе. С любовью, Арнольд». Читая эти строки, я чувствовала, как каждая клетка моего тела начала выздоравливать, – это было как если бы кто-то впрыснул мне в вены живительный раствор, который тут же вступил в бой с моей болезнью.

Одной из девушек, с которой я обсуждала вопросы половых отношений, была моя подружка Мария. Хотя она была ревностной католичкой и президентом нашего студенческого братства, но призналась мне, что этим летом занималась сексом со своим бойфрендом. «Тебе надо пересмотреть свои взгляды на половые отношения до брака. Ты чрезмерно драматизируешь этот

вопрос», – говорила она мне.

«*Ничего себе,* – думала я. – *Как же ты можешь спокойно говорить о таких вещах, когда я целое лето сопротивлялась подобным рассуждениям? Да и как добрачные половые отношения могут соседствовать в твоей голове со строгими моральными принципами?*»

От тяжелых раздумий меня отвлек голос одной из «сестер» братства, которая крикнула: «Барбара Аутленд, тебя вызывает межгород». Слетев с кровати, я быстро побежала к телефону, втайне надеясь услышать австрийский акцент на другом конце провода!

– Привет, молышка! Эта Арх-нолд! Я сейчас в Нью-Йорке, снимаюсь в фильме про Геркулеса. Как бы я хател, чтобы ты была радом. Я с жадностью глотала каждое его слово и чувствовала, как моя болезнь, вызванная вакциной, отступает. После этого простого звонка мне стало ясно, что жизнь круто изменилась: он до сих пор помнил меня, и это придавало мне сил. Так «Мистер Вселенная» стал центром моего мироздания.

Похудевший, поумневший, с солидной суммой в кармане и любовью девчонки из Сан-Диего, Арнольд вернулся домой, в свою сорокаметровую квартиру. Но как бы он ни был рад возвращению в Калифорнию к своему закадычному другу Франко, он почувствовал необходимость перемен. Чемпион мира, всегда живший по средствам, решил, что ему пора сменить квартиру. Новое жилище должно быть большим: ютиться вместе с Франко в обычной двухкомнатной квартире было тем еще испытанием. Арнольд посовещался с Джо по поводу повышения оплаты своей работы, и ребята начали подыскивать новую квартиру.

Мы с Арнольдом договорились провести выходные вместе после его возвращения в Калифорнию, и соседки по общежитию отвезли меня к нему в Санта-Монику. Я так нервничала перед этой встречей, что даже похудела. Несмотря на все переживания, я не забыла принарядиться: на свои скудные сбережения я купила себе новую блузку и широкие брюки с индийским орнаментом. Когда Арнольд вошел в дверь своей квартиры, он был одет в ту же самую рубашку, в которой был в день нашего первого свидания. Я в прямом смысле слова чуть не упала в обморок, когда снова увидела его. Прошло несколько часов, прежде чем мы смогли расслабиться, хотя все это время мы ощущали, как важны друг для друга.

После того как первое напряжение спало, мы принялись делиться переживаниями. Я рассказывала разные истории про свою жизнь в колледже и подруг по кампусу, про свою преподавательскую работу и курсовые. Не забыла упомянуть

и про Теда Кеннеди, который вместе с другими лекторами вел занятия в кампусе. Арнольд, в свою очередь, рассказывал про свои поездки и тот опыт, который он из них извлек, чем побудил меня к составлению детального плана моего предстоящего путешествия в Европу. Он рассказывал про доблестные победы, одержанные им в разных частях света, и про свою жизнь в космополитичном Нью-Йорке во время съемок фильма. Меня очень увлекали его истории, и я постоянно задавала вопросы, побуждая Арнольда добавлять все больше подробностей. Надо сказать, что я могла целыми часами слушать его рассказы.

Как и прежде, бóльшую часть наших совместных выходных мы провели за едой и болтовней с его приятелями по тренировкам: с самого начала занятий в спортивном зале австрийского Таля Арнольд оставался социально ориентированным человеком и очень любил общение. При большом скоплении людей он чувствовал себя словно рыба в воде и считал, что чем больше народу, тем веселее. Проводить много времени с его друзьями постепенно стало для меня нормой, и, наслаждаясь совместным общением с женатыми бодибилдерами и фотографами, мы с Арнольдом представляли себя парой. Я была его «малышкой», как окрестили меня его друзья.

Даже если вслух мы и не говорили о браке, мы тем не менее оба понимали, что у нас совершенно разные понятия об этом общественном институте. Мы хорошо знали, каковы могут быть последствия такого разного понимания, когда с одной стороны имеется неотесанный рубаха-парень из сельской глубинки, а с другой – скромная и благовоспитанная девушка из хорошей семьи. По большому счету мы с Арнольдом представляли собой самую крайнюю форму выражения «противоположности притягиваются» – настолько мы с ним были разными.

С самого начала отношений наш союз был союзом противоположностей. Арнольд прекрасно понимал мою мотивацию: «*Полюби меня, и тогда я твоя*». Но к тому времени как он вернулся обратно из Нью-Йорка, его былой настрой, выраженный фразой «Я тебя лублю», куда-то исчез. Эти три важнейших для меня слова, казалось, скрылись в какой-то непостижимой глубине. Арнольд, конечно же, понимал, каких слов я от него жду, и я всячески подталкивала его в этом направлении.

При наших довольно непростых отношениях Арнольд избегал того, чтобы быть замеченным с другими девушками, а я видела лишь то, что мне хотелось видеть. Что же касается моих прошлых отношений, то они постепенно забывались, и мое женское эго было абсолютно спокойно по этому поводу. Очень часто бывает

так, что один из двоих любит, а другой лишь позволяет себя любить, – это случилось и со мной, когда я полюбила Арнольда. Однако, хотя я и позволяла ему держать себя за руку или обнимать, мои старые правила поведения в половой сфере никуда не исчезли.

Другим больным вопросом для нас была моя дорога из Сан-Диего в Санта-Монику: не так-то просто было организовать трехчасовую поездку. Отдавая себе отчет в наличии подобной проблемы, Арнольд предложил способ ее решения: я буду летать самолетом, а он будет встречать и забирать меня в аэропорту. Стоило мне только услышать подобное предложение, как мне в голову пришла мысль: «*Это он так, наверное, шутит!*» Однако после моего возвращения в общежитие колледжа у меня появилось время хорошенько обдумать и его предложение, и его изменившееся отношение ко мне.

Размышляя над его предложением, я поняла, что в наших отношениях не так уж и много преград и нам вполне по силам их преодолеть. Честно говоря, я была вне себя от счастья, зная, что мне удалось привлечь внимание такого неординарного выходца из Европы. Осознание того, что я занимаю в его сердце не самое последнее место, придавало мне дополнительные силы. «*Этот человек любит тебя. Присмотрись к его поступкам и доверяй ему*» – такие мысли крутились у меня в голове, и я пренебрегла предостережениями своего отца, который высказал некоторые сомнения относительно намерений Арнольда. Та же участь была уготована и замечаниям «сестричек» по студенческому братству по поводу мускулатуры Арнольда, ведь я чувствовала энергию этого человека, чего они просто не могли понять.

Одним холодным ноябрьским днем, выйдя из самолета, я прошла к выходу из аэропорта в надежде встретить Арнольда, который должен был уже поджидать меня. Пока я шла к назначенному месту встречи, мне представлялось, как Арнольд побежит ко мне, обнимет меня и покроет поцелуями! Но что такое? Где же он? Я замерла и стала сама не своя от волнения. Оглядевшись, подошла к ближайшему телефону и позвонила ему домой. Ответа не последовало. В этот момент я почувствовала себя ребенком, который только что потерял свою маму в магазине. «Черт побери!» – сказала я себе, призывая на помощь всю свою выдержку. «*Думаю, лучше всего для начала забрать багаж и поинтересоваться насчет обратных рейсов. Каково же придется бедной Марии – только сегодня отвезла меня в аэропорт, и снова ей нужно будет ехать забирать меня с рейса. Но что, если ее нет дома? Что мне тогда делать?*» – я была вся в волнении, прямо как маленький ребенок.

Прежде чем забирать свой багаж, я решила выйти из здания аэропорта, и каково же было мое удивление, когда я увидела сидящего на скамейке Арнольда, от холода кутавшегося в свой свитер. *«Что такое? Почему он сидит здесь? Что за шутки?»* Я подбежала к нему, и с натянутыми улыбками мы начали выяснять, что же произошло. Во время разговора выяснилось, что мы по-разному поняли место встречи и поэтому разминулись.

Несоответствие мыслей о месте встречи в тот раз можно описать так: если Арнольд встречал кого-то в аэропорту, то поджидал гостя на парковке, а если я договаривалась встретить кого-то в аэропорту, то ожидала у зала прибытия. Что это было – культурная разница или обычный эгоизм? После того как мы обнаружили разницу в наших действиях, стало понятно, что необходимо постоянно учитывать ее во время наших встреч. Каждый из нас сделал свои собственные выводы из этого случая, и, успокоившись, мы перешли к следующему этапу – осмотру новой квартиры Арнольда.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как двое здоровых парней ступили на землю Америки, и сейчас они обосновались в квартире на третьем этаже здания, которое было расположено на перекрестке бульвара Санта-Моника и Четырнадцатой улицы. Они перевезли сюда всю свою одежду, кожаную обувь, спортивные сумки, изрядно потрепанные настенные сувениры, многочисленные трофеи, минимальный набор кухонной посуды и блендер для приготовления питательных смесей. В квартире, ставшей вторым домом Арнольда и Франко в Америке, было очень мало мебели, и их приятели по спортзалу собрали для них кое-какую обстановку. Потребовалась пара рейсов на «жуке», чтобы забрать мебель от друзей и привезти ее в квартиру. Несмотря на то что сам дом выглядел бедновато, был выкрашен в тусклый белый цвет и имел аляповатые бирюзовые колонны, это абсолютно не помешало друзьям превратить свою невзрачную квартиру в императорскую резиденцию. В своем новом жилище Арнольд и Франко получили некое подобие уединения – по крайней мере настолько, насколько это позволяла толщина стен и перекрытий. Услышав, как мы поднимаемся по усыпанной мелкими камешками лестнице, Франко открыл нам дверь и пригласил войти. К тому времени я уже настолько привыкла к своему общежитию и забавным посетителям пляжей Сан-Диего, что не удержалась и похвалила созданный ими домашний уют и их способности к ассимиляции в Америке.

Эти выходные пролетели так же быстро, как и предыдущие, и в воскресенье вечером по дороге в аэропорт я с сожалением пробормотала:

– Завтра с утра опять в колледж. Как жаль, что нам снова приходится расставаться!

Пунктуальность никогда не была сильной стороной Арнольда, и в тот раз мы опоздали на рейс. Когда мы приехали и узнали, что мой самолет улетел, я почувствовала себя разбитой. Пока Арнольд заправлял машину, я думала о своей подруге Марии, которая должна была забрать меня из аэропорта, о своей работе, где я должна была быть с утра в понедельник, о дополнительных послеобеденных занятиях и вечерней встрече братства. Мне обязательно нужно было вернуться обратно в Сан-Диего! Но в итоге я туда так и не вернулась: Арнольд обнял и успокоил меня.

По дороге в квартиру Арнольда я мысленно составляла план на следующий день: *«Нужно обязательно попасть на первый утренний рейс, позвонить Мариш, попросить ее, чтобы она меня не встречала сегодня вечером, и договориться с ней, чтобы она подъехала в аэропорт завтра. Потом нужно будет позвонить в колледж и взять отгул».* Погруженная в такие невеселые думы, я казнила себя и обвиняла Арнольда в сложившейся ситуации.

Арнольд отвечал мне со своим неподражаемым немецким акцентом:

– Ах, Бар-бар-ха! Да никто и не зометит тваего атсутствия – все слишком заняты сваей собственнай жиснью.

При помощи таких убеждений Арнольду удалось значительно расширить границы моего восприятия. Тем не менее я все равно нервничала из-за того, что мне придется пропустить один день в колледже, как это уже случалось со мной. Однажды мы с одной моей подружкой не явились на занятия, а вместо этого поехали поглазеть на шикарные голливудские поместья. И тогда действительно нас никто не хватился – может быть, и в этот раз все обойдется без последствий.

Ночью я безмятежно спала и, когда переворачивалась с боку на бок, ощущала тяжелую руку Арнольда, которой он обхватил меня во сне. Так, в обнимку, мы и проснулись утром под бодрую песню Джима Моррисона «Давай зажжем с тобой, детка!». Внезапно для себя я почувствовала прилив смелости, а яркий и прекрасный восход солнца лишь усилил наше желание. Словно почувствовав мой настрой, Арнольд начал меня целовать, и я ощущала его поцелуи совершенно иначе, чем раньше. Наше дыхание, улыбки и взгляды запустили во мне реакцию, которую я так долго сдерживала, ведь пять месяцев я жила только Арнольдом и уже не представляла своей жизни без него. Я полностью отключила разум и позволила себе следовать зову тела – преодолев стыд, порожденный воспитанием, я приняла

в себя Арнольда. Забывшись, я наслаждалась новыми для себя ощущениями и, когда все было закончено, крепко-накрепко обхватила Арнольда.

В эту самую минуту меня снова обуяли противоречивые чувства. Словно во сне, я попыталась спросить себя: что сейчас произошло между нами? *Как такая естественная связь может быть аморальной? Я ощущала себя уверенной и не сожалела о содеянном. С другой стороны, особенно радоваться тоже не было причин: в такой ситуации может оказаться любая пара. Так что же это получается – я опозорила себя? Ведь я потеряла саму себя. Боже, как же это страшно!*

Мой первый сексуальный опыт лишь подогрел мои бунтарский дух, и мне хотелось кричать так, чтобы все услышали: *«Зачем вы скрывали эти чувства от меня? Вся гамма ощущений близкого мне человека переполняет меня изнутри, и это так естественно и прекрасно!»*

Но новые страхи быстро охладили мой пыл. *«У меня нет никаких гарантий того, что он меня любит. Да, сейчас он овладел мной, но что будет дальше? Буду ли я интересовать его завтра, после того, как он уже добился, чего хотел? Я ведь всего-навсего одна из тех девушек, которых он бросал после того, как использовал. Если он меня сейчас бросит, значит, мои папа и мама будут абсолютно правы: я подарила свою девственность человеку, который даже не позаботится обо мне».* Столкнувшись с невозможностью получить ответы на все свои вопросы и правильным образом истолковать его безучастное поведение, я направила свои мысли в единственное доступное для меня русло: Арнольд станет тем человеком, за которого я выйду замуж. Он достоин принесенных мной жертв, и мне достаточно лишь знать, что я соответствую его ожиданиям.

С этого дня мне придется мириться со своим новым статусом, который, однако, совершенно парадоксальным образом будет заставлять меня идти вперед к достижению своей цели.

Пока я обдумывала свое новое положение, Арнольд приподнялся на локтях, снял с себя мои руки, встал с постели и пошел в ванную. Первые его слова после только что свершившегося полового акта были такими:

– Ну, вот и все, Бар-бар-ха, ты больше не девственница!

– И это все, что ты можешь сказать? Я первый раз в жизни занималась сексом, и это все, что ты можешь мне сейчас сказать?

Арнольд запрокинул голову и рассмеялся так, словно ничего серьезного не произошло. Такое его поведение мигом притушило солнечный свет, которым я только что восхищалась, и тьма окутала меня. С горечью я признала поражение и куда-то глубоко

запрятала свои романтические чувства. Конечно, легко обвинять во всем нечувствительного Арнольда, но ведь это же я позволила ему использовать себя: без остатка отдала всю себя человеку, который даже не понимает всю важность этого момента для меня. Реальность была такова, что я потеряла девственность с человеком, который не подходил под мои моральные принципы и эмоциональный настрой. Также я прекрасно осознавала, что попала в зависимость от Арнольда, и для собственного успокоения стала считать его своим «виртуальным мужем».

После утреннего душа я привела свои мысли в порядок и притворилась счастливой. Однако мне было совсем не до смеха, и я казнила себя за то, что совершила ошибку, расставшись с девственностью. Пока мы завтракали в ресторанчике Зака, я всем своим видом показывала, что мы с Арнольдом стали более близки, но при этом завела достаточно серьезный разговор о наших дальнейших отношениях. Мы обсудили волнующие меня вопросы, и в ходе разговора он уверил меня в своей преданности. Впервые за день с момента наших занятий любовью я почувствовала себя уверенно.

Прилетев обратно домой, я попала в объятия своей соседки по комнате и в большей степени с радостью, чем с горечью, поделилась с ней новостью: «Мария, мы с Арнольдом занимались любовью! Как ты и говорила, это было очень здорово, хоть и необычно. Я уверена, что он сделает мне предложение!»

Всю следующую неделю я наслаждалась новыми для себя ощущениями – мне даже казалось, что я стала выглядеть несколько иначе, ходить и говорить более уверенно и властно. Один из самых необычных людей, с каким я только встречалась в жизни, был моим любовником, и я была на седьмом небе от счастья. Тем не менее на встрече с девушками из студенческого братства в моей голове пару раз мелькнула мысль о родителях и о Христе: *«Что они обо мне сейчас думают?»*

Когда в следующую пятницу Арнольд забирал меня из аэропорта, мы уже не потерялись и встретились там, где он меня обычно поджидал. После крепких объятий мы поехали поужинать в большой торговый центр, расположенный в Санта-Монике, и наше общение происходило легко и непринужденно. После ужина мы направились в квартиру Арнольда, втайне надеясь, что Франко не будет дома. К большому нашему сожалению, он был там и готовил себе протеиновый напиток. Сказав пару дежурных фраз, мы извинились и пошли переодеваться, но нам все же не удалось отделаться от Франко таким способом. Он последовал за нами, и его присутствие отбивало у нас всякое желание.

Наше примирение активно обсуждалось приятелями Арнольда, и, понимая, что его друзья могут быть мне полезны, я старалась сойтись с ними поближе. Той осенью нашими обычными развлечениями, помимо секса, стали посиделки с приятелями, походы на пляж, в кино и по магазинам, совместные ужины, фотосессии, занятия в спортзале и деловые переговоры.

Арнольд всегда брал инициативу в свои руки и составлял планы на день. Зачастую ему приходилось убеждать не только меня, но и своих друзей. Собрав своих приятелей, он развлекал их тем, что рассказывал всякие истории и передразнивал других людей. Многим нравились пародии Арнольда, но некоторым, в том числе и мне, казалось, что временами он перегибает палку. Однако бóльшую часть времени Арнольд откровенно валял дурака: пародировал Никсона, передразнивал неудовлетворенного сделкой Джо Уайдера или фотографа Арти Зеллера, недовольного солнцем, случайно попавшим в кадр. Куда бы Арнольд ни приходил, он всегда мог вызвать смех. Неудивительно, что многие хотели присоединиться к Арнольду в его развлечениях. В число этих многих входила и я сама.

Еще мне нравилось, что Арнольд с уважением относился ко мне. Он часто интересовался моим мнением, прекрасно зная, что мы были воспитаны по-разному и у нас могут быть разные взгляды. Для того чтобы лучше понимать свои перспективы в Америке, Арнольд всегда просил своих друзей делиться наблюдениями. Арнольд особенно прислушивался к мнению двух евреев – Джо Уайдера и Арти Зеллера. С Джо Уайдером Арнольд обсуждал принципы ведения бизнеса или то, «как же, черт побери, Гитлер пришел к власти». Арти Зеллер, в свою очередь, объяснял Арнольду принципы работы страховых и почтовых компаний и рассказывал про свое детство, которое он провел в Бронксе. Добытые от Джо и Арти сведения Арнольд сравнивал с информацией, полученной от других людей, и формировал свое собственное мировоззрение, которое начало складываться у него по приезде из австрийской глубинки.

Подобно ворону, строящему свое гнездо на самой безопасной верхушке дерева, Арнольд всячески стремился упрочнить и обеспечить свое положение. Как ворон с бережливостью и упорством отбирает самые лучшие веточки для своего гнезда, так и Арнольд тщательно подбирал «строительный материал» для себя: Джо, ставший для него примером успешного во всех отношениях отца; Франко, заменивший ему родного брата, которого можно контролировать и о котором можно заботиться; Барбара, идеальная мать, которую можно любить, уважать

и направлять. Так получилось, что на американской земле он зависел от нашей троицы.

Моей же главной задачей стало успешное окончание обучения в колледже. Недавно пережив свой первый сексуальный опыт, я теперь постоянно предавалась фантазиям во время занятий в колледже, а сильные мускулистые руки Арнольда будоражили меня. С надеждой я ждала каждого его звонка в своем общежитии, а после этого летела к нему, и мы встречались у стойки получения багажа. Мы оба знали, что наши первые крепкие объятия в аэропорту были лишь прелюдией к жаркой ночи.

К весеннему семестру у меня, моей соседки по комнате Марии и еще двух девушек из нашего студенческого братства появилась возможность пожить отдельно от своих товарок. Наша четверка могла на один семестр избавиться от многих условностей созданного по греческому образцу студенческого братства и необходимости пользоваться одной общей ванной комнатой в общежитии. К тому времени у меня по-прежнему не было машины – да и откуда ей было взяться, если я могла позволить себе покупать разве что лакричные леденцы. Тем не менее из своих скудных доходов и небольшой финансовой помощи от родителей я потихоньку откладывала часть денег на различные нужды, включая поездку в Европу.

Пару раз Арнольд вместе с Франко приезжали ко мне в Сан-Диего на машине, а однажды Арнольд, Франко, я и моя соседка Мария поехали на один день в Тихуану. Оказавшись в Мексике, мы принялись приценяться к изделиям из кожи, рассказывать ребятам про местную кухню и напитки, зашли поглазеть на женское шоу и напоследок сделали сувенирное фото в забавном вагончике, стилизованном под зебру.

Франко Коломбо, я, Арнольд и Мария во время поездки в Тихуану, 1970

Погуляв по Тихуане, мы решили возвращаться домой, но внезапно выяснилось, что у Арнольда и Франко нет при себе паспортов!

– Как же так? Разве вы не берете паспорт, когда едете в другую страну? – запаниковали мы с Марией, а они лишь рассмеялись нам в ответ. – Да все будет нормально, девчонки, – сказал Арнольд. – Из любой ситуации всегда есть виход! – Как только пагроничники остановят нас, мы сдилаем вот так, – сказал Франко, показывая на Арнольде, как он будет перерезать горло офицеру.

Шутки шутками, но каждый из нас живо представил картину, как нас хватают на границе и бросают в местную тюрьму и как нам приходится звонить оттуда своим родителям: «Мам, ты не поверишь, но ты не могла бы приехать в Мексику и внести за меня залог?»

Пока мы в красках представляли себе все, что нас ожидает, пограничник жестом приказал нам остановиться на специальном месте для досмотра. Мы с Марией в страхе сцепились руками и замерли на заднем сиденье автомобиля.

После того как мы остановились, Арнольд и Франко, расправив свои затекшие плечи, спокойно вышли из машины.

– Что случилось, сэр? – спросил Арнольд офицера со своим непередаваемым акцентом.

– Из какой страны вы приехали? – поинтересовался мексиканский пограничник.

Даже из машины я слышала, как на ломаном английском Арнольд ответил:

– Я из Ос-тр-ии, а мой друг из Ыталии. Вот мое водетельское удостоверение, выданное в Ках-ли-фор-нии, и регистрационный талон на машину.

Офицер мельком взглянул на документы и, похлопывая себя регистрационным талоном, спросил:

– А где же ваши паспорта?

– Вы знаете, какая штука с нами приключилась? – откликнулся Арнольд. – Мы забыли их! Но знаете что? Я бы вас зописал на специальную праграмму тренировок для набора мышечной массы. Вы ведь в атличной форме! Пачиму бы вам не улушить ее? Мы прямо сейчас покажем, как это сдилать!

Во время этой сцены мы с Марией даже не знали, смеяться нам или плакать. Как же так получалось, что пограничник вместо того, чтобы задержать этих двух иностранцев, мило с ними беседует? Спустя десять минут, записав на свой счет очередного фаната в лице мексиканского пограничника, «Мистер Вселенная» и его верный спутник вернулись обратно в машину. После этого случая я постепенно начала приучать себя не волноваться по любому поводу и поняла, что Арнольд всегда выбирает такой стиль поведения, который позволяет ему контролировать ситуацию.

Бóльшую часть наших совместных выходных мы проводили в Санта-Монике. К тому времени как я прилетала в аэропорт Лос-Анджелеса, Арнольд уже ждал меня на своем обычном месте и всегда был готов возместить мои затраты на перелет, добавив при этом денег на завтрашние покупки. Арнольд никогда не скупился на расходы независимо от того, куда мы с ним шли

на выходных – в ресторан *Marina del Rey*, в кино или в магазины одежды. Он был в состоянии удовлетворить наши финансовые потребности, и я постепенно перестала жалеть «бедного иммигранта».

На следующий день после бурной пятничной ночи мы с Арнольдом притворялись, что играем в «домик». Пока они вместе с Франко, облаченным в рваную футболу с надписью «Итальянский жеребец», ходили на тренировку в спортзал *Gold's Gym*, я брала машину Арнольда, ездила за покупками и готовила еду к их возвращению. Когда они приходили домой, их уже поджидали стейки с луком и чесночной посыпкой. Иногда я готовила рыбу, предварительно сбрызнутую лимоном, и подавала ее с соусом тартар и порезанными помидорами. Частенько для приготовления обеда я брала консервированного тунца, заправляла его майонезом и дополняла овощным рагу. Во время обеда Арнольд всегда делал свое заключение о том, как была приготовлена еда – «с лубофью» или без оной. Хотя, думается мне, иногда я проявляла чрезмерное старание, ведь до наших отношений с Арнольдом никогда прежде не готовила, но это не мешало мне стараться сделать все повкуснее. Можно сказать, что я занималась готовкой и уборкой со всей своей женской энергией.

Арнольду всегда нравилось, как я веду дом: он был выходцем из сельской местности и считал, что его женщина должна быть отличной хозяйкой. Арнольд высоко ценил то, что его дом содержался в чистоте, с наслаждением ел приготовленную мной еду и очень любил приглашать к себе гостей, для удовлетворения зверского аппетита которых его хозяйка тоже могла что-нибудь сготовить.

Таким образом, я изображала хозяйку, а он оплачивал все расходы, и этот своеобразный обмен со временем стал для нас нормой. Ко всему прочему, с моей помощью он изучал английский язык и этикет, развивал навыки сервировки и поведения за столом, обучался ведению хозяйства, пошиву и мелкому ремонту одежды, вникал в работу секретаря, изучал американские традиции и, наконец, строил отношения со своей возлюбленной, то есть со мной. А я взамен получала необходимые мне эмоции.

Бывали моменты, когда я оставалась одна, и в это время я могла спокойно поразмышлять о влиянии идей воскресения Христа на сонет Джерарда Мэнли Хопкинса «Пустельга» или заняться классификацией грехов, описанных в «Кентерберийских рассказах» Чосера. Что касается Арнольда и Франко, то они неукоснительно соблюдали режим тренировок и дважды в день,

утром и в обед, занимались по два часа в спортивном зале. В перерывах между занятиями они вместе с приятелями ходили обедать в свои любимые кафешки или, если позволяла погода, загорали на пляже.

Каждый месяц Арнольду и Франко необходимо было писать статьи для журнала *Muscle Builder*, но они были сильны в мускулах, а не в составлении текстов. Да что там говорить, написание статей даже на родном языке не доставляло Арнольду и Франко никакой радости. На помощь в этом вопросе к ним пришли такие писатели, как Дик Тайлер и Джин Муз, ставшие их ассистентами на время занятий. Арнольд больше всего внимания уделял развитию мускулатуры и, задав «концептуальное» направление статьи, всегда находил правильного автора, который мог написать ее на английском языке. Авторы текстов, попав, как и я, под обаяние и магнетизм Арнольда, писали статьи для него бесплатно, но были при этом рады оказать ему такую услугу.

В статьях для бодибилдеров от Арнольда и Франко требовалось со знанием дела описывать способы тренировок. Им необходимо было уделять особое внимание эффективным способам проработки различных частей тела – голеней, брюшного пресса, дельтовидных и грудных мышц. Джо Уайдер, на которого работали Арнольд и Франко, постоянно побуждал своих питомцев к разработке новых методик. И они исправно рассказывали читателям журнала Джо о том, как правильно делать упражнения для пресса, приседания, скручивания, ножные жимы, проработку плеч и бедер. Для новичков в статьях давались объяснения, как правильно контролировать проработку мышц перед зеркалом и каким образом делать стойки для демонстрации пресса. Оба кумира призывали своих фанатов нагружать тело так, как только возможно, чтобы получать в результате рост мышечной массы и рельефность мускулатуры. «Прорабатывайте свои мышцы под самыми разными углами самым тяжелым весом, какой только сможете поднять, ведь без боли нет и результатов» – таков был девиз Арнольда и Франко.

Если бы Арнольду и Франко было позволено писать не только про методики тренировок, то они бы рассказали и про «оргазм в спортзале». Эти два половозрелых самца не только были довольны своей половой жизнью, но еще и получали дополнительное удовольствие от выполнения упражнений в зале и роста мышечной массы. Сексуальная жизнь бодибилдеров, таким образом, имела конкурента в лице упражнений с тяжестями. Арнольду и Франко нравилось кричать во время поднятия штанги или гантелей, и они при этом впадали в некое подобие экстаза. Надо сказать, что подобные откровения не особо

приветствовались Джо Уайдером и не публиковались.

В лице Арнольда Джо Уайдер получил человека с уникальным сочетанием харизмы и спортивной подготовки. Для Арнольда тренировки были сродни науке: он сначала прислушивался к своим мышцам, нагружал их сверх всякой меры, а затем снижал нагрузки и потихоньку «дорабатывал» необходимые участки тела – Австрийский Дуб был полностью поглощен идеей достижения правильных пропорций своего туловища. Самые слабо проработанные участки Арнольд нагружал больше всего, и его любимым занятием были упражнения на голени: опершись на снаряд и усадив Франко к себе на поясницу, он пальцами ног поднимал вес своего напарника. Он тренировался до такой степени, что иногда ночью даже просыпался с криком от боли в голенях.

Много статей в журнале Джо посвящалось не только тренировкам, но и правильному питанию, и в них до бесконечности обсуждался вопрос о способах получения белков. Джо Уайдер в своем журнале рекламировал специальные белковые смеси для наращивания мышечной массы и занимался их продажей в розницу. За счет Арнольда аудитория журнала Джо увеличилась, а фанаты с нетерпением ждали новых фотографий своего кумира, на которых тот попутно рекламировал различные средства для набора массы. Арнольд и Джо были очень оборотистыми дельцами: они прекрасно знали, как взять какого-нибудь парня, уговорить его заняться бодибилдингом, а затем заработать на нем деньги.

Весной Арнольд увеличил интенсивность своих тренировок, что моментально отразилось на количестве времени, которое мы могли проводить вместе. Меня подогревала жажда романтических отношений, и, честно сказать, я начала немного волноваться из-за его частых тренировок: в тот момент слишком насыщенная жизнь Арнольда стала камнем преткновения в наших отношениях. Много времени Арнольд проводил с друзьями, развлекая их рассказами, и очень часто выставлял других людей на посмешище. Не обошла эта участь и меня: мне тоже пришлось испытать всю тяжесть его насмешек. Тем не менее, несмотря на все свое негодование, я терпела все подколки Арнольда из-за боязни его потерять.

Мне не нравилось, что он относится ко мне слишком пренебрежительно и что я страдаю от его власти над собой. Постепенно в наши отношения вошло взаимное неудовлетворение, и мы с Арнольдом стали напоминать два куска кремния, которые при малейшем контакте высекают искры. Иногда случалось, что полученная в результате размолвок

«искра» разжигала такой огонь, с которым мы оба не могли совладать. Раз в месяц у нас происходила серьезная ссора: Арнольд без всяких экивоков обвинял меня в том, что из-за предменструального синдрома я воспринимаю все слишком эмоционально. Оказывается, все наши беды были из-за женских гормональных циклов, а не из-за его нечувствительности и невнимательности ко мне. Неудивительно, что после таких ссор у меня наступал период самобичеваний и самокопания.

Однажды мне сделали небольшую хирургическую операцию по удалению бородавок, после которой я, как обычно, прилетела к Арнольду. После операции у меня ужасно болели руки, но я все же поехала искать Арнольда и нашла его на какой-то вечеринке. Он веселился со своими друзьями, и я смотрела, как они пускают «косяк» по кругу. Когда очередь дошла до Арнольда, явственно проступила темная сторона его характера – это было так, словно внезапно появился чертик из табакерки и начал всех пугать. Арнольд всегда паясничал сверх меры, но в этот раз он превзошел сам себя, показав всю свою неотесанность и дикость.

Обращаясь к Арти, он легко мог сказать: «Ты свинья, Арти. Ты все время жадничаешь и экономишь тенги! Сходил бы с Джози куда-нибудь!» Арнольду ничего не стоило обидеть и свою девушку: «Вы знаете, как трудно с Бар-бар-хой и ее месячными. Эй, Бар-пи, буть повеселее сигодня».

Той ночью у меня просто не хватило сил смотреть на все эти выкрутасы, и я одна вернулась домой. В квартире никого не было, и компанию мне могло составить разве что радио. Уставшая и разбитая после ночных переживаний, я с трудом смогла забыться сном. Услышав скрип ключа в двери, я проснулась и похолодела от страха. В голове у меня крутилась лишь одна мысль: «Беги от него! Он не тот, кто тебе нужен». За весь остаток ночи мы не перекинулись с ним ни единым словом.

Утром он уехал, а я под бодрящий аккомпанемент радио села на уродливую кровать и стала писать письмо.

«Дорогой Арнольд! Последние восемь месяцев были самыми восхитительными в моей жизни, и я отдавала тебе все что могла, потому что я люблю тебя. Но ты часто обижал меня своим сарказмом или делал объектом своих розыгрышей и шуток. Ты обижал меня и обижал других людей. Когда я просила тебя остановиться, ты отвечал, что не стоит говорить за других. Я не представляю жизни без тебя, но какой выбор ты мне оставляешь? С любовью, Барбара».

Когда он вернулся домой, я отдала ему свою записку. Он прочел ее, отложил в сторону и сказал, что мне необходимо вернуться в Сан-Диего. Вот так вот – между нами все кончено!

Никаких разговоров, никакого участия, одна только констатация факта: мне необходимо ехать в Пало-Верде, чтобы успеть на автобус до дома.

Пересаживаясь с одного транспорта на другой, я ревела так, словно меня резали. Я чувствовала, что жизнь покидает меня, а на смену ей идут страх и уныние. У меня не было выбора – я не могла просто вернуться к нему. Но как же, черт побери, я смогу найти ему замену? В тот день я выкурила больше сигарет, чем обычно.

Арнольд был достаточно предсказуем: эгоцентрик до мозга костей, всегда собранный и уверенный в своих решениях. Поэтому, когда через четыре дня в полвосьмого утра он позвонил мне, я была поражена. – Доброе утро, малышка. Как там поживает моя Бабизи-Вабизи-Штепси?

«Что происходит? Неужели Арнольд разговаривает со мной, как с ребенком? Нет, не может этого быть». Мне даже потребовалось некоторое время для того, чтобы осознать реальность звонка. Словно в тумане я сказала в трубку:

– Доброе утро, господин Шварценеггер.

– Атлично, золотце, я скучаю по тебе. Приезжай ко мне на эти выхадные, как обычно.

«Что же это такое? Я опять стала его „сокровищем“?»

– Арнольд, но как же насчет того, что ты меня обижаешь и не заботишься о моих чувствах?

– Я все знаю, малышка, и обищаю, что буду лутше, – пророкотал в трубку Арнольд.

При помощи таких вот обычных слов «Арнси-Варнси» вернул меня обратно к себе.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Из наших разговоров мне было известно, что Арнольд жил с отцом до семнадцати лет. Но что меня всегда удивляло, так это его способность давать точные характеристики поведению своего отца.

– Думаю, что это из-за щедрости отца. Я хочу сказать, что наш отец был очень щедрым. Ему нравилось баловать нас… – начал свой рассказ Арнольд.

– Мы сейчас говорим о его душевных качествах? – уточнила я.

– Нет, не только о них, ведь он покупал нам всякие мелочи, – пояснил Арнольд.

– Правда? Я всегда считала, что это ваша мать экономила буквально на всем, чтобы вас побаловать, – удивилась я его ответу.

– Моя мать поступала так потому, что мой отец получал жалованье только раз в месяц. Государственные служащие довольствовались единственной получкой в месяц. Так выходило, что день, когда выдавали жалованье, всегда приходился на пятницу, и поэтому отец мог пригласить друзей выпить с ним. Неудивительно, что из-за безудержных трат отца, который за один раз мог потратить половину или вообще все свое месячное жалованье, матери приходилось экономить и откладывать заначку. Она отлично понимала, что наступит такое время, когда семья будет вынуждена целый месяц сидеть без денег. Поэтому, как только ей в руки попадали хоть какие-то деньги, она их тут же припрятывала.

Нашему отцу нравилось ходить с нами куда-нибудь в воскресенье. А потом мы заворачивали в трактир, и для нас с братом это всегда было большим событием. Он покупал нам кока-колу, сладости или мелкие игрушки. Да, он был очень щедрым. И все остальное, что он делал, в большей степени было данью традициям, – закончил свою мысль Арнольд.

Если принять во внимание уровень цен 1970-х годов с поправкой на инфляцию, я могу сказать, что в то время, когда я училась в колледже, Арнольд тоже не жалел на меня денег.

Во власти Австрийского Дуба

После нашего весеннего примирения главной темой наших разговоров стала моя предстоящая поездка в Европу. Арнольд и Франко делились историями своих путешествий по Австрии, Сардинии, Германии, Великобритании, и мы отмечали на карте маршруты. Я постоянно задавала им обычные вопросы туриста. Куда поехать и что нам с Дорин следует посмотреть? Какие европейские города самые лучшие? Куда и в какое время года лучше всего ехать? Какое направление в Европе наиболее популярно летом? Какой общественный транспорт лучше всего использовать? Какую одежду брать с собой в поездку? Как лучше всего упаковывать багаж? Где и почем покупать сувениры? Сейчас я понимаю, что в своих поездках Арнольд и Франко побывали только в небольшом количестве мест, но тогда они стали для меня проводниками по Старому Свету.

Помимо того что я беспокоилась по поводу очередного расставания с Арнольдом, я начала нервничать из-за того, что перед предстоящей поездкой в Европу у меня на руках был один лишь экскурсионный ваучер. Что касается вынужденного расставания с Арнольдом, я успокаивала себя: раз уж после всего, что между нами произошло, мы все равно остались вместе, значит, переживем и мою поездку в Европу. Арнольд полностью одобрял мое путешествие и имел в этом свой интерес: у него появлялось лишнее время, которое он мог посвятить тренировкам. Ко всему прочему, Арнольд всегда поддерживал меня во всех начинаниях: он был сторонником того, чтобы человек достигал поставленных перед собой целей.

В надежных руках своего мужчины, 1970

В день, когда я получила диплом об окончании колледжа, Арнольд подарил мне чек на сто долларов. После этого, по моим подсчетам, я могла провести в Европе на двадцать дней больше. С чеком от Арнольда, своими собственными сбережениями и двумя сотнями, полученными от родителей, я улетала из Лос-Анджелеса, имея на руках в общей сложности восемьсот долларов и билет до Бельгии. Мы с Дорин настроили себя на наш европейский тур и были готовы к новым впечатлениям от пребывания в хостелах, поездок, кафедральных соборов и европейских сигарет.

Я садилась в чартерный самолет, едва сдерживая переполнявшие меня эмоции, и думала о том, как мне провести следующие несколько дней в ожидании прилета Дорин из Лондона. Первый раз за свою поездку я позвонила Арнольду из Бангора (штат Мэн), а следующие мои звонки уже были из Брюсселя, Амстердама и – напоследок – из Лондона. Меня успокаивал его акцент, слова любви, сказанные в телефонную

трубку, и его участие в моей поездке – мы словно стали спутниками в этом путешествии, и боль от вынужденной разлуки постепенно стала утихать.

Спустя некоторое время я встретилась в Лондоне с Дорин, которая выглядела слегка ошалевшей от начала путешествия. За четыре дня ей пришлось иметь дело с тремя разными валютами и говорить на трех разных языках в смешанной среде хостелов. Тем не менее ничто на этом свете не могло поколебать моей решимости по поводу предстоящего путешествия.

Как и я, Дорин оставила своего парня дома, но мы изредка вспоминали наших мужчин. Тем летом одной из самых горячих тем среди путешествующей молодежи стала публикация данных телефонной карты одного знаменитого актера. От наших соседей по хостелу мы узнавали новости о том, что этот актер опротестовывал анонимное использование данных его телефонной карты и списание с нее денег. Номер этой карты передавался от хостела к хостелу, и мы слышали о нем в каждом месте, куда приезжали. Сгорая от страха, мы с Дорин звонили домой нашим парням, используя данные ворованной карты.

– Арнольд, ты не поверишь! Нашу машину обыскали военные в Белфасте! Они тут живут словно на войне!

– Дорогой, я без тебя встретила свой день рождения на Эйфелевой башне.

– Арнольд, мы не смогли найти свободных мест в Малаге! В «Бродягах» Джеймс Миченер писал о том, что можно переночевать в барах. Мы пошли «бродяжничать» в одно из таких мест в надежде на чудо. Там мы встретили троих американских солдат, которые предоставили в наше распоряжение свои койки, а сами улеглись на полу!

– Арнольд, думаю, что сейчас я поверила в переселение душ. Клянусь, когда я сегодня была на Акрополе, мне казалось, что я здесь не в первый раз. Я даже поплакала вместе с богами в этом месте.

– Привет, Арни. У нас сегодня был просто дикий день на Корфу. Меня покусали огромные греческие муравьи, но все эти древности, бирюзовая вода и гористая местность – это было так чудесно! Мы видели женщин, которые несли на своих головах поклажу и вели куда-то осликов! И еще, я бы хотела сравнить тебя со статуей Давида здесь, во Флоренции, и я скучаю по твоему телу больше, чем когда-либо.

– Я так расстроена, Арнольд. Проводник, идиот, кричал *«No Valido! No Valido!»* весь наш путь до Венеции, после того как поймал меня с негодным билетом. Они поменяли свою систему – мог же он мне просто сказать, что нужно поменять даты в билете?

Сейчас мне придется купить новый билет на оставшееся время. А вот Дорин была умнее меня и не повелась на разводку со сменой дат. Вот же черт! Из-за непредвиденных расходов мне придется уехать из Европы раньше, чем я планировала, но зато я смогу тебя скоро увидеть!

– Дорогой, я сейчас в Граце, неподалеку от твоего родного дома! Ты можешь в это поверить? Как бы я хотела, чтобы мои знания немецкого были больше и не ограничивались фразой *«Du hast dein Arscshloch geoffnet»*. Не думаю, что твоя мама одобрила бы ругательства, которым ты меня научил. Не могу представить, как я говорю: «Эй, маманя, не сверкай своей голой жопой!» Нет уж, увольте! Лучше уж я подожду тебя, и ты сможешь перевести ей мои слова. Люблю тебя, Арни!

Внезапно тон разговоров изменился:

– По какому тилифону вы звоните, мисс? Эта карта недействительна.

В страхе я бросила трубку. *«Только не это!»* Я запричитала и крикнула Дорин:

– Бежим, Дорин! Давай, поторапливайся! Нам надо отсюда убираться. Нас «спалили»!

Потеряв возможность бесплатно звонить домой, я перешла на письма. «Дорогой Арнольд, я так расстроена! Австрийский оператор телефонной станции в Вене поймал меня во время звонка по украденной телефонной карте, и поэтому я смогу услышать твой голос только при нашей встрече в Лондоне. Зря я все же ввязалась в эту историю с украденными номерами телефонных карт. Как мне стыдно! С любовью, твоя *Schtapzele*».

«Арни, если бы ты знал, как я по тебе скучаю! И хочу сказать тебе огромное спасибо за письмо, которое ты оставил для меня в офисе компании *American Express*. Твоя Барби»

«Гутен морген, дорогой! Сегодня у меня был сюрреалистичный день в Мюнхене. Сначала мы с Дорин ездили в район Дахау и слушали истории про то, как нацисты уничтожали евреев. Как они могли такое делать? Решив поправить наши расстроенные чувства, мы направились в пивную *Hofbräu Haus* – и, знаешь, ты был прав! Мы здесь очень здорово повеселились, и я даже сворovала для тебя большую кружку. *Auf Wiedersehen! Liebe, Deine Schatzi!*»

«Арни, ты не поверишь! Мы жили в „квартале красных фонарей“ в Амстердаме и видели самую настоящую цыганку. Она умела гадать по руке, и я так обрадовалась тому, что она смогла прочитать по моей правой руке. Можешь ли ты в это поверить – она увидела ТЕБЯ в моей жизни! Вот так-то! По всей видимости, когда я читала письма от тебя, ты незаметно прокрался на линии

судьбы моих ладоней! Это мое последнее письмо! Не могу дождаться нашей встречи в Лондоне! *Ich liebe Dich!* Барбара!»

Проведя два месяца в Европе, я решила вернуться обратно в Калифорнию на неделю позже Дорин. За это время мы побывали во многих удивительных и необычных местах и не без сожаления прощались с Европой. Самым замечательным в нашем путешествии стало то, что мы с Дорин изменились за это время. Пожив и поездив везде самостоятельно, каждая из нас получила запас уверенности перед дальнейшей жизнью после колледжа.

Я с нетерпением ожидала нашей встречи с Арнольдом в Лондоне. К большому моему сожалению, увлечение сластями и конфетами во время путешествия по Европе не прошло для меня даром, и я набрала лишний вес. Арнольд, этот доморощенный *Давид*, наоборот, постоянно следил за своим весом и всегда был в отменной форме. Я знала, что этим летом Арнольд усилил свои тренировки, что означало изматывающие упражнения с огромными нагрузками, сбалансированное питание, ограничение всяческих развлечений и вечеринок и здоровый сон. При помощи строжайшей дисциплины Арнольд готовился к одному из важнейших соревнований в своей карьере.

В Лондоне он должен был лицом к лицу встретиться с кумиром своего детства Регом Парком. Перед Арнольдом стояла трудная задача – одолеть в борьбе Рега Парка, но он искреннее недоумевал, зачем чемпион прошлых лет до сих пор выходит на помост и соревнуется с более молодыми чемпионами. Восемь лет назад портрет Парка висел на стене у Арнольда, а сегодня им предстоит борьба за победу.

Не успели мы с Арнольдом встретиться в Лондоне и обменяться первыми поцелуями, как я почувствовала, что он находится в сильном напряжении. Стоило нам только обняться, как я на ощупь поняла, насколько изменилась его физическая форма: даже под одеждой чувствовался четкий рельеф мышц. Я прижалась к нему всем своим телом, надеясь на взаимные чувства, но быстро поняла, что мы по-разному воспринимаем нашу вынужденную разлуку. Словно наивная девчонка, я два с половиной месяца жила ожиданием этой встречи и думала о том, как мы отгородимся от всего мира и проведем наше первое после долгого перерыва свидание. Но у Арнольда было другое мнение на сей счет: он серьезно настроился на победу в соревновании «Мистер Вселенная», хотел повидать своих старых приятелей, и в его планы не входили долгие романтические встречи. В тот раз я увидела в Арнольде скорее спортсмена, готового к состязаниям, чем своего любимого. В любую свободную минуту Арнольд только и думал, что о предстоящих

соревнованиях и о том, как занять на них первое место.

Такой холодный прием остудил мой пыл и выбил меня из колеи. Что мне делать? Договориться с Арнольдом об изучении строения мышц в обмен на необходимые мне эмоции? Подавить в себе сильное желание поужинать вдвоем в романтической обстановке в хорошем ресторане и сидеть в шумной забегаловке рядом с Франко? Поговорить с Арнольдом о том, чтобы после победы в состязаниях и возвращения в Калифорнию он меньше занимался и уделял мне больше времени? В результате размышлений я пришла к горькому для себя выводу, что его перспективы карьерного роста не сочетаются с теми идеалистическими картинами, о которых я грезила. К тому же мне было не по себе от того, что я была не единственным человеком, с которым Арнольд хотел встретиться во время пребывания в Лондоне. Я успокаивала себя тем, что наше реальное примирение произойдет уже в Санта-Монике, а лондонские неурядицы забудутся.

С этого момента я стала выступать больше в роли судьи, чем в роли девушки Арнольда, чья фигура и физическая форма поражали всех. В течение всего года я только и слышала, что разговоры про детали соревнования и процесс его проведения. Арнольд рассказывал про различные техники позирования на помосте и даже брал частные уроки в балетной школе для лучшей демонстрации своей мускулатуры. Также он упоминал про психологические приемы, при помощи которых можно подавить настрой конкурентов. Он делился со мной тонкостями организации соревнования, методов досудебных решений и судейской дисциплины. Ну а я даже без всяких судейских премудростей ставила тело Арнольда на первое место, и для меня не было никаких отдельных частей его тела, которые нуждались бы в посторонней оценке, – для меня существовал только один целый Арнольд, мой Арнольд. Когда мы были в зале, где происходили выступления, я с волнением наблюдала за тем, как мой возлюбленный уверенно идет к победе.

Толпа ревела: «Ар-но-льд! Ар-но-льд! Ар-но-льд!» Люди кричали и хлопали, свистели и пели. С высоты помоста Арнольд смотрел на бушующее людское море, и этот момент триумфа стал основой его следующих побед. К завоеванному титулу прилагалось солидное денежное вознаграждение, но награды и деньги не шли ни в какое сравнение с превозносившими его поклонниками. Когда я своими глазами увидела фанатов, сходящих с ума от Арнольда, мне стали понятны те скрытые мотивы, которые побудили его избрать для себя такую карьеру.

Я задалась вопросом: знают ли его фанаты и соперники, как

он использует их слабости в своих интересах? Знают ли вообще противники Арнольда о его манипуляциях? А вот Арнольд знал все о своих соперниках и, применяя свои способности в области психологии, использовал любую возможность для победы. Он был звездой, властелином, бодибилдером из бодибилдеров – и, одержав триумфальную победу над Регом Парком, стал «Мистером Вселенная – 1970».

Пока я сидела в зале и наблюдала за выступлениями, меня обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, я радовалась тому, что среди всех этих силачей на помосте находится человек, который меня любит. Но с другой стороны, меня волновало его увлечение своей популярностью в ущерб моим чувствам. При этом я ощущала себя обычным человеком из толпы, чей удел – только кричать и приветствовать своего кумира. Вслед за вихрем подобных мыслей появился страх за нашу с Арнольдом совместную жизнь, ведь он много тренировался, упорно шел к своей цели и жаждал похвалы и поддержки. Я все еще была им очарована, но ощущала одновременно гордость за своего любимого и безотчетный страх за будущее.

После окончания соревнований в Лондоне новоиспеченный «Мистер Вселенная» уехал на фотосессию в Бельгию и опять оставил меня одну. Я как могла коротала время в дешевых кинотеатрах, ходила на спортивные соревнования по поло и смотрела, как молодой принц Чарльз скачет на своей лошади. Однажды, усевшись в парке неподалеку от Биг-Бена, я начала читать «Крестного отца» Марио Пьюзо. На некоторое время я полностью погрузилась в мир выдуманных персонажей и размышлений о своем собственном будущем. Мое европейское турне закончилось, и передо мной встал вопрос о том, где мне жить после окончания колледжа и выезда из общежития. Где и как мне искать работу? Смогу ли я позволить себе машину? Каково это – работать по сорок часов в неделю, в то время как твой парень будет тренироваться в зале и валяться на пляже? Но больше всего меня волновал вопрос о том, как мы сможем ужиться при столь разных темпераментах, жизненных приоритетах и подходах к морали. Все, чего я хотела от Арнольда, – это стать его женой, но не понимала, как мне совместить наш брак с его страстным желанием карьерных успехов.

Для противостояния его напору и бешеной энергии мне необходимо было измениться самой, но у меня совершенно не было идей о том, как это сделать. В тот момент я чувствовала себя словно лошадь без наездника. Я уехала из своего родного

города ради учебы в колледже и сейчас понимала, что это пройденный этап моей жизни и я туда больше никогда не вернусь. По возвращении из Европы мне хотелось попасть в свой родной дом. Но где сейчас мой дом? Куда мне податься?

У меня не было ни работы, ни денег, ни планов, и для меня было непривычно оказаться в такой ситуации. Свою жизнь я представляла несколько иначе, но, даже получив диплом колледжа, я не видела ему применения. Захлопнув книжку Пьюзо, я представила своих родителей: только они могли стать моей опорой, и никогда прежде я не тосковала по маме с папой больше, чем сейчас. В свои двадцать два года я просто хотела поехать домой, забыться сном и избавиться от своих страхов.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Сидя в офисе губернатора, я слушала, как Арнольд рассказывал мне о средоточии отчего дома – кухне.

– Мой отец садился за стол и читал газеты. Или устраивал для нас с братом разные конкурсы, в которых мы могли выиграть мелкие монетки! К примеру, он предлагал нам назвать как можно больше стилей причесок, и тот из нас, кто называл больше, выигрывал монету.

Рассказывая о конкурсах, Арнольд вспоминает, как его отец расставлял на деревянном полу кухни кегли и тот из братьев, кто сбивал их все, зарабатывал шиллинг. Представляя себе процесс получения Арнольдом выигрыша, я, в свою очередь, вспоминаю нашу встречу с его матерью в 1973 году. Мы навещали ее во время нашего отпуска, когда ездили в гости в Таль, и поэтому мне не составляет никакого труда представить себе семейные сцены из жизни сельского дома в Австрии пятидесятых годов.

Во-первых, в доме Арнольда не было душа и туалета. Весь дом был словно на ладони, и ни о каком личном пространстве не могло быть и речи. Всю работу по дому делала мать, за исключением тех случаев, когда во время праздников готовкой на кухне занимался отец. – Отец мог готовить с утра и до самого вечера, при этом он не пускал мать на кухню, что здорово действовало ей на нервы.

На Рождество отец с самого раннего утра приносил домой елку, а мы с братом с нетерпением поджидали его у дверей. Он вместе с матерью наряжал праздничное дерево и, когда становилось совсем темно, зажигал на нем огонечки. Перед тем как зажечь елку, отец договаривался с кем-нибудь из соседей, и в момент включения иллюминации они звенели колокольчиками. Нам с братом в тот миг казалось, что

в колокольчики звенит Крис Кринглл – этакая женская версия Санта-Клауса.

Пасху и День матери мы тоже отмечали очень весело. Отец поднимал нас с постели и посылал в поле собирать цветы. Мы с братом приносили огромные букеты, которые едва помещались в наших маленьких ручонках. Потом мы начинали искать подходящую вазу для цветов, и тот из нас, кто делал лучшее оформление букета, получал небольшое вознаграждение за свою работу.

Как только с цветами было покончено, мы с братом брали бумагу, рисовали разные красивые картинки и писали поздравления для мамы. При этом отец не выпускал мать из спальни до того момента, пока мы не завершали все наши приготовления. После того как все было готово, мама выходила к нам в комнату, и мы все вместе пили кофе, пели и танцевали.

Пока Арнольд рассказывал про семейные праздники, я вспоминала свои собственные истории из семидесятых. Особенно те, которые так или иначе касались его матери.

Знаешь, когда мой отец занимался готовкой на кухне, он мало заботился о том, чтобы прибирать после себя, как того требовала от него мать. Своей заботой о чистоте моя мать могла кого угодно довести до белого каления. Понимаешь, она постоянно требовала от отца, чтобы он все делал так, как она сказала. К примеру, если она складывала полотенца в стопку, то все их края должны были быть выровнены относительно друг друга.

Прервав его рассказ, я уточнила:

– Думаю, если у тебя был повод улизнуть от обязанностей по дому, ты так и делал.

– Да, так и есть, – продолжил Арнольд. – Знаешь, моя мать была просто помешана на чистоте и порядке, это для нее было очень важно. Скажем, если кто-то приходил к нам в гости…

– То видел безукоризненно чистый дом? – интересуюсь я.

– Точно. И если кто-то захотел бы открыть платяной шкаф, то увидел бы…

– Идеальный порядок, – продолжаю я его мысль.

– Да, идеальный порядок. Она очень любила, чтобы все было на своих местах.

В плену его мускулов

Путь домой не обошелся без приключений, и, когда я ступила на родную землю, у меня словно гора упала с плеч. После нескольких беспокойных ночей без постоянной крыши над головой я была рада увидеть родных и близких, которых тут же утомила историями о своей европейской поездке. Рассказы я сопровождала наглядным описанием всего увиденного и услышанного и тут же одаривала родственников сувенирами, привезенными из разных стран, которые те с благодарностью принимали. После вручения каждого сувенира следовали долгие и крепкие объятия.

Вернувшись с европейского континента, где я привыкла к маленьким уютным магазинчикам, каменным домам и готическим храмам, я даже сначала растерялась, когда вновь увидела огромные супермаркеты Южной Калифорнии, новые торговые улицы и бесчисленные жилые кварталы. Что такое церковное здание в Америке? Может быть, некоторые из наших местных церквей и были построены в пятидесятые годы, но они не могли тягаться со старинными европейскими храмами. Поэтому, несмотря на то что Америка была моим домом, мне пришлось пережить некое подобие культурного шока, и потребовалось некоторое время, чтобы я вновь стала американкой.

В этот момент из Европы вернулся Арнольд вместе со своим неподражаемым немецким акцентом.

– Привет, дарагая! Я вернулся! Знаешь, я здорово повеселился в Белгеи и Финляндии. Эти страны такие классные! Как у тебя дела, Бар-бар-ха?

– Хорошо. Пытаюсь привыкнуть ко всему американскому после возвращения из Европы. Как все же Европа отличается от Америки!

Все колкости, которые мне хотелось ему сказать, я оставила при себе и вместо этого спросила:

– Каково это – вернуться сейчас домой после победы над своим кумиром?

– Атлично! И вот что тибе скажу: я уважал Рега, и это было так необычно – победить гироя сваего детсва! А когда вирнешься обратно ты, дарагая?

Сидя у Арнольда дома и избегая в разговоре темы нашей европейской размолвки, мы договаривались о новых правилах в наших отношениях. Арнольд дал понять, что ставит перед собой трудные и большие задачи и мне нужно свыкнуться с мыслью

о том, что он будет уделять время не только мне, но и своим делам. Я, в свою очередь, просила его о том, чтобы он не забывал и меня на фоне своей бурной карьеры.

В своем неповторимом стиле Шварценеггера, то есть без всяких экивоков, он обрисовал план моего будущего. Он пообещал помочь с приобретением машины, но для начала мне следовало устроиться на работу. Для того чтобы избежать лишних расходов и иметь возможность откладывать часть денег на черный день, Арнольд предложил мне полностью переехать к нему, раз уж я и так бóльшую часть времени провожу у него дома.

После переезда к Арнольду, Санта-Моника, 1970

«Хорошо же мы будем выглядеть, – подумала я. – Девчонка из тех, кого кличут „белым мусором“, и рядом с ней – некое подобие человека». Несмотря на то что о заключении брака речи не шло и, с моей точки зрения, мы жили во грехе, мне этот вариант казался намного лучше, нежели прозябание в доме престарелых, которым управляли мои родители. Чтобы успокоить родных, я сказала им, что буду жить вместе с Дорин, а в это время уже перевозила свои вещи в квартиру Арнольда и Франко. Прошло совсем немного времени, и я пожалела о своем решении: оказалось, что Арнольд попал в тиски между мной и Франко и был вынужден постоянно нас разнимать.

После победы в Лондоне Арнольд серьезно задумался о построении дальнейшей карьеры и об открытии собственного бизнеса. Еще перед соревнованиями он много размышлял и говорил о правильном психологическом настрое на победу, о своих внутренних стремлениях и проектах, которые он отложил на время подготовки к соревнованиям и которыми хотел бы заняться после победы. В этих разговорах Арнольд упоминал и том, что каждую осень, сразу же после окончания сезона он чувствовал опустошение, следовавшее за достижением очередной цели.

Одержав победу и завоевав очередной титул, Арнольд решил заняться бизнесом. Пока президент Никсон втягивал США в войну во Вьетнаме и Камбодже, Арнольд тягал «железки» на пляже Венис-Бич и ставил перед собой новые цели. Главными задачами для Арнольда стали подготовка к соревнованиям «Мистер Мира» и «Мистер Вселенная», которые должны были пройти в следующем сентябре, и пополнение своего счета в банке. Интенсивные тренировки для подготовки к соревнованиям он планировал начать не раньше мая и все освободившееся таким образом время посвятил развитию своих проектов.

Джо Уайдер не только дал ему несколько советов по методам привлечения денег в бизнес, но и подсказал Арнольду идею создания компании для торговли по почтовым каталогам, предложив под это дело бесплатное рекламное место в своем журнале *Muscle Builder*. Во время написания этой книги меня консультировал писатель Джин Муз, хорошо разбирающийся в тонкостях процесса подобной торговли. Для продажи товара требуется следующее: разрекламировать его, собрать поступившие от заказов деньги, пустить часть полученных денег на оплату произведенных кем-то товаров, отправить готовый заказ потребителю, а часть денег, оставшихся после выполнения заказа, положить себе в карман. Надо сказать, что даже после

таких исчерпывающих пояснений, которые я получила в зрелом возрасте, мне не стало понятнее, о чем идет речь, – что уж там говорить про семидесятые?

Успех иллюстрированного журнала, издававшегося в свое время Чарльзом Атласом, натолкнул Джо и Арнольда на мысль о том, что публика уже созрела и готова к новым образам. Они оба предполагали, что смогут заинтересовать аудиторию новыми техниками тренировок и спортивным питанием. Они сошлись на том, что лучше всего выпустить несколько журналов, каждый из которых будет подробно рассказывать читателям про тренировку определенной части тела и сопровождаться эффектными фотографиями Арнольда. Основной идеей журналов должно было стать углубление личного контакта Арнольда со своими фанатами, которые смогут в мельчайших подробностях рассматривать на фотографиях результаты, которых достиг их кумир: его брюшной пресс, косые мышцы живота, грудные и дельтовидные мышцы, широчайшие мышцы спины, трицепсы, бицепсы, мышцы ног, квадрицепсы, голени. Для достижения лучшего эффекта планировалось использовать специальные масла, призванные подчеркнуть рельефность мускулатуры.

На подготовительные мероприятия для запуска буклетов в печать у Арнольда той осенью и зимой ушло очень много времени. Даже тогда, когда начали поступать первые заказы от клиентов, Арнольд продолжал дорабатывать каждый буклет. Он делал наброски предварительного текста, а затем просил меня исправить шероховатости и привести текст к формату «как тренироваться самостоятельно». После редактирования текста он относил подготовленный буклет Дику Тайлеру на окончательное согласование. Арнольду приходилось вникать в процесс фотосъемок, для того чтобы получать максимально четкие и качественные фотографии различных мышц, и, ко всему прочему, обговаривать с фотографами права на негативы. Получив готовый текст и фотографии, Арнольд отдавал их в типографию, которая была настолько же дешевой, насколько Арнольд был амбициозен.

Результаты первых публикаций в журнале Уайдера были обнадеживающими, и заказы на товары начали сыпаться со скоростью горного потока. Но король оказался голым: занимаясь рекламой товаров, Арнольд не смог так же быстро наладить изготовление продукции. С одной стороны, требовались деньги на оплату печати рекламной продукции, а с другой – необходимо было оплачивать изготовление товаров для исполнения заказов. Арнольду было всего двадцать три года, и, хотя у него были огромные амбиции, ему тогда не хватило

организаторских талантов для преодоления выпавших на его долю трудностей. За короткий срок ему предстояло многому научиться и многое понять, поэтому этот проект стал для него головной болью, особенно вначале.

Пока я жила вместе с Арнольдом в Санта-Монике, я радовалась возможности возобновления и поддержания общения со своими друзьями детства, которые были разбросаны по разным районам Лос-Анджелеса. К тому времени еще не все мои подруги успели выйти замуж, как того требовали правила общественного приличия, и активно подыскивали себе работу.

Каждая из нас хваталась за любую возможность получить работу и изменить свой статус вчерашнего студента на статус работающего специалиста. В то время движение за равные с мужчинами права женщин еще не добилось изменения общественного мнения, и мне приходилось отвечать на кучу оскорбительных вопросов: «Как быстро вы печатаете? Как далеко вы готовы ездить на работу?» После подобных вопросов на собеседованиях я пересмотрела свое отношение к борцам за права женщин.

К первой работе, на которую мне удалось устроиться, я испытывала искреннее отвращение. Хотя я поступила в *The Hartford Insurance Company* на должность аналитика, в реальности я выполняла обязанности простого стенографиста. От этой работы я не получала никакого удовольствия и в течение дня очень быстро уставала. И это не считая того, что мне приходилось тратить много времени на дорогу и подолгу простаивать в пробках.

А еще эта постоянная ложь относительно своей «семейной» жизни! Я просто не могла сказать никому, кроме нескольких очень близких подруг, что сожительствую с мужчиной и при этом не состою с ним в браке. Подобное поведение со стороны женщины было абсолютно неприемлемым в 1970-е годы. Октябрь, ноябрь, декабрь, январь – все это время мне приходилось врать, и это выводило меня из себя. Ни мои родители, ни руководство на работе, ни даже многие из моих друзей не знали о том, что их маленькая Барбара живет вместе со своим обожаемым гигантом. Но я-то об этом знала и для того, чтобы уменьшить внутреннее напряжение, курила больше обычного и пыталась «заесть» свои внутренние проблемы.

В конечном счете употребление большого количества сигарет и проблемы со здоровьем заставили меня призадуматься о своих привычках и попытаться избавиться от никотиновой зависимости. «Заедание» проблем тоже аукнулось мне не самым лучшим образом: у меня повысился уровень сахара в крови

и обнаружилась не диагностированная ранее гипогликемия. Таким образом, проблемы со здоровьем только обострили мое нервозное и депрессивное состояние. Надо сказать, что во время «беззаботных семидесятых» методов лечения подобных нарушений еще не было, и поэтому я просто разрывалась на части между желанием «заесть» проблему и заботой о собственном здоровье.

В этот момент объектом моей ненависти, на котором я срывала всю свою злость, стал Франко. Я начала обвинять его за его спиной:

– Арнольд, ты заботишься о Франко больше, чем обо мне! Вы двое все время говорите по-немецки и не рассказываете, о чем, собственно говоря, идет речь. А этот Франко, он же смеется над каждым твоим словом. И еще, он занял всю кухню и не дает мне нормально готовить! Ты можешь мне сказать, за что я должна любить Франко?

Арнольд все время защищал своего друга от моих нападок:

– Франко мне как брат, Бар-бар-ха. Тибе надо понять это и оставить его в пакое. Мы пастараемся больше гаварить на английском при тибе.

Прекрасно понимая, что наша «холодная война» может в любой момент перейти в «горячую» фазу, мы с Франко старались избегать друг друга. Мне казалось, что камнем преткновения в наших отношениях с Арнольдом был этот итальянец, и я обвиняла его в том, что мы не можем пожениться из-за привязанности Арнольда к Франко. Моя ненависть к Франко дошла до такой степени, что я начала представлять себе, как нанимаю одного из тех убийц, которые описаны в «Крестном отце», и они «убирают» этого выходца с Сардинии. Мне тогда в самом деле хотелось, чтобы Франко умер.

Дабы отвлечься от негативных чувств к нашему общему соседу, проблем в бизнесе и моей повседневной монотонной работы, мы с Арнольдом стали часто ходить в кинотеатры и за четыре года не пропустили ни одной кинопремьеры. Одним из самых любимых фильмов Арнольда стала киноверсия «Крестного отца». Мне, конечно же, больше нравились фильмы типа «Истории любви», в которой рассказывалось о трагичных отношениях двух молодых людей. Представляя себя на месте смертельно больной девушки из этой картины, я все время донимала Арнольда фразой главной героини, сыгранной Эли МакГроу: «Ты бессердечный ублюдок!» Арнольд тоже не терялся и отделывался цитатой главного героя фильма: «Лубовь – это когда не надо извиняться». Временами то, что мы говорили друг другу, полностью соответствовало тому, что мы думали о своем

партнере. Пока Арнольд занимался своими делами с издательством, я обратила внимание на его пренебрежение не только ко мне, но и к другим людям. При этом он не испытывал никаких угрызений совести из-за того, что своими действиями задевал чувства других людей. Его точка зрения была простой: человек не должен быть нюней и раскисать по любому поводу.

Где-то в глубине души я понимала, что моя взрослая жизнь началась с фальстарта, и осознавала, что не должна, в общем-то, винить в своих собственных неудачах Арнольда и Франко. Но по причине того, что у меня не было каких-то определенных планов, первым объектом, на котором я вымещала всю свою злость, стала крепкая дружба двух товарищей. Мое положение было просто аховым: работа не нравится, собственного угла нет, и для того, чтобы развеять появляющиеся подозрения о моем сожительстве с Арнольдом, мне приходится постоянно врать родителям и друзьям. Странное дело, но почему-то никто не верил, когда моя «соседка» Дорин отвечала по телефону: «Барбары сейчас нет. Что ей передать?»

Так или иначе, однажды тайное стало явным, и мои родители узнали о моем невеселом положении. После того как всплыла неприглядная правда, моя неуравновешенная мать тут же перестала со мной общаться и даже не отвечала по телефону, когда я ей звонила. Узнав, что ее дочь сожительствует с мужчиной, мать вычеркнула меня из жизни семьи и называла не иначе как «маленькой шлюхой». Мой отец, всегда защищавший нас от нападок матери, в этот раз пошел у нее на поводу, хотя и всячески пытался образумить свою беспутную дочь. Зачем она сожительствует с этим мужчиной? Мы с отцом несколько раз пытались обсудить этот неприятный вопрос во время наших встреч в ресторане *Marina del Rey*. Отец высказывал опасения по поводу неопределенности намерений Арнольда, а я пыталась убедить его в том, что мой молодой человек просто не похож на американцев. Арнольд был уверен, что с браком спешить не надо и лучше подождать какое-то время. Не зная, как еще воздействовать на отца, я просто говорила: «Отец, Арнольд стоит того, чтобы мы подождали с браком! Поверь мне. Нас с ним ждет великолепная жизнь!»

Мой отец в эти моменты с огромным сожалением смотрел на свою разом повзрослевшую дочь и без всякого энтузиазма обещал поговорить с матерью и успокоить ее.

После разговоров с отцом я, измученная, но не изменившая своего мнения, возвращалась обратно в квартиру к Арнольду, который даже не догадывался о том, какой эмоциональный

конфликт я переживаю. Для Арнольда жизнь всегда была тем, чем можно управлять, для меня – тем, что просто происходит с тобой. Но даже я начала понимать, что мне необходимо что-то изменить в своей судьбе: проживание в квартире с двумя бодибилдерами вызывало у меня отчаяние и утомление, а моими постоянными спутниками стали разочарование и усталость.

Словно в ответ на мои невеселые мысли об изменениях в жизни 9 февраля 1971 года произошло землетрясение в Сильмаре, сила которого составила шесть с половиной баллов по шкале Рихтера. В эти утренние часы мы с Арнольдом еще крепко спали, а грохот и тряска полностью нас дезориентировали. Землетрясение случилось словно гром среди ясного неба, и, пока все вокруг тряслось и рушилось, мы, схватив свои вещи, побежали в безопасное место. По дороге нам встретился Франко, и на фоне трагических событий наше взаимное недоверие моментально исчезло. Даже мне, коренной жительнице Калифорнии, никогда прежде не приходилось испытывать ничего подобного, не говоря уж об Арнольде, которого эта трагедия порядком напугала.

После того как миновал основной удар, начались повторные сейсмические толчки, и мы решили, что в целях безопасности лучше выйти на улицу. Спускаться на улицу нам пришлось по трясущейся от повторных толчков лестнице. Выйдя наружу, мы увидели толпу незнакомых нам соседей, которые хоть и были напуганы, но сохраняли спокойствие. Подземные толчки продолжались, и некоторые из нас уже начали готовиться к приходу Спасителя. Но все, что мы получили, – это очередную порцию сейсмических толчков.

Хотя тряска продолжалась, мы поднялись в свою квартиру и начали слушать местные новости. В экстренных выпусках говорилось о том, что по степени разрушений и числу человеческих жертв ничего подобного в Калифорнии до сих пор не было, и к концу дня мы уже были рады тому, что не попали в списки погибших. Что касается меня, то это землетрясение послужило серьезным поводом задуматься об изменениях в жизни.

Начала я с того, что поменяла работу, устроившись на место персонального секретаря в одну из компаний, которая занималась продажей недвижимости. После этого я перебралась в квартиру своей подруги Дорин, жившей неподалеку от известного «фермерского рынка», откуда мне было удобно добираться до своей новой работы. Несмотря на то что мать Дорин, подобно моей собственной мамаше, тоже считала меня шлюхой, это не особо помешало моему переезду. Ну что ты будешь делать с этими матерями из Сан-Марино!

После переезда на новое место жительства я почувствовала себя значительно лучше из-за того, что смогла решить долго терзавшую меня проблему пребывания в одной квартире с Франко. Хотя я и успокоилась, но все же продолжала думать, что Франко плохо влияет на Арнольда и наши отношения. Сейчас мы с Арнольдом жили в пятнадцати минутах езды друг от друга и могли встречаться каждый день, ходить на завтраки в ресторанчике «Деликатесы Зака» и делиться накопившимися за день впечатлениями. Проще говоря, мы с Арнольдом вернулись к режиму встреч, который у нас был когда-то, до периода сожительства. Мне, конечно, приходилось тратить время на поездки, чтобы встретиться с Арнольдом, но мы, как и прежде, оставались парой. Более того, у меня теперь был собственный дом, куда мне можно было позвонить.

После переезда у меня появилось время заняться собой, и я села на «водную диету» доктора Штальмана. Мне приходилось выпивать восемь стаканов воды в день, чуточку вина и налегать на сельдерей, чтобы привести свою фигуру в порядок. Надо сказать, что я достигла определенных успехов в снижении веса и похудевшей нравилась себе значительно больше. Но Арнольд категорически не принимал подобный способ избавления от лишнего веса. «Бар-бар-ха, заканчивай ты с этай деетой!» – эту фразу я постоянно слышала в тот самый момент, когда моя рука уже тянулась к коробке с конфетами.

В то время мать Арнольда каждый месяц писала ему письма и жаловалась на свое здоровье и здоровье мужа. В письмах она часто упоминала о том, что им с отцом Арнольда приходится следовать диете, снижающей уровень холестерина в крови, но даже при соблюдении режима питания она очень беспокоится за мужа. Ко всему прочему, мать Арнольда, как никогда прежде, начала жаловаться на своего старшего сына Мейнхарда. Хоть она и была довольна тем, что у сына и его девушки родился ребенок, маленький Патрик, но, с ее точки зрения, Мейнхард не уделял должного внимания ни своему ребенку, ни своей девушке. Со слов матери, Мейнхард проводил очень много времени в пивных ресторанах со своими шумными приятелями, а она хотела, чтобы он женился на своей девушке и больше времени проводил дома.

В какой-то мере Арнольд был даже рад таким новостям – ведь он больше не был нелюбимым сыном для своих родителей. Из писем матери он получал реальные свидетельства того, что его старший брат уже не был любимчиком, что и у него могут быть проблемы, и это вполне могло означать, что со временем Арнольд имел все возможности занять место своего старшего брата.

Друзья и приятели Арнольда, знавшие о конфликте в его семье, своими глазами видели, каким образом он отражается на Арнольде.

Митс Кавашима, занимавший видное положение в обществе, так комментирует внутреннюю мотивацию Арнольда: «Натянутые взаимоотношения в семье Арнольда стали одной из причин его феноменальных успехов. „Отвергнутый“ в детстве своим собственным отцом, Арнольд любыми способами пытался доказать, что тот был неправ и что его старший брат Мейнхард ничуть не лучше его. Такая „отрицательная мотивация“ придавала Арнольду огромных сил и заставляла его путем проб и ошибок добиваться выдающихся результатов».

Мой австралийский приятель Брендан Райн, который в свое время общался с Арнольдом, дополняет объяснения Митса Кавашимы. Однажды Арнольд рассказал ему про свои взаимоотношения с отцом: «Мой отец постоянно шпынял нас и считал, что мой старший брат лучше меня во всех делах. У меня было очень сильное желание превзойти своего брата во всем и добиться успеха».

Другим приятелем, на помощь которого я всегда могла рассчитывать, был Фрэнк Зейн – он был хорошо знаком с Арнольдом, они вместе тренировались и много общались. Фрэнк рассказал мне, что Арнольд обладал поразительной самодисциплиной, позволявшей ему не расслабляться и упорно идти к поставленной цели. Рассказ Фрэнка Зейна об Арнольде частично перекликается с теорией «отцовского комплекса» Зигмунда Фрейда. Арнольд, как и многие другие бодибилдеры, страдал от нехватки отца в своей жизни и в то же самое время страстно желал привлечь его внимание к себе. Для того чтобы избавиться от внутренних страхов, чувства неуверенности и вины, Арнольд решил начать заниматься «мужским делом» и ощутить себя мужчиной. Такой защитный механизм позволил Арнольду преодолеть душевную пустоту и растерянность от безучастности своего отца. Подобный стиль поведения начал формироваться у Арнольда еще в детском возрасте и закрепился во времена его юности, но, даже будучи взрослым, Арнольд не смог пересилить себя и продолжал жить в режиме *гиперкомпенсации*.

Помимо точки зрения об эффекте гиперкомпенсации из-за недостатка внимания отца, Фрэнк Зейн поделился со мной некоторыми мыслями из теории Карла Юнга об архетипах. Теория Юнга предполагает возможность существования символических образов в коллективном бессознательном людей и наличия схожих образов в психике отдельного человека. Фрэнк полагал, что для описания действий и поступков Арнольда лучше

всего подходит архетип трикстера, или плута. Этот архетип характеризуется внешне веселым и шутливым поведением, и за счет использования безжалостных и хитрых методов его «обладатель» одерживает победы над другими людьми. Методы Арнольда по завоеванию побед путем хитроумного использования слабостей своих конкурентов были широко известны: изучал ли он поведение и психику Серджио Оливы или давал советы другим участникам соревнований, он всегда старался подорвать их веру в победу.

Дополняя теорию Юнга, Фрэнк Зейн рассказал о существовании понятия «шести миров» в тибетской философии. Во время нашей беседы он поведал мне о философских мировоззрениях Востока. Основным догматом этих мировоззрений является наличие замкнутого круга «шести миров», внутри которого, цикл за циклом, протекает жизнь человека. Каждый человек в своей попытке достичь состояния нирваны проходит определенные испытания, которые существуют в отдельно взятом «мире», а разные свойства человеческого характера и эмоционального настроя влияют на индивидуальное ощущение мира. При помощи «миров» описываются различные шаблоны поведения людей, и, по мнению Фрэнка Зейна, Арнольд жил в «мире Титанов», в котором человек может набраться сил для подвигов. Взрослея, «Титаны» получают возможность видеть другие способы развития и взаимодействия с миром и получают в свое распоряжение средства влияния на реальность.

Получив такие отзывы об Арнольде, я начала понимать всю сложность его психологического состояния. Арнольд с детства развил у себя три навыка: навык постановки цели и определения путей ее достижения, навык одержания побед над конкурентами и навык получения явных доказательств своего превосходства над старшим братом. Когда я пыталась обсуждать с ним подобные философские вопросы, Арнольд отмахивался от меня и называл все мои размышления «психологической ерундой»: долгие копания в теориях его не слишком интересовали. Ему вполне хватало того, что он находится на подходящем для него уровне уверенности в своих силах, и его не особо волновало, как это происходит. Ну а мне после разговоров с Фрэнком Зейном стало проще понимать мотивы поступков Арнольда.

Мне самой не приходилось страдать от подобного непонимания со стороны родителей: каждая из четырех сестер в нашей семье с полным на то основанием могла считать себя «любимой дочерью». Как только я вспоминаю наши мольбы: *«Мама, разве я не самая лучшая?», «Папа, люби меня больше всех!»* – мне становится понятно, по какой причине Арнольду

постоянно приходилось жить на пределе своих возможностей. Несмотря на то что я стала лучше понимать внутреннее мироощущение Арнольда, мне хотелось, чтобы он хоть немного отвлекся от своих целей и обратил внимание на меня.

Однажды майским утром, войдя в комнату Арнольда, я обнаружила его неподвижно сидящим на кровати – он просто сидел и ничего не делал. Но Арнольд всегда был занят каким-то делом, и видеть его сидящим без всякого движения было немного странно. Я подошла к нему поближе и поинтересовалась, что у него стряслось. Арнольд посмотрел на меня и сказал загробным голосом:

– Мой брат только что пагиб в автокатастрофе.

Арнольд просто сидел и смотрел на меня так, словно хотел сказать: *«Что я должен сейчас чувствовать? Сейчас я даже не знаю, каков мой брат был в реальности, но он мой брат, и он мертв. Это очень странно. Мой брат больше не будет любимчиком родителей. Он мертв… И я не знаю, что мне чувствовать в этот момент».*

Когда Арнольд два года назад жил в Мюнхене, он редко встречался со своим братом, и я видела, что он не особо переживал из-за его внезапной смерти. Я села на кровать рядом с Арнольдом и, держа его за руку, снова и снова говорила о том, как сейчас переживают утрату Патрик и Эрика – сын и девушка Мейнхарда – и каково родителям потерять старшего сына. Обняв Арнольда, я представила себя на его месте: что бы я почувствовала, если бы умерла одна из моих сестер? Надо сказать, что ощущения от такого представления были страшными и неприятными, – но я была очень близка с сестрами, а у Арнольда были проблемы в отношениях с братом. Для Арнольда, по всей видимости, было гораздо более естественно ощущать обычную боль, а не боль от потери близкого человека. Несмотря на все разногласия между братьями, Мейнхард был самым лучшим другом Арнольда, и это означало, что отец больше не сможет манипулировать своими детьми и вносить разлад в их отношения. Как бы то ни было, один из самых близких людей Арнольда умер, но жизнь тем не менее продолжалась.

Прошло два с половиной года с тех пор, как Арнольд оставил отчий дом и начал самостоятельную жизнь, и за все это время он не видел никого из своих родственников. Общение с родителями было сведено к минимуму: только изредка Арнольду приходили письма от его матери, и иногда он сам звонил родителям домой. После получения известий из дома о смерти брата Арнольд отказался ехать на похороны и ограничился только телефонным звонком с соболезнованиями.

Как раз в то время, когда погиб его брат, Арнольд возобновил свои интенсивные тренировки для подготовки к осенним соревнованиям и в своем воображении в мельчайших деталях представлял весь процесс состязаний, мысленно настраивая себя на прохождение всех предстоящих этапов. Пока Арнольд тягал в зале штанги и гантели, он еще и усиленно размышлял над теми неудачами, с которыми ему пришлось столкнуться в своем первом самостоятельном бизнес-проекте: задержки в доставке товаров конечным потребителям к тому времени уже составляли от полугода до года, и часть клиентов начала терять терпение. В адрес Арнольда начали поступать жалобы от его фанатов и их отцов, безграмотно составленные письма с угрозами и уведомления о возможных судебных разбирательствах – вся эта масса корреспонденции ставила Арнольда в тупик. Пока на его счету в банке было достаточно денег, чтобы расплатиться по долгам, он, конечно, мог чувствовать себя относительно уверенно, но все же Арнольд понимал всю серьезность создавшейся ситуации. Джо Уайдер успокаивал его: «Расслабься, все будет нормально».

Однако, несмотря на все успокоения Джо, в почтовый ящик Арнольда продолжали сыпаться нелицеприятные письма. Что же будет дальше? Не зная, как вести себя в подобной ситуации, Арнольд был более раздражителен, чем обычно, – ведь он хотел зарабатывать большие деньги, а не получать пачками претензии от клиентов. Чувствуя негативный настрой Арнольда, я невольно присоединилась к его переживаниям и представила себе всех его фанатов, которые ждали от него советов, – мне даже вспомнился случай из собственной жизни, когда я заказала специальный пояс для похудения, но так его и не получила. Письма фанатов Арнольда задели меня за живое, и во мне заговорил дух американских скаутов, которые должны выполнять свои обещания и помогать другим людям.

Для исправления ситуации я засела за свою пишущую машинку и напечатала почтовые наклейки для нескольких тысяч клиентских заказов, а также составила несколько шаблонов официальных писем с извинениями за срыв заказа. После того как шаблоны писем были готовы и мы с Арнольдом отправили их адресатам, его настроение значительно улучшилось. Отправляя заказ за заказом, Арнольд постепенно выполнил все свои обязательства перед клиентами. С этого момента его мускулистое тело совершенно точно превратилось в машину для «заколачивания» денег, а те результаты, которые мы получили в течение полугода, разбираясь с заказами, стоили нескольких лет сидения за партой. Общаясь за работой, мы постепенно

начали привыкать к объему корреспонденции, извлекаемой из почтового ящика, а Арнольд с удовлетворением наблюдал за своим растущим счетом в банке. Впервые в жизни он начал понимать важность финансовой «подушки безопасности» и задумался над тем, каким образом перейти от простого накопления денег в банке к настоящим инвестициям.

Пока Арнольд разбирался со своими делами, Джо Уайдер решил, что его журналу не помешала бы яркая и броская реклама. Оказалось, что во время съемок в фильме «Геркулес в Нью-Йорке» Джо нанял специального фотографа, который сделал фотосессию обнаженного Арнольда с вызывающей и яркой красоткой. Во время фотосессии были сделаны снимки позирующего Арнольда и находящегося рядом с ним женского силуэта. Какова была тема тех съемок? Она была простой и незамысловатой: женщина ублажает Австрийского Дуба при помощи оральных ласк.

Как-то раз, сидя у себя дома и читая летний выпуск журнала *Muscle Builder*, я наткнулась на рекламу «средства после бритья». Когда я увидела эту рекламу с обнаженным Арнольдом, то не могла поверить, как он вообще мог на такое пойти. Прямо перед собой я видела человека, которого я люблю и который выставляет себя в обнаженном виде на показ всей аудитории. Не отрываясь я смотрела на эту вызывающую фотографию, на которой самым непотребным образом был запечатлен Арнольд и девушка, пожирающая глазами его интимные места и игриво прикрывающаяся своими пышными волосами.

Мне следовало как-то отреагировать на увиденную рекламу, и во время нашей встречи с Арнольдом в известном ресторане *Yamashiro* я пошла в атаку:

– Не могу поверить! Как ты мог сняться в этой рекламе? Когда ты снимался в этой непристойности?

Но все, что я услышала в ответ:

– А, это. Эта фотосессия вхадила в мой кантракт с Джо. Ты же знаешь его – он всигда любил экспиментировать.

– Экспериментировать? Но ты же здесь обнимаешься с этой шлюхой! Боже, что за дрянь! Похоже, что она готовится тебе отсосать! Как ты мог так со мной поступить? Я не верю своим глазам, когда смотрю на это!

– Послушай, Бар-бар-ха. Джо Уайдер – мой босс, и он хател напечатать что-то асобенное в сваем журнале. Он привел ту девушку в студию в Нью-Йорке, когда я снемался в фильме *«Гер-хул-ес»*, и, послушай, я даже не был тваим бойфрендом в то время! Мы всиго лишь сделали пару пробных снимков, и ничего более. И я думаю, что у нас получилось сделать коросиво. Мне

больше нечего тибе скозать по этому поводу. Это была идея Джо, и ты это знаешь.

– Отлично, если ты сам не понимаешь, насколько безнравственны эти снимки, я сама поговорю с Джо, – вот и все, что я смогла ему тогда ответить.

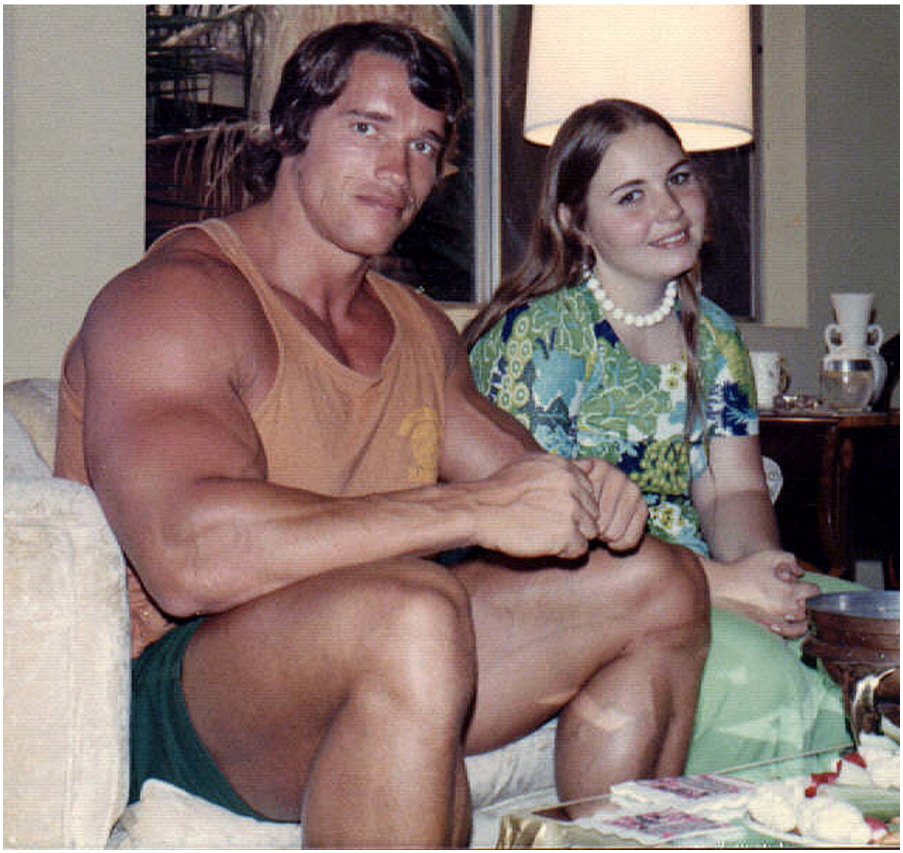
После выяснения отношений мы перевели разговор на другие темы и с удовольствием поедали блюда японской кухни. Когда мы закончили ужинать и Арнольд повел меня в кафе попить кофе с десертом, я размышляла о сложившейся ситуации. *«Он прав. У нас с ним не было отношений в то время, когда он снимался в этой фотосессии. Тем более люди моего круга не читают подобные журналы и вряд ли увидят эту рекламу. Но все же надо поговорить с Джо и сказать ему, чтобы он перестал использовать Арнольда таким откровенным образом».* Хладнокровно обдумывая создавшееся положение, я постепенно успокаивалась и приходила в себя, да и уютная обстановка итальянского кафе действовала на меня умиротворяюще.

Несмотря на достигнутый консенсус относительно этой откровенной рекламы, мы с Арнольдом время от времени возвращались к этому вопросу: в то время я считала, что участие в подобных откровенных съемках вряд ли поможет в его карьере. Но Арнольд не обращал особенного внимания на мои комментарии и дал Джо полный карт-бланш на использование своих фотографий и отслеживание реакции читателей на их публикацию. При таком отношении Арнольда к моему мнению у меня просто не было никаких шансов его переубедить. Несмотря на все мои разговоры с Джо, журнал с откровенными снимками Арнольда так и продолжал публиковаться, и со временем мне пришлось смириться с таким положением вещей. Из-за своих внутренних переживаний я вновь вернулась к практике «заедания» проблем и начала набирать лишний вес.

В сложившейся обстановке меня спасало то, что мне удалось помириться со своими родителями и они поддержали меня в трудной ситуации. Постепенно отец, а за ним и мама начали более спокойно относиться к нашему совместному проживанию: я просто не оставила иного выбора родителям, кроме как принять этот факт. Нас вместе с Арнольдом начали приглашать на семейные мероприятия – дни рождения, государственные праздники и просто посиделки. Поначалу стиль поведения Арнольда и его акцент удивляли всех моих родных, а происходило это потому, что Арнольд всегда и везде вел себя непринужденно и раскованно. Но наши визиты к родственникам закончились тем, что моя семья приняла Арнольда как своего – несмотря на всю его необычность.

Очень скоро вся моя семья – сестры со своими мужьями, племянницы и племянники – поняли, что чем больше Арнольд общается с ними, тем больше он им нравится. Если Арнольд хотел понравиться людям, он делал то, чего от него ожидали. К примеру, он мог запросто сказать: «Так, кто только что пернул? Давайте, признавайтесь! Марианна, это не ты сделала, случаем?» Однажды Арнольд рассмешил мою сестру Салли на праздновании Дня благодарения, когда во время общей молитвы тайком стал перекладывать кусочки индейки со своей на ее тарелку. Салли едва сдерживалась, чтобы не засмеяться, и по окончанию молитвы со смехом пихнула Арнольда. Таким образом, «маленький дьяволенок» стал самым любимым и желанным гостем на семейных собраниях.

Арнольд все больше и больше нравился моей маме, а ее живой и беспокойный характер заставлял ее постоянно устраивать какие-то вечеринки. Из-за бурной фантазии матери наш дом был местом сбора разных людей и всяческих развлечений. Мать со всей страстью ее натуры отдавалась хлопотам по подготовке вечеров и продумывала все до мелочей: какие шляпки будут у гостей, на каких салфетках будут подаваться коктейли, какие будут закуски и горячие блюда, какое будет музыкальное сопровождение, какие спиртные напитки будут пить гости и какие игры будут сопровождать вечер. Из-за усилий матери наш дом постепенно превратился в некое подобие гостиницы или трейлера, где были рады каждому. Арнольду очень импонировало эксцентричное поведение моей матери, и она отвечала ему тем же. Трудно даже сказать, сколько раз Арнольд возвращался к себе домой с разными вкусностями, которые специально для него оставляла моя мама. Для Арнольда моя мать стала «его маленькой *Myrtzele*».



Арнольд с моей сестрой Салли, 1971

На вечеринке в доме моих родителей, 1971

Примерно через год нашей с Арнольдом совместной работы над его проектом торговли по каталогу я опосредованно получила награду – стала незаменимым помощником в делах для своего возлюбленного. Из-за возрастающих объемов торговли Арнольду требовалось пунктуально соблюдать и выдерживать сроки работы с корреспонденцией. Тем не менее, хоть я и помогала Арнольду и выполняла для него работу секретаря, эта помощь стала дополнительным яблоком раздора в наших отношениях. Нам волей-неволей приходилось проводить много времени за нелегкими обсуждениями результатов тренировок Арнольда, его конкурентов, спонсоров состязаний, официальных представителей мира бодибилдинга, бизнесменов и клиентов. А еще были бесконечные статьи – для них Арнольд делал грубые наброски, которые я потом редактировала: он всегда уделял особое внимание деталям, и после бесконечных проверок текста я печатала конечный вариант брошюры.

Если Арнольд чем-то и отличался от других бодибилдеров,

так это вниманием к мельчайшим деталям, и еще он никогда не упускал случая завязать полезные знакомства с разными людьми, которые могли оказать помощь в тех или иных вопросах. Имея безграничное воображение и амбиции, посредством переписки Арнольд активно расширял круг своих знакомств. При помощи писем ему удавалось выходить на людей, которые могли помочь ему в организации платных выступлений, где он мог легко заработать тысячу долларов за пять минут позирования.

Так уж сложилось, что постепенно цели Арнольда стали и моими целями. Я разделяла его ощущения относительно неустроенного детства, а он давал мне ту уверенность, которую не мог обеспечить мой собственный отец. Арнольд всегда составлял для себя план действий и четко ему следовал – постепенно я привыкла и к этому его качеству. Живя в режиме достижения целей, Арнольду приходилось не только соревноваться с другими бодибилдерами, но и уметь отстаивать свою точку зрения. Иногда это удавалось ему с трудом: испытав разочарования в детстве, Арнольд болезненно воспринимал любые попытки контроля. Более того, Арнольд был настолько упертым, что не слушал ничьих советов, и никто не мог обуздать его бунтарский нрав. Это, правда, продолжалось ровно до тех пор, пока он сам не понимал, что поступает неправильно и ему необходимо поменять свое поведение. Таким образом, его мощная энергетика и непоколебимость в суждениях не оставила мне выбора: у меня не было другого выхода, кроме как сдаться на милость победителя.

На протяжении двух лет, что мы с ним провели вместе, одной из самых болезненных тем в наших отношениях стал вопрос брака. Арнольд постоянно уходил от обсуждения этого вопроса и отделывался отговорками: нам и так хорошо живется; женится он только лет в сорок, как и его отец; давай обсудим это после того, как пройдет очередное соревнование. Такие отговорки очень огорчали меня, и я постоянно себя спрашивала: разве мы не можем любить друг друга в браке? Ко всему прочему, моим близким подругам удавалось как-то легко и просто найти свою любовь и выйти замуж, но, несмотря на все мое негодование и мысли о необходимости поискать более спокойных отношений, я не могла найти в себе силы порвать с Арнольдом. За то время, пока мы с Арнольдом жили вместе, я успела потратить кучу денег на свадебные подарки, но сама ни на шаг не приблизилась к подвенечному платью. Когда мы с Арнольдом присутствовали на очередной свадьбе, я всегда втайне надеялась на то, что он сделает мне предложение. Но он раз за разом отделывался молчанием.

Трудно описать, с каким нетерпением я ждала окончания соревнований в 1972 году, после которых, как я рассчитывала, Арнольд должен был сдержать свое слово относительно нашей свадьбы. Но все мои ожидания закончились полным фиаско: Арнольд в очередной раз перенес разговор о нашем браке и предложил подождать результатов выступлений «Мистер Олимпия». Получив такой ответ, я решила, что Арнольд просто просит меня подождать до осени и что уж тогда-то он сделает мне предложение. Наступившее лето я провела в предвкушении предстоящего предложения от Арнольда, но мне пришлось внести некоторые коррективы в свою жизнь. Началось все с того, что моя соседка по квартире, решив перед замужеством пожить самостоятельной жизнью, уехала от меня, а я, в свою очередь, устроившись на новое место работы в сеть спортивных магазинов, переехала в Санта-Монику.

Переехав поближе к Арнольду, я бóльшую часть своего времени начала уделять нашим отношениям, в которые его страстность и нежность вносили определенный шарм. Несмотря на все наши проблемы, мы всегда знали, что помиримся, стоит нам только оказаться в постели. Стоит признать, что эмоциональная сторона наших отношений переживала не самые лучшие времена, но мы оба понимали, что обоюдная страсть поможет нам преодолеть возникающие проблемы, а разногласия по поводу свадьбы останутся лишь временными недоразумениями.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Негативные чувства, которые Арнольд испытывал к отцу, невольно отражались на мне, и сейчас я хотела прояснить этот вопрос до конца: как именно он воспринимал свои отношениями с отцом.

– Я помню, как ты рассказывал про ваши с отцом занятия керлингом, – потихоньку начинаю я прощупывать Арнольда.

– Да, точно, было такое. Но мы делали еще кучу всяких вещей вместе. Например, мы выстругивали деревянные свистульки. Это было своего рода соревнование: кто сделает лучшую и самую громкую свистульку. А еще отец учил нас обращаться с ножом и показывал, как лучше всего делать лук и стрелы к нему. Отец в подробностях объяснял нам, какое дерево лучше брать для того, чтобы сделать хороший лук.

– Даже и не знала, как много времени вы проводили вместе с отцом, – удивленно замечаю я.

– Я очень хорошо помню то время и все те вещи, которые мы

делали вместе с отцом, – однажды он даже сделал для нас самокат с маленькими деревянными колесиками. А еще отец водил нас к плотнику, и тот прямо у нас на глазах выстругивал игрушки. Не стоит и говорить, что для нас с братом подобные походы были настоящим праздником.

Или взять хотя бы ботинки. Отец учил нас, как правильно чистить обувь, и мы с братом каждый день начищали его ботинки. Нужно было правильно очищать обувь от грязи, так как на улице было не совсем чисто и к концу дня ботинки приобретали неопрятный вид. Для того чтобы сделать все правильно, необходимо было сначала щеткой очистить подошву, затем обтереть ботинки тряпкой и поставить их сушиться. Такие вот правила у нас были.

– Но это же похоже на армейские порядки? – задаю я вопрос.

– Это точно. А помимо всего прочего, были и другие правила: чистка пояса и пряжки, к примеру, – делится своими воспоминаниями Арнольд.

– Скажи, пожалуйста, каким образом отец контролировал ваше поведение за столом? – пытаюсь я превратить монолог Арнольда в диалог.

– Ну, он не позволял нам… – начинает Арнольд.

– …класть локти на стол, – заканчиваю я его фразу.

– Локти! Это уж точно. У отца под рукой всегда был или журнал, или книга, и, как только локти оказывались на столе, тут же следовало наказание: он мог ударить по лицу в тот самый момент, когда ты уже подносил ко рту ложку с супом, и от удара еда летела непонятно куда, – басит Арнольд.

– Как же я рада, что мой отец не был таким, – не то чтобы он нас совсем не наказывал, он предпочитал нас просто учить, – добавляю я.

– Мне так обидно, что я настолько мало времени провел с отцом. Сейчас, когда я смотрю на своих родственников по линии семьи Шрайвер, то вижу, что их отец до сих пор жив. И это несмотря на то, что его детям уже по пятьдесят лет. Даже если их отец умрет в скором времени, он все равно застанет успехи своих детей. Мой же отец до этого не дожил и не увидел того, чего я добился в жизни, и это иногда расстраивает меня, – продолжает свои воспоминания Арнольд.

После разговора с Арнольдом я попыталась представить себе, каково это – чувствовать, что отец не замечает твоих усилий и не верит в тебя. Каково это – жить с ощущением того, что отец не увидел феноменальных успехов, достигнутых тобой, несмотря на все его сомнения? Во время нашего разговора с Арнольдом я ловила себя на мысли о том, что он всю жизнь боролся

с призраком своего отца. От подобных размышлений мне, честно сказать, было не по себе – ведь мне самой пришлось когда-то противостоять влиянию Арнольда на мою жизнь. Имея за плечами достаточный жизненный опыт и понимая внутренние ощущения Арнольда, я все же нашла в себе силы простить его за все те огорчения, которые он доставил мне в жизни.

Быть сильнее смерти

– Итак, мой атец умер.

У меня словно маленькая хлопушка взорвалась в голове, когда Арнольд это сказал. С изумлением и ужасом я смотрела на него: как, его отец умер? Когда это произошло? Это событие переполнило чашу моего терпения, и, пока мы с ним сидели за небольшим столиком, весь мой накопленный за два с половиной года гнев потребовал выхода. Меня просто разрывало на части от ярости: насколько же надо быть бесчувственным, чтобы так спокойно переносить подобные известия? Его брата не стало полтора года назад, а сейчас умер его отец, и хотя он не был особо близок с ними, но разве не мог он более эмоционально переживать внезапную смерть отца? И почему он выждал время перед тем, как сказать мне об этом?

В тот момент я не стерпела и начала его укорять:

– Разве можно быть таким бессердечным – твой отец только что умер, а тебе словно и дела никакого нет? Ты даже мне не позвонил, не предупредил, а специально ждал, когда я приду? А твоя бедная мать! Ты о ней подумал – каково ей сейчас одной в деревне? Она недавно потеряла старшего сына, а теперь и мужа. И знаешь что? Вот я смотрю сейчас на тебя и думаю: ты ведешь себя так, словно сам умер.

Пока я выговаривала ему все, что у меня накопилось на душе, Арнольд смотрел куда-то в сторону.

– Кто я для тебя, Арнольд? И как насчет всех твоих обещаний о том, что мы с тобой поженимся до конца года? Я так думаю, ты и об этом не хочешь сейчас со мной говорить! – кричала я ему.

– Что? О чем это ты гаваришь? – перебил меня Арнольд.

Закатив глаза, я ответила:

– Ты обещал… Мы с тобой разговаривали о том, что должны пожениться до конца этого года. Или ты просто успокаивал меня для того, чтобы я наконец заткнулась и отстала от тебя?

– Что?! О чем это ты гаваришь? – снова повторил свою реплику Арнольд. – Я никогда ничего падобного не гаварил тибе!

Меня словно громом поразило, когда я услышала его ответ. *Что это такое? Я что, сошла с ума? Должно быть, я сошла с ума: этот человек отвергает все то, ради чего я жила последние полгода.* В этот момент Арнольд не вызывал у меня никаких чувств, кроме отвращения. «Я не могу больше так жить. Я посвятила ему всю себя без остатка и жила только им одним. И что я получаю взамен? Да ты просто ублюдок! Давай, вали отсюда!» – пока у меня в голове проносились обрывки мыслей, я

просто не могла поверить в реальность всего происходящего.

Арнольд молча поднялся, подошел к вешалке, надел свою куртку и ушел. Я осталась сидеть одна и с напряжением вслушивалась в его удаляющиеся шаги. Каждый его шаг отзывался болью в моей израненной душе, и я поспешила укрыться от тягостных мыслей в своей комнате. В тот момент у меня на душе скребли кошки, и я чувствовала, как немецкая холодность Арнольда словно заморозила меня до смерти. Нехорошие мысли продолжали роиться у меня в голове, и только мне удавалось отогнать одну из них, как ее место тут же занимала другая. Больше всего меня беспокоило то, как я смогу прожить без Арнольда.

Когда утром зазвонил телефон и я взяла трубку, то услышала неуклюжие объяснения Арнольда по поводу его бессердечности. Я, конечно, понимала, что он пытается меня успокоить и в очередной раз воспользоваться моей сильной привязанностью к нему. Будучи не в силах преодолеть свою одержимость Арнольдом, я слушала его извинения.

– Мне так странно, что мой атец умер, но что я магу паделать? Я всегда был на ниго в абиде. Я хотел бы испытать боль от смерти атца, как и от патери Мейнхарда, но я уже полностью порвал все атношения с ними.

– Но как же твоя мать? – задала я ему вопрос.

– Я гаварил с ней и со сваими родственниками по телефону. Она сказала, что с ней все пудет нармально, и еще она валновалсь за мое калено. Ты же знаешь этих матерей!

Мне эта ситуация виделась несколько иначе: мать Арнольда только что похоронила своего мужа, с которым прожила двадцать семь лет в браке, и сейчас даже не может рассчитывать на единственного сына. Когда я спросила Арнольда, почему он не подлечил колено и заодно не повидался с родственниками, когда был недалеко от своего родного города, он промолчал. Я понимала, что мой вопрос излишен: Арнольд просто не хотел видеться ни с деспотичным отцом, ни даже со своей матерью.

Когда я поинтересовалась у Арнольда о том, какими они видит наши дальнейшие отношения, он ответил:

– Я тибя лублу, дарагая. Думаю, что тибе будет достаточно этаго.

Сделав глубокий вдох, я сделала попытку успокоиться: Арнольд остался верен себе и продолжал жить в своем собственном мире. Мне же пришлось наступить на горло собственной песне и смириться с тем, что в ближайшем будущем я не смогу добиться от Арнольда ничего нового.

Отложив в сторону наши планы относительно свадьбы, мы

вплотную занялись коленом, которое Арнольд повредил на выступлениях. Судя по всему, связки были серьезно повреждены, но Арнольд хотел обойтись без хирургического вмешательства. Тем не менее хирургии настояли на проведении операции, и мне пришлось уговаривать себя поддержать Арнольда в эту трудную для него минуту. Я решила так: как только Арнольд полностью поправится, я уйду от него. Но стоило мне только вернуться к Арнольду на короткое время, пока шла операция и восстановление, как неведомая сила снова притянула меня к нему.

Оправившись после операции, Арнольд предложил хорошенько отметить наступающий 1972 год. Новый год решено было праздновать в отеле «Балтимор» в Санта-Барбаре, куда мы с Арнольдом незамедлительно отправились. Там нас уже поджидал его друг Пьер со своей девушкой, и, как обычно, все мои ожидания относительно веселого праздника пошли прахом. Вместо старой доброй новогодней ночи – с дудками и конфетти, поцелуйчиками под бой часов и тостами с пожеланиями вечной любви – Пьер предложил встретить Новый год в их номере. Арнольд предпочел поддержать предложение Пьера, и я здорово разозлилась на него за это. Мне пришлось забыть про свои новогодние фантазии и безо всякого желания волочиться за этой троицей в номер. По пути туда я потянула Арнольда за руку и прошептала:

– Почему бы нам не отпраздновать Новый год в нашем номере? Только ты и я?

– Давай папозже, – ответствовал Арнольд.

«Давай попозже» – все мои просьбы и желания Арнольд всегда оставлял на потом. Чувствуя, что троица друзей меня уже не замечает, я потихоньку выскользнула в коридор. Одинокая и грустная возвращалась я в наш холодный номер: никогда еще мне не приходилось чувствовать себя настолько покинутой, и снова тревожные мысли овладели мной. *«Что же это за жизнь? Я люблю человека, который во мне нуждается, но он не умеет или не может отвечать мне взаимностью. Его пренебрежение сильно задевает меня, и я просто не знаю, как себя вести. Он просто использует и контролирует меня. Я для него просто кукла, которую он дергает за ниточки».*

Я понимала, что больше не принадлежу себе, и мне оставалось лишь плакать от бессилия.

Когда Арнольд вернулся в наш номер, он застал меня забившейся в угол ванной, но не спешил войти ко мне. Его поведение лишь подстегивало мои и без того мрачные мысли о никчемности жизни. Я сидела на холодном полу и накручивала

себя: *«Ну, давайте же! Кто-нибудь, заберите мою ненужную жизнь».* Эти суицидальные мысли настолько завладели мной, что я даже начала представлять, как непонятно откуда взявшийся нож входит в мое сердце. Мне ясно нарисовалась картина моей смерти и того, как Арнольд находит меня в ванной – бездыханную, окровавленную – и как в момент моего последнего вздоха он с ужасом осознает, какую прекрасную женщину он только что потерял.

Арнольд, конечно, не единожды видел меня плачущей и расстроенной, но в тот раз даже он понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Когда он все же открыл дверь в ванную, то тихо и с участием спросил:

– Милая, что случилось?

Всхлипывая и размазывая слезы по лицу, я ответила ему:

– Я хочу умереть. Все, что я сейчас хочу, – это просто умереть. Я больше не хочу жить. Боже, мне бы сейчас нож. Я себя чувствую брошенной и нелюбимой. Я до сих пор не могу поверить, насколько же ты бесчувственный. Ты ведь заботишься только о себе! Но я-то забочусь не только о себе, но и о тебе. Зачем мне тогда жить? Мне не от кого ждать помощи, а от тебя – особенно.

Арнольд поднял и обнял меня. Крепко прижимая меня к себе, он стал меня успокаивать:

– Канечно, я лублу тибя, дарагая, и хачу, чтобы ты была щастлива. Ну пачему же тебя не устраевает то, как мы сейчас живем, Бар-бар-ха? Мы же так весело праводим время.

– Я не могу выйти замуж за тебя, но и не могу просто порвать с тобой. Меня уже все это достало. Я уже больше не верю в нас с тобой, но не могу жить без тебя. Что же мне делать, чтобы этот кошмар наконец-то закончился? – всхлипывала я у него на плече.

Находясь в состоянии крайнего отчаяния, я пыталась объяснить Арнольду, что не могу больше жить жизнью, полной лжи и сомнений. Тогда я хотела покончить жизнь самоубийством, но у меня под рукой не было подходящих средств, чтобы исполнить свой замысел.

Постепенно моя истерика прошла, и нам удалось даже немножко поспать и восстановить свои силы. Наступивший первый день нового года был не слишком радостным – ведь все мои старые обиды никуда, собственно говоря, не делись. Для того чтобы наши друзья не видели меня в расстроенных чувствах, я попросила Арнольда поговорить с ними и сказать, что мы вернемся домой отдельно от них. Арнольд очень тактично объяснил ситуацию Пьеру и уделил мне максимум внимания, чтобы вывести меня из депрессивного состояния.

Спорим с Арнольдом, 1972

До сих пор я во всех деталях помню наш обратный путь домой: у нас с Арнольдом тогда состоялся очень откровенный разговор о наших детских годах и о том, как они повлияли на нас. Я рассказала ему, что всю жизнь испытывала финансовые трудности, но при этом всегда старалась подражать своим более богатым подругам и соответствовать их уровню. Со всей определенностью я могла сказать, что жизнь в богатом городе и непосильное для меня соревнование привело к развитию моих комплексов. Свою неуверенность и неудовлетворенность своим незавидным положением я тщательно скрывала от других людей – что же удивительного было в том, что это отразилось на моем психическом состоянии? Как ни печально мне было осознавать это, но я не могла жить без одобрения своих действий со стороны других людей, и любовь Арнольда лучше всего поддерживала мою уверенность.

Уютный интерьер новенькой *BMW* Арнольда настроил нас тогда на задушевный разговор, и мы делились друг с другом своими самыми сокровенными мыслями. Детство Арнольда тоже было безрадостным: в школе он не отличался крепким здоровьем и силой, отец не обращал на него особого внимания, к тому же его старший брат был любимчиком у родителей, а его мать страдала от обращения отца. Единственное, что было хорошего у Арнольда в детстве, – это его необычное для тех мест увлечение бодибилдингом. Да и то его постоянно дразнили в городе за такое непривычное для всех «хобби».

Во время нашего откровенного разговора я даже испытала некоторое облегчение. Не успела я окончательно прийти в себя, как Арнольд сделал мне смелое для него предложение:

– Бар-бар-ха, не знаю, пачиму я не магу согласиться жениться на тибе. Что-то внутри миня не пазваляет мне сделать этого. Я лублю тебя и хачу просто жить с табой. Пачиму бы нам не снять квартиру и не пажить атдельно? Когда я услышала такие слова от Арнольда, мою боль как рукой сняло, а мысли разбежались в разные стороны! В моей нынешней ситуации меня устраивало такое предложение. Родители, конечно, вряд ли одобрят подобное решение, но им все же придется смириться с тем, что их старомодные взгляды на жизнь остались в далеком прошлом. Такой вариант был далеко не самым идеальным, но разве это имело значение, если мы с Арнольдом будем жить вместе? Определенно, этот шаг должен был самым лучшим образом повлиять на наши отношения.

– Я согласна, Арнольд! Это, конечно, не то, чего я ожидала от тебя, но я готова сделать шаг тебе навстречу! Вот будет здорово, когда мы заживем в нашей квартире! – впервые за долгое время я почувствовала, как мои мечты обретают реальность.

Следующие несколько недель прошли в приятных хлопотах по поиску подходящей квартиры в Санта-Монике. И вот как-то раз, когда я сидела на работе и просматривала объявления в газете, мне позвонила ассистентка моего гинеколога.

– Барбара, вы сейчас одна? Рядом с вами никого нет? – услышала я голос в трубке.

– Да, я одна, – ответила я, почувствовав что-то неладное.

– Хорошо. Барбара, мы получили ваши анализы, и, судя по всему, у вас гонорея. Выражаю вам свои сожаления, – сказала мне медсестра.

– Вы, должно быть, шутите! Это просто невозможно! – удивленно вскрикнула я.

– Боюсь, что никакой ошибки нет: анализы пришли сегодня после полудня. Доктор передал, что вам и вашему партнеру необходимо немедленно начать принимать пенициллин. Скажите мне, в какой аптеке вы обслуживаетесь, – я позвоню туда и подтвержу заявку на лекарство.

От полученных известий у меня голова пошла кругом, а сердце начало биться так, словно пыталось выскочить из груди. Сказав своему начальнику, что у меня внезапно разболелась голова, я поспешила домой. По дороге я позвонила Арнольду и сказала ему, что у меня к нему есть срочный разговор и что он должен прийти домой. Пока я сидела дома и ждала Арнольда, я еще раз позвонила врачу, чтобы получить более подробную информацию о непристойном заболевании, поразившем мое тело. Доктор уверил меня в том, что гонорея передается только половым путем, – а значит, раз я спала только с Арнольдом, он

и является виновником моего заболевания.

Я и так была на взводе, а тут еще, как назло, Арнольд куда-то запропал. Стоило только ему войти в дверь, как я накинулась на него:

– Как ты мог врать мне? У нас и так был сложный период, и вот теперь выясняется, что ты обманываешь меня?

Арнольду никогда не нравилось, когда на него кричат, и он сразу же принялся защищаться:

– Я не врал тибе. Далжно быть, доктор что-то напутал. Пазвани ему еще раз.

Мы вместе с ним позвонили в больницу, и медицинская сестра проконсультировала нас, каким образом в домашних условиях проверить симптомы: если у Арнольда появятся мутные выделения белого цвета, то это будет означать, что у него гонорея. Никаких подозрительных выделений у Арнольда не возникло, и он продолжал настаивать на неправильно поставленном диагнозе и даже обвинил меня в том, что это я имела связи на стороне. Обсудив все еще раз, мы решили, что нам необходимо вместе сходить к доктору на обследование.

Все еще не понимая, как такое могло произойти, мы решили сходить прогуляться и поужинать. После ужина мы еще около часа кружили по прилегающим районам в поисках объявлений о сдаче квартир. После переживаний, выпавших на мою долю в последние несколько недель, я чувствовала себя настолько разбитой и изможденной, что трудно себе представить. Я бы даже похудела из-за всех перенесенных волнений, если бы не мое злоупотребление сладостями.

В следующие несколько дней мы посетили наших врачей, и каждый из них посоветовал нам не паниковать: в жизни иногда происходят странные вещи. Мой врач назначил мне дополнительные анализы и прописал нам необходимые таблетки. Мы с Арнольдом чувствовали себя как-то странно и понимали, что стали заложниками непонятной для нас обоих ситуации. Через две недели после начала курса лечения мне позвонила ассистентка гинеколога:

– Мы получили ваши новые анализы, и похоже, что у вас никогда не было гонореи. Приносим наши глубочайшие извинения – мы перепутали ваши анализы с анализами других пациентов.

Пережив вместе с Арнольдом эту неприятную ситуацию, мы могли подвести некую черту под нашими разногласиями и начать отношения с чистого листа. Полученные результаты анализов подтвердили, что мы остаемся верны друг другу, и это позволяло с оптимизмом смотреть в наше будущее: мы были молодой

и здоровой парой, готовой к совместной жизни. Моей любимой песней в то время стала *Lean on Me* Билла Уитерса, и стоило мне услышать ее по радио, как я начинала напевать: «Мы помним, что всегда есть завтра».

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

– Со своим братом я проводил совсем немного времени, потому что, знаешь, когда ты пятнадцатилетний мальчишка, то постоянно где-то пропадаешь. Потом брат ушел в армию, потом в армию пошел я, и мы с ним долго не виделись. Когда брат вернулся из армии, он вместе с Эрикой переехал жить в Мюнхен, где у них родился сын Патрик. В то время я был слишком молод, чтобы понять, как важно нам с братом было помириться и больше времени проводить вместе. К тому же я все время думал, как бы мне перебраться в Америку. Понимаешь, все мои мысли были сконцентрированы только на том, как уехать из Австрии. Я сейчас очень жалею, что мы с братом не смогли провести последние годы его жизни вместе, и если бы он сейчас был жив, то я бы хотел проводить с ним как можно больше времени.

Сын брата, Патрик Кнапп, стал для меня подарком судьбы: он напоминал мне брата, и я ощущал, что провожу время с ним. Патрик очень напоминает Мейнхарда, ты его знаешь: в нем видна та же чувственность, что и в брате, то же увлечение спортом. Словом, все то, что мне нравилось в брате.

В погоне за мечтой

Судьба была к нам благосклонна, и новую квартиру мы нашли достаточно быстро. Выбранный нами вариант, правда, был дороговат для нас, но, посовещавшись, мы решили, что можем себе позволить снимать хорошую квартиру на Шестой улице в Санта-Монике. Наша новая квартира, с балкона которой был виден кусочек океана, располагалась на третьем этаже жилого комплекса с частной парковкой в районе бульвара Уилшир. В квартире был отделанный деревом камин, обои, двери со ставнями, бар, полностью оборудованная кухня, две спальни и две ванные комнаты. В ту ночь, получив ключи от квартиры, мы просто сидели посреди пустой комнаты и, чтобы чем-то занять себя, разожгли камин. Арнольд и я никогда прежде не жили в такой роскошной квартире, и мы просто сидели на ковре и с недоумением оглядывались вокруг. Когда первые впечатления схлынули, мы наперебой начали обсуждать варианты обстановки «неофициального» семейного гнездышка.

Наши друзья и даже моя семья были рады нашему решению о совместном проживании под одной крышей, а некоторые из друзей, включая Франко, помогали нам с переездом. День переезда закончился тем, что моя сестра Марианна со своим мужем угостили нас шампанским и уговорили отпраздновать новоселье в одном из дорогих ресторанов Санта-Моники *Gates of Spain*. Тогда я была одета в светло-голубые брюки и блузку с итальянским узором и ощущала себя на седьмом небе от переполнявшего меня счастья: мне казалось, что именно ради этого дня я жила всю свою жизнь.

Арнольд в купленном им доме, Санта-Моника, 1973

Весной Арнольд впервые предпринял попытку пробиться в популярные средства массовой информации. Джим Лоример, спонсировавший проведение соревнований по бодибилдингу в Огайо, договорился с популярной телевизионной программой *Wide World of Sports* по поводу освещения состязаний «Мистер Олимпия». Победителем тех соревнований стал Арнольд,

и поэтому неудивительно, что ему досталось больше эфирного времени, чем всем остальным участникам. После того как съемки передачи закончились, Арнольд сидел дома и с нетерпением ждал, когда его покажут по телевизору, и в тот самый момент, как он появился на экране, зазвонил телефон. Оказалось, что звонил его друг из Европы Бернард Циммерман. Арнольд только и успел прокричать по-немецки в трубку: «Бернард, я не могу сейчас с тобой разговаривать – меня показывают по телевизору!» Впервые появиться на голубом экране – это что-то новенькое, и Арнольд не позволил бы никому, даже одному из самых близких друзей, украсть у него этот момент. Бросив телефонную трубку, Арнольд продолжил любоваться собой и тем, каким его показывало американское телевидение. Вне всякого сомнения, корни идеи об успехе на большом экране берут свое начало именно в том воскресном дне.

Следующей передачей, на которую пригласили Арнольда, было шоу свиданий *The Dating Game,* но я не особенно разделяла его энтузиазм по поводу участия в подобных мероприятиях. Затем один из журналов выбрал Арнольда в качестве нового секс-символа из-за его шарма и сексуальной внешности.

Появление на телевидении преобразило Арнольда в глазах публики: его перестали воспринимать как ненормального чудика, и на первый план выступили его феноменальные достижения, неимоверная приверженность своему делу и личная харизма. С уверенностью можно сказать, что перед Арнольдом открывались безграничные возможности.

За первыми успехами на телевидении последовали и другие заманчивые предложения: так, Арнольд был приглашен в качестве участника на передачу к популярной ведущей Люси Болл. Было похоже на то, что детские мечты Арнольда об успехе на телевидении потихоньку начинали сбываться. После того как съемки в передаче Люси закончились, я поинтересовалась у Арнольда, послал ли он ей цветы, и его первой реакцией было восклицание: «Пащиму же ты мне раньше аб этам не сказала?» Как бы то ни было, Арнольд все же вышел из положения и отправил роскошный букет роз этой американской «королеве комедии».

Затем последовало знакомство Арнольда с режиссером Робертом Олтменом и актером Эллиоттом Гулдом во время съемок в фильме «Долгое прощание». Я со стороны наблюдала за успехами Арнольда на телевидении и изо всех сил надеялась на то, что публика воспримет его серьезно, ведь он вел себя перед камерой прежде всего как бодибилдер, а не как актер. Стоит отметить, что в число природных дарований Арнольда вряд ли

входило актерское мастерство и на экране он «играл» в первую очередь самого себя.

Несмотря на все трудности, Арнольду сопутствовал успех в кино. Незадолго до появления Арнольда на большом экране Чарльз Гейнс написал новеллу «Оставайся голодным» – забавную историю из жизни бодибилдера. После переработки новеллы в сценарий, пригодный для съемок фильма, Чарльз вместе со своим партнером Джорджем Батлером решили подыскать актеров на пляже *Muscle Beach* в Санта-Монике – в излюбленном «месте обитания» бодибилдеров.

Чарльз и Джордж уже как-то встречались с Арнольдом в Нью-Йорке и поэтому обратились к нему за помощью, чтобы лучше познакомиться с миром бодибилдинга Западного побережья. Взволнованный звонком из Нью-Йорка, Арнольд посоветовал Батлеру и Гейнсу гостиницу, в которой они могли бы остановиться во время их визита в Лос-Анджелес. Учитывая то, что у приезжего режиссера и его друга был слишком ограниченный бюджет, Арнольд предложил им недорогой отель *The Pacific Sand*, полный плесени и термитов. Стоило только приезжим оказаться в своем номере, как они пулей вылетели оттуда и помчались в гостиницу *Holiday Inn*! Произошедшая неприятность с размещением стала для нас с Арнольдом хорошим уроком на будущее.

В перерывах между посещениями зала, где тренировались бодибилдеры, пляжа и нашего дома гости из Нью-Йорка старались поближе узнать Арнольда. Пообщавшись с ним, друзья сошлись во мнении, что Арнольд – лучший кандидат на роль бодибилдера в их фильме «Оставайся голодным», а его партнерами по съемкам должны были стать Джефф Бриджес и Салли Филд. Нетрудно предположить, что подобное решение гостей с Атлантического побережья еще на шаг приближало Арнольда к осуществлению мечты его детства.

Сколько времени провел Арнольд в своем маленьком городе, представляя себя киногероем? Будущий фильм, конечно, не был приключенческим, как кинолента «Тарзан», захватившая в свое время внимание мальчишки, но зато Арнольд получал возможность, подобно Джонни Вайсмюллеру, продемонстрировать свою мускулатуру на большом экране. А еще Арнольду нравилось наблюдать за тем, как Гордон Скотт, как и подобает «королю джунглей», расправляется на экране со львами и змеями. История Древней Греции и Древнего Рима тоже не особо трогала Арнольда, но зато в исторических кинолентах появлялись его кумиры – Стив Ривз и Рег Парк. Честно сказать, Арнольда больше беспокоила не история, а то,

как ловко Стив Ривз управляется на экране с мечом и как выглядят его мускулы, и он просто боготворил своего кумира и созданный им образ Геркулеса. И вот сейчас сам Арнольд получил роль в одном из фильмов и сможет повторить карьерный путь своего кумира, став кинозвездой мировой величины. Открывшиеся перед ним перспективы в кино просто окрылили Арнольда.

Сотрудничество Арнольда, Чарльза Гейнса и Джорджа Батлера не ограничилось только проектом «Оставайся голодным». Чарльз и Джордж планировали написать иллюстрированную книгу «Качая железо», основным действующим лицом которой должен был стать Арнольд. Помимо всего прочего, предполагалось, что по книге будет снят документальный фильм. Для подготовки иллюстраций к книге необходимо было отснять много материала, и с учетом того, что Джордж Батлер был великолепным фотографом, Арнольд просто обожал у него сниматься. Чарльз Гейнс, в свою очередь, будучи настоящим джентльменом из Бирмингема, штат Алабама, с удивительной легкостью владел как пером, так и словом. К тому же он не просто был эрудирован и начитан – он был одним из самых замечательных людей, с которыми мне когда-либо приходилось общаться. Чарльз и Джордж нашли золотую жилу в лице Арнольда, и, что более важно, без их поддержки он вряд ли смог бы так удачно начать свою карьеру в кино.

Когда я попросила Чарльза рассказать, как он воспринимает того человека, которого я люблю, он мне ответил:

– Арнольд все время голоден… Он всегда видит перед собой какие-то новые высоты, которые ему необходимо покорить. Это та энергия, которая питает его и ведет вперед, заставляет искать новые возможности и при помощи которой он пытается их реализовать. Все новое доставляет ему истинную радость, и проще сказать, что его не радует!

Чарльз не удержался и сказал пару слов о той двадцатичетырехлетней девушке, которую он видел во мне. По его мнению, я была «хорошей хозяйкой, которая находится по тихую сторону Арнольда», «любящей и благовоспитанной девушкой с хорошими мозгами». Чарльз завершил мое описание такими словами:

– Барбара, ты уравновешиваешь Арнольда, и у тебя хорошее чувство юмора.

Мне было приятно общаться с Чарльзом и Джорджем, так как я порядком устала от нудных разговоров о тренировках, и они дали мне возможность по-иному взглянуть на мир бодибилдинга. Чарльзу и Джорджу удалось облагородить бодибилдеров, и их

усилия не пропали даром: после всего, что они сделали, Арнольд уже не был третьесортным гражданином с непонятным акцентом. Он стал подлинной «иконой» для тех людей, которые решили заняться фитнесом и физическими упражнениями. Совместная работа этого творческого коллектива превратила имя Арнольда Шварценеггера в настоящую золотую жилу. Отчетливее, чем когда-либо, я поняла всю ценность того сокровища, которым обладала, – несмотря даже на то, что со временем это сокровище могло постареть.

Наблюдая кипучую деятельность Арнольда, я понимала, что в очередной раз начинаю жить двойной жизнью. Ночью я ощущала себя одним из героев романа Сомерсета Моэма «Бремя страстей человеческих» – с той лишь разницей, что протагонистом был мой бойфренд, влияние которого изменило меня. Днем же я чудесным образом превращалась в персонажа книги Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах». Жизнь проходила так, будто я находилась в рабстве, и постоянное чувство подавленности не покидало меня. Я была словно иждивенка, чья работа заключалась лишь в том, чтобы тратить деньги, и по этой причине моя душа разрывалась на части. Мне уже самой было неясно – кто же я такая?

Я в футболке с рекламой Арнольда, 1973

Единственное, что меня хоть как-то успокаивало, – это то, что я могла больше времени уделять своей карьере, хотя ни работа стенографистки, ни работа личного помощника, ни работа секретаря для разных пустомель, честно сказать, не особо меня вдохновляла. Пять дней в неделю, уезжая на службу, я оставляла Арнольда, который с большим удовольствием предавался жизни эгоиста. Закончив работу, я возвращалась домой лишь для того, чтобы предстать в другой роли – домохозяйки и любовницы.

В выходные дни я была просто «Барбарой», словно у девушки Шварценеггера вообще не было фамилии. Я знала, что нравлюсь друзьям Арнольда, и они уважали мою роль в наших отношениях. Надо сказать, я представляла дружбу несколько иначе, чем друзья Арнольда, – я была не более чем его дополнением, всегда в стороне от главного героя, и мои внутренние переживания никого особо не волновали. Это непонимание сильно отражалось на мне: я чувствовала себя космонавтом, очутившимся на Луне в абсолютно незнакомой обстановке. Из нашей жизни постепенно стала исчезать романтика, уступив место обычным сексуальным отношениям.

Хоть друзья Арнольда и видели в нас чувственную пару, но никто из них не удивлялся тому факту, что он не очень-то стремился узаконить наши отношения. Четыре года, что мы с ним жили, он уходил от этого вопроса и не мог объяснить, по какой причине не хочет менять свой общественный статус. При таком положении вещей у меня было не так уж много вариантов выбора: либо искать себе нового спутника жизни, либо надеяться на то, что со временем наша любовь никуда не исчезнет. Надо сказать, что каждый год, проведенный с Арнольдом Шварценеггером, лишь усиливал мою привязанность к нему, и все то время, что мы с ним прожили вместе, все мои мысли были только о нем, и другим мужчинам там просто не было места.

Со временем я стала приходить к выводу, что мне не остается ничего другого, как стать обычной домохозяйкой, которая поддерживает свой дом в чистоте и порядке и обеспечивает моральную поддержку Арнольду в его карьере. Арнольд, как и следовало ожидать, был добытчиком, а мне оставалась лишь роль домработницы, которая могла бы довести свое мастерство содержания дома до полного совершенства.

Были, правда, и положительные моменты: мы перестали враждовать с Франко и даже заключили молчаливый дружеский союз. Только после того как я лично столкнулась с «жизнью в тени» Арнольда, я начала понимать, что Франко находится в точно таком же положении, но он всячески старался изменить это подчиненное состояние. Добиваясь независимости от Арнольда, Франко начал с того, что завел отношения с девушкой Анитой, связь с которой хорошо сказывалась на нем. Анита полагала, что из Франко выйдет отличный хиропрактик, а для этого ему следует пройти специальные курсы и побольше внимания уделять изучению английского языка. Мы с Анитой быстро сдружились и делились нашими переживаниями относительно того, каким образом сделать так, чтобы наши слишком самостоятельные и норовистые иностранные бойфренды

стали нашими мужьями. Сложностей добавляло то, что Анита и я по гороскопу были Раками, а Франко и Арнольд – Львами. Это означало, что мы с Анитой были интровертами, а Арнольд с Франко – экстравертами, и это не способствовало нашей совместимости.

В дополнение к нашим с Анитой обязанностям домохозяек нам приходилось еще и подрабатывать, чтобы иметь свой, пускай и небольшой, доход. Анита зарабатывала себе на жизнь массажными услугами, а я подрабатывала секретарем-машинисткой. При этом нас с Анитой раздражало осознание того, что, пока мы с работаем, Арнольд и Франко весело проводят время в спортивном зале или загорают на пляже.

Приятное впечатление на меня тогда производили встречи за обедом с друзьями Арнольда по тренировкам в кафе *Brown Bagger* в районе Марина-дель-Рей. Мне нравилось смотреть на ребят и на то, как они дурачились и подначивали друг друга. Пока они бахвалились друг перед другом, я начинала втихомолку поедать заказанный салат, посыпанный голубым сыром. Обычно в этот момент все взоры обращались на меня, и ребята хором кричали: «Ты с ума сошла – разве ты не знаешь, сколько калорий в этом салате?»

Мне оставалось лишь тихо посмеиваться и думать про себя: «Знали бы вы, сколько мороженого я уже съела!» Снова моими верными спутниками стали разные сласти, и я в очередной раз пыталась «заесть» свои душевные проблемы.

Переход от беззаботной и веселой жизни к скучному офисному существованию выбивал меня из колеи. Для того чтобы заработать себе двухнедельный отпуск, мне приходилось работать круглый год, в то время как Арнольд жил в свое удовольствие 365 дней в году. Он часто летал в другие страны – в Японию, ЮАР, Финляндию, Великобританию. В то время как я с трудом могла позволить себе купить приличную одежду, чтобы ходить на работу, Арнольд уже зарабатывал хорошие деньги – другими словами, наши финансовые возможности были диаметрально противоположными. Втайне я даже была недовольна его успехами, особенно на фоне своих не слишком больших достижений в жизни. Совместная жизнь с щедрым мужчиной подрывала мои собственные возможности при построении финансового благополучия. Таким образом, я жила лишь мечтами о получении дополнительного образования, замужестве и рождении детей. Но эти мечты, как показывала практика, так и оставались мечтами.

За три года работы я ни разу не была в длительном отпуске, и предложение Арнольда составить ему компанию в поездке

в Европу свалилось на меня как снег на голову. В течение трех недель он должен был побывать на выставке в Бельгии, заехать по делам в Германию и навестить своих родственников в Австрии, и в эту поездку Арнольд планировал взять меня.

Это были самые лучшие три недели: никакой работы и Арнольд все время рядом, а не на пляже. Вместе с ним мы прошлись по его старым европейским местам и друзьям, и Арнольд открыл мне свою версию Старого Света. Неважно, где мы были – ужинали в кафе, ходили за покупками в магазины антиквариата или посещали бельгийские ветряные мельницы, – мы с Арнольдом испытывали наслаждение от наших отношений.

Конечно, самым важным событием для меня была встреча с семьей Арнольда – его матерью, племянником и «овдовевшей» девушкой его брата. Несмотря на языковой барьер, мы с его родственниками отлично понимали душевный настрой друг друга.

Любой наш выход из дома вместе с семьей Арнольда – хоть в пивную, хоть на ферму к дяде, хоть в булочную – превращался в увлекательное путешествие. Душой нашей компании, конечно же, был Арнольд, и я даже ощущала себя частью его семьи. Записи в моем дневнике в память о той поездке дышат любовью и нежностью: «17 июня 1973 года. Куфштайн, Австрия. Великолепный вид на реку и замок. Арнольд и я растворяемся в нашей любви. А Патрик! Какой он великолепный мальчик! Я бы хотела, чтобы мы с Арнольдом его усыновили! Сегодня мы едем в Китцбюэль навестить могилу брата Арнольда. Как мне больно, когда Патрик спрашивает: „Где мой папа? Быть может, он страдает? Разве нельзя убрать эти камни с могилы, чтобы папа мог встать оттуда?“ Слова Патрика просто разбивают наши сердца».

Мать Арнольда, Арнольд со своим племянником – Патриком, 1973

В нашем совместном европейском путешествии мне открылась другая, доброжелательная сторона характера Арнольда. Потеряв отца и брата, Арнольд без лишних слов принял на себя роль главы семейства: он стал опорой для своей матери и героем для своего племянника. Я надеялась, что, расчувствовавшись от встречи с родственниками, Арнольд станет более податливым и сделает мне предложение.

По возвращении в Штаты я продолжала поддерживать контакты с родственниками Арнольда: он частенько звонил и писал своей матери, а я тем временем переписывалась с Эрикой. Ей приходилось нелегко, ведь она потеряла своего мужчину и должна была в одиночку растить сына. Мне было даже трудно себе представить, каково ей было тогда.

Неприятные сюрпризы поджидали меня и на работе: оказалось, что мой начальник без лишних разговоров был уволен. Хоть я и была недовольна проявлениями шовинизма с его стороны, но я к нему уже привыкла. К тому же вслед за моим начальником уволили и меня! Я только вернулась из Европы, и тут же мой новый босс оглушил меня словами: «Вы слишком квалифицированный специалист, для того чтобы выполнять эту работу. Мы уверены, что вы сможете найти себе работу в каком-нибудь другом месте».

О, да! Господин Прорицатель, не подскажете, случаем, где находится то место, в котором я должна искать себе работу? В тот день я возвращалась домой раздраженная, посматривая на дорогу сквозь темное стекло своего автомобиля. Мое образование преподавателя английского языка, как оказалось, не стоило и ломаного гроша, а полученный диплом можно было смело спускать в унитаз: высокие отметки и хорошее владение английским не позволяли мне работать даже секретарем. Неудивительно, что от таких размышлений мое отвращение к бывшей работе только усилилось.

Арнольд внимательно слушал меня, когда я в расстроенных чувствах рассказывала ему о постигшей меня неудаче. Но для него, неисправимого оптимиста, мое увольнение с работы было словно подарком судьбы – без долгих рассуждений он начал наставлять меня на путь истинный.

– Ты же всигда ненавидела свою работу, и тебе это прекрастно известно. И ты все время говоришь, что хочешь быть препадавателем. Так в чем же дело? Пачему бы тебе не паучиться на курсах повышения квалификации? Я возьму на себя все расходы – мы можем сибе это пазволить, малышка, – подбодрил меня Арнольд.

Его участие и щедрость быстро привели меня в чувство, и я даже почувствовала воодушевление: может быть, в этот раз мне удастся избавиться от своего вечно плохого настроения и сопутствующего ему чувства вины. Я полностью погрузилась в свои мечты о предстоящей учебе, надеясь на то, что за время обучения смогу привести в порядок свои изрядно потрепанные чувства и этой осенью Калифорнийский университет примет одного из самых благодарных учеников.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

– Отец говорил мне: «Знаешь, ты уже достаточно взрослый и скоро начнешь встречаться с девушками. Со временем у тебя завяжутся серьезные отношения с избранной тобой девушкой. Вы с ней сначала помолвитесь, затем поженитесь, а потом у вас появятся дети. Понятное дело, выбор партнера для семейной жизни не так прост, как кажется, и твоей женой не обязательно будет твой самый лучший половой партнер. Я вот что тебе скажу: самое первое, на что необходимо обращать внимание, – это чтобы женщина умела готовить. Ты ведь уже знаешь, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Нужно внимательно смотреть на то, как она приготовила еду и как она выглядит к твоему возвращению с работы. Никогда не соглашайся есть холодную

пищу, лучше уж сразу выкинуть деньги на ветер. Всегда следи за тем, чтобы она готовила горячую пищу три раза в день».

Еще мой отец говорил: «Внимательно следи за тем, как она относится к детям, как она проявляет к ним любовь и как она о них заботится, – в этом случае тебе самому не придется заниматься всем этим. И еще, никогда не женись на девушке, которая сама себе на уме, потому что это путь в пропасть. С этого начинаются все разводы – с женщин, которые сами себе на уме и которые независимы в своих суждениях. И конечно же, никогда не общайся с теми девушками, которые хотят работать. Следи за тем, чтобы она не использовала помаду, не делала макияж, не ходила на высоких каблуках и не тратила целый день на то, чтобы принарядиться. Ну, ты знаешь, это все то, что позволяет женщинам привлекать внимание других мужчин. Так что смотри внимательно, чтобы она не шаталась на высоких каблуках по округе, как последняя шлюха. Короче говоря, это не те вопросы, которые вообще следует обсуждать с женщиной».

Вот такие вот рассуждения были у моего отца, – смеясь сказал мне Арнольд.

Но мне, честно сказать, было не до смеха, и я, не удержавшись, заметила:

– Такие рассуждения, конечно же, звучат смешно, но лично я всегда готовила три раза в день и не перебарщивала с макияжем и нарядами. Странно, но мне кажется, пока мы были вместе, ты жил по правилам своего отца.

Живу чужой жизнью

Однажды мне выпал шанс побывать вместе с Арнольдом на соревнованиях «Мистер Олимпия» в Нью-Йорке. Из-за потери работы я была на мели в плане финансов, но мне на помощь вновь пришел Арнольд: он с удовольствием взял меня с собой в поездку, в ходе которой планировалось посетить Нью-Йорк, Вашингтон, округ Колумбия, и Денвер. Не стоит и говорить, что каждый из этих городов манил к себе и заставлял предвкушать предстоящую поездку.

Три года я никуда не летала на самолете, и этот перелет с четырьмя переживающими по поводу грядущих соревнований бодибилдерами доставил мне немало приятных минут: тогда я как раз закончила читать биографию Голды Меир и горячо обсуждала героическую историю этого израильского лидера с Арнольдом. А еще в этом полете я подтрунивала над соперниками Арнольда, которые сидели и давились предложенным им на борту блюдом американской кухни, – рецепт той обжаренной в арахисовом масле курицы до сих пор хранится у меня как напоминание о забавном эпизоде моей жизни с Арнольдом.

По прилете, как только мы поселились в несколько странном отеле и распаковали свои вещи, я почувствовала, что начала очень сильно нервничать: не то чтобы я сильно переживала из-за противостояния Арнольда и Сержа Нюбре, но мне невольно передалось возбужденное состояние Арнольда. Для того чтобы успокоиться и привести свои нервы в порядок, мы с Арнольдом пошли поужинать. После этого, как следует из моих походных записей, «мы прошлись по маленьким лавкам, которые ньюйоркцы упорно называют магазинами», и «прогулялись по кривым, залитым водой и заполненным клубами пара улицам, дойдя до ярко освещенного Бродвея». Несмотря на то что мы находились в местах упадка и разложения этого огромного города, я ощущала необычайный прилив сил.

На следующее утро, пока Арнольд тренировался и наводил на себя лоск, я решила осмотреть окрестности нашего отеля и обнаружила, что «приговор Нью-Йорку выносит обычный дневной свет». В тот раз я прокатилась в прогулочных экипажах, поднялась на небоскребы и очень скоро стала привыкать к более быстрому, по сравнению с Санта-Моникой, темпу жизни, а в завершение своей прогулки попробовала знаменитый нью-йоркский чизкейк. Уставшая, но довольная собой, я вернулась обратно в отель и стала поджидать Арнольда.

Ожидая его, я почувствовала, как в моем животе напоминает о себе съеденный еще дома морковный торт, и это мешало мне успокоиться и немножко вздремнуть. Все, что мне было нужно в тот момент, – чтобы Арнольд вернулся в номер и обнял меня. Затем он бы поинтересовался, как я провела день, и поделился своими впечатлениями от процесса подготовки к предстоящим соревнованиям. После таких откровений мы еще бесконечно долго говорили бы обо всем и ни о чем.

Арнольд любил окружать себя преданными друзьями, и в тот раз он вернулся в гостиницу в сопровождении Арти Зеллера и Франко Коломбо. Он сказал, что мы приглашены в гости к Арти на старомодную еврейскую традиционную ночную встречу и что нам нужно немедленно выходить из дома и ехать в Бронкс. Около десяти часов вечера мы вернулись в гостиницу на очередную встречу с нашими друзьями, заряженные позитивными эмоциями и взбодренные крепким кофе.

Когда мы вышли в холл гостинцы и заказали себе по коктейлю, я постаралась притвориться более значимой особой, чем была на самом деле. Мне пришлось так прикидываться, потому что двое авторов, которые по совместительству должны были снимать фильм *Pumping Iron*, пришли на встречу в сопровождении своих роскошных и очень стильных жен. На фоне этих утонченных женщин я выглядела обычной селянкой: они были одеты очень стильно и со вкусом, а на мне была повседневная легкая одежда. Мне хотелось бы производить такое же впечатление уверенной в себе женщины, но все, что мне оставалось в тот момент делать, – просто изображать уверенность. В общем, на той встрече мне удалось отделаться улыбками, какими-то вопросами и анекдотами.

Что касается Арнольда, то он представлял собой мою полную противоположность: он всегда чувствовал себя уверенно в любой обстановке, не испытывая никакой неловкости из-за разницы в уровне воспитания и доходов и в социальном статусе. Поэтому без долгих раздумий и колебаний он принял приглашение продолжить нашу встречу в заведении *Maxwell's Plum*, стены которого были украшены фарфоровыми фигурками животных. В заведении нас встретила разношерстная публика, и я обратила внимание, что на Арнольда стали с интересом поглядывать из толпы. Причем, что интересно, посматривать на Арнольда начали не только женщины. Приглядевшись повнимательнее, я увидела, что возле барной стойки отирались несколько гомосексуалистов, которые старались привлечь к себе внимание. Они с нескрываемым интересом разглядывали фигуру Арнольда, и на их лицах явно читались непристойные фантазии. Арнольд же

не обращал особого внимания на людей, которые на него пялились, но у меня, определенно, появилась новая причина для внутренних переживаний. Чтобы успокоить свою тревогу по поводу внимания гомосексуалистов к Арнольду, я положила руку ему на колено, а его руку пристроила на свое.

Как я уже упоминала ранее, меня очень сильно беспокоил природный магнетизм Арнольда. И мне приходилось подолгу размышлять над вопросом: а чем же, собственно говоря, я смогу удерживать Арнольда возле себя? Как мне конкурировать за него, если вокруг столько соблазнов? Даже после четырех лет жизни рядом с Арнольдом я ловила себя на мысли, что он остается абсолютной загадкой для меня. В тот вечер, когда мы все выпили по паре стопок водки с тоником, я полностью погрузилась в себя и свои переживания, а Арнольд, наоборот, развеселился, и у него было отличное настроение. Тем не менее, как бы весело мы ни проводили время, в час ночи Арнольд потребовал прекратить вечеринку: у него на носу были соревнования, перед которыми ему необходимо было хорошенько выспаться.

Пытаясь заснуть той ночью, я все никак не могла отогнать от себя мысли о необходимости постоянной конкуренции за Арнольда. Для меня одним из самых болезненных вопросов было проявление сексуального вожделения со стороны людей, окружавших Арнольда. Он, конечно, успокаивал меня относительно повышенного внимания к себе со стороны женщин, занимавшихся вместе с ним в зале, но я была абсолютно не готова к тому, что в Нью-Йорке интерес к Арнольду будут проявлять не только женщины, но и гомосексуалисты.

Лежа в постели, я размышляла над тем, как далеко может зайти Арнольд во флирте со своими фанатами и при этом сохранить верность. В том случае когда он видел, что я неодобрительно отношусь к его флирту с женщинами, он мог запросто отделаться дежурной фразой: «Малышка, ты есть лушая». Если же я отшучивалась в ответ на его обычные отговорки, это лишь подстегивало его шовинистский настрой по отношению к женщинам. Если я делала вид, что не замечаю его шашней с девушками, это сказывалось на моей уверенности в себе и было причиной дополнительных волнений в те моменты, когда я оставалась одна. Когда я в очередной раз оказывалась в подобной ситуации, то начинала ненавидеть себя и свой пол, и мне было ужасно стыдно показать, что я, вообще-то, являюсь девушкой Арнольда. К невеселым размышлениям подобного рода относительно посторонних женщин добавились еще и переживания из-за притягательности бодибилдинга для гомосексуалистов. Но не найдя быстрых ответов на возникшие

у меня вопросы, я в конце концов забылась тяжелым сном.

Утром Арнольд проснулся раньше меня и ушел в зал на тренировку. Когда он вернулся, то рассказал мне, что по условиям соревнований всем участникам нужно явиться в Бруклинскую музыкальную академию и он специально зашел за мной, чтобы я составила ему компанию. Я быстро надела свой новый наряд, который Арнольд недавно привез мне из Финляндии, подкрасила губы, и мы вместе с ним помчались в Бруклин.

Пока мы ехали на такси, я думала над тем, каким образом Арнольду удается добиваться успеха. Понятное дело, что одним из мощнейших стимулов для Арнольда были его детские мечты о завоевании мировой славы. Чтобы добиться этой цели, он одиннадцать лет посвятил тренировкам, и достигнутая им физическая форма давала ему сейчас огромное преимущество перед соперниками. Не надо было даже хорошо знать мир бодибилдинга, чтобы понимать одну простую вещь: такие мускулы положат на лопатки всех его соперников. Ну а для тех, кто вращался в мире мускулистых атлетов, Арнольд вообще был богоподобным существом. Мне же удалось понять и еще кое-что, за счет чего Арнольд добивался своих целей, и это были далеко не только симметрично прокачанные мускулы. Все участники соревнований в той или иной степени подпадали под влияние его личной харизмы, его обворожительной улыбки, его упорства и безоговорочного лидерства. У Арнольда была врожденная способность входить в доверие к людям и устанавливать с ними хорошие отношения, и он, отлично зная о своем таланте, налаживал контакты с судьями.

В тот субботний вечер 8 сентября 1973 года впервые за всю нашу совместную жизнь я увидела его выступление вживую. После того как мы приехали в Бруклин, мне был выделен импровизированный телохранитель по имени Доминик. Вместе с этим крепышом я бегала за гамбургерами для ребят, которые наводили на себя последний лоск в специальном помещении за сценой. После завершения некоего подобия обеда я уже стала своей для бодибилдеров, многие из которых приехали на соревнования из-за границы. Я видела, как многие из болельщиков, которые сами не участвовали в выступлениях, всеми силами пытались пробраться на предварительные показы. Всем было ужасно интересно: как выглядит Серж Нюбре, приехавший из Франции? Почему до сих пор не объявился Серджио Олива с Кубы? Что из себя представляет Лу Ферриньо? Но несмотря на волнения по поводу физической формы участников, все ощущали превосходство бодибилдеров

из Калифорнии: Арнольду пророчили победу в категории высокорослых участников, а Франко Коломбо – в категории низкорослых.

Зал, где проходили выступления, быстро заполнялся шумной, живой толпой, и я предпочла остаться вместе со всеми в зале, чтобы ощутить энергетику людей. Перед самым началом соревнований выяснилось, что у меня нет билетов, но Майк Катц, наш друг с Атлантического побережья, сумел достать их и усадить меня позади братьев Уайдер, которые пришли на выступления вместе со своими женами. В моем дневнике так описываются события того вечера: «Джо сидел прямо передо мной, и мы с ним активно обсуждали ход выступлений. Несмотря на то что соревнования растянулись на очень долгое время, накал страстей не спадал – и вот наконец начался финал! Занавес медленно поднялся, и все увидели позирующего на сцене Сержа Нюбре. У него было великолепное тело, но куда ему было тягаться с Арнольдом! Затем на сцену вышел Франко, который тоже был в великолепной форме и выглядел просто фантастически. Но можно сказать со всей определенностью, что эта парочка по своему виду проигрывала Арнольду».

Когда вскоре на сцене появился Арнольд и начал позировать, у него на лице отчетливо читалась эйфория и удовольствие, и очень скоро я сама впала в такое состояние. Толпа в зале скандировала не переставая: «Арнольд! Арнольд! Арнольд!» – и казалось, что на помосте перед своими поклонниками выступает неведомое божество. Войдя в раж, Арнольд безостановочно принимал эффектные позы, чтобы продемонстрировать всю свою красоту. В качестве музыкального сопровождения звучала тема из «Космической одиссеи» Стэнли Кубрика, и все как зачарованные наблюдали за выступлением Арнольда под эту завораживающую музыку. Арнольд с удивительной легкостью и проворством демонстрировал свою прокачанную мускулатуру, а его фанаты требовали от него не останавливаться и продолжать позировать. Некоторые из посетителей кричали, другие трепетали от того, что воочию увидели своего героя.

Толпа ревела: «Ар-нольд! Не останавливайся! Давай еще! Арнольд!» В зале сидели абсолютно разные люди: девочки-подростки, степенные женщины, гомосексуалисты, «диванные качки» и пожилые мужчины, и все они вносили свой вклад в призывы, удерживающие Арнольда на сцене. Удивленная и пораженная, я оглядывалась по сторонам, а затем мой взгляд снова возвращался к Арнольду, и я понимала: никто из соперников не может превзойти его. Ни один бодибилдер, ни

один живой человек. Я даже чувствовала, что в тот момент Арнольд словно заполнил собой каждую частичку моего тела.

Во время финальных выступлений Майк Катц, сидевший рядом со мной, куда-то запропал. Как потом выяснилось, он пошел за кулисы поговорить с одним из организаторов выступлений, Томми Миничелло. Оказывается, Майку в голову внезапно пришла мысль о том, что именно я должна вручить награду «Мистер Олимпия» Арнольду, который в тот вечер был безоговорочным фаворитом. После разговора с организаторами Майк вернулся ко мне, взял меня под руку и начал реализовывать свой тайный план. Уже оказавшись на сцене, я краем уха услышала, как из динамиков донеслось: «Победителем „Мистер Олимпия“ 1973 года становится неподражаемый Арнольд Шварценеггер! Награду, знак отличия и 750 долларов победителю вручает будущая миссис Шварценеггер!»

Такой неожиданный для всех поворот нашел отражение и в моем дневнике, в котором я позже записала: «Арнольд был до такой степени удивлен моим появлением на сцене, что даже забыл поцеловать меня, когда я вручала ему награду!!! И пока я ему объясняла, что и как, конферансье начал представлять меня в качестве „будущей миссис Шварценеггер“!»

Будущая миссис Шварценеггер. Даже не припомню, сколько раз я представляла себе эту фамилию: миссис Барбара Джейн Шварценеггер и мистер Арнольд Шварценеггер. Потом, после выступлений мы, конечно же, с жаром обсуждали произошедшее. Думаю, что тогда от переполнявших меня чувств мое сердце было таким же огромным, как и сам Арнольд. Мы ведь только что объявили о нашей любви во всеуслышание! Разве не правильно будет так же объявить всему миру, что мы скрепляем свой союз узами брака? Там, на сцене, я со всей ясностью ощущала, как ко мне приходит уверенность в своем будущем, – это было похоже на путешествие во времени, и я с легкостью могла бы заполнить этими радостными переживаниями «белые пятна» своей будущей жизни. Мои внутренние ощущения вдруг стали реальностью, а вся неясность и боязнь будущего куда-то исчезли: мы с Арнольдом поженимся и проживем счастливую и долгую жизнь. Вот он, финиш!

Той ночью, сгорая от внезапно нахлынувших на меня положительных эмоций, я от всей души благодарила Нью-Йорк за такой поворот событий. Я добилась всего, чего хотела, и финальная точка во всех моих мучениях и волнениях была поставлена в таком великом городе, как Нью-Йорк!

Я вручаю Арнольду главный приз на соревновании Мистер Олимпия 1973. Серж Нюбре и Франко Коломбо стали невольными свидетелями представления «будущей миссис Шварценеггер»

Статуя Свободы приветствует будущего политика, 1973

Будучи коренной жительницей Калифорнии, я всю жизнь мечтала увидеть знаменитые нью-йоркские бульвары и высотки. И вот теперь мой мужчина привез меня в Нью-Йорк, и благодаря знакомствам мы остановились в знаменитом отеле *Algonquin*, что располагался на Сорок четвертой улице. В этом отеле Эрнест Хемингуэй размышлял над персонажами и сюжетами своих книг, некоторые из которых стоят у меня в библиотеке, а мысли о том, что я вполне могла сидеть в кресле, в котором сидел Хемингуэй, или спать на его кровати, приводили меня в неописуемый восторг. Вне всякого сомнения, пребывание в городе крупных издательств, попрошаек и знаменитых такси с их неповторимыми гудками расширяло мое сознание.

Прогуливаясь следующим утром, я размышляла над теми вопросами, которые снова появятся в наших с Арнольдом отношениях, как только мы приедем домой. Сейчас жизнь бросила нам серьезный вызов, и, хотя для Арнольда главной страстью был бодибилдинг, он всей душой хотел сыграть роль в фильме «Оставайся голодным». Вся в тяжелых раздумьях о том, какое влияние может оказать на нашу совместную жизнь новое увлечение Арнольда, я дошла до Публичной библиотеки Нью-Йорка. Передвигаясь по залам и переходам библиотеки, я полностью погрузилась в мир книгопечатания и ознакомилась со всеми процессами, которые проходит книга при своем рождении. Незаметно для самой себя я добралась до издательства *Doubleday* и подивилась тому, сколько выпущенных им книг я успела прочесть. Все эти связанные с литературой и книгами переживания, накопившиеся у меня за день, только усилили мое желание вернуться в университет для прохождения курса дополнительного обучения. Самой же первой книгой, которую мне захотелось написать, была книга на тему поиска самой себя. Подобная тема не была для меня пустым звуком: я прекрасно понимала, что мир Арнольда полностью поглотил меня и в результате этого сбились все мои жизненные ориентиры. Получение степени по английскому языку стало для меня необходимостью в плане самовыражения, и, шагая по улицам Нью-Йорка, я грезила о своей новой жизни: в моем воображении мне представлялось, что я могу стать хорошим преподавателем в старших классах и стану помогать ученикам расширять горизонты их сознания. По крайней мере, как мне тогда казалось, я буду заниматься чем-то действительно полезным и значимым, а не просто подавать чай начальнику.

Гуляя по Бродвею, я вспоминала все те конкурсы по чтению,

которые бывали в моем детстве, и те «золотые» медальки, которые я завоевывала в них. Для победы мне приходилось каждую неделю ходить в библиотеку и, пробираясь между полками, выбирать книги, чтобы подготовить свое выступление в классе. Со стороны можно было увидеть, что самая младшая из детей Аутлендов всеми силами избегала реальной жизни и пряталась за чтением книг, хоть втайне и стремилась к чему-то большему. Раз за разом я участвовала в этих книжных конкурсах и делилась своими переживаниями с теми, кто испытывал такие же чувства, что и я. Оказавшись в Нью-Йорке, я ощутила прилив сил оттого, что собственными глазами увидела офисы крупных издательств, и меня приятно грела мысль о безграничном духовном поиске, а книги являли собой кладезь мудрости и знаний, неподвластных обычному человеку.

Тем не менее, несмотря на все книги, что я прочла за свою жизнь, особых знаний о реальном мире я так и не получила. Однако я понимала одно: чтение книг, Арнольд и путешествия изменили мои взгляды на жизнь, и под их воздействием мое восприятие мира серьезно расширилось.

Закончив все дела в Нью-Йорке, мы вылетели в Вашингтон, округ Колумбия, где встретились с моей «сестрой» по студенческому братству Марией и остановились в ее доме. Мария стала нашим гидом на некоторое время и показала нам город – его знаменитые памятники и Белый дом.

После осмотра города мы поехали навестить давнего приятеля Арнольда Джона Балика, переехавшего жить в Виргинию. Джо свозил нас на своей машине в дом-музей Томаса Джефферсона, где мы поближе познакомились с событиями Гражданской войны и битвой при Геттисберге. Исполняя роль гида, Джо рассказывал своему приятелю-иммигранту об истории США, и Арнольд был поражен, когда узнал, через что пришлось пройти нашей стране, чтобы сохранить свое единство. Удивленный способностью Арнольда быстро запоминать новую информацию, Джо даже сказал, что «у этого парня не память, а стальной капкан», и впоследствии очень многие убедились в правильности этого высказывания.

Следующим пунктом нашего путешествия был город Денвер, где мы должны были встретиться с Франко и его девушкой Анитой: по причине ограниченного бюджета поездки мы остановились в доме ее родителей. Отец Аниты взял над нами шефство и стал нашим проводником по окрестностям Денвера и Скалистых гор. В моем дневнике есть запись о нашей совместной поездке в Эстес Парк, где проходила великолепная выставка, посвященная индейцам. Находясь под впечатлением

от культуры индейцев, Арнольд даже потратил двадцать шесть долларов на перстень «зуни» с вкраплением пяти кусочков бирюзы, четыре из которых представляли собой «времена года» или «ветра́», а центральный камешек символизировал настоящее. С тех пор как Арнольд купил этот перстень, он стал с ним неразлучен, и мне даже трудно вспомнить, когда он снимал его со своей руки.

Вернувшись домой из Денвера, я подвела краткий итог нашей поездки: «Если подумать, то эти девять дней были просто великолепными. За это путешествие я истратила сто пятьдесят долларов, а Арнольд – триста пятьдесят, но зато мы увидели, узнали и сделали столько нового для себя, что даже трудно представить. Боже, как же я благодарна Арнольду за эту поездку, и мы до сих пор не можем решить, где же было лучше всего – в сияющем огнями Нью-Йорке, исторической Виргинии или великолепном Денвере. Все три места были хороши для отдыха, и наша страна настолько богата и разнообразна, что я была счастлива разделить радость путешествия по ней со своими друзьями».

Ну а мысль о том, что Барбара Джейн Аутленд в скором будущем преобразится в Барбару Шварценеггер, зарядила меня настолько, что я вернулась домой полной сил и надежд. Последние несколько месяцев получились у меня очень насыщенными: сначала я съездила в Европу, затем у меня было не совсем приятное лето, а сейчас мы вместе с Арнольдом вернулись из путешествия по трем штатам. В дополнение ко всему я больше не занималась скучной работой и была полна сил для продолжения своей учебы в университете. Обучение стоило денег, и, хотя родители иногда помогали мне, моим главным «благотворителем» все же был Арнольд. Может быть, я и не была настолько богата, как мои соседки по комнате, но, по крайней мере, я могла себе позволить учиться на дневном отделении.

При помощи интенсивного курса обучения я рассчитывала подтянуть свои знания и набраться сил для последующего интеллектуального роста. Обсуждение новых интересных идей с профессорским составом и ведение классной работы с учениками должны были помочь мне в этом деле. Возвращение в университет стало для меня единственным способом обретения самой себя заново. Мой план сработал, и мне пришлось пережить свой старый студенческий опыт еще раз.

Взрослея, мы вместе с Арнольдом постепенно начали все больше и больше интересоваться вопросами политики. В это время в американском обществе начали плодиться различные теории об убийстве президента Кеннеди, и широкое хождение

получили любительские копии съемки Запрудера, на которой были запечатлены роковые выстрелы в Далласе. У Арнольда начались встречи с какими-то необычными для его круга общения людьми, и атмосфера таинственности проникла в наш дом. Затем по телевизору показывали, как из Вьетнама возвращаются американские солдаты и сталкиваются с общественным непониманием и как из-за военного конфликта в далекой юго-восточной стране идет под откос карьера Никсона. Тогда же мы узнали и о гражданских войнах, которые разгорелись в Нигерии и Бангладеш, и об обострении отношений между арабами и израильтянами после убийства атлетов олимпийской сборной Израиля в Мюнхене. Нам также пришлось столкнуться с перебоями в поставках топлива и, в зависимости от того, какой государственный регистрационный номер был у машины, покупать бензин по четным или нечетным дням месяца. Несмотря на все проблемы с топливом, на дорогах постоянно образовывались ужасные пробки, и такое положение вещей нас очень раздражало. Много говорилось об увеличении налогов вслед за ростом второго поколения женщин, которые нигде не работали, но при этом получали социальное пособие. Общий негативный фон усугублялся еще и постоянными разборками уличных банд, и мы никак не могли свыкнуться с мыслью, что ребята убивают друг друга только ради контроля над определенной территорией. Все эти события часто становились темой наших постоянных разговоров с Арнольдом, в результате которых мы так или иначе приходили к выводу, что наш мир катится в тартарары.

Подобные разговоры не обходились без обсуждения вопросов поведения последователей религиозных деятелей и самодовольных политиков, погрязших в коррупции. Мы с Арнольдом, конечно, не понимали всех процессов, которые происходили в обществе, но думали, что, должно быть, существуют другие, более эффективные пути повышения уровня жизни людей, и человек в нашем с ним понимании появлялся на этот свет помимо своего желания.

Когда мы слушали новости с Ближнего Востока, Арнольд обычно придерживался произраильской позиции, выражал свое уважение к Голде Меир и одобрял действия Израиля по защите страны. Я всей душой разделяла его взгляд на это молодое государство, но не смогла тогда оценить ту связь, которая существовала между Арнольдом и Израилем. Позже я осознала, что Арнольду пришлось бороться со своим не слишком хорошим положением в Австрии и поэтому он отлично понимал те трудности, с которыми приходится сталкиваться Израилю на пути

к самодостаточности, и желал ему процветания и всяческих успехов.

Оглядываясь по сторонам, Арнольд начал понимать, что общество крайне положительно воспринимает человека с хорошим образованием, и постепенно пришел к мысли о том, что ему неплохо было бы подучиться. Поскольку Арнольд окончил школу шесть лет назад, после чего оказался в совершенно чужой стране с абсолютно другой системой образования, ему пришлось обратиться за помощью к Фрэнку Зейну. Фрэнк тогда был преподавателем математики в старших классах и помогал Арнольду в учебе в колледже Санта-Моники. Немного погодя и Арнольду, и Фрэнку, когда они уже начали заниматься бизнесом, пригодились те знания, которые они получили во время работы над учебной программой колледжа.

Но не только Фрэнк Зейн был в то время наставником Арнольда – я, в свою очередь, вносила посильную лепту в его обучение английскому языку. При помощи моих уроков Арнольд увеличил свой словарный запас на несколько тысяч слов, улучшил грамматическое построение предложений и смягчил свой тяжелый немецкий акцент. При этом он не особо стеснялся своего неправильного произношения и был рад любой возможности поговорить с кем угодно и о чем угодно.

В 1972 году Арнольд начал активно интересоваться программами обучения Калифорнийского университета, который предлагал желающим повысить свой уровень знаний в области бизнеса и философии. В то время пока Арнольд посещал университет, я с удовольствием навещала его на занятиях, и мне даже вспоминаются прощальные вечеринки, которые устраивались после окончания очередного семестра. На этих вечеринках Арнольд обычно сидел рядом со своим преподавателем и веселил всех присутствующих.

Надо сказать, что Арнольд не был большим поклонником чтения, но для получения необходимой и важной для него информации он всегда очень внимательно прислушивался к самым разным источникам. В разное время такими источниками для Арнольда были телевизионные передачи, Джо Уайдер и, конечно же, Чарльз Гейнс и Джордж Батлер. Еще одним важным человеком в жизни Арнольда был Фрэнк Зейн, который делился с ним своими знаниями по математике, правильному питанию, буддийской философии и психологии. Другой существенной особенностью Арнольда, в отличие от большинства бодибилдеров, было то, что он всегда интересовался политикой и общественно значимыми явлениями. Какие мировые события являются самыми крупными? Каковы результаты этих событий?

Как можно извлечь выгоду из этих событий? Арнольд с удовольствием обсуждал эти вопросы с теми, кто мог поделиться своими мыслями и высказать свое мнение по интересующим его темам. Обычно после получения новой информации Арнольд хорошенько ее обдумывал, сравнивал с теми примерами, которые он видел в Австрии и Германии, и делал для себя выводы. По итогам своих размышлений он приходил к такому заключению: частные интересы всегда одерживают победу.

Однажды я разговаривала с одним из биографов Арнольда Джином Музом, и он рассказал мне интересную историю.

– Я всегда считал, что Арнольд не особо напрягался на тех курсах в университете, и думал, что ты ему помогаешь в учебе. По своему обыкновению, Арнольд заходил в пятницу в офис к Джо Уайдеру и приглашал всех, кто там находился, включая меня, составить ему компанию за обедом в ресторане торгового центра *Topanga Plaza*. Во время обеда он приводил этот торговый центр в качестве примера работающей модели экономической системы, и меня удивляли его способности замечать малейшие детали. А однажды Арнольд подошел ко мне и сказал: «Знаешь, Джин, рано или поздно мы придем к тому, что людям не нужно будет носить с собой деньги – достаточно будет иметь при себе небольшую пластиковую карточку для оплаты расходов». Тогда я подумал, что он, должно быть, бредит, но сейчас-то я понимаю, что он был просто более наблюдательным, чем другие люди.

Подобные перемены в поведении и мировоззрении Арнольда стали вносить некую благообразность в нашу жизнь, и, хотя бодибилдинг оставался для него на первом месте, под воздействием образования и воспитания он постепенно стал облагораживаться. Он научился правильно вести себя за столом, чего за ним отродясь не наблюдалось, начал одеваться со вкусом и носить хорошие вещи вместо обычной для него когда-то спортивной одежды. Что касается меня, то я всегда была готова помочь Арнольду с подгонкой одежды по его фигуре на своей швейной машинке «Зингер». Постепенно Арнольд начал украшать дом привезенными из разных частей света безделушками, приобретать вещи на художественных аукционах или выменивать их на блошином рынке, и багажник его машины был постоянно забит каким-то барахлом. Думаю, что мало кто из окружающих мог бы предположить, какой путь в развитии своего перфекционизма прошел Арнольд с того момента, как четыре года назад впервые спустился на американскую землю с трапа самолета.

Но изменения Арнольда касались не только застольного

этикета и стиля одежды – он начал более тепло относиться к матери. После смерти отца и нашей с ним совместной поездки в Австрию Арнольд поменял свое отношение к ней. Я просила его чаще писать матери, напоминала о том, каково ей сейчас, когда она осталась одна после смерти мужа и старшего сына. Надо отдать ему должное, под воздействием моих просьб Арнольд стал чаще писать и звонить матери. А однажды дошло до того, что Арнольд пригласил мать к себе домой в Санта-Монику на Рождество 1973 года. При этом он испытывал гордость оттого, что может предоставить в распоряжение своей матери отдельную спальню, наскоро переделанную из кабинета, и отдельную ванную комнату. Пользуясь случаем, Арнольд покатал маму на своем бежевом *BMW 2002* и поразил невиданным ею никогда ранее уровнем комфорта и роскоши.

В те три недели, пока мама Арнольда гостила у него дома, произошло то, чего он никак не ожидал: за его внимание начали соперничать две женщины. *Фрау* Аурелия Шварценеггер, будучи дамой дородной, громко говорящей по-немецки, заполонила, кажется, все наше жилище, и на то время, пока мы были дома, она стала главной на кухне. Помимо этого, она постоянно жаловалась на свое здоровье, но это никоим образом не помешало ее знакомству с Америкой. Одним из самых трудных моментов в общении с Аурелией стал языковой барьер – эта проблема существовала и во время нашей поездки в Австрию, а теперь, когда мы принимали ее в гостях, нам вновь пришлось с ней столкнуться. Арнольд не особо стремился брать на себя обязанности переводчика, а моих знаний немецкого языка не хватало для ведения нормального диалога. Поэтому наши с ней беседы были похожи на разговоры слепого с глухим.

Арнольд хорошо знал о моих переживаниях по поводу брака и понимал, что мне необходима эмоциональная поддержка, поэтому в качестве рождественского подарка он преподнес мне кольцо с опалами и брильянтами, сделанное на заказ знакомым ювелиром Дэйвом Саксом. В тот момент, когда я открывала подарочную коробочку, я не спускала глаз с лица Арнольда, но он, как обычно, отделался дежурной отговоркой:

– Надеюсь, что тебе понравится дезайн. Этот Дэйв – гений!

Получив в подарок кольцо, я поняла, что это не совсем то, чего я ждала: оно было лишь переделкой запасов комиссионного магазина и совершенно не предназначалось для помолвки. Тем рождественским утром, демонстрируя подарок Арнольда его матери, я осознавала, что она не сможет понять всех тонкостей наших отношений, но мне страстно хотелось, чтобы она как-то повлияла на своего сына и изменила его отношение к браку.

Но это были лишь пустые надежды, и с этого момента кольцо, надетое на безымянный палец левой руки, каждое утро напоминало мне о том, что я продолжала жить в мире иллюзий. Арнольд достаточно спокойно отнесся к тому, что я надела кольцо на безымянный палец левой руки, но при этом мы оба понимали, что я буду страдать в ожидании того дня, когда он сделает мне предложение.

Тем не менее, несмотря на то что моим романтическим ожиданиям в тот раз не суждено было сбыться, оставив в стороне наши разговоры о не совсем обычных привычках мамы Арнольда, мы постарались подготовить для Аурелии необыкновенное путешествие. Многие из друзей Арнольда пригласили нас с его мамой к себе в гости, и даже мои родители не упустили возможности познакомиться с Аурелией и приняли нас у себя дома. Во время этой поездки мама Арнольда не только впервые познакомилась с американской культурой, но и узнала, что ее младший сын – достаточно успешный человек.

Арнольду хотелось свозить маму на своей машине в Сан-Франциско, но, как назло, его *BMW* сломалась, и он оказался перед трудным выбором: отменить поездку в Сан-Франциско, оставив свою машину в мастерской, или согласиться съездить на моем менее презентабельном «фольксвагене». Вариант с поездкой на «фольксвагене» не отвечал перфекционизму Арнольда, но именно он в итоге победил. В тот раз Арнольду пришлось смирить свою гордыню и согласиться поехать на менее престижном автомобиле, хотя он очень не любил терять достигнутый однажды статус. У меня подобных разочарований не было и в помине, так что меня вполне устраивала поездка на заднем сиденье. Сейчас я понимаю, насколько важна была та поездка: мама Арнольда была нашим гостем, и независимо от того, где мы находились – проезжали мост Золотые Ворота в Сан-Франциско или заезжали домой к моей сестре Пауле, – я была благодарна Аурелии за то, что она воспитала человека, которого я люблю.

Моя мама и Арнольд нянчатся с моими племянниками, 1973

После возвращения из поездки в Сан-Франциско Арнольд забрал свою машину из автомастерской и отвез Аурелию вместе с ее багажом в аэропорт. Пока мы с ней прощались, я думала про себя, что обнимаю женщину, которая рано или поздно станет моей свекровью. Арнольд, в свою очередь, думал, что обнимает женщину, которая смогла изменить свое представление о нем, и, когда мы ехали домой, он даже спросил меня:

– Как ты думаишь, что она думаит обо мне?

– Она очень тобой гордится, Арни, – ответила я ему.

А тем временем в семье моей сестры Салли произошли серьезные изменения: у них с мужем родилась Холли, и с ее появлением клан Аутленд в очередной раз увеличил свою численность. К моменту рождения Холли я уже была тетушкой для троих детишек, которые появились у другой моей сестры, Паулы, и ее мужа Дика, но виделись мы с ними не так часто, как бы мне того хотелось. Поэтому я с радостью представляла, что теперь у меня будет возможность чаще видеться с новым поколением Аутлендов, и с интересом следила за тем, как Арнольд с нежностью держит маленькую Холли на руках. К двадцати четырем годам я уже привыкла к взглядам детских глазок и с нетерпением ждала того момента, когда мы с Арнольдом сможем родить своего маленького Патрика или Холли.

Но мои радостные переживания по поводу рождения детей были омрачены обнаружившимися у меня болезнями. Проснувшись однажды утром, я едва могла дышать от болей в груди, и мне пришлось поехать на обследование к подруге Франко Аните, которая занималась хиропрактикой в своем кабинете в Вествуде. Аните тогда удалось облегчить мое состояние, но она посоветовала мне сделать рентгеновские снимки для выяснения причин подобных болей. После того как снимки были готовы, ортопеды вынесли свой приговор: спондилез первой степени. Этот диагноз означал, что часть позвоночных дисков не может выдерживать вес тела, и вне зависимости от того, было ли это заболевание врожденным или развилось вследствие моих физических упражнений в группе поддержки, моя поясница оказалась слишком слабой для остального тела. Получив такие известия, я начала ходить по врачам, которые давали абсолютно противоположные советы: успокоиться и посмотреть, как ситуация будет развиваться дальше; поставить специальный корректирующий имплантат на позвоночник, пока я еще молодая; подождать лет двадцать до тех пор, пока не появятся более прогрессивные методы лечения.

Под воздействием плохих новостей я ощутила себя старой развалиной и от этого стала еще более раздражительной. Подумать только, я живу с человеком, чье тело представляет собой верх совершенства, а у меня вдруг обнаруживаются проблемы со спиной. Только при помощи Аниты мне удалось слегка восстановить свои силы, и я смогла снова дышать полной грудью. Но мне было не по себе от мысли, что моя молодость уходит и в скором времени мне придется столкнуться с еще бóльшими страданиями и ограничениями. В то нелегкое для меня время Арнольд очень серьезно отнесся к результатам моего медицинского обследования и старался поддержать меня. Он всегда смотрел на все с позитивом и говорил о том, что мне необходимо будет научиться приспосабливаться к своему новому положению.

Анита, помогавшая мне в этой трудной ситуации, старалась поддержать и ободрить меня, и благодаря ее чутким рукам и позитивному настрою моя спина начала сопротивляться болезни. Однажды мне уже приходилось «бороться» со своим телом, а теперь довелось столкнуться с более серьезными проблемами со здоровьем. По правде говоря, мне ужасно не хотелось проходить операцию по установке корректирующего имплантата на позвоночник.

Из-за проблем со здоровьем мне вновь пришлось пережить не самые простые времена, и поэтому я всячески стремилась

разрешить другую свою проблему, связанную с лишним весом, для борьбы с которым я не нашла ничего лучше, как употреблять повышенную дозу никотина. В тот период я проводила много времени за рулем, и вся моя машина была покрыта густым слоем пепла от выкуренных сигарет. От сигарет я на некоторое время испытывала облегчение и очень надеялась, что возврат к однажды забытой вредной привычке поможет мне сбросить набранные шесть килограммов. Но моим надеждам не суждено было сбыться, и лишние килограммы оставались там же, где и прежде.

Арнольд достаточно спокойно относился к моим попыткам бороться с избыточным весом и вредным привычкам, хотя я и выкуривала по пачке сигарет в день. Вполне возможно, что он вспоминал свои слабости и поэтому не особо стыдил меня. Но меня подобное положение вещей ужасно раздражало: вроде бы я была достаточно умной и смышленой женщиной, но никак не могла справиться со своим собственным телом. Ко всему прочему, я не находила себе места от одной мысли о том, что являюсь любовницей бодибилдера. Я видела, что друзья Арнольда выбирали себе в подруги достаточно посредственных женщин, и такой подход меня постоянно удивлял. *«Неужели таким женщинам нравится, как с ними поступают? Неужели они просто довольствуются тем, что им дают, и не претендуют на большее?»* – размышляла я про себя. Тем не менее я знала, что со временем растут не только мои знания, но и мое собственное тело. Помимо всего прочего, учеба в университете, на которую я возлагала большие надежды, не принесла ожидаемых результатов, но, по крайней мере, дала мне возможность понять, что мне необходимо поменять в своей жизни.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Близкий друг и финансовый советник Арнольда Пол как-то заметил, что у него были способности к живописи, и во время нашего разговора я упомянула, что на эту встречу мне стоило бы принести с собой рисунок ветряной мельницы, который он однажды нарисовал.

– По-моему, я никогда не рисовал в наше время? – спросил удивленно Арнольд.

Услышав его слова о «нашем времени», я подумала про себя: «Вот, оказывается, как он называл то время, когда мы были вместе». Ну что ж, мне определенно нравилось такое название.

После короткой паузы я вновь вернулась к прерванному разговору.

– Разве ты не помнишь, как мы с тобой купили открытки

с ветряными мельницами в Бельгии? Мы еще тогда вставили их в специальные рамки, а немного погодя ты взял карандаш и нарисовал точную копию этих открыток. Неужели не помнишь, как было дело?

– Я лишь помню, что в детстве у меня были акриловые краски и мы вместе с братом много рисовали. Знаешь, в Австрии к искусству относятся очень серьезно. Это примерно как музыка: люди специально изучают не только саму музыку, но и ее историю. Теперь я понимаю, что живопись является еще одной сферой моего самовыражения. Можно сказать, что с кистью в руке я ощущаю себя более уверенно, нежели с ручкой.

Это почти как с Рейганом, который писал длинные письма своей жене Нэнси, помнишь? То же самое и у меня, только мне намного легче орудовать кистями и красками возле мольберта, чем писать все эти прекрасные слова. Хотя слова, конечно же, важны, особенно если ты умеешь с ними хорошо обращаться.

Именно поэтому я могу сидеть и рисовать, скажем, вазу с цветами. Или сердце. А может быть, снеговика. Обычно я занимаюсь рисованием поздно вечером: сажусь к мольберту часов в десять и заканчиваю около двух часов ночи.

Во время съемок в фильмах я тоже частенько рисовал. Знаешь, в графике съемок бывали перерывы на два-три часа, которые нужно было чем-то заполнить. Или, к примеру, если день рождения Кэтрин выпадал на самый разгар съемок, то я просто брал разноцветные карандаши и рисовал праздничный торт со свечами. Понимаешь, подобные занятия позволяли мне лучше себя чувствовать.

– А как ты оценивал свои картины? – уточняю я у Арнольда.

– Знаешь, на мой непрофессиональный взгляд, они выглядели довольно неплохо… Но это не мешало мне рисовать, и я много раз изображал океанские виды, пляж с людьми и стульями, цветы и пальмы, солнце и лодки… Понимаешь, я могу рисовать подобные картины, даже не имея перед собой натуры.

Верую в его мечты

Первое появление Арнольда на телевидении стало лишь начальным его шагом на пути в массовую культуру. Постепенно под влиянием личного обаяния Арнольда жители Калифорнии начали менять свое негативное отношение к конкурсам «Мистер Вселенная». От его образа веяло чем-то новым и интригующим, и он совсем не походил на очередного сумасшедшего, помешанного только на своих мускулах. Для изменения убеждений обывателей Арнольд активно использовал такие темы, как здоровый образ жизни, красота человеческого тела и мускулатуры, а также давал пояснения относительно занятий бодибилдингом. Публика тепло воспринимала Арнольда, и многие журналы типа *Muscle Builder* даже провозгласили его в «новым секс-символом».

Во многом благодаря успехам и усилиям Арнольда движение бодибилдинга обрело второе дыхание. В середине двадцатого века благодаря знаменитым журналам, выпускаемым издателем Чарльзом Атласом, Америка уже пережила первую волну интереса к наращиванию мускулов. В этих журналах рассказывались истории о том, как слабых парней однажды побили сильные люди и при помощи занятий физическими упражнениями «потерпевшая сторона» смогла в следующий раз отомстить своим обидчикам. У журнальной серии, издаваемой Чарльзом Атласом, был свой девиз: «Не позволяй им бросать песок себе в лицо», и такой рекламный трюк позволял продвигать различные занятия для набора мышечной массы, развития силы и выносливости. «Развитие мускулатуры для силы и выносливости» – таков был посыл Чарльза Атласа, и к первоначальной идее Арнольда о развитии мускулатуры «в эстетических целях» публика отнеслась довольно скептически.

Но постепенно, когда люди начали внимательнее прислушиваться к словам *Австрийского Дуба* не только о развитии силы и выносливости, но и о физической красоте «накачанного» тела, отношение к занятиям бодибилдингом стало меняться. Тем не менее идея «построения тела» посредством «творческого подхода» к поднятию тяжестей в Америке семидесятых продолжала выглядеть не совсем обычной для большинства людей. Но Арнольд не унывал и прилагал все силы для изменения укоренившихся в обществе стереотипов относительно бодибилдеров, собственным примером разрушая стену предубеждений против занятий бодибилдингом.

По счастливому стечению обстоятельств главным центром

возникновения феномена бодибилдинга стала Калифорния, и, хотя знаменитый пляж силачей *Muscle Beach* официально был закрыт в 1958 году, с приездом Арнольда в 1968-м здесь начался период возрождения. На пляжах Санта-Моники и Венис-Бич вновь появились силачи, и, хотя новички не занимались гимнастическими упражнениями, как это делали ветераны в 30-х и 50-х, первопроходцев в области силовых занятий здесь чтили подобно богам. Мне часто приходилось слышать такие имена, как Гарольд Зинкин, Джек Лалэйн, Джон Гримек, Стив Ривз, Арманд Танни, Джордж Эйфман, – многим из них в то время было уже за сорок, но они, несмотря на возраст, оставались в строю.

Даже иностранцы, такие как Арнольд и Франко, знали этих знаменитых атлетов и были наслышаны о «пляжах силачей». Неудивительно, что Арнольд страстно желал возрождения этих памятных для многих поклонников силовой подготовки мест. Некоторые ребята, живо интересовавшиеся миром бодибилдинга, с энтузиазмом принимали участие в восстановлении былой славы пляжей Санта-Моники и Венис-Бич. Некоторые из последователей движения бодибилдинга, вместе с которыми Арнольд занимался в то время, стали его закадычными друзьями на всю оставшуюся жизнь. Все эти бодибилдеры были прирожденными «позерами», и их часто можно было застать во время тренировок на пляже облаченными в облегающие шорты или плавки. В марте или апреле, когда калифорнийское солнце начинало припекать, Арнольд вместе со своей командой появлялся на пляжах и оставался там до декабря, удивляя своим видом зевак.

К середине семидесятых эти зеваки начали не просто смотреть на внушительные мускулы Арнольда, но и задавать вопросы о методиках силовых тренировок. Насколько безопасен этот вид силовых упражнений? Стоило только спросить об этом Арнольда, как он начинал с жаром проповедовать здоровый образ жизни и правильное питание. «Вы должны правильно питаться! Посмотрите, американцы забивают себе жылудок всякой дрянью! Но для набора мышечной массы вам надо потреблять правильные источники протеина. Надо есть как можно больше овощей и сократить потребление сладастий. Вместо того чтобы тратить свою жизнь на алкоголь, пейте воду и принимайте витамины. Вы все живете на кофеине, а надо бы вставать рано утром, на рассвете и идти делать упражнения, чтобы ваше тело хорошо выглядело в бикини. И пожалуй, самое главное: не забывайте вносить разнообразие в вашу сексуальную жизнь!»

Арнольд, конечно же, позволял себе при случае съесть какую-нибудь сладость или выпить пива на вечеринке, но в целом он придерживался очень строгого режима питания. Ему нравились

хиппи из-за их стремления выращивать продукты питания самостоятельно, и мы делали покупки в специальных магазинах, продававших органическую пищу. Арнольд однажды обратил внимание на то, что в мире начали набирать популярность различные занятия по контролю над весом, и со временем его высказывания о пользе здорового питания и физической подготовки попали в средства массовой информации.

Как-то так получилось, что совершенно неожиданно журналисты связали увлечение Арнольда поднятием тяжестей с движением за органические продукты питания и здоровый образ жизни. Внезапно выяснилось, что «Золотой штат» уже был готов к новому поветрию: «Будь подтянутым. Качай мускулы. Будь стройным. Будь сексуальным. Употребляй только здоровую пищу и витамины. Будь похож на Арнольда и будь привлекательным».

Арнольд не просто снял табу с бодибилдинга, но и сделал образ бодибилдера привлекательным для масс и встал во главе своих последователей. Природные таланты позволили ему увлекать их здоровым образом жизни, как это делал крысолов из немецких сказок. В какой-то момент Арнольд осознал открывающиеся перед ним возможности, которые со временем привели его к вершинам славы и власти.

Арнольд всегда отличался организованностью и сосредоточенностью, и из-за того, что в начале семидесятых все средства массовой информации подыскивали для себя что-то новенькое, он успевал повсюду: здесь расскажет историю, там примет участие в документальных съемках, а напоследок еще и даст интервью. Он всегда пытался найти какую-то животрепещущую тему и хорошенько ее использовать в своих собственных целях. Одной из таких тем стало освещение мира бодибилдинга, и Арнольд смог представить зрителям удачную смесь упорства, харизмы и самодисциплины. Он в одиночку смог вызвать настоящую бурю в средствах массовой информации.

Постоянно рыщущие в поисках новостей журналисты вдруг принялись пристально изучать Арнольда Шварценеггера вместе с его трудно произносимой фамилией. Хотя кто знает, может быть, именно из-за своей не совсем обычной фамилии он и привлек внимание журналистов? Разве много было людей, которые бы с радостью произносили немецкие фамилии, особенно после того, что натворил Гитлер? Спустя двадцать пять лет после событий холокоста довольно-таки сложная фамилия Арнольда привлекла к нему внимание молодого поколения, и он, воспользовавшись этим, дал понять своим фанатам, что, как только им удастся выговорить фамилию «Швартц-енд-еккер», они смогут стать сильнее.

В первый год своего «похода на большой экран» Арнольд достаточно ловко улаживал дела, но один случай просто вывел его из себя. Дело было так: один оборотистый делец по имени Кент Спраг решил воспользоваться именем Арнольда и его популярностью. При этом если братья Уайдер применяли только законные методы для рекламы своей продукции и мира бодибилдинга, то такие деятели, как Кент, орудовали исподтишка и без лишней огласки. Но в тот раз Кент явно ошибся с выбором «жертвы».

Кент получил от Арнольда разрешение использовать нарезку кадров с ним для рекламы бодибилдинга, но вот только вставил ее в фильм для гомосексуалистов. Когда в один из декабрьских дней я пришла домой, то услышала, как Арнольд громко кричал в телефонную трубку:

– Ты, сраный говнюк! Как ты мог миня так падставить! Я надеру тебе задницу, сраный ты хуесос. О боже, ты меня так подъебал, так что можешь не сомневаться – тебе пиздец, поверь мне!

«Ничего себе», – подумала я. Это явно был не тот мужчина, которого я знала, – ведь я уже привыкла к тому, что Арнольд каждый день манипулировал людьми в своих целях, но подобные действия со стороны Кента вызвали у него ярость.

Бросив телефонную трубку, Арнольд с ожесточением сказал:

– Представляешь, этот сраный говнюк вставил нарезку с моим позированием в его так называемый документальный фильм. Фильм этот снят для гомиков, и они дрочат на меня, пока смотрят на мои позы. Вот же ублюдок!

В тот день смертельно бледный Арнольд и я, ужасно напуганная, поехали в один из кинотеатров в Северном Голливуде. Что сделают с Арнольдом журналисты, если пронюхают об этом фильме? Неужели все последние достижения пойдут прахом, если Арнольда начнут считать гомосексуалистом?

Пока мы сидели в кинотеатре и смотрели порнографические фильмы, я немножко успокоилась, но как только я увидела на экране Арнольда, мне моментально стало не по себе. А тем временем из зала доносились сладострастные стоны присутствующей публики, мастурбирующей на образ моего любимого. На экране одна за другой проносились сцены, в которых появлялся Арнольд: вот он демонстрирует свои бицепсы, и тут же его сменяет мужчина, держащий в руках журнал для гомосексуалистов *Schlongs*. Затем на экране снова появляется Арнольд, стоящий спиной к зрителям с напряженными мускулами, и этот кадр сменяется изображением быстрых движений рук и губ. Камера вновь возвращается

к выполняющему стойку Арнольду, и на экране его сменяет изображение эякулирующего мужского члена.

Я знавала нескольких людей, которые занимались чем-то подобным, но для нас они были просто Биллами и Дэнисами, болтавшимися где-то на периферии наших знакомых и не брезговавшими ничем ради заработка. Не стоит говорить о том, что Арнольд был просто в ярости, а я пребывала в ужасе от всей этой ситуации. Для того чтобы защитить себя, Арнольд подал иск против Кента и выиграл судебное разбирательство. Снятый обманным путем фильм немедленно был убран из проката, ведь Кент прекрасно понимал, что он не сможет тягаться с Арнольдом. С моей же точки зрения, этот делец был просто тупым и недалеким человеком, раз он полагал, что ему все сойдет с рук.

После этого случая я начала интересоваться проявлениями сексуального мира семидесятых. Вместе с Арнольдом мы стали частенько проводить субботние вечера с нашими друзьями Дэйвом и Маргаритой Берг. А однажды вечером наша четверка даже решилась сходить на один из первых порнографических фильмов «Глубокая глотка». После всего того, что я видела в кинотеатре для гомосексуалистов, мне хотелось посмотреть, на что способны перед камерой мужчина и женщина.

Зрители в тот вечер, должно быть, сильно удивлялись, когда слышали смех, доносившийся с наших мест. Дэйв Берг так вспоминает тот поход в кино: «Когда мы увидели, что психиатр предлагает главной героине фильма стать его ассистентом, все уставились на меня, ведь я как раз и был ассистентом врача. Затем, когда героиня фильма открыла свой рот, чтобы принять „инструмент“, Арнольд даже выкрикнул: „Нет, это не-воз-можно!“»

Увлечение порнографическими фильмами, конечно же, не вошло у нас в привычку, и мы продолжали жить обычной старомодной жизнью в нашем уютном доме. Унаследовав от своей матери способности к дизайну, я по мере сил старалась облагородить наше жилище. Несмотря на то что в моем распоряжении были вещи далеко не самого лучшего качества, наш дом представлял собой причудливую смесь из угловатой мебели и моих попыток пригладить эту угловатость. Наш друг Дэйв Дрейпер смастерил для нас внушительных размеров кровать из декорированной древесины с кожаными вставками, а я при помощи позаимствованных у моей тетки декорирующих материалов попыталась приглушить слишком явный «мужской» характер этой кровати. Постепенно пространство нашего дома заполнялось новыми предметами, часть из которых Арнольд

привозил из своих поездок, и у нас во множестве валялись всякие безделушки. Большинство тех предметов, которые в свое время составляли наше «домашнее сокровище», уже давным-давно проданы на гаражных распродажах.

Однако есть одна вещь, которую Арнольд сделал своими руками и которую я очень хорошо помню. Однажды вечером, когда я готовила ужин, то обратила внимание на сидевшего за столом Арнольда, который пристально смотрел на стену. На некоторое время я даже оставила готовку и, заинтересовавшись тем, на что же он так внимательно смотрит, пошла поглядеть, что это он там делает. «Что это ты тут пишешь, Арни? Погоди, да ты ведь не пишешь, ты рисуешь! Как это у тебя получается? Ничего себе, как здорово!» – примерно так можно описать мои чувства, когда я впервые увидела рисующего Арнольда.

Закончив наблюдать за Арнольдом, я вернулась к приготовлению ужина. Тот рисунок, что я увидела у Арнольда, был хорошей копией картины, висевшей у нас на стене: он без каких-либо усилий в точных пропорциях срисовал ветряную мельницу. Открытый в тот вечер талант Арнольда дал нам тему для застольного разговора, а мне было чрезвычайно приятно после четырех лет совместной жизни открыть в нем что-то новое. Теперь-то я поняла, почему Арнольд уделял так много внимания коллекциям других людей! Я постоянно отмечала про себя, что Арнольд восхищается произведениями искусства и скульптурой, и мне стало ясно, что он так трепетно относился к искусству из-за своего природного дара ощущать прекрасное.

Карандашный набросок Арнольда, который он сделал в 1974 году

Спустя какое-то время после обнаружения у Арнольда художественного вкуса мы вместе с четой Берг начали посещать аукционы предметов искусства, и в ходе торгов частенько моя левая рука, вскидываемая при повышении цены лота, брала верх над разумом. Несмотря на мои атеистические чувства, я приобрела картины Дали с ангелами и священником Прадо, которые повесила у нас в комнате. Эти картины, к слову сказать, до сих пор благословляют своим присутствием мой дом. Помимо

походов по аукционам, Дэйв Берг познакомил меня и Арнольда с молодым художником Лероем Нейманом, и с той самой первой встречи в галерее *La Cinega* Нейман загорелся желанием написать двухметровый портрет Арнольда.

Еще одним направлением искусства, с которым я начала знакомиться во время нашей с Арнольдом совместной жизни, стало кулинарное искусство. Я испытывала истинное наслаждение от приготовления изысканных кушаний и отныне субботние вечера стала посвящать своему новому хобби. Мы даже специально купили круглый дубовый стол и четыре стула к нему. Устроившись за этим столом, мы вместе с нашими друзьями обменивались мнениями относительно рецептов блюд, подаваемых обычно вместе с изысканными напитками – шабли или сангрией. Нельзя сказать, что мы были слишком взыскательными гурманами, но тем не менее я подавала приготовленные кушанья в китайском фарфоре. Арнольду больше всего нравился мой «гордон блю», который я готовила из куриных грудок с добавлением швейцарского сыра и ветчины, скрепленной зубочистками. Арнольд почему-то называл это блюдо «особой вьетнамской едой». Довольно часто я готовила и его любимый десерт – морковный торт с сырным кремом, который подавался с хорошей порцией шнапса для лучшего усвоения жирной пищи.

В то время мы с Арнольдом жили недалеко от места сосредоточения ночной жизни Западного Лос-Анджелеса, и поэтому наш дом в вечернее время становился перевалочной базой. Вечер, к примеру, легко мог начаться с приготовления ужина, а продолжиться в боулинге. Мы также могли просто завернуть домой для того, чтобы съесть десерт и выпить кофе после ночи, проведенной у «Мадам Ву». Нашим друзьям было хорошо известно наше гостеприимство, и они с удовольствием заглядывали к нам в гости, а мы были рады разнообразить наши походы по ресторанам домашними посиделками с друзьями.

С Бергами к тому времени мы дружили уже достаточно давно, и я прислушивалась к их словам относительно моего влияния на Арнольда. Мы, конечно же, посмеивались над его сильными эгоистическими чувствами, и Дэйв в эти моменты высказывал свою точку зрения. Он говорил, что Арнольд очень уважает меня и мой интеллектуальный уровень и что я стою «вровень с Арнольдом». «Ты достаточно активная и успеваешь повсюду и если критикуешь Арнольда, то мягко и по делу. К тому же Арнольд воспринимает тебя абсолютно адекватно: твои нападки, критику и твой взгляд на вещи. Еще Арнольду нравится выслушивать твое мнение, ведь ты для него играешь роль проводника по американскому обществу. По сути, ты дала

Арнольду пропуск в американское общество», – так говорил Дэйв Берг в тот период нашей жизни с Арнольдом.

Ко всему прочему, я выполняла еще и роль гида для Арнольда. На какое-то время еврейская закусочная «Деликатесы Зака» стала нашим вторым домом: мы частенько завтракали здесь по выходным, а иногда заглядывали сюда за мацой с яйцами или омлетом с луковым хлебом. После завтрака мы садились в машину Арнольда и ехали на прогулку в Палм-Спрингс или на Большое Медвежье озеро. Достаточно часто мы ездили в Лас-Вегас в гости к Джорджу Эйфману, пожилому бодибилдеру, который владел тренировочным залом. Помимо того, что мы навещали в Лас-Вегасе Джорджа, мы ходили на выступления Элвиса или на лошадиные скачки, которые устраивались по утрам. Иногда мы составляли компанию членам моей семьи и ездили с ними в поход в мексиканский городок Розарито-Бич или в национальный парк Йосемити. Во время этих поездок мы приглядывались к домам, расположенным во Фрейзер Парке и в Санта-Барбаре, и затем использовали подсмотренные идеи декора в своем доме. Что касается соблюдения культурных традиций Арнольда, то мы старались каждый октябрь посещать Октоберфест, который проходил в пригороде Лос-Анджелеса. Мы с Арнольдом были легки на подъем и всегда искали интересные места в Калифорнии, куда бы можно было съездить.

Мы с Арнольдом во время поездки по Южной Калифорнии, 1974

Будучи коренной жительницей этих мест, я любила Калифорнию, и в совместных туристических поездках мои родители познакомили нас с местными

достопримечательностями. Арнольд, по его выражению, «был на нибесах от счастья» из-за проживания в моем родном штате, и его слова имели под собой основание: здесь было много солнца, приветливые жители, а овощи и фрукты не переводились на столах круглый год. К тому же Калифорния разрасталась и год от года пополнялась новыми зданиями с различными архитектурными решениями. На улицах в большом количестве появлялись новые магазинчики, которые предлагали жителям Калифорнии товары повседневного использования и предметы роскоши. Такого изобилия, конечно же, не было в то время в Австрии.

В родной стране Арнольда полгода стояла холодная и сырая погода, особенно в то время, когда солнце пряталось за тучи, а жители австрийских городов жили скучной и не слишком радостной жизнью. Сельскохозяйственное производство, являвшееся главным средством существования небольших городков, имело сезонный характер и было сосредоточено в нескольких регионах. Церкви, школы и дома, построенные много веков назад, были старыми и сырыми. В большей степени социалистическая, чем капиталистическая Австрия с трудом приходила в себя после оккупации, и в таких городах, как Таль и Грац, было еще слишком мало предприятий и магазинов. У местных жителей не было денег, чтобы приобретать много товаров, поэтому и выбор в местных лавках был не слишком велик.

Несмотря на то что мы с Арнольдом были воспитаны в разных культурных средах и не всегда сходились во взглядах, нам обоим нравилась Калифорния ранних семидесятых. Наш штат работал на полную мощь, и мы благодарили за это тогдашнего губернатора Калифорнии Рональда Рейгана. Арнольд так описывал изменения в своей жизни, к которым он стремился: «Преехать в Ам-хери-ку, чтобы жыть в Сан-тха-Монике». В тот период мы с Арнольдом часто разговаривали о капиталистическом устройстве общества и сравнивали его с социализмом. Арнольд обычно высказывался в таком духе: «Мине в Америке лутчше. Кхал-ифор-ницы, они такие живые, а в Австрии ты живешь словно в трясине. Здесь, в Америке, ты можешь быть бизнесменом или, если хочешь, можешь роботать на кого-то и получить повышение. В Америке правительство не говорит тебе, что ты должен делать, и мне эта нравится».

Тем не менее если мы и сходились с Арнольдом во взглядах на политические темы, то в вопросах отношения к жизни у нас все же были разногласия. Большей частью мы с ним обсуждали конфликтные ситуации, которые возникали между нами из-за его

ярко выраженного индивидуализма и моего старомодного романтического воспитания. Арнольд все время сопротивлялся любым попыткам вогнать его в какие-либо рамки, хотя и демонстрировал признаки верности, что лично для меня имело большую ценность. Арнольд, однако, полагал, что за пределами нашей спальни не действуют никакие из наших договоренностей относительно друг друга. Он, будто необъезженный жеребец, хотел для себя свободы действий, как то: сходить полежать обнаженным на нудистском пляже или уговорить меня, чтобы наш друг Арти Зеллер снял нас голыми в горах. Надо сказать, что у меня подобные идеи не вызывали ничего, кроме отвращения.

Еще одной причиной наших размолвок была эмоциональная закрытость Арнольда, и я все время просила его, чтобы он учитывал мои эмоциональные потребности. На мои просьбы Арнольд обычно отвечал, что вкладывает в меня столько эмоций, сколько считает нужным. Боже, кто знает, сколько раз я слышала такие отговорки? «Бар-бар-ха, тибе никогда не нойти другого токого парня, как я. Конечно же, я лублу тибя. Золотце мое, у нас с табой лучшие атношения из всех тех, кого мы знаем. Так наслаждайся же этим!»

Надо отметить, что Арнольд всегда говорил очень уверенно и проникновенно, но мне от этого, честно сказать, было не легче, и я страдала от собственной неуверенности. По причине того, что я не могла повлиять на его точку зрения и хоть как-то ее изменить, мне пришлось стать заложницей его мыслей, чувств и веры. Не имея возможности противостоять его силе и напору, я каждый раз находила для себя оправдание, а он делал все что мог, чтобы вернуть меня обратно. Всякий раз после наших ссор мы старались примириться и подавляли свое недовольство, но в каждом конфликте, как в тлеющем костре, всегда есть искры, из которых в любой момент может возгореться пламя.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Мне было известно, что в детстве у Арнольда были проблемы в эмоциональной сфере. Можно предположить, что своими феноменальными успехами он напрямую обязан тем лишениям, которые выпали на его долю в детском возрасте. Взгляды Арнольда, однако, не были статичны, а менялись с течением времени. Слишком глубокие раны от бывших обид постепенно затягивались, но позже Арнольд признавался, что детские переживания все же оказали влияние на его стремление добиться успеха в жизни.

Как-то раз Арнольд даже сказал мне, что он ощущал свою

ненужность и бесполезность по причине того, что ему приходилось донашивать вещи старшего брата.

– Сейчас я, конечно, понимаю, что такое положение дел, при котором вещи от старших переходят к младшим, является нормальным, но тогда я понимал лишь то, что Мейнхарду всегда достается все самое лучшее. Он, к примеру, всегда получал самые лучшие игрушки и, наигравшись с ними, отдавал их мне. Такое отношение меня очень сильно расстраивало, и со временем у меня сформировалась мечта: «Когда-нибудь у меня будут только мои вещи, которые до меня не принадлежали никому другому. Нужно только запастись терпением и подождать».

Гостья в доме

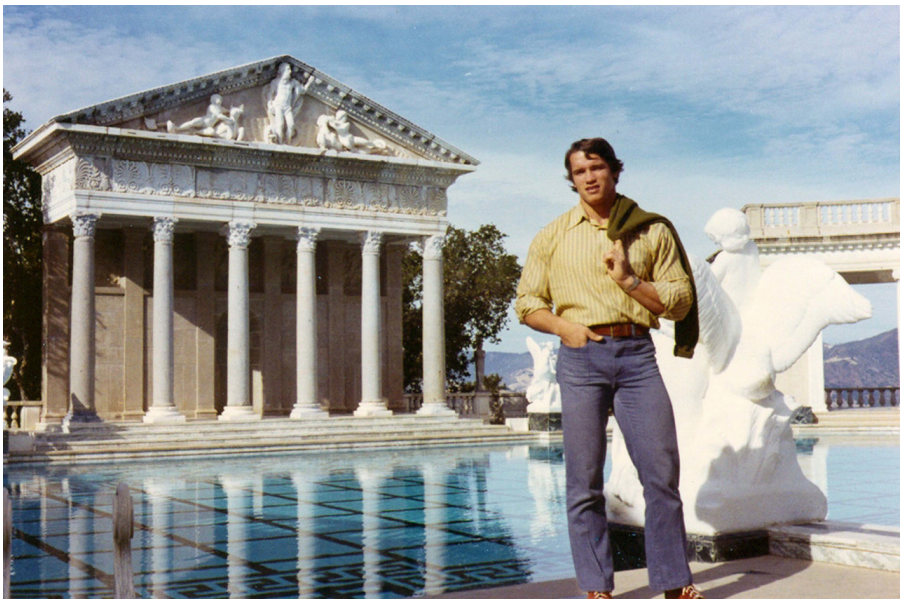
На протяжении пяти лет Арнольд вел достаточно умеренный образ жизни и снимал жилье. Однако со временем наступил момент, когда у него образовался серьезный капитал, достаточный для того, чтобы заниматься инвестициями. В то время материальные средства поступали к Арнольду из трех источников: часть денег ему выплачивал Джо Уайдер в виде зарплаты, часть он получал от своего торгового предприятия по распространению товаров, а еще часть зарабатывал за счет платных выступлений и рекламы.

Посредством обширной сети знакомых Арнольд вышел на одного опытного торговца недвижимостью, некую Ольгу. Объединив свои силы, Арнольд и Ольга стали своего рода «европейским Джаггернаутом», перед которым была поставлена важная задача – заключить такую сделку по покупке недвижимости, которая бы смогла заложить серьезную основу финансового благополучия Арнольда. Для достижения этой цели Ольга годилась, как никто другой: она умела грамотно подходить к делу и сводить риски к минимуму. Арнольд, как вторая сторона этого своеобразного тандема, представлял собой сообразительного и расторопного начинающего инвестора, способного принимать взвешенные решения. Открыв Арнольду глаза на то, что доход от сдачи жилья в аренду может стать хорошим началом для инвестиций, Ольга очень осторожно провела его по всем этапам сделки.

Наблюдая со стороны за их поисками объекта для удачного вложения средств, я вместе с Арнольдом частенько разбирала те варианты, которые им удавалось найти за день. Один из найденных объектов до того понравился Арнольду, что я не удержалась и съездила вместе с ним посмотреть на этот дом. По правде говоря, я догадывалась, что Арнольд уже и так решил купить этот дом, но он решил потрафить моим чувствам и хотя бы номинально получить мое одобрение перед тем, как поставить подпись в документах.

Спустя два месяца после заключения сделки мы переехали в первый американский дом Арнольда, который он приобрел в собственность. Дом этот находился на тринадцать кварталов восточнее нашей бывшей квартиры, на Девятнадцатой улице в Санта-Монике, под номером 1108. В новом доме, имевшем достаточно презентабельный внешний вид, было шесть удобных квартир, и располагался он в престижной северной части бульвара Уилшир. Мы с Арнольдом заняли двухуровневую

квартиру управляющего, в которой было три спальни, выход в гараж на две машины и небольшой внутренний дворик. Сказать, что после этой покупки Арнольд стал гордиться собой еще больше, – значит ничего не сказать, ведь в свои двадцать шесть лет этот выходец из Европы стал владельцем недвижимости, приносящей ему доход. Из тех средств, что у него были, Арнольд внес первоначальный взнос за дом, а поступающая от жильцов арендная плата направлялась на погашение задолженности перед банком. Со всей уверенностью можно сказать, что этой покупкой Арнольд заложил хороший фундамент своего финансового состояния.



Арнольд в Херст-Касл, Калифорния, 1974

Тем не менее приобретение дома не решило всех наших накопившихся к тому времени проблем, а лишь добавило новых. К примеру, в Штаты на время своего отпуска приехал давний приятель Арнольда Альберт Бузек, и его визит совпал с нашим переездом в новый дом. Нетрудно догадаться, что мне пришлось взять на себя заботу о нем, и, хотя я раньше видела Альберта в Мюнхене и он мне нравился своим позитивным отношением к жизни, я не испытывала особой радости от того, что должна была взвалить на свои плечи дополнительную нагрузку.

Честно сказать, положение «прислуги» для чужих людей меня очень сильно раздражало, ведь с переездом в дом Арнольда из нашей общей квартиры изменился и мой статус: в новом доме я была лишь гостем, а не полноправным партнером с правом

голоса.

После приобретения Арнольдом инвестиционного дома наша разница в эмоциональном восприятии и материальном положении стала проявляться со всей очевидностью. Арнольд был на седьмом небе от счастья: он владел собственным домом, который приносил ему доход, и мог спокойно продолжать свои интенсивные тренировки. А его девушке в этом доме всего-навсего отводилась роль прислуги. Помимо этого, владение недвижимостью позволяло Арнольду еще больше повысить самооценку и принимать восхищения со стороны своих друзей. Пока Арнольд радовался своей покупке, Чарльз и Джордж приступили к работе над своей документальной книгой *Pumping Iron* о мире бодибилдинга, главным действующим лицом которой был Арнольд. В основу этой книги должно было лечь освещение соревнований 1974 года, и Арнольд полагал, что сможет одержать победу на всех этапах.

На протяжении тех пяти лет, которые мы с Арнольдом так или иначе провели вместе, самыми трудными для меня были летние месяцы: в этот период мне приходилось иметь дело с полностью погруженным в себя безэмоциональным роботом. Я всегда с тревогой ожидала приближения лета и заранее готовила себя к тому, что мне придется сталкиваться с невниманием со стороны Арнольда. Странно, конечно, но, ощущая себя «жертвой» Арнольда в периоды его подготовки к соревнованиям, я тем не менее отлично понимала, что только он мог спасти меня от моих внутренних фрустраций. Для меня Арнольд был одновременно и источником постоянной боли, и лекарством, способным унять эту боль.

Начиная с июня Арнольд с головой уходил в подготовку, необходимую для участия в соревнованиях за титул «Мистер Олимпия», и ездил по всему миру для проведения показательных выступлений перед публикой. В период интенсивных разъездов он проводил больше времени со своими приятелями, чем со мной, и я, страдая от такого его поведения, высказывала ему все свои обиды. Мои слова, однако, на него мало действовали, но когда дело доходило до утешений, Арнольд всегда выступал в роли моего спасителя. Моим главным оружием являлись слова, но подлинным лекарством от моих внутренних фрустраций были сила и уверенность Арнольда.

Несмотря на все мои причитания и жалобы, Арнольд всегда успокаивал меня и уверял, что наша жизнь войдет в нормальную колею после окончания соревнований, и начал даже вскользь упоминать о том, что женится только ближе к сорока годам. Раз уж его собственный отец женился на его матери в тридцать

восемь лет, то для него самого вступление в брак в сорок лет будет в самый раз. Для меня подобные высказывания означали, что мне придется ждать этого события ближайшие тринадцать лет.

Когда Арнольду исполнилось двадцать семь лет, мои родители пригласили его и его друга Альберта к себе в гости. Альберт хорошо говорил по-английски, и ему очень понравилось в гостях у моих родителей – он смеялся, шутил и фотографировался со всеми подряд. Даже сейчас у Альберта хранится большая коллекция фотографий Арнольда. Вот что Альберт написал мне про ту встречу в электронном письме: «Наша встреча тридцать лет назад в доме твоих родителей на дне рождения Арнольда была лучшей в моей жизни, и я до сих пор помню ее во всех деталях, как будто это было вчера». Со словами Альберта сложно не согласиться: даже спустя много времени встречи и совместные мероприятия с Арнольдом очень трудно забыть.

Моим единственным спасением в тот период стал мир интеллектуальных размышлений: я понимала, что могу ошибаться в построении своих личный отношений, но если в чем-то я и была сильна, так это в учебе, и тогда я как раз закончила свою первую работу в качестве преподавателя английского языка. По счастливому стечению обстоятельств мой отец получил должность заведующего хозяйством в Колледже Комптона, расположенном в Южном Централе Лос-Анджелеса, и пригласил меня к себе. Я была рада получить это место и, несмотря на то что мне приходилось тратить больше времени на дорогу, мне казалось, что оно того стоило. При помощи этой работы я рассчитывала улучшить свое резюме, которое можно было использовать для поиска полноценного места преподавателя на полный рабочий день.

Для получения дополнительных баллов, которые могли пригодиться при поиске работы, я сумела добиться для себя трехнедельной стажировки в Мексике. Когда я ездила на эту стажировку, меня приютила молодая учительница на своей съемной квартире в Гвадалахаре, как она это делала и раньше для студентов из Восточного Лос-Анджелеса. Мне казалось, что изучение испанского языка хорошо скажется на моем профессиональном опыте, и мне был необходим отдых от ушедшего с головой в свои тренировки Арнольда и его гостя из Германии.

В ночь перед моим отъездом мы вместе с Арнольдом пошли поужинать в ресторан *Hungry Tiger* в районе Марина-дель-Рей. В тот момент, когда нам подали жареную форель, вместо того

чтобы сказать друг другу слова утешения, мы начали ссориться. Одним из главных камней преткновения, помимо моего превращения в домработницу, стало то, что мне пришлось исполнять еще и роль личного помощника Альберта.

– Ты не мог бы быть более внимательным и не видеть во мне только домохозяйку, которая должна заботиться о твоих гостях? Мне, конечно, нетрудно их занимать, но я все же им не нянька, – выговаривала я Арнольду.

В ответ на мои жалобы Арнольд наклонил голову и, посмотрев на меня взглядом, который не предвещал ничего хорошего, проговорил со своим неповторимым немецким акцентом:

– Что же это ты опять ноешь по поводу готовки – разве ты не видишь, сколько я делаю для тебя? Я ведь оплачиваю все твои счета – и за дом, и за твою учебу!

После этой фразы незамедлительно последовал ультиматум:

– Когда ты вирнешься из Мексики, тибе придется переехать абратно к своим радителям!

Из нас двоих только я всегда была паникером, и наши отношения обычно спасал Арнольд, умевший находить пути к примирению. Но в тот раз его бескомпромиссный тон меня напугал: я даже не могла предположить, что мы с ним когда-нибудь поменяемся ролями. Я тогда подумала, что он сказал это не всерьез, – ведь кто-то же должен готовить ему завтраки и подавать чистые рубашки? У меня и в мыслях никогда не было, что мне однажды придется уйти от Арнольда, и поэтому я оказалась неготовой к его ультиматуму. Что же мне оставалось делать – уходить? Нет, ни в коем случае.

Но почему же он не мог понять и принять мою точку зрения? Ведь, несмотря на всего его заявления о том, что я никогда не смогу найти мужчину, подобного ему, я знала, что и он никогда не сможет найти женщину, подобную мне. Если оставить в стороне наши разногласия, я ощущала себя желанной для Арнольда и, помимо всего прочего, была для него учителем английского языка, интересным собеседником, гидом по американской культуре и традициям, массажистом, компаньоном, любовницей, матерью, швеей, курьером, секретарем, поваром, ревностной домохозяйкой, декоратором, музой, психологом и самым преданным фанатом. Как же он сможет прожить без меня и без тех невидимых уз, что связывают нас?

Неудивительно, что подобное бескомпромиссное и внезапное заявление со стороны Арнольда моментально вывело меня из себя. Как мне жить без него? Это же просто невозможно! Мне

нужно было остыть и постараться смягчить создавшуюся ситуацию, и я извинилась перед ним. Арнольд в тот раз принял мое позорное и унизительное извинение.

В тени Мистера Олимпия, 1973

После произошедшей накануне неприятной сцены, вся в смятении и страхе за будущее, я улетала в Гвадалахару – в тот момент я ощущала себя настолько подавленной, бесполезной и непривлекательной, что страшно даже подумать. Тогда же я попыталась разобраться в самой себе и хоть как-то представить те испытания, которые предстоят мне в жизни. После раздумий я пришла к выводу, что все, чего я хотела от жизни, – это быть любимой и понимаемой самым близким мне человеком. В грустном расположении духа я летела в Мексику, рассеянно глядя в иллюминатор на облака, и спрашивала себя: «Зачем же мы живем?»

Приземлившись в аэропорту, я с тяжелым сердцем погрузилась в красный «порше» встречавшей меня Сьюзан, и ее

веселый нрав хоть как-то отвлек меня от размышлений. Сьюзан заверила меня, что мы отлично проведем время, и в качестве подтверждения начала нашего совместного веселья вжала педаль газа в пол. Такое бесшабашное отношение Сьюзан к жизни лишь подлило масло в огонь бушевавших внутри меня эмоций, а на горизонте тем временем появился ОН.

Новым мужчиной, вошедшим в мою жизнь, стал Карлос – хорошо образованный бизнесмен с мексиканскими и швейцарскими корнями. Карлос стал моим Дон Кихотом, помогавшим мне бороться с обуревавшими меня страхами, и я с благодарностью вспоминаю момент встречи с моим спасителем.

Мы жили в квартире вместе со Сьюзан, и в те моменты, когда моя соседка уединялась со своим парнем Энрике, я проводила время с Карлосом. Днем, после того как мои занятия по испанскому языку заканчивались, я была готова к продолжению живительного для меня романа. Карлос обычно пел серенады под окном, чтобы вызвать и забрать меня с занятий, а затем играл роль моего гида по окрестностям города. Однако натянутые отношения с Арнольдом не шли у меня из головы, несмотря на бурный роман с Карлосом. Я была готова сдобрить свою жизнь хорошей порцией приключений, но мне было трудно переступить через себя и допустить сексуальные отношения с новым мужчиной. Тем не менее не теряющий присутствия духа Карлос даже предложил мне кинуть жребий и посмотреть, что нам ответит провидение на этот вопрос.

Как бы то ни было, но именно Карлос открыл для меня мир чувственности: его горячий мексиканский темперамент полностью поглотил меня. Складывалось такое ощущение, что Карлос на лету ловит каждое мое слово и с пониманием относится ко мне, – частенько он прижимал меня к груди и говорил о том, насколько я важна для него. Он покрывал поцелуями мою шею и нежно массировал мне пальцы и стопы. Когда я укладывалась спать, Карлос напевал мне мелодии Моцарта, а затем будил меня и вел на романтическую прогулку вокруг очаровательных деревенек, расположенных возле озера Чапала. Во мне еще были сильны пуританские традиции, но его жаркие поцелуи и объятия заставляли меня чувствовать себя словно заново родившейся.

День за днем во мне все больше и больше просыпалась женственность, и в те моменты, когда мы с моей соседкой по квартире оставались одни, я нередко помогала Сьюзан с макияжем. Глядя на Сьюзан, мне хотелось все попробовать на себе, и постепенно я начала использовать ее косметику и стала покупать сексуальные вещи. Арнольд предпочитал видеть меня

в натуральном, а не «прикрашенном» виде, и поэтому за годы жизни с ним я полностью отказалась от маленьких женских хитростей. Однако, прожив две недели у Сьюзан, я уже могла моментально наложить необходимый макияж, хотя мне и было горько от того, что неосознанно я прихорашиваюсь для человека, которого больше никогда не увижу.

Все хорошее когда-нибудь заканчивается, и мои курсы в Мексике не стали исключением. Мы с одногруппниками обменялись адресами, а тем временем в Мексику приехали мои родственники, чтобы провести здесь оставшуюся часть своего отпуска. Когда мы с ними встретились в отеле, я ощутила, насколько же мне удалось измениться за это время. Но я бы, конечно, не рискнула раскрыть причину, заставившую меня решиться на подобные изменения. Вместе с моими родителями, сестрами и двоюродным братом мы проехались по ставшей мне родной Гвадалахаре, после чего вместе слетали в Мексико Сити и Акапулько. Именно в то время я осознала свое право на личное счастье и поняла, в каком направлении мне необходимо двигаться дальше, и я благодарна Карлосу за то, что ему удалось открыть мне глаза и заронить семя надежды.

Даже сейчас, спустя много времени после тех событий, когда я разглядываю фотографии Карлоса, то испытываю огромную признательность к нему. Надо сказать, что в семидесятые в кругах людей, находившихся в духовном поиске, был очень популярен Карлос Кастанеда. В своих книгах, зачастую противоречивых, он рассказывал об опыте, полученном в мексиканской пустыне Сонора от своего учителя Дона Хуана, и предлагал читателям метафору личностного роста. Для меня же учителем, моим Доном Хуаном стал Карлос. Перед нашим с ним расставанием я затаив дыхание ждала его реакции на мой отъезд домой, но он абсолютно нормально воспринял это событие. В своих письмах, последовавших за расставанием, Карлос признавал те странные изменения, которые возникли во время нашего с ним знакомства: он внезапно появился в моей жизни и словно возродил меня.

Вернувшись обратно к Арнольду, я смягчила свои отзывы о Карлосе, представив его как моего преподавателя испанского языка, спутника в поездках на машине Сьюзан и гида по Мексике во время визита моих родителей. Как это ни странно, ощущая полное спокойствие относительно сексуальной верности, которую я сохранила для Арнольда, я тем не менее ощущала себя виноватой в том, что утратила былую эмоциональную привязанность к нему. Я пыталась сохранить свой роман с Карлосом в тайне, рассчитывая на то, что мой внутренний личностный рост поможет мне гармонизировать наши

с Арнольдом отношения. Где-то в глубине души я радовалась тому, что была далеко не безразлична Карлосу, и наслаждалась той ревностью, которую мне удалось разжечь в Арнольде, а прибывшее из Мексики письмо от Карлоса лишь подлило масла в огонь.

Арнольд, с присущей ему прямотой и непосредственностью, завалил меня вопросами и, подводя итог, сказал:

– Мужчина не будит тратить время на письма девушке, если у них не было секса. Давай, колись – ты просто не гаваришь мне всей правды!

К обсуждению этого вопроса Арнольд даже пытался привлечь своего гостя Альберта. Но я не поддавалась на уговоры Арнольда и ни в чем не сознавалась, несмотря на то что даже сам Карлос советовал мне честно рассказать Арнольду о наших отношениях. С моей точки зрения, такой поступок был бы слишком опрометчивым, и вместо того, чтобы защищаться от града вопросов Арнольда, я наслаждалась его ревностью, видимой даже невооруженным глазом. Так мы и жили: я подзадоривала Арнольда с помощью другого мужчины, который появился в моей жизни, но одновременно с этим несла бремя своей вины перед ним.

Лето подходило к концу, и Альберт вернулся к себе в Мюнхен, а Арнольд начал интенсивные тренировки перед выступлением на конкурсе «Мистер Олимпия». К этому времени дом, который Арнольд приобрел в качестве инвестиции, стал постепенно становиться для нас родным. Было, конечно, странно, что дом целиком и полностью являлся собственностью Арнольда, но все же я рассматривала его как моего благодетеля, а не как домовладельца. Да я и не смогла бы оплачивать аренду квартиры, если бы, к примеру, Арнольд пожелал брать с меня эту плату. В то время в Лос-Анджелесе наблюдался явный переизбыток учителей, и у меня не было хорошей работы. Все, что мне могли предложить, – это низкооплачиваемую работу в частных школах, а мне хотелось получить место в публичной школе округа, к которому прилагались хорошие бонусы. Меня выручало то, что Арнольд всегда меня поддерживал в трудную минуту, и я могла спокойно искать подходящее для себя место.

В начале 1974 учебного года вышло новое исследование демографического состояния Калифорнии, в котором отмечался рост латиноамериканского населения штата, и это дало мне дополнительные возможности при поиске работы. Я приняла приглашение на вакансию преподавателя чтения в Западном Лос-Анджелесе, одном из мест сосредоточения населения с латиноамериканскими корнями. Таким образом, Рузвельт Хай

Скул стала моим первым местом работы с момента окончания курсов повышения квалификации в Университете Калифорнии. Наконец-то я получила ту самостоятельность в среде сообщества преподавателей, к которой стремилась, и могла расти в профессиональном плане. Поддерживаемая группой моих молодых коллег, я с увлечением начала обучать детей радостям чтения и письменного изложения своих мыслей. Мои ученики стали прислушиваться к моим советам и при этом демонстрировали впечатляющие успехи.

Именно тогда моя работа наконец-то совпала с теми желаниями, которые глубоко сидели во мне, и, успокоившись по поводу своего профессионального призвания, я всерьез занялась своим телом. На помощь в сложном деле контроля над весом мне пришли положительные эмоции от ощущения своей женственности, которые я испытала в Гвадалахаре, и появившаяся надежда на продолжение наших отношений с Арнольдом. Для этого мне пришлось вспомнить свои занятия физкультурой в старших классах и научиться методам поддержания стабильного веса. Я думала так: «Ведь у других людей получается следить за весом, так почему бы мне не начать делать так же и уменьшить свою зависимость от сахара и сладостей?» Первым делом я перешла на сбалансированный режим питания и быстро обнаружила, какое благотворное влияние он оказал на меня. Следующим шагом на пути к здоровому образу жизни стал отказ от потребления никотина, и, надо сказать, он дался мне достаточно легко: на помощь мне пришла та энергия, которая высвободилась после поездки в Мексику и которой мне так не хватало все эти годы.

Что же касается Арнольда, то врожденная страсть, свойственная всем охотникам, влекла его вдаль, на неизведанные территории. В это время Арнольд купил себе серебристый *BMW*, оборудованный радиотелефоном, и изо всех сил занимался построением своей карьеры. Джо Уайдер с помощью своих журналов сделал его «иконой» бодибилдинга, что привело к росту обожания Арнольда поклонниками и положительно сказалось на его финансовом состоянии. Ко всему прочему, торговля по каталогам приносила Арнольду хорошую прибыль, которую он еще больше увеличивал при помощи своих вложений в недвижимость. Но Арнольд Шварценеггер никогда не останавливался на достигнутом и пришел к Бену Уайдеру, брату Джо, с вопросом о признании бодибилдинга спортивной дисциплиной. Арнольд недоумевал: Международная федерация бодибилдинга рассматривает его как спортивное направление, ребята, с которыми он занимается в зале, тоже считают, что они

занимаются спортом, – так почему же бодибилдеры не участвуют в Олимпийских играх?

Представьте себе разочарование тех мужчин, которые занимались поднятием тяжестей не для развития силы, а в погоне за симметрией тела, но при этом в глазах общественного мнения оставались приверженцами какого-то непонятного культа, не признанного официально Олимпийским комитетом, и не участвовали в летних Олимпийских играх. Участники движения бодибилдинга хотели добиться признания мировой общественности, а не быть в ее глазах сборищем гомосексуалистов, неуверенных в себе парней и мускулистых женщин. Поэтому, несмотря на растущее признание масс, Арнольд понимал, что он никогда не сможет достичь вершины в своей карьере без золотой олимпийской медали, которая отлично бы смотрелась на его груди. Тем не менее даже человек с широкими международными связями, преданный своему делу, не всегда способен творить чудеса. Так сложилось, что все усилия Арнольда и все связи Бена Уайдера не смогли изменить мнение Олимпийского комитета: в его глазах бодибилдинг был в лучшем случае неким видом искусства, а в худшем – увлечением для нарциссов. При таком положении вещей Арнольд тренировался для участия не в летних Олимпийских играх 1974 года, а в их суррогатной замене – конкурсе «Мистер Олимпия».

Ближе к осени в нашу жизнь снова вошли негативные известия: Пьер, наш друг по празднованию Рождества, потерял вес и стал бледным как полотно. При этом он скрывал от всех ухудшившееся состояние здоровья и ни с кем не делился своими проблемами. Все его друзья были невероятно восхищены последними успехами Пьера в съемках документального фильма о Джо Кокере, и вот внезапно для всех Пьер умер, а мы просто не могли в это поверить. Нам в то время было по двадцать пять лет, а Пьеру, должно быть, около тридцати четырех, и он сгорел на глазах у всех без всякой видимой причины.

Однажды, находясь в подавленном состоянии из-за смерти Пьера, я сидела в классе, посматривая на входную дверь, и вдруг услышала, как трое хулиганов ходят по коридорам в поисках своего дружка и моего ученика Марио. Тогда я обратилась к этим ребятам и потребовала, чтобы они встречались со своим другом на перемене, но хулиганы, несмотря на мои предупреждения, зашли в класс. Я была ростом «метр с кепкой» и старше этих хулиганов всего-то на пару лет, но, как представитель администрации школы, подошла к ним и строго сказала:

– Предъявите ваши студенческие билеты, а если их у вас нет – немедленно покиньте помещение.

Троица лишь посмеялась мне в ответ, и я почувствовала что-то недоброе во всей этой ситуации.

– Немедленно выйдите отсюда, – сказала я им еще раз и повела их к двери.

Стоя в дверях, я смотрела, как они медленно спускаются по лестнице, и в этот момент почувствовала неожиданный удар по голове. Находясь в шоке от произошедшего, я молча посмотрела на ближайшего ко мне хулигана, который бросил мне под ноги деревянную палку – ту, которой он только что меня огрел. Подняв эту палку, я вернулась в класс и предупредила своих учеников о случившемся инциденте. В нашем классе не было телефона, а в соседних кабинетах не шли занятия и, соответственно, не было учителей, так что мне пришлось дожидаться звонка с урока для того, чтобы сообщить о произошедшем администрации школы. Когда директор школы в три часа пополудни узнал о нападении на меня, то пришел в ужас.

После доклада начальству я поехала домой в Санта-Монику под крылышко к Арнольду. Ошеломленный Арнольд, увидев меня в таком состоянии, немедленно предложил свою помощь в борьбе с малолетними преступниками, отирающимися возле школы. В тот раз Арнольд вышел из себя из-за того, что в школах Америки подобным образом нарушается дисциплина: «Ничиго падобного не могло бы произойти в Аустрии. Боже мой, я ни могу паверить в это!»

Собственно говоря, я тоже не могла поверить в произошедшее, но решила призвать хулигана к ответу. На руку в этом деле сыграл тот факт, что ударивший меня хулиган по имени Джейми уже имел приводы в прошлом. Но настоящей трагедией для меня стало то, что мать Джейми настаивала, чтобы вину за преступление взял на себя другой ее сын, за которым не числилось серьезных проступков. После этого случая, произошедшего со мной в 1974 году, я начала понимать, что Восточный Лос-Анджелес – это не то место, где бы я хотела провести ближайшие тридцать пять лет в ожидании пенсии.

После скоропостижной смерти Пьера и случая с нападением мне снова потребовалось переосмыслить свою жизнь. Как-то раз, решив помедитировать, я уселась в офисное кресло в кабинете Арнольда и стала выполнять дыхательные упражнения. Результатом этих занятий стало то, что мне как будто передались спокойствие и уверенность Арнольда.

Спустя некоторое время после смерти Пьера мне приснился странный сон: Пьер словно бы лежал на облаке и держал возле уха телефонную трубку, а на другом конце этой телефонной

линии находилась я. При этом Пьер спокойно говорил мне в трубку, что ему хорошо на том свете и что я не должна беспокоиться о нем: «Барбара, просто живи своей жизнью и люби всем сердцем. Жизнь – все же хорошая штука».

Этот разговор с Пьером во сне взволновал меня до глубины души. Как мне отнестись к этому сну? Мне трудно было определиться со своим решением в связи с тем, что я стала атеисткой из-за переживаний и разочарования в божественных силах после убийства Джона Кеннеди. Но в этом году я уже не была столь категорична в своих суждениях и относила себя скорее к агностикам, нежели к атеистам. Для меня было удивительно, что некоторые люди, вызывавшие у меня искреннее уважение, истинно верили в существование Бога. Но насколько подлинной была их вера? Как бы то ни было, но «монолог» Пьера серьезно подействовал на меня, и я стала более терпимой в вопросах веры.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

После того как Арнольд во время нашего разговора начал вспоминать свое детство, я не преминула задать ему вопрос:

– Если бы твой отец был сейчас жив, что бы ты ему сказал?

Арнольд ответил так:

– Если бы мой отец был до сих пор жив, мы говорили бы с ним обо всем, что он успел сделать в своей жизни, и это дало бы ему лишний повод для гордости. Затем мы бы поговорили с ним о том, чего достиг я, и это был бы полезный для нас разговор – ведь наши с ним взгляды на жизнь кардинально различались.

Я бы сказал отцу то, что постоянно говорил матери: «Эй, ты ведь закладываешь основы для своих детей». Видишь ли, в детстве ты веришь в то, что родители несут ответственность за все те лишения, которым ты подвергаешься с их стороны. И ты, пытаясь достучаться до родителей, говоришь сам себе: «Он хочет, чтобы я навсегда остался ребенком, чтобы контролировать меня».

– Надо сказать, что я никак не могла понять, каким именно образом тебя унижали твои родители, ведь я даже подумать не могла, что ты можешь волноваться из-за каких-то пустяков, – заметила я.

Как оказалась, я попала в самое больное место, и Арнольд начал свою фразу:

– Постой-ка, давай разберемся. Не то чтобы я обвинял своего отца – скорее всего, это было… – и здесь наш разговор принял несколько сумбурный характер.

Арнольд тем не менее сумел подвести черту под нашим

разговором:

– Я не могу сказать, насколько трудно было моему отцу, ведь я многого не понимал. Сейчас-то я, конечно, понимаю, что родители пытаются делать все возможное для воспитания детей и не имеют каких-то скрытых намерений их унижать. Откровенно говоря, каждый из нас старается делать свою работу как можно лучше, но, к примеру, даже моя мать совершала ошибки. И мой отец тоже сделал массу ошибок, но кто я такой, чтобы судить об этом? Разве я идеален? Разве я все делаю так, как надо? Нет. Так стоит ли сейчас показывать на своих родителей пальцем и говорить: «То состояние, в котором я оказался сейчас, обусловлено тем, что вы сделали это, это и еще вот это». Это же полнейшая чушь.

Очень жаль, что у меня совсем не было времени, чтобы изложить свою точку зрения, – ведь главной целью этой встречи было получение информации от Арнольда, а не наши с ним объяснения. Поэтому мне пришлось смириться с тем, что мне опять не удалось исполнить свою давнюю мечту – высказаться и быть понятой Арнольдом.

Жизнь в разных мирах

Наступающие рождественские праздники мы с Арнольдом решили использовать для того, чтобы приукрасить наш дом. Мы долго откладывали это дело, но расширение связей в обществе и наше финансовое состояние позволяли нам вплотную заняться данным вопросом. Ронни, наш знакомый декоратор, как раз заканчивал свою работу, которая была предварительно согласована с Арнольдом, но мы вместе с Ронни умудрились внести кое-какие изменения в интерьер кухни. Поначалу эти изменения привели Арнольда в шок, от которого он, правда, быстро отошел и был жутко рад тому, что его дом украшен по индивидуальному заказу.

В спальне, где стояла наша огромная двуспальная кровать, мы наклеили красивые обои с цветами, которые отлично сочетались с этим необъятным ложем. Отдельная спальня для гостей располагалась рядом с нашей, и там были установлены дополнительные кровати, которые мы часто использовали в качестве кушеток. Наш приятель Дэйв Дрейпер переделал рабочий кабинет Арнольда, установив в нем специальные полки, на которых хранились вещи, связанные с его бизнесом. На первом этаже нашей квартиры располагалась отдельная обеденная зона, из которой можно было пройти на веранду. Единственным, что мы не тронули в квартире, была ванная комната для гостей, раскрашенная в синий, белый и красный цвета подобно флагу Соединенных Штатов: Арнольд решил не покушаться на патриотические чувства бывшего владельца и что-то здесь менять.

Нетрудно догадаться, что после таких серьезных приготовлений мы были полны желания устроить хорошую рождественскую вечеринку. Как только к нам начали прибывать гости, Арнольд, словно король в своем замке, лично встречал их и провожал к остальным. В то Рождество к нам в гости пришли мои друзья детства, друзья Арнольда из Европы, мои сослуживцы и приятели Арнольда по тренировкам, мои друзья по университету, а также люди из Голливуда, с которыми Арнольд уже успел наладить контакт.

Без преувеличения могу сказать, что на этом празднестве мне пришлось взять на себя роль «королевы вечера», и сделала я это вполне охотно. Мои усилия по борьбе с лишним весом также не прошли даром, и «королева вечера» предстала перед гостями в отличной форме, с великолепной прической и макияжем. Боже, как мне хотелось, чтобы в тот момент в комнате оказался Карлос

и увидел плоды своего труда, который он вложил в меня! Карлоса, однако, среди гостей не было, но я не преминула включить в список приглашенных своего давнего друга детства Боба.

Боб был на два года моложе меня и до сих пор был мне интересен. Я знала его с восьмого класса, когда впервые продала ему молоко в киоске, расположенном неподалеку от школы. Он тогда учился в шестом, но его одаренность настолько зацепила меня и держала возле него, что расстались мы только в колледже, когда из-за нашей разницы в возрасте не смогли стать парой.

Боб был одним из мужчин, с которым у меня были отношения в прошлом (не считая, конечно, Карлоса) и который без особого труда сводил влияние Арнольда к минимуму. Арнольд мог говорить все, что ему заблагорассудится, – даже то, что мне не удастся найти человека, подобному ему. Но даже он не мог отрицать того факта, что Боб был очень образованным человеком, которому самой судьбой было предназначено поступить в юридическую школу. Помимо всего прочего, у Боба были отличные ораторские качества, недостижимые для бодибилдера из Австрии. Сравнение Арнольда с Бобом позволяло мне чувствовать себя уверенней в самые трудные периоды наших отношений.

В тот момент, когда Боб вошел в дверь комнаты, я, казалось, забыла обо всем на свете – ведь мы с ним давно не виделись, и у нас обоих были какие-то незавершенные дела друг к другу. Если бы меня в тот вечер спросили, на кого я больше всего стараюсь произвести впечатление, то я без промедления ответила бы: на Арнольда и Боба. Я чувствовала, как от нахлынувших воспоминаний начинает приливать адреналин и обостряются все мои чувства.

На следующее утро, спустившись на кухню, я обнаружила, что она вычищена до блеска.

– Барх-би, сматри, что я нашол! – прокричал, увидев меня, Арнольд.

Как оказалось, он встал пораньше и спустился на кухню, чтобы поискать кольцо, которое я обронила накануне вечером. Это кольцо, привезенное из ЮАР, подарила мне Марианна, жена Рега Парка, и мы с Арнольдом очень дорожили этим подарком. Даже после того как Арнольд одержал победу над Регом на соревнованиях «Мистер Вселенная», он продолжал уважать героя своей молодости. Арнольд с гордостью надел найденное кольцо мне на палец и сказал: «Наканец-то мы нашли это кальцо», и я почувствовала всю его привязанность и уважение к Регу.

У нас с Арнольдом было много друзей из мира бодибилдинга,

но мы тем не менее наслаждались общением с людьми и из других социальных групп. Так, нашими верными друзьями по походам в кино и рестораны были супруги Берг, которые были свидетелями наших отношений с Арнольдом ровно с того момента, как мы с ними познакомились. Ко всему прочему, Дэйв Берг был терапевтом Арнольда и оперировал его после полученной на соревнованиях травмы колена.

В конце рождественских каникул Берги стали звать нас покататься на лыжах в расположенных поблизости горах. Арнольд катался не очень хорошо, но мы уговорили его присоединиться к нам, ну а я была просто рада сменить обстановку и зарядиться новыми эмоциями. Взяв в аренду необходимое снаряжение, мы направились в горы Сан-Бернардино, чтобы насладиться нашими рождественскими каникулами.

Надев на себя все это громоздкое горнолыжное оборудование и съехав один раз со склона, я покинула компанию и отправилась брать уроки для новичков. Оставшись одни, Дэйв и его жена Маргарита начали обучать Арнольда спуску на горных лыжах, на которых он последний раз катался еще в детстве. Под руководством четы Берг Арнольд, известный своим неукротимым нравом, облаченный во взятые напрокат ботинки, немедленно начал закладывать виражи на горных спусках. Надо отдать должное Арнольду, он мог заниматься чем угодно – хоккеем, керлингом, метанием диска, теннисом и боулингом, скачками на лошадях, плаванием, поднятием тяжестей, а также брать уроки балета, которые ему были необходимы для позирования во время выступлений. Короче говоря, Арнольд был прирожденным атлетом и мог заниматься любыми видами спорта, особенно теми, где требовалась физическая сила и выносливость. Неудивительно, что на горнолыжной трассе его страсть к спорту трансформировалась в жажду скорости на крутых спусках и он раз за разом, широко улыбаясь во весь рот, съезжал с гор.

У меня тоже было хорошее настроение, но я выбирала менее крутые склоны. Постепенно мы с Арнольдом освоились на лыжах и стали более искусными горнолыжниками. Мне нравилась окружавшая нас атмосфера: морозное дыхание, мягко падающий снежок, аэробные нагрузки на организм, дружеская помощь при спуске от незнакомых людей, горячий пунш и жаркие объятия любимого в конце дня.

Поскольку у меня была работа и водились деньги, я могла позволить себе купить необходимое горнолыжное оборудование и избежать той неприятной ситуации, которая неизбежно возникает у людей с разными уровнями дохода. Арнольд мог купить себе все что хотел, а вот мои расходы на личные нужды

были все же ограниченны. Когда нам предстояли большие траты на дорогие покупки, я всегда рассчитывала на доходы Арнольда, испытывая, однако, при этом не только благодарность, но и самоуничижение. В тот раз я была рада выписать собственный чек на виду у всех, осознавая при этом, что мои занятия горными лыжами были своего рода «американской мечтой».

Но как обычно, в бочке меда была и ложка дегтя: большинство моих друзей уже обзавелись семьями и детьми, и такое положение вещей не могло не повлиять на меня. Неожиданно для самой себя я начала приобретать подарки для детей своих друзей – фартучки, погремушки, серебряные ложечки, украшенные гравировкой, – но мне было обидно осознавать, что я не могу купить подарки для своего ребенка. Я стала задаваться вопросом: чего бы мне хотелось больше всего? Стать женой Арнольда или быть матерью его ребенка? Быть его женой – это одно, а вот быть матерью для меня означало немного другое. До меня начал постепенно доходить смысл строк, написанных Джоном Ирвингом: «Иногда ты испытываешь чувство неловкости, когда видишь, как растут дети твоих друзей». В тот период я так часто видела перед собой образ малыша, сидящего верхом на лошадке, что даже мысль о том, что мы с Арнольдом не сможем родить ребенка, была для меня ужасной. Надо, однако, признать, что я никогда не хотела привязать к себе Арнольда при помощи ребенка или прожить остаток жизни матерью-одиночкой. Нет, никаких подобных мыслей у меня не было, и, хотя для многих я уже находилась в положении парии из-за сожительства без брака, я внимательно изучала материалы по предохранению от нежелательной беременности и считала дни. Гормоны давали о себе знать, но последние медицинские разработки – противозачаточные таблетки, внутриматочные спирали и влагалищные диафрагмы – позволяли немного ослабить негативные эмоции, которые я испытывала от «жизни во грехе». Как бы то ни было, шли годы, а я продолжала оставаться бездетной.

Новогодняя пора у нас с Арнольдом проходила у каждого по-своему. Для Арнольда выходные дни были временем, когда он строил дерзкие планы на наступивший год, и он не просто умел ставить перед собой цели, но и упорно добивался их. Лучшим доказательством правильно поставленных целей были результаты, которых достигал Арнольд в бодибилдинге и финансовой сфере. Если говорить о моих целях, тут дело обстояло далеко не так радужно, и по большому счету вместо целей у меня была лишь причудливая смесь мечтаний о нашей

совместной жизни с Арнольдом. Те мечты, которые касались только меня, я хоть как-то могла осуществить, но там, где речь шла об Арнольде, все было не так-то просто.

Арнольд во время поездки в Австралию, 1974

Откровенно говоря, Арнольд был одним из самых деятельных людей, которых мне приходилось встречать в жизни, и каждый Новый год мы проводили за своими любимыми делами: я занималась цветами, а Арнольд обдумывал планы на будущее.

Взяв записную книжку и вооружившись карандашом, Арнольд записывал пять самых важных целей, которых необходимо достичь в течение ближайших двенадцати месяцев. В прошлом году Арнольд ставил перед собой такие планы: публикация авторского курса тренировок для бодибилдеров; поездки в Австралию, Японию и ЮАР; установка новых рекордов на соревнованиях «Мистер Вселенная» и «Мистер Олимпия»; покупка новой *BMW*; занятия на университетских курсах. У меня же были более простые планы, которым, по всей видимости, не суждено было осуществиться. Мне не удалось выйти замуж за Арнольда ни в 1970-м, ни в 1971-м, ни в 1972-м, ни в 1973-м, ни в 1974 году. И вот сейчас идет уже 1975-й – есть ли у меня хоть какой-то шанс добиться своей цели в этом году?

Но в этом году Арнольд поставил перед собой иные цели, кардинально отличавшиеся от тех, что были раньше: подтянуть знания по современной живописи и приобрести новые работы для своей коллекции; провести ряд семинаров для осужденных и находящихся в местах заключения для того, чтобы дать им надежду на исправление; продолжать приобретение объектов недвижимости в районе Санта-Моники и попытаться развивать торговлю в районе Мэйн-стрит; добиться получения роли в фильме Боба Рейфелсона *Stay Hungry*; получить роль в фильме *Pumping Iron*.

Просматривая список целей, которые поставил перед собой Арнольд, я, к большому моему сожалению, не находила в них себя и поэтому не могла воспринимать Арнольда иначе как чужого для меня человека. После всех тех лет, которые мы провели вместе, несмотря на насмешки окружающих, я продолжала верить в Арнольда и гордиться им. С моей точки зрения, Арнольд легко мог стать уважаемым, состоятельным и щедрым актером, но мне необходимо было лишь получить чуть больше ясности в наших отношениях. Страх потерять Арнольда постоянно преследовал меня, и те успехи, которые он демонстрировал в гламурной индустрии развлечений, только обостряли мои чувства. Но все, что мне оставалось делать, – только смириться с реальным положением дел и надеяться на то, что Голливуд заметит Арнольда и раскроет публике все его необычные таланты.

Пока Арнольд концентрировал всю свою энергию на получении результатов во «внешнем мире», я полностью погрузилась в самокопание и самоанализ. Я всегда была больше наблюдателем, чем инициативным человеком, и мне постоянно не хватало способностей, чтобы правильно расставить акценты

в своей жизни. К примеру, одной из самых больных для меня тем был контроль над весом, и последние три года я буквально балансировала на грани анорексии и булимии. Надо признать, что когда я придерживалась диеты, то чувствовала себя хорошо, но любое отступление от правил самым негативным образом влияло на уровень сахара в крови, и меня очень пугали все эти крайности. При весе сорок семь килограммов мне казалось, что мои бедра слишком толстые, и этот страх постоянно давил на меня. Но стоило мне только приналечь на сладкое, как меня начинал преследовать страх булимии. Понятное дело, что, живя в постоянных сомнениях и переживаниях, я никогда не была довольна своим весом. Если я позволяла себе съесть что-то лишнее, то непременно задавалась вопросом: насколько это отразится на моем весе? Я понимала, что несбалансированное питание вредит мне, и поэтому всеми силами старалась решить эту проблему. К своему стыду могу сказать, что, как я ни пыталась ограничить потребление сладкого, – и каждый, кто имеет вредные привычки, легко может это подтвердить – сахар всегда одерживал победу. Из-за такого положения вещей, при котором я не могла управлять событиями и своим телом, я постоянно жила в напряжении и не могла расслабиться.

Одной из главных причин, заставлявших меня «заедать» нерешенные проблемы, была неопределенная ситуация с моим замужеством. Передо мной стояла серьезная дилемма: с одной стороны, я тешила себя надеждой на то, что в следующий раз при составлении своих планов Арнольд упомянет и меня, а с другой – меня терзала мысль, что он вообще не женится на мне. Ко всему прочему, мой отец придерживался мнения, что Арнольду и вовсе не нужен брак со мной. Как бы я ни старалась озвучить волнующие меня вопросы, Арнольд все время уводил разговор в сторону: «Я падумаю об этом после выступлений» или «Мы пагаварим об этом, как только мне удастся зацепиться в Голливуде». Как тут было не носить с собой шоколадки, чтобы «заедать» такие неприятные ответы!

Поэтому нет ничего удивительного, что новый, 1975 год начался как обычно: каждый из нас занимался своими делами.

Январские праздники шли своим чередом, но в один из дней мне позвонил Майкл Вальжак, наш общий знакомый и известный консультант по системам питания для звезд кино и бодибилдеров. Обычно невозмутимый Майкл в тот раз был чем-то обрадован и говорил в сильном возбуждении:

– Барбара, мне нужно тебе рассказать о последних событиях, которые произошли со мной и изменили мою жизнь. Я сейчас чувствую себя так хорошо, как никогда прежде.

– О боже, Майкл! Что с тобой случилось? Ты прошел курс «Родиться заново» или что-то в этом роде? – поинтересовалась я.

– Нет, – ответил Майкл, – но я посетил учебный семинар Эрхарда, известный как *est.* Думаю, тебе было бы неплохо тоже туда сходить! Семинар занимает всего пару выходных и стоит всего триста долларов!

– Ничего себе! Похоже, это как раз то, что мне нужно, но я не знаю, удастся ли мне уговорить Арнольда пойти вместе со мной на этот тренинг, – ответила я Майклу.

– Даже если тебе не удастся уговорить Арнольда, сделай это для себя. Как только ты пройдешь этот тренинг, твоя жизнь изменится. Ты сможешь добиться всего, о чем мечтаешь! – убавил мой скептицизм Майкл.

Я озвучила желание посетить тренинг, и Арнольд даже согласился помочь мне деньгами, если мне не хватит своих средств. Но он наотрез отказался идти на этот семинар вместе со мной – чему этот Эрхард мог его научить? Для меня это была патовая ситуация: мнение упертого австрийца мог изменить только он сам, и никто другой не смог бы этого сделать. Мне оставалось надеяться на то, что я смогу сыграть на его природной жажде всего нового и стремлении добиваться побед в разных сферах жизни. Вполне возможно, нежелание Арнольда участвовать в тренинге было обусловлено тем, что он не хотел передавать контроль над собой какому-то постороннему человеку, – ведь у Арни, как ни крути, была своя шкала ценностей. А что, если ему во время тренинга придет какая-то светлая мысль? Сможет ли в таком случае его эго пережить то, что он не сам дошел до этого раньше, а кто-то помог ему? Был еще и более страшный момент: что будет, если посторонний человек сможет повлиять на его мотивацию и полностью ее уничтожить? Арнольд скорее согласился бы умереть, чем допустить подобное развитие событий. После наших объяснений выходило, что Арнольд не нуждается в каких-либо внутренних изменениях, и мне не оставалось ничего другого, как меняться самой.

Нам с Майклом не удалось уговорить Арнольда принять участие в тренинге, но Майкл был его врачом и однажды сказал Арнольду:

– Барбара уйдет от тебя, если ты не сможешь удержать ее возле себя.

Позже Майкл так описывал реакцию Арнольда на свои слова:

– Обычно он был настолько во всем уверен, что никого не слушал. Но в тот раз я точно зацепил его – Арнольд не сказал ничего в ответ, развернулся и ушел.

Для меня уже было неважно, какая судьба ждала нас с Арнольдом, – я была готова пережить новый опыт, даже если мне и придется заплатить за тренинг из собственного кармана. Тогда же, в январе, я посетила первую часть семинара, который проходил в Выставочном центре Лос-Анджелеса. Вечером в пятницу, приехав домой после первой части тренинга, я прильнула к Арнольду и ощутила, как внутри дает о себе знать какая-то новая для меня энергия. Почувствовав прилив сил, я настроилась на то, чтобы полностью посвятить свой следующий день получению новых знаний и ощущений, и рано утром, пока Арнольд спал, уехала на тренинг. Сейчас я могу сказать, что тот субботний день перевернул все мои представления о себе.

Вернувшись поздно вечером домой, я застала заболевшего гриппом Арнольда, и его болезнь не особо располагала к задушевной беседе. Но после прохождения тренинга я могла позволить себе спокойно подождать момента, когда Арнольд поправится и мы сможем с ним поговорить. Надо сказать, что мы с Арнольдом могли говорить абсолютно на любые темы, и это, с моей точки зрения, было самой сильной стороной наших отношений. А сколько новых тем для разговоров появилось у меня после тренинга! Но тогда, к сожалению, Арнольд был болен и не мог меня выслушать.

Главные проблемы, которые мне открылись на тренинге, были связаны с моими родителями. Согласно преданиям семьи, мать с отцом хотели родить мальчика, но у них раз за разом появлялись девочки, и я была их последней надеждой на рождение сына. Словно нарочно, у родителей вместо Поля родилась Паула, вместо Давида – Марианна, а вместо Роберта – я. По всему выходило, что своим появлением на свет я испортила все планы родителей и каким-то непостижимым образом приняла на себя роль не родившегося сына – Бобби. Ну а к тому моменту, когда родилась Салли и надежды родителей на сына потерпели окончательное и бесповоротное поражение, отец подвел итог:

– Каре всегда бьет фул-хаус!

Шутки шутками, но только на тренинге я осознала последствия разбитых родительских надежд. Когда, с поднятой вверх рукой, я отвечала на вопросы своего тренера относительно влияния родителей на меня и он задал мне вопрос: «*Барбара*, кто ты для своих родителей?» – я словно перенеслась назад во времени.

– Я не Барбара, я Бобби, – ответила я смущенно.

«Я Барбара, я Бобби, я Барбара, я Бобби», – вихрем проносились мысли у меня в голове, и я стояла там, в зале, удивленная до глубины души.

– Боже мой, так вот что произошло со мной! Я стала образом идеального сына для своих родителей, – поделилась я с аудиторией снизошедшим на меня озарением. Неожиданно для самой себя я начала видеть картины с каким-то сорванцом, который насаживал червяка на крючок, косил лужайку, играл в мяч, ставил палатку, получал хорошие оценки в классе – и делал все это из страха не оправдать надежды родителей. По моему лицу текли слезы, и я осознала, что прожила всю свою жизнь словно в наказание за то, что имела смелость родиться девочкой. Самой судьбой мне предназначалось быть сыном, и я, по сути дела, отказалась от своего настоящего пола. Поэтому я жила так, чтобы мои родители не разочаровались в «сыне», но при этом я не знала, кто такая Барбара. Стоя в аудитории словно призрак Барбары, я начала понимать все тяжести, которые выпали на мою долю и из-за которых я не могла жить жизнью девушки. Как только мне открылась истина относительно моей жизни, я почувствовала себя свободной и живой. Там, в зале, перед двумя сотнями абсолютно незнакомых мне людей я стала женщиной, скинув с себя оковы надежд моих родителей на сына.

Позже, уединившись в спокойном месте, я пересмотрела всю свою жизнь с позиции открывшейся мне истины и поняла, с каким отчаянием я стремилась соответствовать ожиданиям родителей. Хорошенько поразмыслив над новыми для меня фактами, я, кажется, нашла выход из этой парадоксальной ситуации двойственного существования. В то время пока я сидела, погруженная в свои мысли, слезы лились у меня ручьем, и это были слезы девочки, снявшей груз со своей души, и одновременно слезы напуганной женщины, принимавшей у нее эстафету.

В первый понедельник после тренинга я решила позвонить родителям и поделиться своими переживаниями. Но как я могла сказать подобные вещи родителям и при этом не испытать чувство вины за свои слова? Ко всему прочему, мои родители, как и большинство представителей их поколения, не особо верили в теории самопознания, и после моих слов они могли подумать, что я окончательно сошла с ума. Вся в сомнениях, я все же набрала номер родителей, но их телефон был занят! Бросив трубку, я опять оказалась в состоянии паники и истерии, которое мне было так хорошо известно из предыдущего опыта. Вне себя от страха, я закричала так громко, что Арнольд, несмотря на свою болезнь, подбежал к лестнице и спросил:

– Малышка, что эта с табой? У тибя что-то случилось?

Я рассказала Арнольду обо всем, что со мной произошло на тренинге, и высказала предположение, что несбывшиеся мечты

моих родителей, должно быть, оказывают негативное влияние на наши отношения. В тот вечер я выдвинула теорию о том, что мои неудачи и расстройства происходили из-за попыток подстроиться под Арнольда и добиться признания в его круге общения. И все мои усилия нужны были для того, чтобы завоевать любовь своих же родителей. Во время нашей беседы я призналась Арнольду:

– Все эти годы я обвиняла тебя в эгоизме, но сейчас я впервые осознала, что ты тоже мог страдать из-за моих внутренних проблем. А я-то думала, что я прямо вся такая бескорыстная! Только теперь я поняла, что в наших отношениях я была не жертвой, а как минимум одной из заинтересованных сторон.

– Ты знаешь, в этам што-то есть! – ответил мне Арнольд. – Думаю, хоть это и нимного странно, но этот тренинг можит облегчить тибе жизнь, – добавил он.

Арнольд заметил, что в тот вечер я была не в состоянии разговаривать со своими родителями. Он предложил мне перенести разговор на более благоприятное время, и мы вместе с ним поднялись наверх в нашу спальню. Перед тем как заснуть, несмотря на болезнь Арнольда, мы предались страстной любви, открыв для себя новые грани наслаждения. После столь пылких объятий я умиротворенно засыпала под песню Джона Денвера.

Вторая часть тренинга была такой же насыщенной, но мое душевное состояние оставляло желать лучшего. Если изъясняться на жаргоне, принятом на тренинге, я уже обрела «способности» для «создания своей реальности» при помощи имеющихся в моем распоряжении ощущений. За закрытыми дверями я продолжала постигать свой внутренний мир и открывать для себя новые горизонты жизни. Я хотела вскрыть все то, что прежде было спрятано от моего взора, и получить объяснения по каждому из произошедших со мной событий. Мне страстно хотелось разложить жизнь по полочкам, снабдить весь обработанный материал соответствующими маркировками, чтобы у меня больше не было белых пятен. Но мне так и не удалось проделать эту грандиозную работу до конца.

Тренинг не ограничивался самоанализом, и часть времени была посвящена игровым моментам. Одним из заданий было создание «дома мечты», который каждый мог обставить сообразно своим желаниям. Мне было поручено выбрать кого-то, кто ждал бы меня в доме за дверью, и стоило только этой двери слегка приоткрыться, как мне последовало внушение исследовать волосы, лоб, брови и глаза ожидающего.

Под воздействием внушения я увидела обнаженного Арнольда и начала пристально его изучать – провела руками

по его скулам, губам и лицу. Опустив руки вниз, я ощутила вены на его шее, его кадык и прикинула пропорции его тела. Затем я положила свои ладони на его живот, завела руки ему за спину и опустила их, ощутив под ними его упругие ягодицы. Не останавливаясь, я переместила свои руки в его паховую область и нащупала его мужское достоинство. Присев возле него, я продолжала исследовать его тело и добралась до мышц ног. Нежно коснувшись свежего послеоперационного шрама на его колене, я перебралась к его икроножным мышцам и постепенно дошла до щиколоток, которые не преминула помассировать, уделив при этом внимание и ступням. Почувствовав сухость кожи его ног, я смазала их специальным кремом. По окончании упражнения, как только воображаемая дверь полностью отворилась, я смогла насладиться каждым сантиметром его тела, ощущая при этом, как крепнет моя любовь к Арнольду под воздействием «перерождения».

Воображаемый контакт с телом Арнольда дал мне непередаваемый чувственный опыт, которого у меня не было раньше, и только тогда я осознала красоту его тела. Я начала понимать, что для меня означает слово «любить», и прониклась любовью к Арнольду, свободной от предрассудков относительно «чудачества», «нарциссизма» и «гомосексуализма» этих «людей без шеи». Да и Арнольд всегда хотел, чтобы я любила в нем прежде всего его самого, а не его тело, и вот теперь у меня все встало на свои места.

Силы, открывшиеся во мне на тренинге, полностью изменили меня.

– Сделай так, чтобы твое сознание было твоим слугой, а не приказчиком! – говорил мне мой наставник. – Зачем, как ты думаешь, йоги проводят бесконечные годы в медитации? Для того чтобы освободить свое сознание от любых ограничений. Поэтому не поленись и взгляни на завалы бесполезного и опасного хлама у себя в голове. Постарайся понять, каким образом этот хлам оказался там, и подумай, как тебе лучше всего от него избавиться. Попробуй прожить каждый больной момент так, как ты хочешь, не используя имеющиеся у тебя в голове шаблоны. Твое сознание хочет заставить тебя думать, что оно управляет тобой, но это не так. Ты здесь главная.

Подобные откровения изменили мое восприятие – я наконец-то увидела «свет в конце туннеля» и была полна решимости преодолеть негативные программы, управляющие мной. С этого момента больше не было Бобби и осталась только Барбара, которая имела в себе силы встретиться лицом к лицу с любыми неприятностями. Ощущение свободы выбора вызывало у меня

эйфорию, и теперь-то я со всей ясностью поняла, что всю свою жизнь прожила, по сути дела, неосознанно. Пережив этот опыт, я решила, что возьму ответственность за свою жизнь и смогу противостоять всем вызовам, которые встретятся у меня на пути. По большому счету мне некого винить во всем том, что со мной произошло: ни родителей, ни Арнольда, ни даже саму себя. Мне лишь необходимо было преодолеть негативное влияние на мою жизнь родительских ожиданий насчет рождения Бобби.

Если смотреть шире, то я была готова согласиться с тем, что мне придется забыть те пять с половиной лет, которые мы прожили с Арнольдом. Мне стало абсолютно ясно, что только я смогу изменить свое отношение к Арнольду, а Арнольд свое отношение ко мне уже никогда не изменит. Кажется, впервые в жизни я поняла, насколько приятно принимать самостоятельные решения, а не жить подобно роботу. Что касается отношений с Арнольдом, то я могла, как и прежде, оставаться его девушкой, а если мне понадобится, то и уйти от него, чтобы жить своей жизнью. Таким образом, у меня было два пути: принять Арнольда таким, каков он есть, либо уходить и жить самостоятельно. Это сегодня подобные мысли кажутся очевидными, но тогда они мне дались очень трудно.

Надо сказать, что, находясь на самых ранних стадиях своего «перерождения», я не до конца понимала все трудности принятия решений, с которыми мне придется столкнуться. Как позднее выяснилось, мои детские переживания имели настолько крепкие корни, что до них было не так-то просто добраться, и весь накопившийся негативный опыт продолжал отравлять мою жизнь. Временами мне казалось, что мое бессознательное вместо того, чтобы бороться с корнями негативных явлений в моей психике, лишь подпитывало их. Однако в первый месяц после прохождения тренинга я радовалась жизни: меня переполнял энтузиазм, я была довольна собой, и даже Арнольд чувствовал мой позитивный настрой. И хоть Арнольд так и не высказал желания поучаствовать в тренинге Эрхарда, он не мог не заметить изменений, произошедших со мной.

Другой причиной, подвигнувшей меня на изменения, было мое физическое состояние. Как-то раз мы с Арнольдом и его друзьями из Германии, Бернардом и Эрикой Циммерман, поехали кататься на лыжах в Мамонтовы горы. Из всей нашей группы только я предпочитала кататься с небольших горок и всеми силами стремилась поскорее набраться опыта на склонах этого популярного горнолыжного курорта Калифорнии. После первого вводного занятия, которое состоялось рано утром, я в одиночку поднялась на гору и стала с наслаждением скатываться вниз. Как

назло, освещение склонов со временем изменилось, и из-за возникших на склонах теней я не смогла правильно оценить форму и высоту холмов. Спускаясь вниз по очередному склону, я наехала на какую-то кочку, и это было столь неожиданно для меня, что я тут же потеряла контроль над своим телом. В этот растянувшийся на целую вечность момент я лишь успела ощутить, как в моем левом колене рвутся хрящи и связки. Скажу честно, с той болью, которую я тогда испытала, мне еще ни разу в жизни не приходилось сталкиваться. Поднявшись, я кое-как поковыляла вниз по склону к расположенному там медпункту, но стоило мне только дойти до медицинской станции, как меня попросили покинуть помещение, сославшись на то, что сейчас туда прибудет тяжело пострадавший лыжник. Но куда же мне идти? В тот момент я вообще ничего не соображала из-за сильной боли в колене.

Словно почуяв что-то неладное, появился Арнольд. Как позже оказалось, он заволновался, когда я пропала из его поля зрения, и, не найдя меня на склоне, решил заглянуть в медпункт. С этого момента, пока я находилась в беспомощном состоянии, Арнольд ухаживал за мной: он перенес меня в машину, из машины в постель, из постели в ванную комнату, из ванной комнаты на кушетку, с кушетки снова в машину и из машины в кабинет к врачу. Надо признаться, что его нежность и забота облегчили мои страдания в то время.

Полученная травма несколько сбила мой настрой на «перерождение», и я попыталась хоть как-то исправить эту ситуацию, обратившись к глубинным пластам своего сознания для того, чтобы снизить влияние физических повреждений на мой организм. К сожалению, мне не удалось этого сделать из-за того, что я была еще не совсем опытной в манипуляциях подобного рода. Где-то в глубине души я хотела просто положиться на помощь Арнольда, чтобы этот уверенный и собранный человек помог мне исцелиться, но я решила идти более сложным путем и использовать для выздоровления только свои собственные силы. В этой ситуации плохо было то, что мне пришлось в одиночку ковылять по своему пути.

Но стоило мне только однажды взять ответственность за свою жизнь, как я пошла на поправку без всякого врачебного вмешательства. Спустя время этот случай будет напоминать мне о том, что 1975 год мне удалось пережить совершенно парадоксальным образом, ведь в нем были болезнь и исцеление, сила и слабость, душевный подъем и тоска, любовь и ненависть.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Во время нашего разговора я спросила Арнольда, кто из ныне живущих людей вдохновляет его больше всего.

– Нельсон Мандела, скорее всего. Вообще-то я уважаю всех людей, чьи действия привели к серьезным изменениям, у которых была сила воли и дар предвидения для осуществления этих изменений. Людей, без которых эти изменения вообще бы не состоялись. Рейган, к примеру, не на шутку схватился с коммунизмом и является для меня хорошим примером героического человека. Дело касается не только бряцанья оружием, но и того, как Рейган смог убедить Горбачева, что коммунизм – это тупиковый путь. Горбачев, кстати сказать, тоже попадает в категорию людей, чьи действия оказали большое влияние на мировые события. Для меня он является примером человека, который родился и вырос при коммунизме, но смог со временем осознать: «Тот путь, которым мы идем, не совсем верный, и мы должны дать свободу всем странам – сателлитам СССР. Нам необходимо отказаться от коммунистического пути и начать развиваться на демократических принципах». Подобные заявления звучат невероятно, и именно поэтому пример Горбачева тоже вдохновляет меня.

Понятное дело, что есть и другие люди – например, в науке, – которые делают совершенно невероятные вещи, – пояснил свою точку зрения Арнольд.

Битва за признание

Последние полгода Арнольд сам пребывал в стрессовом состоянии, ожидая решения по поводу своего участия в фильме *Stay Hungry*. Когда Арнольда утвердили на роль и сообщили ему об этом по телефону, он начал радостно кричать, путая от волнения английскую и немецкую речь:

– *Mein Gott*, если бы только Рейфелсон знал, что я гатов сниматься в его фильме за бесплатно! Я ни магу в это поверить! Я палучил эту роль! Малышка, ты можешь в это поверить? Я получил роль! О боже!

Нисколько не сомневаясь в том, что он рожден для этой роли, Арнольд начал усиленно готовиться к съемкам – этот фильм как нельзя лучше отражал его отношение к жизни: искать и находить что-то новое, быть открытым миру, жить на грани своих возможностей. К 1975 году Арнольд был не просто голоден, но и готов к покорению новых горизонтов.

В то время карьера в Голливуде стала для Арнольда навязчивой идеей, и будущие режиссеры фильма *Pumping Iron* Чарльз и Джордж всегда были готовы помочь советом. Режиссер *Stay Hungry* Боб Рейфелсон сделал большую ставку на Арнольда, пытаясь с его помощью укрепить свое собственное положение. Надежды Рейфелсона на Арнольда были связаны с тем, что предыдущий фильм режиссера *Five Easy Pieces* имел большой успех и ему нужен был очередной хит для поддержания репутации.

Надежду на сохранение доброго имени Рейфелсона как раз и вселял планируемый к производству фильм *Stay Hungry*. В картине рассказывалась история молодого богатого бездельника по имени Крейг, у которого были натянутые отношения с семьей. Пытаясь заняться своим делом на ниве торговли недвижимостью, он втирается в доверие к посетителям спортивного зала в Бирмингеме с целью совершения мошеннической сделки. Несмотря на разницу в уровне жизни с посетителями этого зала, Крейг быстро сходится с бедной девушкой – администратором клуба Мэри Тейт. Помимо всего прочего, Крейг заинтригован личностью Джо Санто, который готовится к участию в соревнованиях «Мистер Вселенная». Общаясь с этими двумя не совсем обычными персонажами, Крейг понимает, что помимо денег в жизни есть много интересного.

Роль в фильме, которую играл Арнольд, была настолько важна для его карьеры в Голливуде, что он со всей серьезностью отнесся к созданию образа бодибилдера Джо Санто на экране.

Для этого Арнольд записался на специальные курсы английского языка, с помощью которых он надеялся убрать свой немецкий акцент. Арнольд начал даже брать уроки актерского мастерства и игры на скрипке. Можно сказать, что в тот период Арнольд жил жизнью своего персонажа, которого он должен был сыграть на экране, и он не стеснялся обращаться за рекомендациями к специалистам и запоминал каждый их совет. Арнольд понимал, что может легко освоить новое для себя направление деятельности, и он уже блестяще продемонстрировал это своими успехами в бодибилдинге, развитии системы здорового питания и бизнесе. Неудивительно, что, имея за плечами такой послужной список, Арнольд был готов к покорению мира кино.

Что же касается моих целей, они отличались от целей Арнольда. Я, конечно же, обожала весь этот голливудский антураж, но понимала, что у меня есть собственный путь в построении карьеры. С этого момента мы с Арнольдом начали отдаляться друг от друга и встречались только для того, чтобы обсудить последние события прошедшего дня. Жизнь Арнольда становилась все более непохожей на его прежнюю жизнь, а я, со своей стороны, тоже желала перемен. Надо отдать ему должное, Арнольд старался интересоваться моими делами, но я прекрасно видела, что мои рассказы о латиноамериканских девушках, проявляющих рвение в учебе, или о том, как ученики подарили мне мексиканскую куклу, не особо его задевают.

В те вечера, которые у меня оставались свободными от занятий на тренингах *est* и работ, необходимых для получения магистерской степени, я составляла компанию Арнольду и ходила с ним на занятия по актерскому мастерству. На этих занятиях его наставник Эрик Моррис требовал от Арнольда, чтобы тот изображал всю гамму эмоций, присущую легкоранимому человеку. Можно ли себе представить что-то более трудное для Арнольда, чем то, чего добивался от него Эрик? Ведь к тому моменту Арнольд практически уничтожил в себе способность чувствовать боль и сострадание, а сейчас Эрик требовал от него не только выразить свои внутренние переживания, но и показать их другим людям.

Как-то раз по пути в Голливуд я даже дала Арнольду совет:

– У тебя все получится! Попытайся вспомнить отказы отца в твоих просьбах, твою злость на мать за ее пассивное поведение в семье, боль утраты от смерти Мейнхарда! Все, что тебе необходимо, – абстрагироваться от мощи своих мускулов и дать волю чувствам!

Арнольд чувствовал себя более уверенно в моем присутствии, и я старалась всячески поддерживать его во время занятий

в аудитории. Думаю, что мое присутствие требовалось Арнольду еще и для того, чтобы проявлять свои переживания, которые были ему абсолютно несвойственны.

После занятий на тренинге *est* я начала подозревать, что Арнольд прячет за мускулами свои внутренние разочарования, и даже стала надеяться, что Эрик Моррис сможет пробудить в нем сильные переживания. Если бы Эрику удалось задеть тонкие струны в душе Арнольда, это могло благоприятно сказаться на наших отношениях. Я полагала, что, открыв однажды для себя всю гамму человеческих чувств, Арнольд сможет не только показать их публике, но и привнести их в наш союз.

Успехи на актерском поприще, однако, давались Арнольду нелегко, и у него долго не получалось отыскать в себе источник чувств. Он стремился научиться чувствовать, старался изображать эти чувства и для этого пытался вспоминать какие-то болезненные моменты своей жизни, но все, что ему удавалось в итоге, – изобразить жалкую подделку, но не сами чувства. Я знала, что его это очень сильно задевало, но наедине давала ему понять, что он по большому счету не является прирожденным актером.

Во многом благодаря усилиям Эрика Арнольд начал брать дополнительные уроки английского языка для тренировки правильного произношения, и в результате этих уроков его акцент действительно начал смягчаться. Арнольд проявлял такое упорство в изучении правильного произношения, что раскидывал свои учебные пособия на кроватях и кушетках, постоянно слушал записи уроков у себя в машине и даже вставил себе в рот специальное устройство, дабы нивелировать зазор между двумя передними зубами. Несмотря на то что Арнольду приходилось снимать это устройство при путешествиях на самолете, его усилия не пропали даром: его произношение становилось все более правильным. Конечно, до конца своих дней Арнольд так и останется австрийцем, но слушателям, по крайней мере, не надо будет ломать голову над его произношением.

Другим интересным занятием для Арнольда стали уроки игры на скрипке, и мы с ним частенько ездили на вечерние представления в клуб *McCabe* в Санта-Монике. Во время этих концертов Арнольд, казалось, просто впитывал в себя дух представителей Юга и запоминал их экспрессию. Нам с Арнольдом нравились выступления музыкантов, и нередко мы даже заходили за кулисы и завязывали с ними дружескую беседу. Когда музыканты узнавали, что Арнольд специально набирает материал для съемок в фильме, они искренне радовались, что могут оказать ему необходимую помощь, и показывали, каким

образом лучше имитировать игру на скрипке, чтобы ввести в заблуждение нетребовательную публику. По крайней мере, сцена, где Арнольд играл на скрипке, была самой восхитительной во всем фильме.

С началом занятий по актерскому мастерству жизнь Арнольда разделилась на две части – обычные тренировки в спортзале и интенсивная работа в классе «начинающих актеров». Во время работы в Голливуде Арнольд с легкостью применил те приемы, которые до этого использовал в мире бодибилдинга: изображение дутого хладнокровия при очередном обсуждении своего контракта с Джо Уайдером и унижение своих соперников, таких как Серджио Олива и Лу Ферриньо, перед судьями. Ко всему прочему, Арнольд хорошо помнил Стива Ривза, Бреда Харриса, Гордона Митчелла и Рега Парка, которые смогли пробиться на экран за счет своих мускулов. Имея перед глазами такие примеры и зная свои возможности, Арнольд полагал, что полностью готов к покорению Голливуда. Он хотел этого даже больше, чем просто приехать в Америку в свои двадцать лет, но только в двадцать семь Арнольд смог осознать те возможности, о которых он интуитивно думал в юности.

С первых шагов Арнольда в Голливуде у него начала формироваться новая сеть знакомств, и несмотря на то, что он имел вес в мире бодибилдинга и нас знали как пару, мы с ним испытывали благоговение перед миром кино. Имея вес более ста килограммов и рост под два метра, Арнольд не мог не вызвать повышенный интерес к своей персоне. В дополнение ко всему он был харизматичным человеком, и это давало ему дополнительные преимущества. Если кто-то показывал хорошие успехи в своей области, Арнольд не стеснялся обращаться к нему за советом и пользовался любым случаем, чтобы получить помощь. Ужин в Вествуде с Бобом и Тоби Рейфелсон, разговор с Салли Филд, совместная работа с Джеффом Бриджесом – Арнольд всегда использовал любую возможность получить рекомендации опытных людей. Во время этих разговоров, однако, мы с Арнольдом осознали и не слишком прочную основу голливудской славы.

Одним из наиболее запомнившихся нам с Арнольдом моментов в его начинающейся голливудской карьере стал ужин с Джеффом Бриджесом и его подругой Сью Гестон, ставшей впоследствии его женой. Приготовив специальные угощения, мы с Арнольдом, уняв звенящие от напряжения нервы, пригласили эту пару к себе в гости на ужин. Как оказалось, наши опасения по поводу громкого имени Бриджеса были напрасны, и мы с удовольствием наслаждались общением как с ним, так и с его

очаровательной спутницей. Несмотря на достаточно простую обстановку нашего дома, довольно-таки обычную для среднего класса, мы смогли создать уютную атмосферу. Джефф и его подруга занимали нас рассказами о своих приключениях на ранчо, и я не могла налюбоваться на эту замечательную пару и их отношения. А в тот момент, когда эти двое рассказали нам с Арнольдом о своем недавнем опыте по прохождению специального *est*-тренинга, я просто влюбилась в эти родственные души.

Съемки фильма *Stay Hungry* должны были пройти в Бирмингеме, штат Алабама, и для нас с Арнольдом это означало долгую разлуку. С таким же успехом Арнольд мог уехать в Сибирь – так велика была для меня его потеря в повседневной жизни, но мы договорились, что телефонные звонки и мои визиты к нему в Бирмингем скрасят наше расставание. Таким образом, Арнольд получил уникальную возможность побыть одному, общаться со мной по телефону и рассчитывать на подарок по возвращению. До этого момента, не считая моей поездки в Европу, мы никогда не расставались с Арнольдом больше чем на три недели. Больше всего я беспокоилась из-за его неуемного сексуального желания, но в тот раз меня успокоили его слова: «Золотце мое, ни биспокойся – я некогда не изминю тибе».

Но будет ли все так, как он сказал? Я осознавала, что вряд ли Арнольд сможет найти кого-то, с кем ему будет так же хорошо, как со мной, и поэтому я доверилась ему.

К тому времени стало известно, что Чарльз и Джордж получили добро на проект *Pumping Iron,* и они разработали план по освещению событий «Мистер Вселенная» и «Мистер Олимпия» сначала в книге, а затем и в фильме. Выпуск книги *Pumping Iron* принес хорошие деньги, и творческая команда могла заняться съемками фильма. Для лучшей передачи атмосферы бодибилдинга Арнольд даже предоставил съемочной бригаде неограниченный доступ к своей частной жизни. На протяжении весенних и летних тренировок Чарльз и Джордж должны были повсюду следовать за Арнольдом, для того чтобы зафиксировать все необходимые для документального фильма нюансы. После этого предполагалось перейти непосредственно к съемкам соревнований «Мистер Вселенная» и «Мистер Олимпия» в двух аспектах – с точки зрения противостояния Арнольда своим соперникам в физическом и ментальном плане. Можно сказать, что вся роль Арнольда свелась к тому, чем он и занимался всю жизнь, – позированию на подмостках.

Во время съемок фильма съемочная бригада почувствовала,

что психологический настрой Арнольда на победу приведет его к выигрышу шестого титула «Мистер Олимпия», и у киношников была надежда на то, что харизма Арнольда привлечет внимание зрителей. Для начала зрителю покажут изнуряющие тренировки Арнольда, необъятные горы мускулов и красоту позирования на помосте. В конце картины планировалось продемонстрировать кульминацию соревнований – триумфальную победу Арнольда и образ «сверхчеловека».

Пока Арнольд снимался в кино, я занималась своей карьерой преподавателя. Если не считать того случая, когда подросток огрел меня палкой, я была довольна своими профессиональными успехами. Однако меня расстраивало то, что слишком многие мои ученики планировали провести остаток жизни на государственном пособии. Общение с ребятами из совершенно иной социальной среды приоткрыло для меня другой мир, достучаться до которого было невозможно ни через аристократические семьи, ни через университетские братства, ни посредством роскошного загара, которым так славилась Санта-Моника. При этом я не просто наслаждалась общением со своими группами, но и сама стала активной участницей местных общин. Частенько после занятий я обходила коммерческие заведения на Бойл-Хайтс, ища помощи у бизнесменов в финансировании соревнований по чтению среди моих учеников, которые я планировала провести. Добытые средства поступали в полное распоряжение общин и использовались в целях повышения грамотности местных жителей.

Я настолько прикипела душой к своему новому кругу общения, что даже обратилась с просьбой к Арнольду и Франко:

– Ребята, почему бы вам как-нибудь не прийти ко мне в школу и попозировать перед ребятами? Детишкам это точно понравится, а что касается тебя, Франко, то они будут просто в восторге, когда увидят, как ты надуваешь и разрываешь грелку!

Арнольд и Франко загорелись этой идеей, и одним весенним утром эта неразлучная парочка заявилась ко мне в класс, застав здесь детей из непривилегированных классов мексиканских иммигрантов. С нескрываемым удовольствием я наблюдала за тем, как эти два европейца общаются с детишками, демонстрируют им свои развитые грудные мышцы и позволяют щупать внушительные бицепсы. Арнольд и Франко убеждали детей в необходимости правильного питания, призывали их заниматься физическими упражнениями на ближайшей спортплощадке и заботиться о своем теле на протяжении всей жизни. Сейчас трудно сказать, каков был финальный результат того визита Арнольда и Франко в школу, но ученики горячо

благодарили пришедших бодибилдеров, и в особенности Франко за его трюк с надуванием и разрыванием грелки.

Следующим вызовом моему душевному благополучию, ставшим для меня абсолютной неожиданностью, стали неприятные новости, которые я получила именно в тот момент, когда думала, что все идет просто отлично. Произошло это так: моя подруга Лорна отозвала меня в сторону и нервничая спросила, известно ли мне что-нибудь об изменах Арнольда.

– Что это ты имеешь в виду? – спросила я Лорну.

– Ты хочешь знать, как Арнольд тебе изменяет? – ответила она.

– Думаю, что да. Правда – это самое лучшее, что может быть в таких случаях, но, постой, о чем это ты вообще говоришь? – ощутив страх, спросила я.

– Мне очень жаль говорить тебе это, но я недавно проезжала через Вествуд и видела, как Арнольд целовался с какой-то девушкой, – «обрадовала» меня Лорна.

– О боже, Лорна! Да это, скорее всего, был дежурный поцелуй – ты же знаешь Арнольда! Он же такой общительный! – сделала я попытку парировать удар.

– Да нет же, говорю тебе. Это был не просто поцелуй – это был страстный поцелуй. Ты извини меня, я молчала об этом целую неделю, но все же решила рассказать тебе об этом. По крайней мере мне было бы неприятно, если бы мой парень крутил шашни за моей спиной, – ответила мне Лорна, сверкая глазами от негодования.

Так тревожный звоночек серьезно поколебал мою уверенность и спокойствие. Мне сразу же вспомнились все эти бесконечные звонки Арнольду от незнакомых людей, все эти письма со следами губ и словами «Скучаю по тебе!» от его поклонниц, а также найденный на кухне телефон служанки из Лондона, с которой у Арнольда был роман. А как Арнольд разозлился, когда мы с моими подругами неожиданно пришли на холостяцкую вечеринку к нему в клуб! А ведь еще были случаи флирта с цыганкой из Амстердама, со служанкой из отеля в Лос-Анджелесе и обнаруженные в нашей кровати волосы, которые, со слов Арнольда, попали к нам вместе с постиранным бельем. Более того, мне вспомнились слова Чарльза об «Арнольде-бабнике», который успевает флиртовать направо и налево, пока девушка спокойно ждет его дома.

– Говорю тебе, Арнольд, она ВИДЕЛА тебя! – устроила я ему истерику тем же вечером.

– Увиряю тебя, она тебе лжет! Ей нравится устраивать неприятности на пустом месте, разве тебе не панятно! –

защищался Арнольд.

– Арнольд, перестань отнекиваться! Лорне нет смысла врать мне в этом случае! – не сдавалась я.

– Да мне ниважно, что ты думаешь, Бар-бар-ха. Я тибе просто говорю, что мы с рибятами расходились после кино и я пожал руки мужчинам, а женщин поциловал на прощанье. И это все! – отрезал Арнольд.

Мне было ужасно обидно и больше хотелось верить Арнольду, чем Лорне. Я понимала, что мое желание доверять Арнольду походит на сделку с совестью и мне предстоит жить в позиции зависимого от чужой воли человека, которую, как мне казалось, я победила на *est*-тренинге. Откровенно говоря, мне больше нравилось то, как успокаивал меня Арнольд, чем то, что сказала мне Лорна.

Оставался еще месяц до отлета Арнольда в Мексику для участия в позировании, когда я пригласила его составить мне компанию, чтобы сходить на день рождения одного из моих знакомых учителей. Арнольд нечасто проводил время с моими друзьями, хотя большинство из них ему нравились, особенно богатые и влиятельные. Больше всего Арнольд любил общаться с людьми, которые могли быть полезными в его карьере, и наши совместные встречи с моими друзьями были относительной редкостью. Такое поведение Арнольда имело под собой основание: от учителей не было проку при построении карьеры. Так произошло и в этот раз: Арнольд поначалу не выказал интереса, но я продолжала его уговаривать и успокаивать, что на этой встрече не будет Лорны.

– Но зато там будет Лесли, и ты ей очень нравишься! – не унималась я. Арнольд продолжал упираться, и тогда я сказала ему, что мы лишь заедем на вечеринку, поздороваемся со всеми, а затем поедем в Палм-Спрингс. Тем не менее мои уговоры не возымели действия.

– Да что мине там делать со всеми этими учитилями? – упорствовал Арнольд.

– Боже мой, Арнольд! Я ведь и сама учитель! Разве тебе не любопытно, как я провожу свой день и с какими людьми я общаюсь? Мне, к примеру, всегда хочется знать о тебе все из первых рук. Неужели я для тебя настолько неинтересна, что ты не можешь уделить мне немного времени и посмотреть на то, какой жизнью я живу? Что же в таком случае тебе от меня нужно? – вскричала я, не на шутку разозлившись.

Когда Арнольд ответил на заданный мной вопрос, каждое его слово пугало меня своей откровенностью:

– Послушай меня, Бар-бар-ха. Всие, что мине надо

от жинщины, – это чтобы она поддерживала миня на все сто процентов и ничего бы ни трибовала для сибя взамен, – выпалил Арнольд.

«*Ох уж мне эти курсы по удаленшю иностранного акцента, твою мать!* – подумала я. – *Да ты же сейчас говоришь так, словно только что приехал в страну!*» Эта мысль вихрем пронеслась у меня в голове, и я ощутила страх из-за сказанных Арнольдом слов.

Через минуту я уже кричала на Арнольда:

– Ну-ка повтори то, что ты только что сказал! Я просто не могу поверить своим ушам, – требовала я объяснений от Арнольда.

И Арнольд повторил свою фразу. Медленно, слово в слово он сказал:

– Всие, что мине надо от жинщины, – это чтобы она поддерживала миня на все сто процентов и ничего бы ни трибовала для сибя взамен.

С каждым сказанным словом я дюйм за дюймом становилась все меньше и меньше, пока в конце концов не превратились в карлика.

– Я так и знала! – кричал оставшийся после меня карлик. – Ты просто использовал меня все это время. Я была лишь любовницей, служанкой, швеей, кухаркой, секретарем, конферансье, посыльным, поверенным в делах, учителем и лучшим другом. А кем ты был для меня? Будь ты проклят!

Вне себя от обуревавших меня чувств, я взбежала по лестнице. Здесь у меня было время прийти в себя и свыкнуться с мыслью о том, что этот вечер мне придется провести одной. *«Пробыть весь вечер в одиночестве»*. Внутри у меня все клокотало от ярости. *«Барбара, пришло время уйти! Пора вырваться из лап этого бессердечного человека и обрести себя. Нужно во что бы то ни стало покончить с его властью над собой! Пять лет и девять месяцев – вполне достаточный срок, чтобы понять: он никогда не женится на тебе. Да ведь он даже не понимает, что мне приходится переживать! Давай же, решайся! Ты можешь уйти от него. Ты должна уйти от него. Ты должна быть сильной, как в тот раз, когда ты от него уже уходила. Обрети саму себя, Барбара. Ты должна стать женщиной!»*

Где-то в глубине души я ощутила присутствие духа, и внутренний голос сказал мне: «Настало время попрощаться с несбывшимися мечтами».

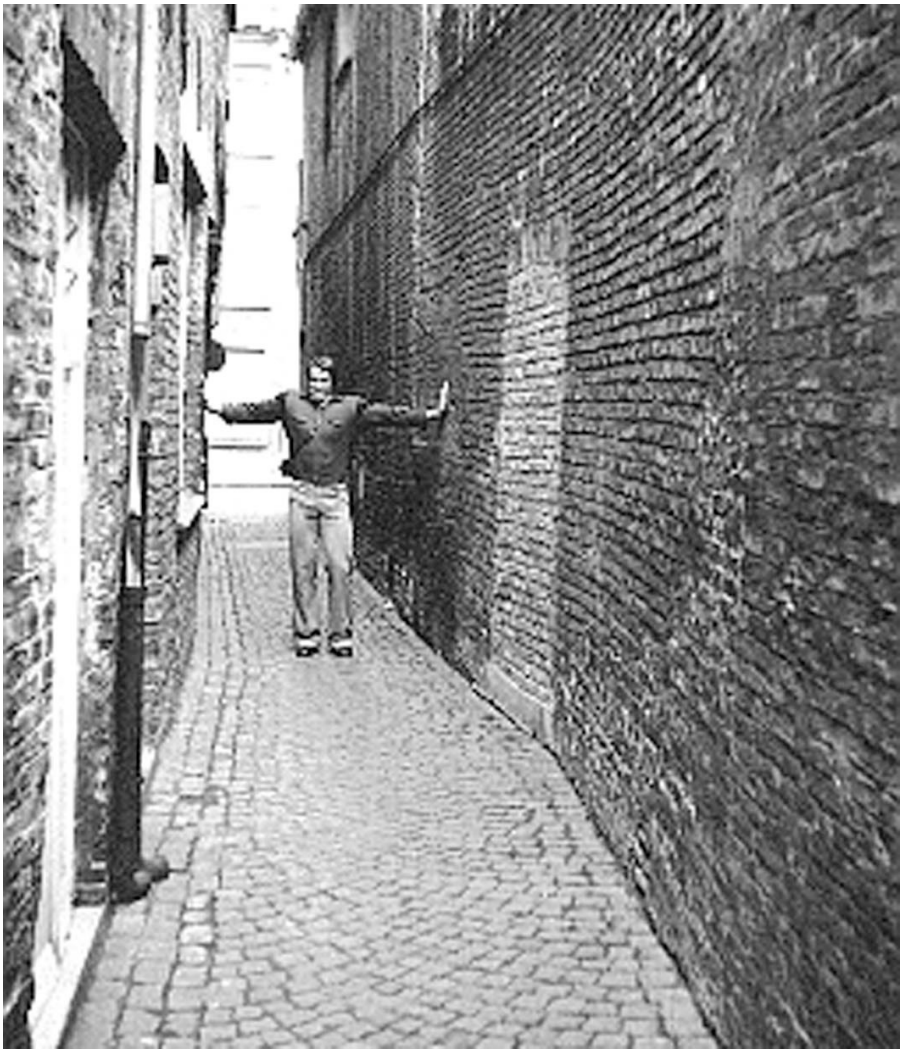
Настраивая себя на самостоятельную жизнь, я всеми силами пыталась замаскировать свою неуверенность. Мне было двадцать шесть лет, и я была так же далека от брака с Арнольдом, как

и в день нашей с ним встречи. Более того, я никак не могла отделаться от ощущения бесцельности собственной жизни. По всей видимости, мне еще только предстоит отыскать источник, который придаст мне уверенности. У меня уже есть законченное образование, которое позволяет мне заниматься преподаванием и рассчитывать на определенный уровень дохода. Ко всему прочему, я недавно получила в свое распоряжение инструмент саморазвития и личностного роста. Да и, откровенно говоря, я была достаточно яркой девушкой, из которой со временем вышла бы замечательная женщина, хороший друг и член семьи. Но мне еще предстоит научиться жить и действовать самостоятельно.

Могу сказать, что мой путь к свободе был полон слез и мне было чрезвычайно грустно оттого, что в моей жизни больше не будет и тени Австрийского Дуба, который защищал меня и помогал мне. Скоро у меня не останется дерева, на которое можно вскарабкаться и осмотреться по сторонам, и не будет больше листьев, на которых мне так приятно было записывать и коллекционировать свои мысли.

Как бы то ни было, я отмахнулась от грустных мыслей по поводу будущего и пошла на вечеринку в отвратительном, как и мое прошлое, настроении. На вечеринке я слишком часто прикладывалась к спиртному и в конце концов объявила своим друзьям, что с этого момента они будут избавлены от жалоб на моего эгоистичного молодого человека. После сделанного заявления я, униженная, поехала к себе домой.

Но где сейчас мой дом, ведь мы порвали с Арнольдом? Внезапно пришедшая мысль о доме не на шутку испугала меня.



Я стены разведу руками, 1973

Некоторое время мы избегали разговаривать друг с другом, и каждый из нас втайне дулся на несправедливо нанесенную обиду. Так продолжалось до тех пор, пока однажды вечером, под речь диктора местного телеканала о перебоях в поставках газа, Арнольд не начал, как и прежде, расчесывать мои длинные волосы. Улегшись в кровать, я поставила будильник и механически обменялась поцелуем с Арнольдом, которым он, кстати сказать, не преминул воспользоваться для примирения. Однако, несмотря на все домогательства с его стороны, я оставалась холодной и безучастной, но моя холодность не остановила его. Арнольд начал ласкать меня своей правой рукой, и в этот момент я сказала себе: «Ну уж нет, на этот раз у тебя ничего не выйдет».

Больше всего в тот момент мне хотелось сбежать, и поэтому, прислушавшись к своим внутренним желаниям, я в бешенстве ретировалась из постели. Опешивший Арнольд, впервые столкнувшись с отказом в любовных играх, сначала посмотрел на меня удивленным взглядом, а затем просто повернулся ко мне спиной. Увидев его поведение, я остановилась на полдороге в ванную комнату, вернулась и устроилась на своем одиноком уголке кровати. Сидя в постели, я размышляла над тем, каким образом лучше всего обставить разрыв наших отношений. Однако эти размышления лишь еще больше расстроили меня, и я впала в какое-то оцепенение. Из этого состояния я вышла лишь утром, когда делала завтрак.

Предаваясь своим размышлениям, я приготовила для нас завтрак, и, когда Арнольд вошел на кухню, он пророкотал:

– Я больши никагда не буду приставать к тибе подобным образом.

– Арнольд, – ответила я ему, – ты же знаешь, если мы не будем спать вместе, то быстро разбежимся. Секс – это единственное средство, соединяющее нас.

Нарочито холодным тоном, глядя ему в лицо, я сказала то, что хотела произнести уже много лет:

– Нам с тобой надо решить, каким образом лучше всего закончить наши отношения.

В ответ – тишина. Я потихоньку занимаюсь приготовлением завтрака. Каждый из нас пытается как-то убить время, но в итоге мы не получаем ничего, кроме голодных желудков, дежурных фраз и плохого настроения.

После ничего не значащего разговора повисает многозначительная тишина.

В предстоящие выходные я должна была прилететь к Арнольду в Мексику, но мы с ним договорились, что в этот раз мы впервые изменим наши общие планы. Перед отлетом Арнольда в Мексику мы появимся вместе, пытаясь хоть как-то сгладить разрыв наших отношений. Необходимость поездки в Мексику лишь усугубляет наш разрыв, но мы решаем отложить все важные разговоры до его возвращения.

Спустя пару дней я проснулась от раннего звонка – это Арнольд звонил мне из Мексики. Во время того разговора мы с Арнольдом как-то неуклюже пытались объяснить свое поведение и клялись, что не можем жить друг без друга. К нашему общему сожалению, мы отлично понимали, что расстаемся не по причине притупления чувств друг к другу, а из-за совершенно разных целей в жизни. Арнольду нужно было время для очередного этапа в своем развитии, ведь бодибилдинг был для него лишь началом,

и сейчас ему требовалось не меньше сил, чем тогда, когда надо было добиться выдающихся успехов в этой сфере. Как нетрудно догадаться, у него не было никаких причин для того, чтобы каким-то образом совместить наши разные жизненные цели. А мне нужно было время, чтобы собраться с мыслями и определиться со своими дальнейшими шагами. Конечно же, мне хотелось утвердиться в роли хорошего преподавателя, чтобы в непредвиденном случае иметь твердую почву под ногами. Более того, к своим тридцати годам я хотела иметь детей и любить их отца, как это было принято в семьях с традиционным укладом. Однако надо признать, мне пока не встретился тот, кто бы мог соответствовать всем моим требованиям.

Рассказы, как известно, передают информацию об архетипе неудачных отношений. И когда такая ситуация происходит с тобой, никто в целом мире, кроме близкого человека, не в состоянии тебя понять. В моем случае мне пришлось довольствоваться простым серебряным кольцом да сладкими объятиями для облегчения моих страданий. Сейчас мы с Арнольдом просто сосуществовали рядом и, понимая, что у нас нет общего будущего, строили планы нашего расставания. Через пару недель мы решили, что, пока Арнольд будет занят на съемках в Алабаме, я буду жить в его доме, исполняя роль управляющего делами. После его возвращения со съемок я должна буду уехать, но куда – я пока еще и сама не знала.

Незадолго до отъезда Арнольда на съемки фильма *Stay Hungry* Салли Филд пригласила его на вечеринку, которую она устраивала для участников съемочной бригады и актеров. Нам пришлось нарушить нашу договоренность относительно раздельного существования, и на эту вечеринку мы пришли вместе. Пока все наслаждались вечером, я с грустью думала, что присутствую при одном из поворотных моментов в жизни Арнольда. При этом мне было понятно, что я никогда не буду его женой, которая могла бы гордиться его карьерой, а так и останусь девчонкой, помогавшей ему в постановке правильного произношения. И хотя на тот момент никто из присутствующих не мог бы предсказать будущее Арнольда, я тем не менее уже представляла свой собственный вариант, описание которого я позаимствовала из любимой маминой песни: «Все, что должно случиться, обязательно произойдет, но будущее нельзя предугадать».

В ночь перед его отлетом в Бирмингем я вся была в смятении: как бы нам провести ее наилучшим образом, ведь последние несколько недель мы с Арнольдом прожили в самых натянутых отношениях. Каждый из нас понимал, что нас ожидает

расставание, но мы искали все самое лучшее в себе, чтобы облегчить завершение наших отношений. Ни я, ни Арнольд не питали иллюзий относительно создавшейся ситуации, но нежные взгляды и трогательная забота друг о друге позволяли нам подсластить горькую пилюлю расставания.

По завершении рабочего дня я вернулась домой и застала Арнольда за подготовкой к отъезду. Эти сборы лишь подчеркивали наше скорое расставание и то, что Арнольд Алоис Шварценеггер больше не является молодым человеком Барбары Джейн Аутленд. Вся эта предотъездная суматоха на какой-то момент обострила наши чувства, и в том числе мой романтический настрой и заботливость Арнольда.

В то же самое время я купила красивую открытку, чтобы поделиться своими мыслями и чувствами. С ее помощью я высказала свое мнение о том, что Арнольд стал серьезным испытанием для меня и был тем человеком, который открыл для меня жизнь во всем ее многообразии. При всем при этом Арнольд оказал на меня такое огромное влияние, что у меня не было никаких сомнений: моя жизнь будет яркой и насыщенной.

Когда упаковка багажа была закончена, а открытка прочитана, Арнольд нежно обнял меня на прощание. Пожелав ему спокойной ночи, я поймала себя на мысли, что напоследок можно заняться любовью, и, не откладывая это дело в долгий ящик, мы дали волю чувствам. Тот раз мне запомнился навсегда: я словно взошла на веселую карусель и села на самую лучшую лошадку. В ту ночь не было никаких лихих кавалерийских атак – только чувственный галоп на лучшей лошадке, и, оседлав жеребца, я каталась на карусели круг за кругом.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Тогда, в семидесятые, когда мы с Арнольдом жили вместе, губернатором Калифорнии был Рональд Рейган, и во многом наши взгляды на этого руководителя совпадали. Позднее из средств массовой информации я узнала, что мой бывший молодой человек был приглашен на мероприятия, посвященные похоронам экс-губернатора Калифорнии и экс-президента США Рейгана. Как раз в то время в обществе циркулировали слухи о возможности изменения Конституции США с целью упрощения процедуры выставления своей кандидатуры на пост президента гражданами, рожденными за пределами страны.

– Ты когда-нибудь думал о том, что твои собственные похороны могли бы привлечь внимание всей страны? Каково это – все эти оркестры и куча приглашенных знаменитостей? –

спросила я Арнольда.

Оставив без внимания мой намек относительно притязаний на президентское кресло, Арнольд сконцентрировался на вопросе смерти.

– Могу сказать, что в момент похорон я бы чувствовал себя неважнецки. Думаю, мне еще стоит повременить с этим вопросом, – ответил мне Арнольд.

– Извини меня, пожалуйста, Арнольд! – стушевалась я.

– Барбара, я никак не могу поверить в то, что когда-нибудь умру. Знаешь, время от времени я себя спрашиваю: «Как же это так – просто взять и умереть?» В любом случае мне предстоит еще много чего сделать в своей жизни. Но, признаюсь честно, вопрос смерти – это один из тех вопросов, на которые у меня пока нет ответа.

В поисках себя

В тот день, когда Арнольд улетал на съемки, я сама отвезла его в аэропорт и поцеловала на прощанье. На обратном пути домой у меня в машине играл новый хит группы *Electric Light Orchestra «Strange magic»*, и я подпевала в унисон песне: «Я завершаю свой путь, и мне никогда не стать прежним». Наши с Арнольдом отношения закончились, и я не чувствовала сожаления от осознания этого факта, но зато была полна оптимизма и радости от предвкушения своего будущего. Тогда мне казалось, что я могу рассчитывать на свой позитивный настрой, поддержку семьи и друзей. У меня была работа, которая по всем параметрам превосходила мои ожидания и обеспечивала мне солидный доход, необходимый для самостоятельной жизни. Не надо забывать и о том, что в моей собственности находился автомобиль, в водительском кресле которого сидело мое оздоровленное диетой тело. Моя психика, управлявшая хрупким туловищем, радовалась открывшимся передо мной горизонтам самосознания и зрелости, в результате чего просыпалась присущая мне женственность. По какой-то странной иронии чем неувереннее я себя чувствовала, тем лучше мне было, а мой внутренний голос помогал мне выбирать правильный путь и избегать лишних трудностей.

Очень скоро наше общение с Арнольдом свелось к одному телефонному звонку в неделю, а его виртуальное присутствие дополняла домашняя обстановка с принадлежащими ему вещами. Обычно Арнольд звонил мне в семь часов утра в понедельник, притом что у нас с ним была трехчасовая разница во времени. Не скрою, для меня было странно сидеть дома в ожидании междугороднего звонка и готовиться к получению новых распоряжений: мой бывший молодой человек звонил лишь для того, чтобы справиться о делах бизнеса и дружески поболтать, оставляя в стороне все сантименты относительно наших отношений. Сначала мы разговаривали о состоянии дел Арнольда в мире бодибилдинга, а затем переходили к событиям, произошедшим с нами в течение недели. Иногда, правда, мы с Арнольдом делились мыслями относительно нашего с ним нового положения и обсуждали всю необычность жизни независимого человека.

Несмотря на раздельное существование, мы все же находили общие темы для разговоров: съемки фильма *Stay Hungry*, истории из моей преподавательской жизни, заработки и расходы Арнольда, количество проданных по подписке буклетов. Мы

также сплетничали о наших общих друзьях и обсуждали последние мировые события, в особенности войну во Вьетнаме. Однако одной из самых горячих тем в наших разговорах были события, происходящие в моей семье, и в частности развод моей сестры Салли с мужем. Несмотря на то что в тот период мы с Арнольдом переживали нечто подобное, нам тем не менее удалось сохранить теплые чувства и воспоминания друг о друге. Временами случалось и так, что мы забывали о своем новом статусе и предавались воспоминаниям о забавных моментах нашего совместного прошлого. Подобные разговоры, по обыкновению, заканчивались взаимными уверениями в том, что каждый из нас волен поступать со своей личной жизнью так, как сочтет нужным.

Обжившись на новом месте в Бирмингеме, Арнольд начал все больше и больше рассказывать мне о съемках фильма и о людях, с которыми ему приходилось работать. Арнольда можно было понять: он стремился к тому, чтобы люди воспринимали его не только на основе внешних физических данных. Ему всегда хотелось производить впечатление на окружающих за счет многообразия своей натуры, развлекать всех своими комментариями к ночным новостям и рассказывать о правильном питании. Не оставались в стороне и советы друзьям по проблемам бизнеса, инвестиций в недвижимость, а также философские вопросы о пользе индивидуализма. Нетрудно догадаться, что карьера в кино позволила Арнольду подняться на пару ступеней вверх по социальной лестнице и повысила его статус. Такая стремительная карьера, однако, привела к тому, что Арнольду понадобились новые напарники и учителя, которые могли бы поделиться с ним ценным советом или собственным опытом относительно жизни в Голливуде. По всему было видно, что внутри Арнольда зарождался новый бог, зовущий его к новым, еще не покоренным вершинам.

По счастливой случайности Арнольд попал в одну команду с другими «богами кино», чьи имена уже тогда были у всех на устах. Джефф Бриджес, Салли Филд, Боб Рейфелсон – все они помогали Арнольду своими советами и наставлениями. От придирчивого взгляда Арнольда на съемочной площадке и за ее пределами не ускользало и то, кого из команды больше хвалят, кто пользуется уважением у других и кто больше всех зарабатывает. Технические специалисты также вызывали интерес у Арнольда, и они с удовольствием делились с ним премудростями своего ремесла. Арнольд принимал к сведению все эти уроки и всегда обдумывал, какую пользу из них он может для себя извлечь.

Арнольд всегда был душой компании, мог с легкостью выслушать любого человека и, смотря по ситуации, успокоить или приободрить его. В этом был весь Арнольд: он всегда стремился завоевать расположение тех людей, которых сам безмерно уважал.

Восходящая звезда, 1975

Что касается меня, то мой настрой был далеко не таким радужным, как у Арнольда. В нем преобладали мелодраматические нотки, а сразу же после нашего расставания в него мощным потоком ворвалось энергичное сопрано. Тем не менее я не могу не отметить, что мое ощущение от обретения личной свободы было похоже на выступление в зале Карнеги-холл: я словно выходила на роскошную сцену для исполнения оперы. Но радостный запал от обретенной свободы, как это ни странно, у меня очень быстро пропал.

Одной из самых больных для меня тем была неверность Арнольда, и я всегда искала подтверждения своим подозрениям. Однажды вечером я пригласила на ужин свою хорошую подругу Ванду и Сью, девушку Джеффа Бриджеса, решив, что она чувствует себя одинокой, пока ее мужчина пропадает на съемках в Алабаме. Очень быстро наш разговор перешел на обсуждение вопросов неверности партнеров в период отношений. Ванда была замужем за бодибилдером, и она поинтересовалась у меня, хотела бы я узнать о неверности партнера, если бы у меня была возможность получить подобного рода информацию.

– Ну еще бы! – ответила я ей.

– А ты *точно хотела бы* знать об этом, Барбара? – настаивала Ванда.

– Почему ты говоришь подобным тоном? – спросила я Ванду, чувствуя, как мое сердце уходит в пятки. – У меня складывается впечатление, что ты знаешь то, чего не знаю я, – допытывалась я у нее.

– Дело в том, что Арнольд тебе изменял. Когда ты уезжала куда-нибудь, он здесь закатывал такие дикие вечеринки, что только дым столбом стоял, – вынесла свой приговор Ванда.

Я с трудом воспринимала слова Ванды, но они доносились до меня так четко, словно мы с ней сидели одни в пустой комнате. В тот момент мне еще показалось, что сказанные Вандой слова могли вообще потеряться по пути до моих ушей, но из-за отсутствия препятствий в пустой комнате они целиком и полностью достигли своей цели. Как только смысл сказанного наконец-то дошел до меня, вся моя уверенность моментально испарилась со скоростью разбегающихся от резко включенного света тараканов.

«Вспоминай то, чему тебя учили, Барбара. Ты научилась создавать свою собственную реальность и управляться с такими новостями. Сейчас у тебя хватит сил пережить этот болезненный момент. Не распускайся – будь хозяйкой положения», – пронеслось у меня в голове. Уговоры и самоуспокоение, однако, не очень-то мне помогали, и где-то в глубине души я продолжала себя казнить из-за полученных доказательств неверности Арнольда. Стоило мне только увидеть какую-нибудь красивую женщину, как мое воображение рисовало следующую картину: Арнольд смотрит на меня хитрыми глазами и уходит от моих вопросов, оставляя меня в полном неведении и замешательстве относительно своего поведения. Моя вечная неуверенность в себе снова вернулась ко мне.

Должно быть, прошло очень много времени, пока я вновь смогла собраться с мыслями и вернуться к разговору с подругами.

– Ну и хрен с ним! Как оказалось, все мои подозрения были далеко не беспочвенны, – выдавила я из себя после затянувшейся паузы.

После возобновления разговора мы перешли к «судебному разбирательству», и при этом Сью была отведена роль свидетеля, Ванде – роль прокурора, а мне самой пришлось выступать в роли «адвоката дьявола». Как ни прискорбно это звучит, но наши старания были напрасны – ведь у нас не было присяжных заседателей, способных осудить обвиняемого, как и не было судьи, который мог бы вынести заключительный приговор.

Арнольду удалось избежать обвинения, и он преспокойно наслаждался жизнью в далекой Алабаме. Вполне возможно, что даже в момент нашего «судебного разбирательства» Арнольд соблазнял какую-нибудь горничную в одном из мотелей Бирмингема. Не скрою, от подобных мыслей о поведении Арнольда мне сделалось как-то не по себе.

Как оказалось, моя новая независимая жизнь была хороша и приносила радость только вначале: я могла преспокойно ходить на танцы и встречаться с кем мне вздумается, никого не ставя при этом в известность, – ведь Арнольд был далеко не единственным человеком, контролировавшим мое времяпрепровождение. До нашей жизни с ним у меня был лишь небольшой опыт отношений с другими парнями, однако мне пришлось пережить и детскую застенчивость, и подростковое желание выйти замуж. Тем не менее пережитый когда-то опыт отношений сейчас вызывал во мне лирический настрой и теплые воспоминания.

В отличие от моих предыдущих связей, ситуация с Арнольдом была принципиально другой, и у меня было большое желание отомстить ему за разрыв отношений. В то время я часто задавалась вопросом: было ли подобное поведение свойственно только Арнольду или оно присуще всем мужчинам? Будучи не в состоянии ответить на этот вопрос, я лишь подпитывала свою подспудную жажду мести. В самом деле, размышляла я, может быть, мне стоит с головой окунуться в атмосферу гедонизма, свойственную середине семидесятых? Мне казалось, что это могло бы помочь забыть Арнольда и стереть из памяти болезненные воспоминания. Вернер Эрхард на своих *est*-тренингах всегда говорил: «Если ты чувствуешь, что поступаешь правильно, – делай это смело», и я сделала эту формулу основой своей новой жизни. Проблема, однако, была в том, что не все афоризмы Эрхарда действовали так же хорошо, как этот.

Как бы то ни было, я положила глаз на тренера футбольной команды нашей школы: раз уж я решила заменить Арнольда, нужно было выбрать для этого достойного человека. Заимев нового любовника, я ощутила себя в шкуре Арнольда: по сути дела, я использовала другого человека в своих собственных, скрытых от постороннего взгляда целях. Однако такое наплевательское отношение к людям было выше моих сил и оказало разрушительное воздействие на мои моральные устои.

Арнольд однажды сознался мне, что он несколько раз флиртовал с «телками», но при этом он категорически отказывался признать себя виноватым в том, что изменял мне. Я, со своей стороны, всячески пыталась показать Арнольду, как быстро смогла найти ему замену, и продемонстрировать ему,

насколько это больно, когда тебе изменяют и пренебрегают тобой. Как-то раз во время нашего ночного разговора я сказала ему примерно следующее: «Послушай, Арнольд, мы с тобой больше не пара, и у меня уже есть мужчина, с которым я сплю». Я не уверена, что были произнесены именно эти слова, но могу точно сказать: Арнольд очень хорошо понял мой настрой.

Во время ночных телефонных разговоров с Арнольдом я изредка ловила себя на мысли: а с кем сейчас, собственно говоря, я разговариваю? Со своим бывшим молодым человеком? Лучшим другом? Экс-любовником? Старым соседом по квартире? Человеком, разбившим мне сердце? Хранителем утраченных надежд, вонзившим нож мне в сердце? Надо признаться, последний образ мне нравился больше всего, и я даже представляла, как именно нож пронзает сердце Арнольда. Прошло четыре года с тех пор, как я страстно желала того же самого для себя – чтобы нож разом прекратил все мои страдания. Но сейчас я хотела, чтобы Арнольд испытал те же муки, что пришлось пережить в свое время мне. *Давай же, Арни, почувствуй, каково это – терять свою первую любовь. Ну, и как ощущения? Для полноты картины проверни-ка еще нож в ране.*

Такие действия и мысли, однако, причиняли боль нам обоим, ведь мы с Арнольдом стали не просто любовниками, а действительно очень близкими людьми.

Спустя некоторое время с момента начала независимой жизни я решила поделиться с Арнольдом информацией о новом мужчине, который у меня появился. Дело было так: мы с сестрой пошли как-то в бар, чтобы посидеть и потанцевать, и в этом баре я встретила знакомого по студенческому братству. Мой приятель был тогда в веселом настроении, и я, зарядившись его позитивным настроем, дала волю чувствам и танцевала как безумная. Полученный на танцполе заряд энергии постепенно перерос в длительные отношения с моим студенческим приятелем, которого звали Дон. Как оказалось, мы с ним были в примерно схожих ситуациях: у меня закончились отношения с Арнольдом, а Дон находился в процессе развода с женой. Что же такое положение вещей означало для меня? Ну, по крайней мере то, что я воспользовалась ситуацией и сообщила Арнольду о новой связи: «Дорогой Арнольд, я нашла тебе замену всего-то за два месяца. Ха-ха-ха!» Понятно, что в своем письме я не писала так прямолинейно, – эта информация доносилась до Арнольда очень мягко, и я даже благодарила его за то, что он стал лишь первой ступенькой на пути к моему мужчине. «Пусть Арнольд наконец-то поймет, каково это – быть на вторых ролях», – думала я тогда.

Когда Арнольд получил и прочел это письмо, он позвонил мне, но говорил при этом как-то неуверенно и грустно. Мне трудно сказать, правильно ли я поняла его тогда. Насколько ему было больно, когда он получил очередное напоминание о прекращении наших отношений? Страдал ли он? Ну хоть самую чуточку? Тянуло ли его ко мне опять?

Я, конечно, надеялась, что он скучал по мне, но при этом ненавидела себя за то, что делала.

Шло время, и моя жизнь постепенно устаканилась. Все выходные я проводила с Доном, а на работе целиком и полностью посвящала себя ученикам. Приближался июнь, и я не могла не обратить внимания на то, что мои ученики стали лучше читать, стали более дисциплинированными и вежливыми. Моя давняя идея о проведении аукциона, посвященного окончанию учебного года, нашла горячую поддержку среди ребят. Они с удовольствием наблюдали за тем, как их школьные оценки превращаются в виртуальные «деньги», на которые можно было приобрести разные вещи, собранные при помощи местной общины. Сам аукцион превратился в настоящий праздник для детей, где каждый смог найти что-то для себя: Мария купила лампу для мамы, Хосе приобрел для себя часы, а Алонсо ушел домой, неся под мышкой динамики. После проведения аукциона, уезжая из Восточного Лос-Анджелеса, я поймала себя на мысли, что, пожалуй, моя жизнь больше никогда не будет такой веселой, как сейчас.

Наступивший июнь ставил передо мной очередную задачу: необходимо было окончательно отделиться от Арнольда и переехать из его дома. Арнольд предложил мне бесплатно пожить у него, но я прекрасно понимала, что должна наконец-то начать самостоятельную жизнь, в которой мне должны были помочь *est*-тренинги «Все, что вы хотели знать о деньгах», «Все, что вы хотели знать о сексе», а также мои закадычные друзья Дэйв и Маргарита.

К середине июня я перевезла большинство своих вещей от Арнольда к себе домой, и мы вместе с Маргаритой начали планировать наш предстоящий отпуск. В эту поездку мы решили отправиться одни, без наших мужчин, и, погрузив наш багаж в машину, мы двинулись в путь по Соединенным Штатам, наслаждаясь каждой пройденной милей.

Во время нашего путешествия мы останавливались на ночевки не в обычных придорожных мотелях, а у наших многочисленных друзей, разбросанных по территории США. Таким образом мы добрались до западной части Великого каньона и были просто очарованы красными хребтами Седоны.

Мы с Маргаритой с удовольствием поедали жареные гренки *сопапилос* в Альбукерке, наслаждались архитектурным стилем Санта-Фе, спали в пустынях Техаса и однажды даже случайно заехали в резервацию индейцев племени таос. На одном из хьюстонских фривеев за нами долго ехал грузовик, чем очень сильно нервировал нас, и для снятия страха от этих неприятных переживаний мы с Маргаритой позволили себе по шоколадному коктейлю, сдобренному порцией алкоголя. В следующий раз алкоголь пришел нам на помощь уже в Новом Орлеане – городе, который пугал нас своей бурной ночной жизнью, но нравился нам при свете дня. Надо сказать, что поездка по южным штатам заставила нас понервничать, и мы не могли дождаться того момента, когда окажемся под ласковым солнцем Джорджии. Приехав в Джорджию, мы вознаградили себя за все наши переживания: дядя моего нового бойфренда жил в столице этого штата Атланте и предложил нам с Маргаритой остановиться в его роскошном доме. Именно из Атланты я впервые позвонила сначала Дону в Лос-Анджелес, а затем уже и Арнольду в Бирмингем.

Той ночью после звонков Дону и Арнольду я записала в своем дневнике: «Насколько же это хорошо, что наши отношения с Арнольдом завершились тихо и мирно, и я благодарна Арнольду за то, что он поддержал мой новый выбор. Арнольд даже сказал, что он всегда воспринимал меня как часть себя и, если мне хорошо, ему тоже хорошо».

Во время разговора с Арнольдом стало ясно, что мы не сможем увидеться еще примерно неделю. Поэтому вместе с Маргаритой мы продолжили осматривать городские достопримечательности, посетили могилу Мартина Лютера Кинга, ознакомились с документами по борьбе с проституцией в Шарлотсвилле, побывали в усадьбе Томаса Джефферсона и своими глазами увидели быт южан в музеях Вильямсбурга. Во время посещения музеев нас мучил вопрос, как вообще американское правительство могло работать в таких условиях, когда действия депутатов палаты представителей вносили в его работу постоянный хаос и суматоху.

Любая поездка вызывает эмоциональный подъем, и наше путешествие не стало исключением. Оно сопровождалось безудержным смехом, чтением книг (одной из самых любимых наших книга была «Сибилла», где рассказывалась история жизни и борьбы со страшным заболеванием – шизофренией – реальной девушки Ширли Ардель Мэйсон), прослушиванием кассет (в особенности песен в исполнении Джима Силса и Даррелла Крофта о «прекрасном мире») и музыки в стиле кантри.

Под конец нашего путешествия мы с Маргаритой были рады вновь услышать родной для нас калифорнийский акцент: наши мужчины, мой новый бойфренд Дон и муж Маргариты Дэйв, с радостью слушали телефонные рассказы о дорожных приключениях, но при этом просили не задерживаться в дороге и поскорее возвращаться домой. Мне казалось, что Дон настолько скучал по мне, что готов был даже построить специальный телепортатор, чтобы ускорить мое возвращение домой. При этом у нас с Доном появилась отличная возможность провести время вместе, так как его дядя предоставил в полное наше распоряжение свой роскошный дом в Атланте.

Когда подошел момент нашего расставания с Маргаритой, мы с ней разъехались в разные стороны, но договорились встретиться в Нью-Йорке: Маргарита поехала туда проведать своих родственников, а я собралась слетать в Бирмингем на встречу с Арнольдом.

Надо сказать, что Дон не приветствовал мое решение относительно встречи с Арнольдом в Алабаме, но, поскольку это решение было принято еще до того, как он появился в моей жизни, мои планы остались неизменными. Ко всему прочему, я своими глазами наблюдала, каким образом начиналась подготовка к съемкам фильма *Stay Hungry* два года назад, и поэтому не могла отказать себе в удовольствии увидеть результаты одной из первых и побыть наедине с Арнольдом. Я, конечно, понимала, что такими встречами ставлю под угрозу свои отношения с Доном, но успокаивала себя уговорами, что любому мужчине придется смириться с тем, что в моей жизни был Арнольд. Все, что я рассчитывала в тот момент получить от этой встречи, – это согласование с Арнольдом взглядов на наши отношения. Дону пришлось принять мое решение, ведь я завершила свою связь с Арнольдом, и мы с ним остались хорошими друзьями. Проблема была лишь в том, что Дон не особенно разделял мою точку зрения на отношения с Арнольдом.

Несмотря на все попытки самооправдания, меня переполняли сомнения и страхи перед предстоящей встречей, и, честно сказать, мне с трудом удавалось держать себя в руках после трехмесячной разлуки с Арнольдом. Хоть мы и расстались, мне было ужасно интересно посмотреть на то, как он сейчас живет без меня. Более того, я настолько дорожила нашими отношениями, что весь мой гнев и жажда мести за измены Арнольда отступали на второй план. Даже после того как в моей жизни появился Дон, я продолжала помнить Арнольда и часто думала о нем, особенно тогда, когда мне приходилось сталкиваться с чем-то новым

в жизни. Можно сказать, что Арнольд стал для меня путеводной звездой, и поэтому мне очень хотелось взглянуть на него еще раз. Я даже представляла себе, как он обнимает меня огромными руками и говорит в своей неповторимой манере: «Привет, Бар-бар-ха!»

Собственно говоря, так все и произошло: мы с Арнольдом улыбались друг другу и при этом стеснялись, словно подростки на первом свидании. Мы даже шутили и спрашивали себя: приемлемо ли держаться за руки на этой встрече? Но как же мы могли тогда воздержаться от прикосновений – ведь нас тянуло друг к другу, и хотя бы на этой встрече мы хотели быть прежними Арнольдом и Барбарой.

В тот день я сделала следующую запись в своем дневнике: «Мы арендовали «мерседес» и кружили на нем по окрестностям весь день напролет! Потом мы заехали в гостиницу, откуда я позвонила Дону, и мне было настолько приятно, что во время этого звонка Арнольд был рядом со мной. Когда я закончила говорить с Доном, мы пошли на обед, где я рассказывала Арнольду о своих приключениях, которые произошли со мной за три месяца нашей разлуки. Для меня было абсолютно естественно относиться к Арнольду как к старому другу, и, по всей видимости, это было взаимно.

Арнольд специально прокатил меня вокруг владений Гейнсов, и только во время этой поездки до моего сознания стало постепенно доходить, из каких великолепных мест был родом сценарист фильма *Stay Hungry* Чарльз Гейнс! Роскошное аристократическое поместье, родовое гнездо Гейнсов, казалось, просто насмехалось над особняками Беверли-Хиллз! После осмотра поместья мы с Арнольдом поехали прямиком на вечеринку, где уже, помимо нас, были Боб и Тоби, Чарльз, Джефф Бриджес, Салли Филд и еще куча народу из съемочной бригады. О, тот вечер был просто великолепен!

Под конец вечера Арнольд отвез меня в дом Гейнсов, откуда я в очередной раз за день позвонила Дону. Для меня было важно, что Дон, даже находясь в Калифорнии, незримо присутствует рядом со мной. После беседы с Доном мы переместились в квартиру Арнольда, где и проговорили с ним допоздна о последних изменениях в наших отношениях. Мне нравилось, что во время того разговора с Арнольдом я ощущала уют и спокойствие и не испытывала ни малейшего беспокойства и неуверенности. Мы с Арнольдом действительно были хорошими друзьями!»

Находясь под впечатлением от хорошо проведенного времени, мы поехали в аэропорт, где я попрощалась с дорогим

для меня человеком, понимая, что он больше не сможет быть моей опорой в жизни. Я осознавала беспочвенность моих размышлений, но разве я могла убедить себя в том, что мне не нравится моя новая жизнь? Теперь в моей жизни был новый мужчина, который со временем должен был полностью заменить Арнольда.

Вернувшись обратно в Атланту, я ждала приезда Дона и, по своему обыкновению, «заедала» сладостями тревогу перед нашей встречей. Перед тем как съесть новую конфету, я с наслаждением вдыхала ее сладкий аромат и только затем отправляла ее к себе в рот. Каждая съеденная конфета вызывала во мне воспоминания об этом насыщенном дне, проведенном вместе с Арнольдом. Где-то внутри меня глубоко засело чувство неудовлетворенности, и сладости в очередной раз стали моим спасением.

На следующее утро, как я и предполагала, Арнольд отошел в моих мыслях на второй план, а его место занял приехавший ко мне Дон, который с порога заявил, что я поправилась за время своего путешествия. Я не обратила внимания на его замечание и с радостью обняла его, а в это время в моей голове крутилась песня «Мне нравится быть с тобой», которую когда-то пели Кросби, Стилз и Нэш. Мне казалось, что мы с Доном «проживем долго и счастливо и умрем в один день». Пока весь этот рой мыслей проносился у меня в голове, Дон спросил, не соглашусь ли я выйти за него замуж, поскольку его бракоразводный процесс завершен. Ну что еще надо было для полного счастья?

Получив предложение Дона, я позвонила родителям, чтобы сообщить им последние новости, но мне так и не удалось ничего им рассказать в тот день. Трубку взял отец и загробным голосом сообщил мне ужасные вести, от которых земля ушла у меня из-под ног. Как оказалось, пока я была в поездке, застрелился муж моей младшей сестры. Он покончил с собой прямо на парковке около дома ровно в тот момент, когда моя мать отлучилась взять ключи от своей машины. Видя подавленное состояние зятя, мама как раз собиралась отвезти его в церковь, но не успела довести дело до конца. Выслушав такие ужасные новости, я словно в тумане повесила телефонную трубку: суровая реальность жизни снова напомнила о себе.

Ища утешения и сочувствия, я обратилась к Дону, но он с прохладцей воспринял мои переживания и сказал, что не хочет обсуждать это происшествие.

Изрядно напуганная холодностью Дона, я вспомнила своего бывшего бойфренда: «Боже мой, Арнольд! Где же ты, когда

больше всего мне нужен?» В этот трудный момент, как никогда ранее, я нуждалась в его поддержке и немецкой рассудительности. Я знала, что Арнольд любил покончившего с собой Джеральда, мужа моей сестры, и помог бы мне пережить утрату. В общем, я оказалась в ситуации, когда мне пришлось самостоятельно справляться с той бурей эмоций, которая накрыла меня после получения известий из дома.

Находясь в каком-то сомнамбулическом состоянии, я приняла не совсем приятное для себя решение, которое поддержали мои родственники. Я пришла к тому, что сейчас не будет проку от моего возвращения домой и что мне надо ехать в Нью-Йорк на встречу с Маргаритой, как это и было обговорено ранее. Боже, как это было ужасно!

По завершении одного из самых беспокойных и нервных уик-эндов Дон вернулся к себе домой в Калифорнию, а я осталась в Атланте со своими приятелями. Я планировала отдохнуть в Атланте две недели и после отпуска пойти на специальные курсы для преподавателей, но все мои планы пошли прахом из-за внезапной отмены учебных занятий. Боже, как же я переживала в тот момент, что решила остаться из-за этой самой учебы в Атланте и не лететь домой! Не зная, что мне предпринять, я решила позвонить Маргарите, чтобы согласовать наши планы, – ведь я уже знала, что не успею попасть домой на похороны Джеральда, а отмена курсов лишь усугубила мое беспокойство и неуверенность. От всех этих метаний становилось лишь хуже, и мне было ужасно неудобно перед своей сестрой, племянниками и родителями за свой некрасивый поступок. Смогут ли они меня когда-нибудь понять и простить? К моему великому облегчению, сестра с пониманием отнеслась к моему решению, ведь ее муж уже отошел в мир иной, и я со спокойной душой полетела домой.

Мой приезд домой лишь напомнил моим родным о постигших нас потерях: за последние полгода наша семья потеряла двоих мужчин. Эти потери обескровили нас – у нас больше никогда не будет заводилы Арнольда и балагура Джеральда.

Второй раз в жизни я столкнулась с тем, что мне пришлось поумерить свои амбиции и пожить какое-то время в доме престарелых, которым управляли мои родители. Десять лет назад наша семья была вынуждена уехать из великолепного дома в Кейп-Коде, а сейчас я покинула роскошный дом Арнольда. Я была рада, что родители дали мне пристанище, но тем не менее все же задумалась о своих дальнейших шагах.

Для начала я решила съездить к Арнольду еще раз, чтобы убедиться, что ничего там не оставила. Перед отъездом я просила

родителей забрать мои вещи из дома Арнольда, но они по какой-то непонятной причине забыли об этом поручении, и поэтому я решила проверить все сама. Арнольд как раз вернулся домой после съемок в фильме, и, созвонившись, мы договорились, что я зайду к нему 30 июля, в день его рождения.

Когда я пришла к Арнольду домой и позвонила в звонок, дверь мне открыл наш давний приятель Джон Балик, который сказал, что Арнольд пошел на фотосессию. Сам Джон пришел к Арнольду, чтобы помочь с организацией вечеринки, и с гордостью рассказал мне о том, что ему удалось собрать внушительную сумму с приглашенных гостей, на которую он купил золотые столовые приборы. Услышав рассказ Джона, я воскликнула:

– Как хорошо, что ты мне напомнил о столовых приборах, – мои родители как раз забыли забрать медный и серебряный наборы! Но ничего страшного, я сама сейчас их заберу.

Наряду с перекраской кухни в белый цвет и флиртом с Карлосом в Гвадалахаре, «похищение» столовых приборов в сложившихся обстоятельствах стало одним из самых больших моих прегрешений перед Арнольдом. Мне еще предстоит жить с этими грехами дальше.

Вернувшись домой, я, смеясь сквозь слезы, представляла себе реакцию Арнольда, когда он обнаружит пропажу. Для меня этот случай стал доказательством того, что я снова могу вернуться к Арнольду, но со временем, однако, мне пришлось серьезно пересмотреть свои взгляды.

На следующее утро после дня рождения Арнольда меня разбудил его ранний звонок:

– Как жи ты магла забрать сталовое сиребро прямо перед началам вичеринки! Нам не с чего было есть, и всие это блогадаря тибе, Бар-бар-ха!

Хихикнув про себя, я сказала подходящую к случаю фразу:

– Но Джон уверил меня, что он подарит тебе новый столовый набор, и я решила, что вы сможете воспользоваться им во время вечеринки! Прости меня, Арнольд! И расскажи еще, как прошел вечер?

– Мы атлично повиселились на вичеринке, и было так интересно. В следущий раз, когда я пуду устраивать вичеринку, ты предешь, Бар-бар-ха?

– Я обязательно приду, Арнольд, – ответила я, дуясь на него за позднее приглашение и понимая при этом, что хотела бы закончить наш разговор на дружеской ноте.

Спустя некоторое время мне представился случай еще раз посмеяться над Арнольдом. Произошло это так: однажды,

разговаривая с Фрэнком Зейном, я сказала ему, что, если он когда-нибудь решит продавать свою машину, я оставляю за собой право купить ее первой. К моему большому сожалению, я так никогда и купила машину у Фрэнка, но зато во время нашего общения он рассказал мне одну историю про Арнольда. Как-то раз, сразу же по возвращении Арнольда со съемок фильма, Фрэнк был на какой-то вечеринке и первый раз увидел, что Арнольд все время находится один. Рассказывая мне эту историю, Фрэнк добавил: «Барбара, Арнольда было не узнать – он весь вечер провел один, и у него был какой-то грустный и потерянный вид». Не скрою, слова Фрэнка словно пролили мне бальзам на душу.

Когда мои вещи были перевезены к родителям, я задумалась над тем, как мне жить дальше: хоть Арнольд и ушел из моей жизни, но он все же сохранял свое влияние на меня. С другой стороны, Дон предложил мне уехать от родителей и пожить у него дома. На это предложение я, немного нервничая, ответила: «Хорошо, но только при одном условии – мы будем жить у тебя, пока не поженимся». В очередной раз я отвергла все условности и сомнения и приняла не очень взвешенное решение.

От всех этих непростых решений мое сердце билось, словно у загнанного животного, и меня продолжали удивлять мужчины и их поведение. Я пыталась себя успокаивать и тешить иллюзиями, что мои страхи напрасны и все мои беды уже остались позади. При эмоциональных перепадах менялось и мое отношение к Дону: когда мои нервы были на пределе, я начинала с подозрением относиться к нему, когда же я успокаивалась, то не могла признаться даже самой себе, что подозревала этого человека и сомневалась в нем. Во время подобных перепадов настроения я как могла успокаивала себя и говорила, что мне надо спокойно и с честью пережить этот трудный период моей жизни. Но даже тогда, когда Дон показывал себя с самой лучшей стороны, я не чувствовала себя уверенной в нем.

Не скрою, что в то время моим самым сильным желанием было выйти замуж и родить детей, и отношения с Доном позволяли надеяться на то, что мои мечты наконец-то осуществятся. Однажды, когда Дон ушел на работу, ради укрепления наших с ним отношений я решила разом покончить с воспоминаниями об Арнольде. Возможно, Дон был прав, когда говорил мне, что память о моих прежних отношениях с Арнольдом мешает нам наладить взаимопонимание. Решив для себя, что отношения с Доном для меня слишком дороги, я, как послушная и примерная невеста, собрала в ящик все вещи, которые напоминали мне об Арнольде, и выбросила их на помойку. В тот раз я выкинула все, что у меня было, – записки,

письма, открытки, – и сделала это без особого сожаления. Так, во имя избавления от ревности и подозрительности Дона было покончено с Арнольдом.

Как это ни странно, но мой так называемый жених даже не поблагодарил меня за все мои старания и жертвы.

Проявленная Доном бесчувственность заставила меня призадуматься над нашими отношениями. Почему Дон самостоятельно купил новую мебель в дом и не попросил меня поучаствовать в этой покупке? Почему он по нескольку раз на дню звонит мне и на разные лады повторяет фразу «Я тебя люблю», но стоит ему только прийти домой, как он тут же приклеивается к телевизору? Почему он заставляет меня выгуливать его собаку, но при этом сам очень редко гуляет со своим питомцем? Почему ему можно есть всю ночь напролет, а от меня он требует воздержанности в еде? Почему мы должны всячески развлекать его мать, но при этом не уделяем внимание моей семье, переживающей трудные времена из-за самоубийства мужа моей младшей сестры? Почему мы должны до бесконечности слушать песню *Lyin» Eyes* группы *Eagles*, но при этом никогда не слушаем композицию *Respect* в исполнении Ареты Франклин? Почему он с жаром рассказывает мне об ипотечных кредитах, словно любит их больше, чем меня? Обычно после того, как словоизлияния Дона об ипотечных кредитах заканчивались, я с жадностью набрасывалась на маффины и поедала их с маслом и джемом.

Как-то раз, разговаривая с Арнольдом по телефону, я проболталась ему о своем невеселом положении дел:

– Арнольд, в какую же западню я попала! Что же я наделала?

Как только эти слова вырвались у меня, Арнольд наговорил мне кучу комплиментов, и его слова заронили в меня искру надежды на более доверительный разговор. *«Арнольд, ну пожалуйста, будь благосклонен ко мне. Скажи, что прекращение отношений между нами было большой ошибкой и что ты больше никогда не будешь мне изменять и мы поженимся. Арнольд, скажи мне все это»,* – беззвучно заклинала я его во время того разговора.

Но всем моим надеждам на восстановление отношений с Арнольдом не суждено было сбыться, и я лишь услышала в ответ:

– Барх-би, мне очень жаль. Мне действительно очень жаль тебя.

Понятное дело, что это было не совсем то, что я хотела услышать, и я снова погрузилась в невеселые размышления.

Что касается самого Арнольда, то, пока я разбиралась со своими неприятностями, он занялся переделкой своего дома

и быта. Он начал с изменения интерьера, нанял специального человека, который должен был присматривать за домом, занялся поисками повара и портного, взял на работу сводную сестру Рега Парка в качестве своего персонального помощника и стал принимать посетителей. Вся эта бурная деятельность была призвана скрасить мое отсутствие, и Арнольду это отлично удалось. Тем не менее мало кому нравится быть одиноким, и Арнольд пригласил погостить у себя девушку и сына своего брата – Эрику и Патрика. Такая безболезненная «перестройка» Арнольда для новой жизни, несмотря на все мои надежды, связанные со своим новым избранником, заставила меня изрядно понервничать. Арнольд вычеркнул меня из своей жизни, и единственным, что нас теперь связывало, был телефон. Мне тогда даже начало казаться, что я вряд ли смогу когда-нибудь избавиться от влияния Арнольда, как это удалось сделать ему.

Примерно в то же время, когда Арнольд занимался переоборудованием своего дома, мне позвонил Джордж Батлер с приглашением записать интервью для фильма *Pumping Iron*. Несмотря на протесты Дона, я улучила момент и поехала к Джорджу в район Марина-дель-Рей, по пути прокручивая у себя в голове возможные ответы на вопросы. Для того чтобы скрыть свою полноту, я продумала гардероб, маскировавший недостатки: надела широкую оранжевую блузку, муслиновую разноцветную юбку, цветные сандалии и накрасила ногти на ногах. В таком наряде мне хотелось выглядеть на экране лучше, чем в жизни, хотя все мои старания не шли ни в какое сравнение с тем, как гримировали и облагораживали актеров в высокобюджетных фильмах.

Одной из причин, по которой я согласилась дать интервью, стала возможность сбежать от своей повседневной жизни в мир Арнольда. Во время интервью я старалась показать себя более уверенной, чем была на самом деле, и всячески сдерживала эмоции по поводу того, что и я когда-то была частью событий, показанных в фильме. Джордж попросил меня поподробнее рассказать про Арнольда, и я не постеснялась в оценках и описала его с самой лучшей стороны, используя при этом только превосходные степени. Думаю, что Арнольд за все время наших отношений никогда не видел от меня такой степени обожания и восхваления, которую я продемонстрировала во время того интервью. К большому моему сожалению, практически ничего из сказанного в том интервью не попало в фильм по причине экономии пленки и экранного времени.

Другой, еще большей неудачей стало ухудшение моих отношений с Доном, который теперь старался при любом

удобном случае вычеркнуть Арнольда из моей жизни и всегда менял телеканал, стоило только ему появиться в каком-нибудь интервью или передаче. Я еле сдерживала свое негодование, когда видела, как Дон переключал телевизор на другую программу во время интервью Арнольда с Майклом Дугласом или во время передач с Мервом Гриффином и Джонни Карсоном. В такие моменты я смотрела в экран телевизора отсутствующим взглядом и думала: *«Дон всячески пытается ограничить любые упоминания об Арнольде, но он же не может стереть его из моего прошлого. Арнольд, ну почему ты оставил меня одну в этой трудной ситуации?»*

Оказавшись в таком положении, я понимала, что мне необходимо что-то предпринять для исправления текущего состояния дел. Ко всему прочему, я стала с ностальгией вспоминать девичью кровать в родительском доме, накрытую покрывалом с вытканным портретом Джорджа Вашингтона. Несмотря на то что родительский дом был всего лишь домом престарелых, там жили мои родные, любившие меня люди, и это было намного лучше, чем жизнь под одной крышей с нелюбимым человеком. Обдумывая свой возможный переезд к родителям, я возлагала большие надежды на приближающийся День благодарения, на котором можно было озвучить свои мысли. Я собиралась использовать переезд к родителям для того, чтобы перевести дух и постараться изменить себя, несмотря на всю унылость дома престарелых и окружавшего его сельского пейзажа с бродившими по округе коровами.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Во время нашего разговора я не могла не задать вопрос, активно обсуждавшийся в прессе.

– Мне кажется, что ты хочешь быть президентом? – спросила я Арнольда.

– Нет, это не так. Более того, я никогда не думал о такой возможности, и тому есть свои причины: вся моя жизнь была связана только с Калифорнией, и сейчас меня избрали губернатором этого штата. Знаешь, политика очень похожа на мир кино: если ты полностью отдаешься съемкам и фильм выходит очень зрелищным, то не так уж и важно, что будет происходить дальше. Если фильм будет приносить хорошие кассовые сборы, то это самым лучшим образом отразится на твоей карьере и откроет новые возможности для участия в других проектах. Время покажет, как я справлюсь со своими новыми обязанностями, и если люди решат, что мою кандидатуру

можно выдвигать на президентский пост… Но это будет решение избирателей, а не мое собственное, как ты понимаешь, и вот когда ко мне придут и скажут: «Арнольд, почему бы тебе не выставить свою кандидатуру на президентские выборы?» – вот тогда и будет разговор. Но пока я об этом даже не думаю, и все будет зависеть от того, как карта ляжет.

Очень жаль, что в тот момент у нас было мало времени, чтобы более подробно обсудить тему судьбы и предназначения человека. Меня, конечно, больше всего интересовал следующий вопрос: если судьба действительно существует, то по какой причине Арнольд стал частью моей жизни? И почему я стала частью его?

Живем разными жизнями

После прекращения отношений мы с Арнольдом продолжали общаться только по телефону или на совместных вечеринках, но это позволяло мне быть в курсе всех последних новостей его набирающей обороты карьеры. Как и ожидалось, осенью Арнольд выиграл свой очередной титул «Мистер Олимпия» и был очень доволен не только самим фактом победы, но и тем, что события соревнований легли в основу легендарного фильма *Pumping Iron*. Имея за плечами съемки в фильме *Hercules in New York*, где в титрах его настоящее имя было заменено на имя Арнольд Стронг, Арнольд Шварценеггер серьезно подготовился к выходу на большой экран с двумя полноценными картинами. Первым фильмом стала лента *Stay Hungry*, в которой Арнольд играл роль чудаковатого спортсмена и был партнером Джеффа Бриджеса. Вторым фильмом была картина *Pumping Iron*, где Арнольд выступил в роли победителя состязаний по бодибилдингу. Выход фильмов сопровождался большой шумихой и сильно повлиял на самооценку Арнольда: он стал слишком самонадеянным и эгоцентричным.

Съемки в пяти голливудских картинах и победы в бодибилдинге привели Арнольда к успеху, который ему даже и не снился. Частые приглашения на различные шоу стали для него нормой, звонки из редакций крупных национальных журналов уже не вызывали никакого удивления, а журналисты разных изданий начали упоминать его имя при любом удобном случае. Путь к славе, конечно же, был очень трудным, и сейчас трудно сказать, какие чувства испытывал Арнольд в период трансформации из местечкового героя в звезду общенационального масштаба. Если вернуться назад во времени, то можно сказать, что не все друзья и приятели разделяли стремления Арнольда и рассматривали приобретенную им славу как нечто ниспосланное свыше. Арнольд, правда, пытался уверять друзей в обратном, но присущий ему эгоцентризм выдавал его с головой.

Растущее высокомерие Арнольда вызывало активные пересуды в кругу лояльно настроенных к нему людей, и во время наших телефонных разговоров мы с ним обсуждали циркулирующие сплетни. Ходившие среди друзей слухи и домыслы выставляли Арнольда в неприглядном свете и высмеивали снобистские замашки «актера». Время, однако, не стояло на месте, и друзья постепенно начали терять Арнольда, с головой ушедшего в общение с торговцами недвижимостью,

агентами, директорами, актерами, менеджерами, бизнесменами и политиками. Но несмотря на всю злость, которая накопилась у них по отношению к Арнольду, каждый из его друзей не упускал случая пообедать с ним или поучаствовать в его вечеринке. Надо сказать, что все знакомые были словно загипнотизированы растущим влиянием Арнольда и были готовы по первому зову присоединиться к нему во время развлечений. Та сила и притягательность, которой обладал Арнольд, позволяла окружавшим его людям выйти за пределы привычного всем мира.

Ко времени рождественских праздников мы с Арнольдом жили порознь уже восемь месяцев, но тем не менее я получила официальное приглашение на одну из его вечеринок, где, помимо нас, должны были быть еще две пары. Выезжая в тот вечер из дома, я инструктировала себя: «Так, Барбара, не забывай, что ты больше не его девушка. Будь осторожна и веди себя осмотрительно!» Мысли об осторожности не покидали меня ровно до тех пор, пока я не позвонила в звонок своего бывшего дома, дверь которого мне отворил сам Арнольд. Весь вечер я старалась вести себя тише воды, ниже травы, но все же искала возможность произвести на Арнольда благоприятное впечатление.

На следующее утро, проснувшись в нашей бывшей огромной постели, я испытала какое-то необъяснимое чувство тревоги оттого, что пала жертвой прежних отношений с Арнольдом. Лежа в безразмерной кровати, я ловила себя на мысли, что между нами произошли какие-то неуловимые изменения. Куда делось обычное в таких случаях приветствие *«Доброе утро, золотце»*? И где его обычная утренняя улыбка? У Арнольда никогда раньше не было такого безразличного поведения – даже после скоротечного и бурного секса. За те восемь месяцев, что мы жили раздельно, каждый из нас поддерживал себя воспоминаниями о прошлых отношениях и душевной теплотой, хранившейся в сердцах, но прошедшая ночь выявила угасание наших чувств. И это было ужасно.

Смущенные ситуацией, мы поехали на завтрак в хорошо знакомое нам кафе «Деликатесы Зака». Поехали, правда, по отдельности: Арнольд повез на своей машине гостей, а мне предоставил возможность добираться в гордом одиночестве. Единственным моим утешением было то, что я была избавлена от необходимости выслушивать обсуждения предстоящей новогодней вечеринки на грубом немецком языке. Ко всему прочему, в тот день я поняла, что новогодняя ночь 1976 года пройдет без моего участия. Такое развитие событий сильно ударило по моему самолюбию: буквально вчера ночью мы с Арнольдом занимались любовью, и вот сейчас я узнаю, что он

встретит Новый год в объятиях другой женщины. Мое настроение, и без того не слишком веселое, окончательно ухудшилось, и весь завтрак я просидела словно в тумане. Когда мы закончили завтракать, Арнольд, как истинный джентльмен, расплатился за нас обоих, а я, как и полагается даме, поблагодарила его за это. Затем мы с ним вышли на парковку и, сказав друг другу дежурные фразы на прощанье, разошлись по своим машинам. Пока я шла к своему автомобилю, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, Арнольд отворил дверь своей серебристой *BMW* и широко улыбнулся. После этого у меня исчезли последние сомнения: компания австрийских ребят решила сегодня хорошенько повеселиться.

– Да пошел ты, говнюк! – вырвалось у меня, и, сев в машину, я опять вернулась к своей обычной жизни. Практически весь бульвар Уилшир я проехала на первой передаче и к тому моменту, когда оказалась около нашего с Арнольдом первого дома, даже успела сочинить небольшой стишок: «Мне надо найти в себе силы пережить Большой Пенис и другие расстройства».

Жизнь тем не менее продолжалась, и мне пришлось смириться со своим двойственным положением: Арнольд очень быстро сумел вычеркнуть меня из своей жизни. Мне, к сожалению, нечем было ему ответить: шесть лет наших отношений не так-то просто было забыть, и моя самооценка сильно зависела от его присутствия в моей жизни. Единственное, на что я могла надеяться в этой ситуации, – это легкий флирт по телефону. Когда Арнольд звонил мне, я чувствовала себя счастливой и всячески старалась приукрасить последние новости, а когда я звонила ему, он всегда очень вежливо и приветливо разговаривал со мной.

Со временем, когда закончился болезненный для меня период рождественских и новогодних праздников, у нас с Арнольдом продолжились мимолетные встречи. Иногда во время этих встреч компанию мне составляла моя подруга Лесли, а если она по какой-то причине не могла со мной пойти, мы встречались с Арнольдом наедине. Когда я приходила к нему домой и он выходил меня встречать, мы оба неизменно удивлялись проявлению тех чувств, которые притягивали нас друг к другу. Но какими бы ни остались наши чувства, мы старались вести себя предельно корректно и не допускать лишнего физического контакта. Я, конечно, была далека от мысли о том, что Арнольд был сторонником воздержания, хотя мне очень хотелось на это надеяться.

Шло время, и я постепенно пришла к мысли о том, что мне необходимо коренным образом пересмотреть отношения

с Арнольдом. Дело в том, что я и мой старый друг Боб решили реанимировать наши чувства, которые мы испытывали еще в колледже. Какими бы взрослыми мы ни были, иногда нам с Бобом было трудно приходить к взаимопониманию, и мы могли даже расстаться на время, чтобы каждый мог побыть в одиночестве и разобраться со своими эмоциями. Несколько лет мы с Бобом пытались наладить наши отношения, но все эти попытки не увенчались успехом. Тем не менее я очень благодарна Бобу за ту поддержку, которую он мне оказал в болезненный для меня период после расставания с Арнольдом.

Несмотря на то что с Бобом я виделась довольно часто, бóльшую часть времени я проводила в Западном Лос-Анджелесе. Я не отказывала себе в развлечениях и запросто могла вместе с друзьями сходить в кино, на ужин или в ночной клуб, где иногда удавалось даже встретить Арнольда. Однако из-за начавшихся отношений с Бобом я остерегалась сильно флиртовать с Арнольдом, чтобы не дать ему повода для сексуальной связи. Я видела, что мое поведение злило Арнольда и он никак не мог понять, почему наши несерьезные, на первый взгляд, отношения с Бобом исключали случайные связи на стороне. Но именно такой вид отношений устраивал нас с Бобом, и я не видела особого смысла нарушать наши с ним договоренности.

Столкнувшись с необходимостью пересмотра своего отношения к жизни и управлению эмоциями, я долгое время прослушивала свои старые магнитофонные записи, чтобы лучше разобраться в собственных переживаниях и чувствах, негативно влиявших на меня. В эти моменты я понимала, что могу исправить часть своих давних негативных переживаний, но, к сожалению, их было так много, что у меня просто не хватило бы сил на избавление от всего накопленного негатива.

Другой, более легкой задачей – особенно на фоне моих переживаний по поводу эмоциональной привязанности к Арнольду – стала интенсификация моей работы, и я специально брала как можно больше часов, чтобы загрузить себя по максимуму. Таким образом, практически все свое время я проводила в школе в Восточном Лос-Анджелесе, а по вечерам мне еще приходилось готовиться к сдаче дипломной работы и экзаменам на степень магистра. Помимо этого, дважды в неделю я вела вечерние занятия в Колледже Комптона, расположенном в Южном Централе Лос-Анджелеса. Свободное от работы время я старалась проводить со своей семьей, которая после потери Арнольда и Джеральда стала какой-то скучной. Если мне удавалось выкроить время, я встречалась со своей

подругой Лесли, с которой мы дружили настолько крепко, что она даже оставляла мне ключ от своей квартиры в Санта-Монике, так что я могла частенько ночевать у нее.

При таком интенсивном ритме жизни я все же старалась не упускать из виду карьеру Арнольда в мире кино. Да и разве я могла не интересоваться делами своего бывшего мужчины? Недостатка в новостях такого рода не было, и мне их исправно поставляли наши общие друзья и средства массовой информации. Исходя из полученных сведений, к которым добавлялись рассказы самого Арнольда во время наших коротких встреч, я могла наблюдать за отношениями Арнольда с женщинами. Детали этих взаимоотношений, которые становились мне известны от друзей и из прессы, заставляли меня по-другому взглянуть на поведение Арнольда во время нашего с ним романа. Арнольд тем не менее упорно придерживался той точки зрения, что в случайных связях нет ничего плохого.

Видя поведение Арнольда, я все время спрашивала себя: какие мне еще нужны доказательства его измен, раз его действия говорят красноречивее любых слов? По всему выходило, что все шесть лет наших отношений я прожила в дураках, и мне становилось гадко от этой мысли. Как ни больно было признаться в этом самой себе, но наконец-то пришло время покончить с этими негативными переживаниями.

Более того, для Арнольда я сейчас была одной из многих девушек, и он не особо скрывал от меня свои «подвиги» и при любом удобном случае делился своими любовными похождениями. Арнольд безо всякого стеснения рассказывал мне о своих новых девушках, большинство из которых были хорошо известными голливудскими тусовщицами и посетительницами тренажерных залов. Главным и единственным связующим звеном между ними и Арнольдом был секс, и Арнольд даже не собирался строить серьезные отношения с женщинами. Все отношения, если так их можно назвать, не шли дальше скоротечного секса и заканчивались так же быстро, как и начинались. Когда я видела всю эту смесь женского промискуитета и равнодушного отношения к женщинам со стороны Арнольда, это выводило меня из себя. Чувство недоумения и злости на Арнольда бередило старые раны в моей душе.

Постепенно я начала приходить к выводу, что мои отношения с Арнольдом были одной большой ошибкой. Все эти невеселые размышления приводили меня в расстройство, и я понимала, что не жила той жизнью, на которую рассчитывала, а просто заполняла собой свободное время Арнольда. Даже сейчас, после прекращения наших отношений, я продолжала считать, что мы

были прекрасной парой, и не рассматривала себя как просто одну из его девушек. Как оказалось, Арнольд любил вспоминать счастливые моменты нашей совместной жизни, но не особо стремился создавать их. Однако вместо того, чтобы сводить влияние Арнольда на свою жизнь к минимуму, я продолжала тешить себя бесплотными надеждами на возможную реанимацию наших отношений. Эти надежды появились у меня еще со времени прохождения первого тренинга *est* и отрицали возможность искоренения моей привязанности к Арнольду. Ситуация выглядела так, как если бы мое сознание не могло сбросить весь негативный груз по причине отказа выпускного клапана, и при этом Арнольд постоянно подкидывал мне очередные порции негативных эмоций.

Нельзя сказать, что моя жизнь состояла только из одних неприятностей, – одним из приятных для меня моментов стало получение степени магистра. Живя в доме у родителей, я смогла все силы бросить на подготовку к экзамену, и в этой подготовительной работе мне очень помог мой научный руководитель. В то время я активно занималась преподавательской деятельностью: дневные часы у меня уходили на проведение уроков в школе для выходцев из Латинской Америки, а вечером я перемещалась в Колледж Комптона, где обучались преимущественно чернокожие студенты. Но вне зависимости от места, где я проводила свои уроки, я всегда ощущала душевный подъем и чувство глубокого удовлетворения.

Когда я думала о будущей карьере, то ставила перед собой цель занять должность профессора в одном из окружных колледжей. Для того чтобы добиться этой цели, я стала рассылать свое резюме в ответ на объявления об открытых вакансиях, и через некоторое время мне пришло приглашение на собеседование из совершенно незнакомого для меня города Мурпарк.

Получив это приглашение, я поначалу испугалась, ведь помимо меня, скорее всего, свои резюме подала еще целая куча народу. Тем не менее надо было начинать практиковаться в прохождении собеседований, и мне было не так уж и важно, в каком месте состоится мое первое интервью. Если местом первого собеседования станет какой-то отдаленный городок с бродящими по нему коровами – то почему бы и нет? Тем более что я вдоволь насмотрелась на коров в доме у своих родителей, и этим меня нельзя было удивить. Мои друзья, слишком привыкшие к цивилизации, конечно, отговаривали меня от этого шага. Они говорили, что именно город, а не коровьи «лепешки», пробуждает интерес к жизни. Такие предостережения, однако,

не могли поколебать мою решимость пройти первое серьезное интервью, пусть даже и в небольшом, по меркам Лос-Анджелеса, городе.

Боже, как я устала в тот день! Больше всего меня вымотал сильный ветер, дувший с гор Санта-Ана, и я начала подумывать, что, пока не поздно, мне стоит отказаться от этого места из-за его недружелюбного климата: я просто не могла себе представить, как люди могут жить и работать в таких неблагоприятных погодных условиях. На следующий день мне позвонила мама и передала оставленное для меня сообщение: «Барбара, вы вошли в список из трех человек, с которыми будет проводиться еще одно собеседование президентом колледжа. Пожалуйста, перезвоните нам для обсуждения даты прохождения интервью».

Набирая номер телефона колледжа, я прикидывала в голове свои шансы на успех: один из нас троих получит эту работу, а двое других останутся у разбитого корыта.

Когда в следующий раз я ехала в колледж для прохождения финального собеседования, то была преисполнена решимости получить это место и решила на деле показать, что достойна этой работы.

Спустя пару дней после собеседования, заезжая на машине во двор нашего дома, я увидела маму, стоявшую на крыльце. Она махала руками и кричала мне:

– Барбара, тебя взяли на эту работу! Ты теперь профессор колледжа!

Услышав эти новости, я наспех выключила зажигание и поспешила к матери. Мы обнялись и расцеловались с ней, как это могут сделать только мать и дочь, а затем начали кричать и танцевать от переполнявшей нас радости.

Спустя некоторое время к нашему импровизированному празднованию присоединился отец, а я решила немного остудить голову и хорошенько подумать над полученной новостью. Для начала я провела инвентаризацию того, что у меня было в распоряжении на текущий момент. Во-первых, до окончания моего трудового контракта оставалась ровно неделя. Во-вторых, я жила в полутора часах езды от своего нынешнего места работы, и мне приходилось ездить туда на своей старой машине, в которой была установлена механическая коробка передач и совсем не было кондиционера. Ко всему прочему, у меня были обязательства по проведению одного вечернего урока в Колледже Комптона в Южном Централе и вечерних занятий в Калифорнийском университете. И это уже не говоря о том, что я подписалась на проведение вечерних занятий в одной из школ округа Вентура. Таким образом, три вечера в неделю у меня были

полностью расписаны, и мне надо было как-то умудряться выделять время в своем напряженном графике на общение с друзьями и родственниками. Общение с семьей было для меня особенно важно: после трагической смерти Джеральда моим родственникам требовалась дополнительная поддержка. Не самый близкий путь на работу и до предела заполненное преподаванием время, конечно, вызывали у меня определенное беспокойство, но я, закрыв глаза на трудности, решилась на изменения в жизни, которые неизбежно следовали за сменой места работы.

Излишне говорить, что первым человеком, с которым я хотела поделиться радостной для меня новостью, был Арнольд.

– Эта пиросто замичательно, Бар-бар-ха! Паздравляю тибя, моя дарагая! У миня у самого есть харошие новости для тибя! Думою, что мине могут дать роль в фильме «Злодей» с Киркам Дуглосом! Разви это ни замичательно?!

– Арнольд, это просто чудесно, – ответила я ему. – Но я очень взволнована своими собственными новостями, и они для меня важны настолько же, насколько съемки в фильме *Stay Hungry* были ценны для тебя! Ведь с ходу получить место преподавателя в окружном колледже не так-то просто, но мне это удалось! Сейчас я преподаватель колледжа! И мне очень хочется поделиться своей радостью с тобой.

На самом деле я бы хотела сказать в этом месте не «поделиться радостью», а «произвести на тебя впечатление», но благоразумно изменила фразу.

– Да, канечно, эта отчень и отчень харашо, Бар-бар-ха! Сигодня мы с тобой оба оказались в щастливчиках!

На пути к успеху, 1973

После такого разговора, пытаясь избавиться от мыслей о бесчувственном поведении Арнольда, я вновь погрузилась в свои размышления, и мне на ум стали приходить все новые

и новые вопросы. Что мне вообще нужно от Арнольда? Ну, как минимум не сравнение моих новостей о смене работы с его достижениями в Голливуде. Ведь в моем случае меня взяли на новое место работы, потому что я произвела хорошее впечатление своими знаниями и навыками. Разве Арнольд этого не понимает? Да и способен ли он вообще понимать такие вещи? С одной стороны, Арнольд был единственным человеком в мире, на которого я бы хотела произвести впечатление, с другой – у меня не было никакой уверенности, что я вообще когда-нибудь смогу это сделать. После таких грустных мыслей, промелькнувших у меня в голове, я почувствовала себя уставшей и опустошенной.

Пока я сидела и думала о своем текущем положении, фоном у меня играло радио, где выступала группа *Eagles* с одним из самых надрывающих душу хитов *Wasted Time*, и эта песня эхом отдавалась во мне. У меня складывалось впечатление, что Дон Хенли, должно быть, украл мое душевное состояние и наложил его на слова своей песни. «Ты обретешь то, к чему стремишься, детка, но и я не останусь в стороне и получу свое. Может быть, однажды мы поймем с тобой, что наша встреча не была случайной и ненужной». Да, точно, когда-нибудь, но не сегодня мы с Арнольдом поймем это. Сейчас мне было двадцать девять, и я уже ощущала себя старухой. Более того, я до сих пор не могла уяснить, чем же для меня была жизнь с Арнольдом и какова была ценность этих отношений. Сказать по правде, я уже привыкла к подобным переживаниям и даже научилась находить для себя слова утешения в таких ситуациях. Я успокаивала себя тем, что мне придется смириться с положением одинокой молодой женщины, у которой на горизонте пока не намечается мужчины, который бы повел ее к алтарю и от которого бы у нее были дети. К моему большому сожалению, я не видела выхода из этой ситуации, и мне лишь приходилось с горечью осознавать, что с каждым днем я все больше старею.

Были, правда, и хорошие новости. Так, к примеру, моим родителям удалось накопить достаточно денег, чтобы купить себе новую квартиру в Ирвайне, что в округе Ориндж. Теперь можно было сказать «прощай» дому престарелых и, по выражению моего отца, поприветствовать свою «крепость».

Покупка родителями квартиры удачно совпала с моими планами по приобретению недвижимости, и этому было свое объяснение. За то время, пока я жила у родителей и не платила за аренду квартиры, мне удалось отложить достаточно денег на первоначальный взнос за свое жилье. Перебирая разные варианты, я в итоге остановила свой выбор на небольшом доме

в городке Порт-Уэнем, ставшем для меня первым самостоятельно приобретенным жильем. Мне даже удалось обзавестись личной кредитной картой, которую я оформила в одном из пафосных мебельных магазинов Западного Лос-Анджелеса. Занимаясь вопросами обстановки своего нового дома, я смогла отвлечься от проблем и наслаждалась выбором мебели и работой над интерьерами. Чтобы получше украсить свое жилище, я подыскивала зеркальный кофейный столик, мягкий угловой диванчик и набор роскошных кресел, которые должны были хорошо смотреться с обеденным столом.

Но увлечение всеми этими зеркальными побрякушками в очередной раз напомнило мне о том, что с их помощью я лишь пытаюсь компенсировать свои разбитые надежды. Несмотря на решимость начать самостоятельную жизнь, мне тем не менее нечем было заполнить пустоту от отсутствия Арнольда. Мне ужасно хотелось делиться с ним даже мельчайшими новостями и событиями, о которых мне становилось известно. Арнольд играл большую роль в моей жизни, и в то самое время, когда я формировалась как личность, мне было не так-то легко избавиться от его влияния. Я чем-то напоминала маленького лебедя, который по незнанию и неопытности принимал утку за свою собственную маму, считая себя таким же неуклюжим и некрасивым, как она. Тем не менее я продолжала верить в то, что без помощи Арнольда не состоится мое превращение из утки в прекрасного лебедя.

Когда я решила отпраздновать День отца и заодно отметить свое новоселье, то не преминула пригласить на вечеринку и Арнольда.

Арнольд, как обычно, опоздал на вечер, и эта непунктуальность была одной из его особенностей, продолжавших выводить меня из себя. По большому счету Арнольд ценил только свое время, а время остальных людей его не особо заботило. Но в этот раз я отнеслась с пониманием к его опозданию: Арнольду пришлось целый час добираться до моего дома, чтобы присоединиться к нам. Поэтому, сменив гнев на милость, я приняла у него филодендрон, который он привез мне в качестве подарка, и ответила ему улыбкой, которая должна была означать: «Ну, посмотри на меня в моем собственном доме. Каково тебе видеть, что я могу заботиться о себе самостоятельно?»

В этот момент мне вспомнилась фраза, которую Арнольд сказал примерно через месяц после завершения наших отношений: «Я никогда бы тебя не бросил». Эти роковые слова преследовали меня с тех пор и заставляли меня считать, что

именно я несла ответственность за разрыв наших отношений. Зачем Арнольду тогда понадобилось говорить эти слова? Чего он хотел этим добиться? Показать, что, раз я сама пошла на разрыв отношений, мне и нести всю тяжесть одинокого существования без него? Но были ли у меня силы повернуть все вспять и начать с Арнольдом все заново? Нет, мы оба знали, что мне одной это было бы не под силу. Погруженная в свои мысли, я начала осматривать комнату с гостями и невольно задалась вопросом, как бы я себя сейчас вела, продолжай мы жить вместе с Арнольдом. Каково это – быть женщиной восходящей кинозвезды? На что бы я могла пойти, чтобы быть рядом с ним в этот момент? Я, конечно, понимала, что это невозможно в сложившихся обстоятельствах, но мысли из серии «а что, если…» продолжали крутиться у меня в голове.

Когда после завершения вечеринки все гости, включая и моих родителей, разъехались, Арнольд позволил себе отпустить очередной колкий комментарий:

– Знаешь, думою, что Стив Ривз правильно мыслит насчет женщин. Он всигда оценевает женщину по ее субам. И знаешь пачиму? Потому что сдоровье лубого человека сразу видно по его субам. Однажды, когда мне захочится завести дитей, я подыщу сибе самую здоровую женщину в округе, и она родит для миня.

Подобный комментарий просто ошарашил меня. Во-первых, у Арнольда уже появилась мысль о детях, и эта новость разбередила мою старую рану. Во-вторых, меня неприятно поразила крайняя степень эгоцентризма Арнольда, и я, не упустив случая показать всю неприглядность такого поведения, сказала ему:

– Боже, какой эгоизм!

В ответ на мое замечание Арнольд лишь запрокинул голову и рассмеялся.

Раздумывая над последними словами Арнольда, я пришла к выводу, что мне нужно любой ценой покончить со своей зависимостью от бывшего бойфренда. Более того, я лишний раз убедилась, что еще не встречала в своей жизни такого гипнотического и властного человека. Как бы я ни пыталась забыть Арнольда, его влияние на мою жизнь сохранялось, и я знала: помани он меня к себе обратно, я без особых раздумий вернулась бы к нему. Да, я вернулась бы к Арнольду, несмотря на его эгоизм и те страдания, которые он мне причинил.

Примерно через месяц после моей вечеринки я была приглашена на празднование дня рождения Арнольда. Отодвинув на задний план все свои переживания, я приняла это приглашение, лелея надежду на возобновление наших

отношений. Признаться честно, мне до сих пор был приятен вид его лица, мне нравилось слышать его голос и ощущать тепло его тела. Я думала, что наконец-то пришло время для продолжения нашей совместной жизни.

Поначалу, действительно, все шло чудесно, и я просто таяла под его могучими руками, втайне надеясь на силу сексуального влечения. Но на следующее утро сказка закончилась, и мне опять пришлось столкнуться с неприятной реальностью: Арнольд, проснувшись рано утром, молча встал и ушел за своей экипировкой для верховой езды. Для меня это означало лишь то, что мы продолжаем жить совершенно разными жизнями и у нас абсолютно разные цели. Да и кто я вообще такая, чтобы претендовать на его время?

Как бы то ни было, я все никак не могла выкинуть из головы Арнольда, как это непременно бы случилось с рядовым поклонником. Да и не так-то просто было спрятаться от его вездесущего образа, ведь Арнольд был повсюду: на рекламных плакатах, придорожных щитах, кассовых стойках, в телевизионных интервью, газетах и рекламных буклетах спортивных залов, его имя упоминали радиоведущие, ученики и мои коллеги. Я не могла скрыться от его образа и даже не могла себе представить, какой энергией он обладает. Закончилось это тем, что я стала ощущать себя так, словно моя голова была складом всего того, что так или иначе было связано с Арнольдом.

Я даже начала переживать, смогу ли когда-нибудь найти подходящую замену Арнольду и не проговориться при этом о своих прежних отношениях с ним. Мне было известно, что многие ребята пугались, как только узнавали о моей жизни с Арнольдом, да они и не понимали, каким образом могли бы заменить собой его. Поневоле я начала волноваться по поводу пророческих слов Арнольда, сказанных им однажды, общий смысл которых был таков: ты никогда не найдешь себе мужчину, который бы смог меня заменить. Судя по всему, Арнольд был прав: моя давняя романтическая связь со школьным другом развалилась очень быстро, а у меня так и не было ни мужчины, ни даже намека на детей. Все, что у меня было, – мои тридцать лет, которые не добавляли мне живости и привлекательности.

Может быть, мне нужно обратиться к Богу…

Со времени прохождения тренинга *est* я серьезно пересмотрела свои агностические убеждения. Наши преподаватели во время семинаров часто обращались к теме Бога, и это позволило мне рассматривать Бога как концепцию. Вернер Эрхард даже советовал нам представлять Бога в виде «черной женщины», чтобы получить возможность пересмотра своей

концепции бытия. Ведь если я не могу равняться на своего бывшего мужчину, кто еще, кроме Бога, достоин того, чтобы обратиться к нему за помощью? Может быть, я смогу найти свой путь к этой «старой черной женщине» и обрести успокоение? И кто знает, возможно, обретение Бога в моем сердце сделает мою жизнь более яркой, чем была жизнь с Арнольдом? Решив, что в любом случае мне стоит попытаться, я ступила на путь обретения Бога.

Судьбе, однако, было угодно, чтобы я пала еще ниже, прежде чем обратиться в новую для себя веру. Мое падение состоялось одним летним вечером, когда я отдалась чувствам и приехала к Арнольду в гости. Я тогда была настоящей девушкой из семидесятых – открытой миру и желавшей провести хорошую ночь со своим бывшим мужчиной. Разве мог кто-то запретить мне проводить время с Арнольдом так, как мне вздумается? После бурных объятий и грандиозного финала я испытала сильную тревогу. А случилось вот что: я почувствовала, как Арнольд потихоньку, чтобы не разбудить меня, встал с кровати и направился в ванную комнату. Как только он вошел в ванную, до меня донесся шум льющейся воды, а я так и продолжала одиноко лежать в постели, притворяясь спящей, и лишь кровь билась у меня в висках. Мне больше ничего не оставалось, кроме как лежать в кровати и слушать, как Арнольд тайком принимает душ.

Выйдя из ванной и прокравшись в комнату, Арнольд накинул на себя одежду и своими тайными действиями продемонстрировал несколько больше, чем мужественность. Своими уловками он показал, что принял душ перед назначенным на поздний вечер свиданием, и мне стало предельно ясно: я должна немедленно уйти из его дома. Никогда в жизни и ни к одному человеку я не чувствовала такой ярости, какую в тот момент испытала к Арнольду. Униженная, изрыгая проклятья в адрес бывшего, я пошла на поиски своей машины, чтобы поскорее убраться из этого места. Мне хотелось выть от нанесенной обиды, и я начала убеждать себя и «черную женщину Бога», что рано или поздно найду средство излечить свои душевные раны.

Очень скоро я начала адресовать свои мольбы в неизведанный пока для меня мир, а внутри меня какой-то голос, больше похожий на голос Тины Тернер, пел псалмы. В это время в моем сознании начали проступать образы Христа, знакомые мне с детства: куча детишек у Его ног и умножение хлебов. В то время, чтобы сконцентрировать внимание и достичь душевного спокойствия, я практиковала медитацию, следила за дыханием

и произносила мантру «Ом». Я изучала речи и церемонии различных мистических движений, понимая, что все они так или иначе ведут к одному Источнику. Во время занятий духовными практиками я получала возможность стать на один шаг ближе к Богу.

Тренинги личностного роста, обучающие книги, магазины органической пищи, тренировки по методу Рольфинга и Хеллера, марихуана, бассейны Самадхи, женские группы, гуру, холотропное дыхание, ашрамы, храмы, церкви – всему было место в моей записной книжке и в моем сердце.

Однажды со мной произошло событие, которое стало возможно благодаря стечению обстоятельств, но я долгое время рассматривала его как чудо. Случилось все следующим образом: у меня была близкая подруга детства Линн, с которой я дружила крепче всего. Линн, так же как и я, пережила разрыв со своим мужчиной, и нам с ней всегда было о чем поговорить. Однажды наша общая подруга Дорин, ставшая в свое время моей спутницей в европейском турне, пригласила нас с Линн принять участие в ежегодно устраиваемом мероприятии *Day at the Del Mar Races*.

Перед тем как сесть в гоночную машину, мы с подругами пару раз затянулись марихуаной, ставшей с недавнего времени средством постижения окружающего нас мира. В машине Дорин у нас с девчонками завязалась горячая дискуссия на тему Бога. Дорин, недавно приехавшая с острова Оаху Гавайского архипелага, объяснила мне, что Христос был Богом, а я лишь пытаюсь найти Его следы в разных религиозных течениях. В этом споре каждая из нас пыталась защитить свою точку зрения и перетащить оппонента на свою сторону.

В какой-то момент, восхваляя Бога как истинную любовь, я вдруг почувствовала, что начала отделяться от своего тела и взлетать ввысь, становясь все легче и тоньше. Я взмывала в небо со скоростью света и скоро превратилась в тончайшую белую нить, находившуюся посреди множества таких же белых нитей. Стоило мне лишь оглянуться вокруг себя, как я поняла, что именно таким образом меня видит Бог, что все люди представляют собой единое целое и соединяются в Нем, что есть один бесконечный Источник и что Его любовь блаженна.

После «возвращения» назад, в машину к Линн, из моих глаз бурным потоком хлынули слезы радости. Что же это такое со мной было? Какая-то химическая реакция или что-то другое? Не зная, как объяснить произошедшее со мной, я тем не менее обрела уверенность в правильности выбранного мною пути. Мне было уже неважно, что это было – иллюзия или метафора, явь или вымысел, – но я получила награду за свои труды по поиску Бога.

В тот день я не чувствовала себя частью толпы, присутствующей и играющей на скачках. Пытаясь объяснить самой себе необъяснимое, я ощутила себя потерянной. Все мои друзья знали, что Бог для меня умер ровно в тот день, когда в Далласе убили Джона Кеннеди, и всем было прекрасно известно, что с тех пор я никогда не обращалась к теме Бога. Но несмотря на все это, я могла сейчас с уверенностью сказать, что ощутила на себе дыхание Бога и всю глубину Его промысла.

Ну что сказать, Бог пришел, Арнольд ушел – такой расклад меня устраивал, и я была рада тому, как завершался год. Как раз в это время мои друзья готовили новогоднюю вечеринку, и я получила предложение присоединиться к этому мероприятию. В тот вечер я пришла со своим новым парнем по имени Рич, отдаленно напоминавшим олимпийского пловца Марка Спитса, хотя я, конечно же, искала не копию Марка, а человека, способного заменить в моей жизни Арнольда.

Собравшиеся на вечеринке гости не обошли стороной Арнольда и вовсю подшучивали над ним. Кто-то даже пародировал Арнольда и, подражая его немецкому акценту, веселил присутствующих:

– Я пуду виличайшей киназвездой! Точно вам говорю – нато лишь падаждать! Я крутой парень!

– Конечно, станешь! – говорили одни.

– Да он же даже тыкву не сможет сыграть! – отвечали другие.

Так мы стояли и смеялись над человеком, чья карьера действительно шла в гору, а мы оставались далеко позади него.

Под самый занавес вечеринки меня отозвал в сторону один из парней и сказал мне то, что я меньше всего ожидала услышать. Молодой человек поведал мне, что Арнольд, оказывается, с удовольствием делился с друзьями подробностями нашей интимной жизни и абсолютно этого не стеснялся.

Шокированная этими новостями, я не смогла ничего ответить на подобные заявления. Все, что меня волновало в тот момент, – что Арнольд трепался о наших интимных отношениях! По большому счету меня не особо интересовали подробности его рассказов – мне достаточно было и того, что я услышала. Я никак не ожидала подобного развития событий, и мне трудно было представить, что наша интимная жизнь станет объектом пересудов в тренировочном зале Арнольда. В этот момент я осознала, что имела дело с диким животным, неспособным контролировать свое поведение. Как же такое могло произойти? Несмотря на то что я не могла ответить на этот вопрос, я точно знала, что не хочу быть объектом насмешек для друзей Арнольда.

Извинившись перед друзьями и Ричем, я уехала с той

вечеринки, так как мне были неприятны комментарии по поводу бывшего бойфренда. В тот момент еще нельзя было сказать, как будут разворачиваться дальнейшие события, но именно тогда у меня зародилось ощущение «жизни в тени Арнольда». В новогоднюю пору я жалела себя и, конечно же, очень жалела Рича. А в сам Новый год мы с Арнольдом окончательно простились, и на прощанье я сказала ему:

– Заткнись и держись от меня подальше.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Когда-то Арнольд был моим парнем, а сейчас он стал губернатором Калифорнии, и поэтому, пользуясь удобным случаем, я задала ему вопрос, что ему нравится делать на новом месте больше всего и какие задачи ему по душе.

– Могу сразу сказать, что моей любимой задачей является формирование крепких команд, и, на мой взгляд, это очень тяжелый труд. Не секрет, что одной из самых больших проблем в нашей жизни является непонимание: люди просто не умеют слушать и слышать друг друга и не способны принять чужое мнение. Возьмите вопросы религии, политики, экономики, и вы везде найдете примеры непонимания, и я думаю, что главное в жизни – это понять точку зрения другого человека. И неважно, что ты можешь не соглашаться с этим человеком по каким-то вопросам, – важно понимание. Следующим шагом на пути решения проблемы является поиск компромиссов, и это может выглядеть не так, как хочешь только ты, ведь тебе необходимо учитывать точку зрения других людей.

Любому человеку, как ты понимаешь, приятна победа… И неважно, как много посторонних людей сидит перед тобой, главное – найти что-то общее с этими людьми.

Арнольд добавил, что его тесть Сарджент Шрайвер часто говорил ему:

– Постарайся найти что-то общее с человеком, и совершенно неважно, что это будет – рыбалка, воспитание детей или футбол. Если ты сможешь отыскать с ним нечто общее, вы сможете сделать вместе кучу дел.

Слушая речь губернатора, я поймала себя на мысли, что однажды, в далеком 1969 году, мне тоже удалось найти что-то общее с Арнольдом.

Арнольд пишет книгу

Определившись для себя, что обустройство своей жизни будет самой болезненной местью Арнольду, я решила стать настоящей женщиной и с этой целью начала посещать семинары по расширению сознания. После этих семинаров я стала с удовольствием обращаться к скрытым ресурсам своего разума, и все это происходило на фоне моей обычной работы, чтения книг и попыток помочь самой себе пережить трудный период в жизни. Результатом этих усилий стало ощущение того, что я наконец-то смогла мысленно отделить себя от Арнольда и начать преображаться в настоящую женщину. Мне, конечно, приходилось испытывать на себе влияние Арнольда, но сейчас я уже была подготовлена и когда видела его, то не представляла себя рядом с ним и не расстраивалась по этому поводу.

По правде сказать, непрерывное обучение стало для меня делом всей жизни, и я не мыслила себя вне этого процесса. Так, например, при помощи своих коллег по колледжу и посредством участия в различных семинарах мне удавалось знакомиться с интересными людьми. Мои подруги стали для меня «женщинами», и мы поддерживали друг друга в нашем стремлении к саморазвитию. С другой стороны, мои приятели мужского пола стали для меня «мужчинами», хотя для меня было странно такое разделение. Во многом мои затруднения с определениями были вызваны тем, что семидесятые подошли к концу и на смену им шли восьмидесятые, принесшие с собой полную неразбериху во взаимоотношениях полов. В то время я обнаружила, что мне легко пускать мужчин в свою жизнь – встречаться, общаться и флиртовать с ними. Но одновременно это означало и то, что мне трудно забыть некоторых из этих мужчин, что такие легкие отношения приводят к распаду уже сложившихся пар и что мне все равно приходится «заедать» свои разочарования.

Мои душевные метания, однако, были вознаграждены. На одной из конференций по холотропному дыханию я познакомилась с мужчиной и сразу же была очарована его детской непосредственностью и хорошим чувством юмора. Ко всему прочему, Норм высказал предложение дополнительно проработать наши интимные переживания и дал понять, что может дать отпор любым поползновениям Арнольда в мой адрес. Наши откровенные беседы позволили нам найти в себе силы для продолжения поисков истины, и мы с Нормом проводили бесценные часы за обсуждением вопросов о смысле жизни.

Несмотря на то что никто из нас не знал, каким образом построить отношения, мы тем не менее провели с Нормом незабываемый год.

Хотя мы с Нормом смогли быстро найти общий язык, мне потребовалось какое-то время для того, чтобы собраться с духом и рассказать ему о своих отношениях с Арнольдом. Я понимала, что такие новости неприятно удивят Норма, и тому было свое объяснение: нельзя было найти двух более непохожих друг на друга людей. По большому счету Норм на фоне Арнольда выглядел примерно так же, как дельфин на фоне акулы. Узнав про Арнольда, Норм шаг за шагом расспрашивал меня о моих бывших отношениях, и с меня постепенно сходило то наваждение, которое наводил на меня Арнольд.

Любой человек – и я не исключение – представляет собой сумму опыта, который он успел получить за свою жизнь, и, раз уж Арнольд оставил заметный след в моей жизни, я была благодарна ему за тот бесценный опыт, который получила от общения с ним. Как видно, я делала определенные успехи в избавлении себя от своего бывшего бойфренда и постепенно расставалась с пустыми надеждами и иллюзиями. Немаловажным было и то, что мне удалось смирить свой гнев и унять свою ярость и сейчас я трезво смотрела на жизнь. По совету Норма я простила Арнольда и стала спокойно воспринимать шесть лет нашей совместной жизни, в процессе которых «икона» бодибилдинга в своих целях использовал мои способности.

Во время нашего общения с Нормом я поняла, что обвинения в сторону Арнольда были лишь способом выплеснуть жалобы, но Норм всегда напоминал мне, что и я играла определенную роль в этих отношениях. Мне пришлось простить и себя за привязанность к Арнольду, и это дало мне мощный стимул к исцелению душевных ран. Как мне тогда казалось, я была близка к выздоровлению и с легкостью могла залечить свои самые глубокие обиды, но выяснилось, что я была лишь в самом начале пути к обретению душевного спокойствия.

За то время, пока мы общались с Нормом, Арнольд и я узнавали новости друг о друге через наших общих друзей и знакомых. До меня дошли слухи, что Арнольд продал свой дом, где мы с ним жили, но при этом арендовал в нем квартиру. Деньги от продажи дома он пустил на покупку офисного здания на Мэйн-стрит в Санта-Монике. В остальных делах у Арнольда тоже был полный порядок: он водил «мерседес» самой последней модели и крутил роман с дочерью адвоката из Беверли-Хиллз. Во имя протеста против интеллектуальной деградации общества я перестала смотреть телевизор, но от своих знакомых узнавала

о появлении Арнольда в различных передачах. Нетрудно было догадаться, что его карьера шла в гору такими темпами, что за ним уже нельзя было угнаться.

Это трудно признать, но в какой-то момент я стала антипоклонницей Арнольда, и больше всего удовольствия мне доставляло выслушивать различные сплетни о его последних похождениях. Но странное дело, впитывая слухи об Арнольде, я все больше убеждалась в том, что мы с ним были абсолютно разными, и мне было трудно поверить, что я когда-то жила с этим человеком. У меня складывалось впечатление, что Арнольд был словно из другого времени, – да что там времени, он был словно с другой планеты. Ну а мне не оставалось ничего другого, кроме как научиться жить настоящим. При этом я задавалась вопросами: каково мне будет налаживать новые отношения и как мне сказать своему новому мужчине о связи с Арнольдом?

Одной из немногих, с кем я могла поделиться своими переживаниями, стала Саша, бывшая жена Сильвестра Сталлоне. Нам с ней было о чем поговорить, ведь она недавно пережила развод со Сталлоне, причиной которого стала его роль в фильме «Рокки». Саше приходилось трудно в то время, и она не знала, каким образом ей вернуться к своей обычной жизни. Постразводная ситуация усложнялась тем, что у Сильвестра и Саши были общие дети, но, поскольку я сама не сталкивалась с этим, мне было трудно что-то посоветовать. Наше общение с Сашей, правда, очень быстро закончилось, потому что она не хотела преодолевать предубеждение против бывшего мужа и я предоставила ей возможность самостоятельно разбираться со своими проблемами.

Испытывая постоянную потребность в саморазвитии, я стала посещать семинары, на которых практиковались методики «осознанных сновидений» малазийских индейцев из племени сенои. Представители этого племени верили, что любой человек может улучшить и сделать насыщенной свою повседневную жизнь при помощи соединения реальных событий и сновидений. Если, к примеру, человека что-то беспокоило во сне, он мог найти и устранить причину беспокойства посредством специальной техники визуализации. Когда я начала практиковать методики «осознанных сновидений», то поначалу не могла избавиться от двух повторяющихся тем – богатого и благополучного города Сан-Марино, из которого нам пришлось когда-то уехать, и, конечно же, Арнольда. Не было ни одной ночи, когда Арнольд не появлялся бы в моих снах. Обычно он приходил ко мне во сне в двух образах – героя-любовника и дикого зверя. Если я успевала проснуться в это время, то могла легко побороть свое волнение,

но в моих снах мне самой, к сожалению, всегда отводилась лишь роль молчаливой жертвы. Столкнувшись с такой проблемой, я решила, что пришло время преодолеть свои страхи и разобраться с образами, вызывающими у меня беспокойство.

Как-то раз, сидя на стуле, я начала пробовать свои силы на новом для меня поприще «осознанных фантазий». *Давай Барбара, вспомни чудесный город Сан-Марино. А теперь возьми в руки лазер и сожги все, что лежит вокруг. Да, вот так. Вычеркни из своей жизни этот город, вычеркни всех этих снобов, сравняй его с землей. Порви все связи с этим богатым городом, которые продолжают подпитывать твое чувство незащищенности. Вот видишь, это было легче, чем ты могла подумать. Теперь переходи к Арнольду. Выкинь его из своей головы! Давай, действуй!*

Внезапно для самой себя я увидела перед собой фигуру Арнольда, стоявшую на подвижной платформе в холле большой гостиницы. Когда Арнольд начал прохаживаться вдоль платформы, я кинула ему в сердце воображаемую гранату и увидела, как от взрыва он разлетелся на бескровные куски. Но в эту минуту фигура Арнольда, собравшаяся из раскиданных в округе кусков его тела, продолжила движение в мою сторону. Я бросила еще одну гранату и увидела, как он снова распадается на части, но немного погодя опять собирается в единое целое и упорно продолжает идти ко мне. Так продолжалось очень долго: Арнольд появлялся снова и снова. Я кидала гранаты так быстро, как только могла, наблюдая за тем, как его фигура разлетается на бескровные части. В конце концов платформа, вдоль которой прокладывал свой путь Арнольд, куда-то исчезла. Арнольда больше не было, а я завершила эту битву победой.

После того как бой был окончен, я мысленно приказала себе собрать «останки» Арнольда и отправить их на удобрения. Затем я представила себе бескрайние поля, засеянные цветами, неподалеку от города своего детства. Щедрой рукой я рассыпала цветы по территории уничтоженного мной Сан-Марино, и стоило только луковицами попасть в землю, как они начинали прорастать, давая такое буйство красок, которое даже трудно себе представить. После таких фантазий я еще долгое время не возвращалась к теме Арнольда и Сан-Марино.

Другим моим любимым развлечением, помимо развития у себя альтернативных способностей восприятия, стал автоответчик, и как-то раз, прослушивая записи, я наткнулась на сообщение, оставленное мне Арнольдом. Несмотря на то что его акцент смягчился, я тем не менее слышала ошибки в его речи: «Бар-бар-ха, эта Арнольд. Мы не разгаваривали с табой долгое время, и я решил пазванить, чтобы узнать, как ты паживаешь».

Прослушав эту запись, я просто не поверила своим ушам. После того как я высказала Арнольду свои обвинения около десяти месяцев назад, мне казалось, что мы больше никогда не будем разговаривать друг с другом. Сейчас передо мной стояла дилемма: открывать или нет ящик Пандоры. Сказать по правде, для меня это был непростой выбор, ведь, открывая этот ящик, я могла столкнуться как с бедой, так и с надеждой. При помощи Норма, своих родственников и друзей, приободривших меня в трудный момент, я все же решилась перезвонить Арнольду, рассчитывая на то, что смогу в любой момент захлопнуть крышку ящика. В тот раз я чувствовала себя спокойно и уверенно – словно между нами не было ссор и долгого перерыва в общении. Я представила, что на встречу меня пригласил старый приятель, с которым мы решили просто сходить в ресторан *The Palm*, обычное место встречи голливудских звезд.

На встречу с Арнольдом я решила не опаздывать. Для начала я зашла в бар, расположенный здесь же, устроилась на стуле и, вне себя от страха, стала поджидать своего бывшего бойфренда. Сперва я даже вообразила, что Арнольд решил разыграть меня и отомстить за пренебрежительное отношение к нему, которое я демонстрировала, но я продолжала надеяться на лучшее и не сдвигалась со своего стула. Чтобы развлечь себя и скоротать минуты ожидания, я озиралась по сторонам и с удовольствием потягивала минеральную воду «Перье». Спустя некоторое время в бар вошел Арнольд и поспешил ко мне, рассыпаясь в извинениях. После того как с любезностями было покончено, мы проследовали к заказанному Арнольдом шикарному столику, который, по всей видимости, должен был продемонстрировать его успешность в делах. Я обратила внимание, что даже поведение Арнольда за столом изменилось в лучшую сторону, а над его костюмом явно поработал профессиональный портной. Пока я делала свои наблюдения, мы с Арнольдом беспрерывно болтали, делясь друг с другом последними новостями. Надо сказать, что во время того разговора преобладали темы из жизни Арнольда, ну а я лишь старалась не упустить удобного случая, чтобы поделиться переживаниями о тренингах личностного роста, преподавательской деятельности и своих родственниках.

Арнольд без стеснения рассказывал мне о своей новой подружке Сью, которая, судя по всему, была спортивной и настойчивой девушкой. Арнольд не просто рассказал мне о Сью, но и поделился со мной их планами покататься на горных лыжах и сходить на яхте в море. При этом он рассказывал о Сью так, что у меня невольно складывалось впечатление, будто у Арнольда никогда прежде не было друга, с которым бы он так развлекался.

Но что больше всего меня задело, так это то, как Арнольд превозносил ее умение писать благодарственные письма. Это что же получается, Арнольд рассматривает написание писем как новый талант у девушек? Однако, несмотря на недовольство, которое у меня появилось во время нашего разговора, я не могла не признать, что Арнольд дорожит отношениями с этой девушкой и что общение с ней приносит ему положительные эмоции. А еще я очень надеялась, что ей удастся наконец-то совладать с самонадеянностью Арнольда, но при этом понимала, что Сью просто «отпустила поводок» чуть больше, чем это сделала я в свое время.

Во время нашего разговора Арнольд упомянул о том, что станет соавтором книги со своей биографией, которая должна выйти из-под пера Дугласа Кента Холла. Тогда же Арнольд упомянул, что обязательно посвятит мне в книге несколько слов, и я даже слегка растаяла после такого признания. После того как Арнольд рассказал про книгу, он перевел разговор на обсуждение наших отношений и сказал, что я была ценна для него и что он осознал всю важность тех вопросов, которые касались его сексуальных похождений на стороне. Арнольд был уверен, что недоразумения с его сексуальной жизнью были единственной причиной, по которой распались наши отношения. Я была просто поражена его анализом и согласилась с высказанными им предположениями.

Спустя неделю я получила почтовый пакет, в котором лежала первая книга моего бывшего бойфренда под названием «Арнольд: воспитание бодибилдера». Я внимательно изучила заглавную фотографию Арнольда, на теле которого мне была известна каждая вена и впадинка. Пока я рассматривала изображение бывшего любовника, у меня в голове вертелись вопросы: «Что мне со всем этим делать?» и «Что он там написал?«Открыв книгу, я обнаружила дарственную надпись, которую Арнольд сделал своей рукой: «Мне всегда было приятно быть рядом с тобой, и я надеюсь, что нас ожидает еще много приятных встреч. Я рад тому, что могу снова общаться с тобой, и могу сказать, что сейчас ты выглядишь так здорово, как никогда прежде. Я очень рад за тебя и надеюсь увидеть тебя после моего возвращения. С любовью, Арнольд».

В приступе эгоизма я стала искать в книге строки, которые Арнольд посвятил мне, и на сто десятой странице наткнулась на пассаж, в котором он объяснял свое нежелание строить серьезные отношения до тех пор, пока не «встретил девушку, способную его изменить». Дальше Арнольд писал, что он был очарован моей природной мягкостью и целостностью и что я

с самого начала воспринимала его «человеком, а не бодибилдером». Мне очень понравилось описание тех чувств, которые испытывал ко мне Арнольд: «Я постоянно говорил о Барбаре и постоянно хотел ее… Внутри меня бурлил какой-то удивительный эмоциональный коктейль, и я даже спрашивал себя: что со мной происходит? Почему я все время говорю об этой девушке? Все, что я знал, – что рядом с этой девушкой я смогу испытывать те чувства, которых избегал все эти годы… Проще говоря, я хотел быть рядом с ней». Дальше Арнольд продолжал: «Мне сейчас трудно это осознать, но когда-то я ощущал нечто большее, чем просто физическая близость с кем-то. Сказать по правде, мне это нравилось, и я был счастлив».

Прекращению наших отношений Арнольд посвятил целых две страницы, и вот как он это описывал: «Это было очень сложное для меня время, и я просто разрывался на части от непривычной для меня ситуации. Я чувствовал, что теряю что-то хорошее, нечто такое, что сохраняло целостность моей личности. Барбара открыла мне глаза на то, что необходимо уважать женщин, и эмоционально я хотел остаться с ней, но разум подсказывал мне, что это невозможно».

Самая же горькая пилюля была припасена напоследок: «Я понял всю ценность отношений и то, что они привносят смысл в твою жизнь и успокаивают душу». На этом месте я в задумчивости закрыла книгу.

Арнольд отправил копию книги не только мне, но и моим родителями, и сделал он это, по всей видимости, для того, чтобы смягчить свою вину за то, что не женился на их маленькой дочурке. Мои родители утратили всякую надежду на наш брак с Арнольдом сразу же после того, как эту надежду потеряла я, но моя мать никогда не прекращала общения с Арнольдом. Мама всегда отправляла ему поздравительные открытки, приуроченные к разным событиям, и не забывала поздравить Арнольда с Рождеством и днем рождения. Арнольд, в свою очередь, всегда присылал моей маме небольшие подарки из своих поездок. Мама всегда хотела прогуляться «по улицам, где ходил Иисус», и поэтому самым лучшим подарком от Арнольда была для нее Библия, присланная им из Израиля.

После получения этой Библии мама позвонила Арнольду, чтобы лично поблагодарить его за подарок, а заодно пригласила его погостить в своем новом доме, и Арнольд не раздумывая согласился приехать к нам, как только у него появится свободное время.

Пару месяцев спустя мама встречала Арнольда у двери нашего дома:

– *Превет!* Входи и чувствуй себя как дома!

После приветствия Арнольд переступил порог нашего дома, сопровождаемый Сью, своей матерью и ее австрийским другом Францем. Что касается Сью, то мы с ней познакомились на прошлом дне рождения Арнольда и поэтому не испытывали и тени смущения во время общения. После дружеских объятий с Арнольдом я поспешила к его матери Рели, которую я навсегда запомнила как *Mutti*. Мама Арнольда представила меня своему спутнику Францу, смущаясь при этом, словно шестнадцатилетняя девушка.

Что касается моей собственной мамы, то она была на седьмом небе от счастья, принимая Арнольда в своем новом доме, а мой отец был ужасно горд тем, что смог обеспечить покупку этого нового дома для своей семьи. Как только первая радость от встречи немного улеглась и все расселись по местам, я подумала: «А что мне сейчас делать, ведь с момента нашего расставания прошло много времени? Как я должна себя вести в присутствии Сью, ведь между нами стоял „наш“ мужчина? Может быть, я должна держать известную дистанцию и не позволять себе вольностей при общении с Арнольдом и Сью? Могу ли я называть мать Арнольда *Mutti* или должна использовать ее настоящее имя?» Надо сказать, что мама Арнольда настаивала на том, чтобы я называла ее *Mutti*.

С подготовкой празднества никаких проблем не было: моя мама постаралась, чтобы у гостей не было недостатка ни в еде, ни в развлечениях. Для начала мама подала легкие закуски, затем мы собрались вокруг пианино и развлекались пением, а потом начали играть в шарады. Примерно к середине вечера я поймала себя на мысли, что начинаю ревновать Арнольда к Сью и испытывать к ней негативные эмоции: «Эй, я знаю маму Арнольда куда лучше, чем ты», «Твои ляжки, определенно, больше моих!», «А ты, оказывается, настырная!» Хотя поначалу я всеми силами старалась вести себя взвешенно и спокойно, очень быстро меня охватил азарт соперничества с новой девушкой Арнольда. Так, например, когда я слегка поддела Арнольда по поводу того, что он не умеет танцевать, Сью парировала мою колкость и ответила:

– Что с тобой, Барбара? Он же прекрасно танцует!

– С каких это пор Арнольд стал хорошо танцевать? – поинтересовалась я у Сью, вспоминая его неловкие ужимки на свадебных вечеринках.

После такого обмена «любезностями» со Сью я быстро пришла в норму, взяла себя в руки и задалась вопросом: «Как же я должна вести себя с той, которая заняла мое место?»

Стоило мне только задать себе этот вопрос, как я сразу же вспомнила прием, который использовали Арнольд и Франко, когда им надо было кого-то урезонить. *«Заткнись, Барбара! Запомни, Арнольд больше не твой парень, поэтому оставь при себе этот фамильярный тон! И на всякий случай держи язык за зубами».*

В тот день, как никогда прежде, мне хотелось, чтобы со мной рядом был мой хороший друг Норм. Но он, к сожалению, был далеко от меня, и мне пришлось в одиночку иметь дело с парочкой Арнольда и Сью. Под конец вечера я погрузилась в какое-то созерцательное состояние и отстраненно наблюдала за тем, как веселятся Арнольд и Сью. Смотря на *Mutti,* я видела, что она стала более спокойной, чем пару лет назад. От моего внимания не скрылась и Сью и ее игривое поведение с Арнольдом, который взял на себя управление всеми развлечениями и не давал гостям засиживаться на одном месте. Я наблюдала и за своим отцом, который был рад принимать в своем доме восходящую кинозвезду. Странно, но все увиденное в тот день не вызывало у меня ровным счетом никакого отторжения, и я принимала все происходящее как данность.

Я понимала, что мы с Арнольдом выбрали тот путь, который больше всего подходил каждому из нас. Я выбрала для себя путь философских размышлений и самопознания, а Арнольд посчитал, что ему больше по душе быть рядом с неистовой амазонкой. С моей точки зрения, выбрав Арнольда, Сью совершила ошибку: вместо того чтобы ограничивать его любовные похождения, она изначально согласилась на свободные отношения, которые лишь подстегивали желание Арнольда удовлетворять свои сексуальные потребности на стороне.

Я считала, что Арнольду требуется кто-то, кто сможет уравновешивать его темперамент, смягчать его чувственные импульсы и воспитывать его. Справиться с такой непосильной задачей была способна только девушка, которая привила бы Арнольду традиционные ценности, а без наличия подобной уравновешивающий силы Арнольд мог без лишних стеснений потакать тайным желаниям своего бессознательного. Пока я была рядом с Арнольдом, я пыталась хоть как-то ограничивать его похождения, но со Сью он мог делать все, что ему вздумается. По всему выходило, что намерения Сью каким-то образом совпадали со стремлениями набирающей силу новой голливудской звезды.

Мое недоумение лишь возросло, когда один из приятелей дал мне почитать порнографический журнал *Oui* с опубликованным в нем интервью Арнольда. Я просто не могла поверить своим

глазам: неужели Арнольд мог так низко пасть, что снизошел до интервью для подобных журналов? В своей статье журналист приводил слова Арнольда о том, что бодибилдеры используют женщин для удовлетворения своих сексуальных потребностей, нисколько при этом не заботясь о самих женщинах. Когда я читала это интервью, то задавалась вопросом: Арнольд окончательно выжил из ума, раз говорит такое? Даже если представить, что его откровенные и шовинистические высказывания в адрес женщин были правдой, я все равно никак не могла поверить в то, что такая, с позволения сказать, «реклама» улучшит имидж Арнольда. Я, конечно же, знала, что Арнольд при случае может пофлиртовать и набить себе цену, и не раз заставала его за этим занятием. Но сейчас я была раздражена комментариями Арнольда в адрес всех женщин, и они меня неприятно удивили. Подобные заявления можно было услышать только от очень недалекого человека, и мне стало понятно, что Арнольд окончательно пошел в разнос. Я никак не могла взять в толк, зачем он вообще дал это интервью и что его подвигло на такую откровенность с читателями. Единственным объяснением этого интервью могло стать то, что читателей мужского пола, воспитанных в старых моральных традициях, в словах Арнольда привлекала беспечность, с которой он говорил о женщинах, по сути дела, устанавливая новые стандарты поведения во взаимоотношениях полов.

Дочитав интервью, я лишь потрясла головой и пришла к выводу, что без моего влияния Арнольд окончательно съехал с катушек. Тем не менее я хранила свои мысли при себе и, когда мне удавалось поболтать по телефону с Арнольдом, ничего ему не говорила. Самыми горячими темами у нас тогда были мой разрыв с Нормом и желание Арнольда продолжить обучение в Университете Висконсина.

Другой частой темой наших разговоров была кинокарьера Арнольда, и он рассказывал мне, что может получить роль в фильме *Conan the Barbarian*. Этот фильм, говорил Арнольд, должен был помочь ему окончательно закрепиться в Голливуде и упрочить свои позиции на «фабрике грез». Во время этих разговоров мне казалось, что я говорю не с Арнольдом, а с греческим атлетом, пожелавшим одержать победу в состязании с богами. Тема саморазвития была близка мне в то время, и по этой причине я ощущала душевный заряд Арнольда: идти вперед, преодолевая трудности, и добыть себе божественную силу. Переняв всю силу образа Конана, Арнольд без лишних раздумий прокладывал себе путь к конечной цели, и для меня он представлял современное воплощение Геракла – получеловека-

полубога.

Единственным человеком, который мог вернуть Арнольда с небес на землю, была моя мать, и те добрые отношения, которые они поддерживали друг с другом, позволяли надеяться на достижение взаимопонимания. Однажды мама пригласила Арнольда на вечеринку по случаю празднования Дня независимости, на которую тот привел нескольких незнакомых нам бодибилдеров. Когда Арнольд пришел к нам, с ним не оказалось Сью, и моя мама спросила в удивлении:

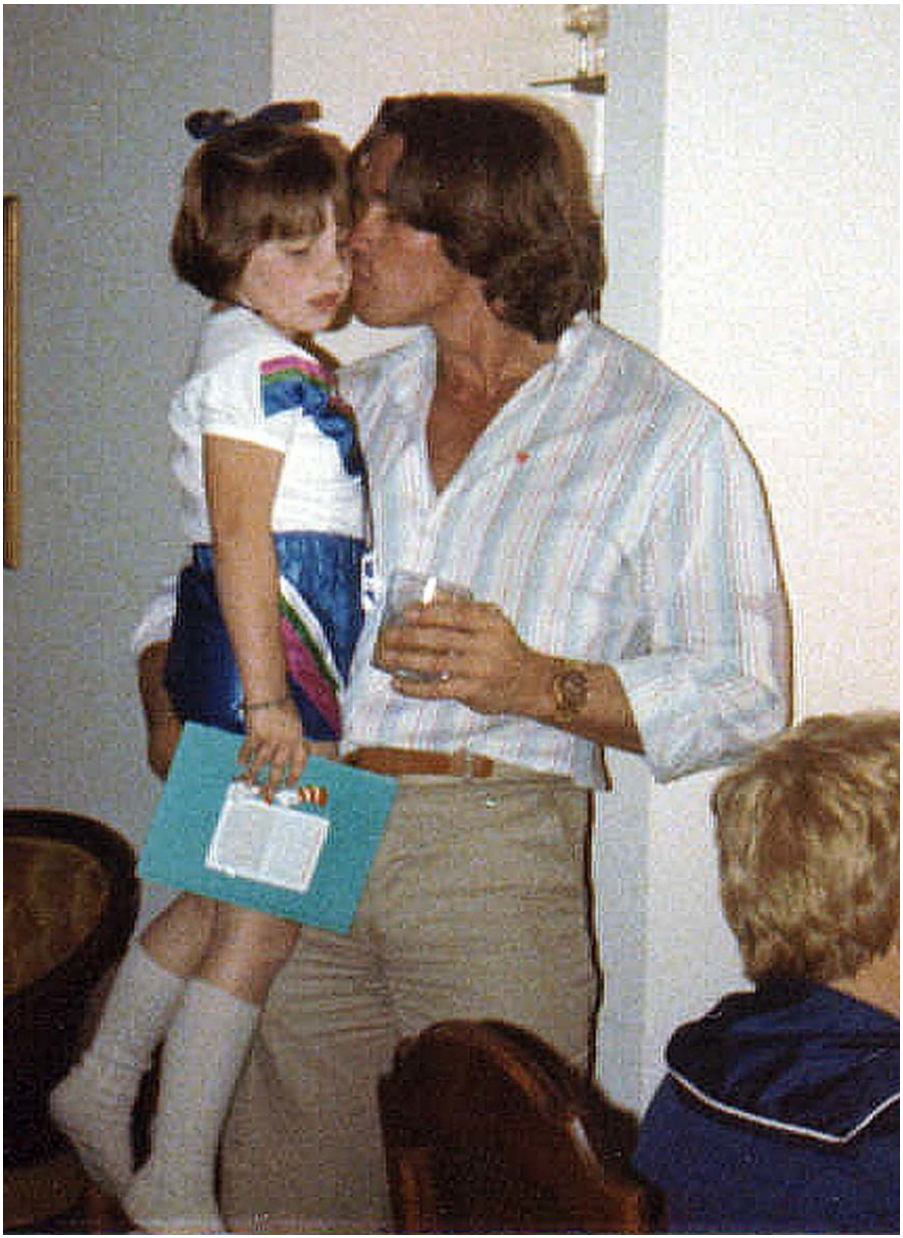
– А где же Сью, Арни?

– Она паехала проведать своих родственников, и поэтому мне пришлось ехать одному, – ответил Арнольд. Будучи мастером делать всевозможные комплименты, Арнольд остаток дня старался на славу и очаровывал своей харизмой не только наше семейство, но и наших гостей. Арнольд непринужденно заводил беседу с гостями, старался не выпячивать свою славу киногероя и давал возможность всем присутствующим насладиться вечеринкой.

Для того чтобы внести дополнительное разнообразие в наполненный до отказа событиями день, к нам в гости заглянул мой давний друг и приятель Боб, с которым мы в свое время пытались построить отношения. Тогда мне пришлось применить все свои навыки общения, чтобы совладать с образовавшимся любовным треугольником, в котором оказались два моих бывших парня. Это было не так-то просто, ведь с одной стороны был актерский магнетизм Арнольда, а с другой – интеллектуальный и эзотерический настрой Боба. Тем не менее всем нам удалось не только найти общий язык между собой, но и отыскать что-то общее в каждом из нас.

Боб, я и Арнольд, 1976

Боб, я и Арнольд, 1976



Арнольд с моей племянницей, 1977

После вкусных угощений, приготовленных моими родителями, Боб куда-то отошел, и нам с Арнольдом удалось остаться наедине. В этот интимный момент, когда никого не было поблизости, мы с Арнольдом успели не только поговорить о наших отношениях, но и обсудить детали нашей новой жизни. Тогда я и рассказала Арнольду о том, что порвала с Нормом, а он поделился, что у них начался затяжной конфликт со Сью. Именно

в тот вечер Арнольд впервые упомянул о своей «новай девушке, Марх-ии», с которой он недавно познакомился на одном мероприятии, и это новое знакомство поставило под вопрос присутствие Сью в жизни Арнольда. Излив друг другу душу, мы с Арнольдом оба согласились с тем, что любовные отношения – это очень непростая штука. Тем не менее мы уверили себя, что новые люди в нашей жизни не смогут повлиять на нашу дружбу и со временем она будет лишь крепнуть. На прощание мы обнялись и поцеловались со всей искренностью, которая возможна между близкими когда-то людьми.

Спустя некоторое время после той вечеринки моя сестра Марианна прочла в какой-то газете заметку о не совсем обычной паре и позвонила мне, чтобы рассказать эту новость. В заметке говорилось, что исполнитель главной роли в фильме *Pumping Iron* Арнольд Шварценеггер встречается с Марией Шрайвер, которая приходится внучкой Джозефу Кеннеди. *Так это и есть та «Мархия», про которую мне рассказал Арнольд?*

Получив такие известия, я даже присела от неожиданности и начала обдумывать полученные новости: Арнольд, вне всякого сомнения, сумел забраться настолько высоко, что даже трудно себе представить. Арнольд умудрился не только завоевать Сан-Марино и Беверли-Хиллз, но и пробиться на неизведанную для себя территорию семьи Кеннеди в Ханиспорт. Мария Шрайвер принадлежала к влиятельному клану Кеннеди, была дочерью Юнис и Сарджента Шрайвер и приходилась племянницей самому президенту Джону Кеннеди. Честно сказать, поначалу я даже не смогла осознать всю глубину полученных известий о последних изменениях в личной жизни Арнольда. В голове у меня тогда лишь настойчиво крутилась строчка из битловской песни, которая как нельзя лучше характеризовала новости о моем бывшем бойфренде: *«Придет таинственная сила и заберет тебя с собой!»*

На то, чтобы впервые встретиться лично с новой избранницей Арнольда, мне потребовалось около года, и произошло это на вечеринке по случаю празднования его дня рождения. Как-то раз мне позвонил его секретарь и передал приглашение на торжественное мероприятие, назначенное на 30 июля 1978 года. Не стоит говорить, что я без лишних слов приняла это приглашение, – ведь кто знает, какие перспективы могут открыться при знакомстве со знаменитой Марией? Придя к Арнольду в гости, я застала его и его новую спутницу в нашей старой столовой комнате. Арнольд и Мария были в хорошем расположении духа: они стояли и тихонько над чем-то смеялись. Мария, вне всякого сомнения, в лучшую сторону отличалась

от Сью, которая, на мой взгляд, была слишком резка и грубовата. Что касается Марии, она производила впечатление утонченной дамы с Атлантического побережья, и по всему было видно, что она наслаждается ролью хозяйки вечеринки. Все, что мне оставалось сделать, – это констатировать тот факт, что Мария полностью соответствовала всем мечтам Арнольда об идеальной спутнице жизни.

Когда Арнольд рассказывал мне о Марии, которая была на семь лет моложе меня, он описывал ее как жизнерадостную и целеустремленную девушку. Надо сказать, что когда я впервые увидела Марию в тот вечер, то согласилась с характеристиками Арнольда в ее адрес. Однако я обратила внимание и на некоторые моменты, которые Арнольд был не в состоянии понять в силу своей мужской природы. Мария выглядела просто шикарно, и это, конечно же, не могло не заинтриговать меня. Ко всему прочему, у новой девушки Арнольда явно было все в порядке и с самооценкой, и с положением в обществе. Несмотря на все мои оценки, я довольно-таки непринужденно общалась с Марией и во время нашего разговора была очарована красотой ее глаз. В процессе беседы мы с Марией не могли удержаться от обсуждения Арнольда и сошлись во мнении, что очень трудно встретить такого мужчину, как он.

В тот вечер Мария заинтересовалась моими достижениями на ниве преподавания, что, безусловно, мне очень польстило. Мария работала подменной ведущей в одной из телевизионных передач, и ей нужно было получить экспертное мнение относительно «намеренного упрощения школьных учебников в части упражнений по чтению». Однажды мне даже представился случай оказать такого рода услугу: как-то раз Мария позвонила домой моим родителям в рождественские праздники и попросила меня высказать свою точку зрения по поводу снижения общего уровня подготовки детей послевоенного поколения.

Конечно же, я согласилась, и Мария задала мне целую кучу вопросов: «Правда ли, что сегодняшнее поколение учеников читает хуже, чем предыдущее поколение? Что, на ваш взгляд, является причиной такого положения вещей? Не упрощают ли издатели тексты учебников? Каким образом учителя мотивируют учеников, не проявляющих интереса к чтению? Какие меры были приняты для улучшения ситуации с упражнениями по чтению?»

Наконец-то мне выпал шанс высказать свое мнение о процессе обучения, и, расхаживая по кухне родительского дома, я делилась своими взглядами по заданным вопросам. Только когда ответы на вопросы закончились и я наблюдала за тем, как мои родные обмениваются рождественскими подарками, до меня

дошел весь смысл происходящего: *«Барбара, ты только что помогла девушке Арнольда на ее пути к славе телезвезды. Могла ли ты вообще представить такое, когда он встретил тебя в том маленьком еврейском ресторанчике и позвал тебя на первое свидание?»*

Меня, однако, занимал вопрос: каким образом Арнольд, придерживающийся республиканских взглядов, бодибилдер без хорошего образования, сможет влиться в одну из самых влиятельных семей, представляющую Демократическую партию? Как прокомментируют эту ситуацию более опытные родственники Марии? Надо сказать, что подобные мысли о судьбе Арнольда и его связи с кланом Кеннеди посещали не только меня, и казалось, что все средства массовой информации только и делают, что обсуждают эту необычную пару.

Как бы то ни было, Арнольд был рад тому, что его официально представили клану Кеннеди. Он, конечно, понимал всю глубину политического конфликта, но надеялся на то, что сможет со временем изменить мнение Сарджента и Тедди относительно Республиканской партии. Ко всему прочему, Арнольд и представители семьи Кеннеди разделяли увлечение спортом, олимпийскими дисциплинами для людей с ограниченными умственными способностями и с уважением относились к вдумчивому употреблению сигар, что, согласитесь, было более важно, чем споры на политические темы. Кому, скажите на милость, были нужны эти дискуссии между представителями Демократической партии, ратующей за равноправие, и республиканцами, отстаивающими свободы граждан? Все, что требовалось от Арнольда в этом случае, – сохранять спокойствие и более пристально приглядываться к политическим процессам. Присоединение Арнольда к семье Кеннеди происходило на фоне выдвижения кандидатуры Рональда Рейгана на пост президента на восьмилетний срок, и от всех этих событий Арнольд, по его собственным словам, был просто «на нибисах от щастья».

Если более подробно остановиться на политических воззрениях Арнольда, то я могу сказать, что провела шесть лет своей жизни с преданным сторонником капитализма, последовательно отстаивающим право на личную свободу и выступающим за уменьшение роли государства в жизни общества. Боже, кто знает, сколько раз на протяжении нашей совместной жизни мы с Арнольдом обсуждали ошибки правительства, которое путем выплаты пособий лишь развращает людей и отбивает у них желание работать? А сколько раз мы с ним разговаривали о безответственных политиках, бездумно

тратящих налево и направо деньги простых налогоплательщиков? Как часто мы с моим бывшим бойфрендом обсуждали и поддерживали рыночную систему, в основе которой лежал риск и развитие предпринимательской активности ради повышения уровня жизни? Именно потому, что я знала об убеждениях Арнольда, мне было интересно, каким образом он сможет преодолеть демократические взгляды семьи Кеннеди при помощи своих республиканских воззрений. Тем не менее, зная природную сущность Арнольда, я понимала, что он, со своим чувством юмора и очень сильными внутренними убеждениями, способен кого угодно перетянуть на свою сторону.

Единственным моментом, вызывавшим беспокойство Арнольда по поводу Марии, была ее зависимость от своей семьи и того круга общения, который у нее сформировался на Атлантическом побережье США. Дело в том, что Мария родилась и выросла на востоке страны и на западе, кроме Арнольда, у нее никого не было. Точно так же ее семья не располагала широкой сетью знакомых или родственников в этой части США. Ситуация складывать таким образом, что Мария связывала свою жизнь с очень деятельным «кха-лифо-рней-цем», а Арнольд, в свою очередь, боготворил ее веселость, связи и принадлежность к высшему обществу. Как только Мария и Арнольд начали жить вместе, им пришлось соединить в своей паре не только самих себя, но и два побережья США. Что касается работы, то Мария продолжила карьеру журналиста на телевидении, а Арнольд развивал свой успех в Голливуде.

Поздней осенью Арнольд закончил совместные съемки с Энн-Маргрет и Кирком Дугласом в фильме *The Villain* и в целях рекламы картины был приглашен на целый ряд телевизионных передач. Хорошее чувство юмора помогло Арнольду противостоять кинокритикам, отпускавшим в его адрес острые шуточки и заявлявшим, что «даже лошадь может передавать всю гамму чувств значительно лучше, чем это делает Арнольд».

В то время как Арнольд и Мария строили свои отношения, я не могла похвастаться удачами в личной жизни. Тем не менее я была благодарна своей семье, своей работе и своим друзьям за то, что они давали мне чувство уверенности в тот момент, когда я больше всего в этом нуждалась. Именно в этот период я начала размышлять над тем, почему встречи с каждым новым мужчиной превратились для меня в рутину и не приносили тех эмоций, на которые я рассчитывала. Стоило мне только познакомиться с мужчиной и повстречаться с ним некоторое время, как я понимала, что мы живем разными жизнями и преследуем разные цели. В эти моменты я спрашивала себя: не слишком ли я

требовательна к противоположному полу? Или все новые мужчины просто теряли свою привлекательность на фоне Арнольда? Как тут было не вспомнить слова Арнольда о том, что мне нелегко будет найти ему замену, и эти воспоминания приводили меня в уныние. С момента нашего расставания прошло уже три года, но по всему выходило, что я так и не смогла найти замену Арнольду.

Пытаясь исправить ситуацию, я делала все, что от меня зависело, и для начала купила новую квартиру поближе к Лос-Анджелесу. А еще мне удалось заключить контракт с одним из издательств на выпуск учебного пособия для учащихся колледжей. Около года у меня ушло на то, чтобы подогнать под формат книги имеющийся материал, предназначенный для развития внимания при чтении и пополнения словарного запаса.

На фоне сильной загруженности и неудач в личной жизни я снова начала курить, но сигареты, как это ни странно, не могли утолить мой сексуальный голод. Да и кого вообще волновало отсутствие у меня регулярного секса в моем нынешнем положении? Все, что мне было нужно, – найти свою любовь, и я вообразила себе, что посредством пагубного пристрастия к сигаретам смогу побороть лишний вес и найти своего избранника. Не надо и говорить, что все мои представления исходили из неправильного понимания ситуации, и я никак не могла сбросить вес, а только уверенно его набирала.

Время от времени я получала сообщения от Арнольда, который самым безапелляционным тоном требовал внимания к своей персоне, оставляя записи на моем автоответчике: «Бар-бар-ха, эта Арх-нольд. Перезвони мне».

Практически всегда, когда я перезванивала ему в офис, мне приходилось прорываться сквозь батарею личных помощников, чтобы поговорить со своим бывшим мужчиной. Как-то раз во время одного из наших разговоров Арнольд попросил меня просмотреть и отредактировать черновик его новой книги *Arnold's Bodybuilding for Women*. Арнольду было прекрасно известно, что на свете не осталось ни одного вида диеты или упражнений для похудения, которые бы я не испробовала на себе, и он был уверен, что я смогу дать полезные комментарии по поводу книги с женской точки зрения.

Чтобы в сложный для себя период выглядеть как можно лучше, я носила шелковые блузки, шелковое кружевное белье, обтягивающие джины и открытые босоножки на каблуке. В то же самое время мой парикмахер пригласил меня принять участие в конкурсе парикмахерского искусства в качестве модели, и ради этого мне пришлось сделать спортивную стрижку и лишиться

своих красивых локонов. Короче говоря, я была во всеоружии и всем своим видом олицетворяла привлекательную и желанную женщину.

Как-то раз я пришла в гости к Арнольду и, сильно нервничая, нажала на звонок своего бывшего дома. Я до мельчайших деталей знала этот дом, но сейчас я была чужой в нем и, ко всему прочему, была не совсем уверена, что знаю его владельца. Но стоило только Арнольду живо и с радостью поприветствовать меня на пороге, как все мои страхи и сомнения моментально развеялись. В тот день Арнольд не искал возможности произвести на меня впечатление и вышел ко мне в футболке с рекламой его последнего фильма *The Villain* и обычных спортивных шортах. Соавтор новой книги Арнольда Дуглас Кент Холл тоже был здесь и сидел за большим обеденным столом из дуба, и было видно, что он чувствует себя тут как дома. Присутствие Дугласа лишний раз напомнило мне о том, как здесь все изменилось со времени моего ухода из дома Арнольда.

С целью скорейшего окончания работы над книгой я оставила Арнольда с его шутками на первом этаже, а сама перешла на второй, где мне никто не мог помешать. Здесь, сидя за рабочим столом Арнольда, я на некоторое время предалась воспоминаниям, но очень быстро совладала с ностальгическим настроением и перешла к вычитке книги. Очень скоро я поймала себя на мысли, что книга увлекает меня и мне становится интересно читать о том, как Арнольд рассуждает о правильном питании, правильной подготовке к тренировкам и тех преимуществах, которые даются человеку воображением. Удивительно, но идеи Арнольда совпали с моими собственными соображениями, и я поняла, что его книга действительно дает ответы на многие вопросы. Несмотря на то что Дуглас помогал Арнольду с синтаксисом и грамматикой, весь смысл книги был целиком и полностью выведен из того опыта, который Арнольд получил во время своих тренировок. Ко всему прочему, мне было приятно видеть, что отношение Арнольда к женщинам изменилось в лучшую сторону и что он смягчил свои резкие суждения в адрес прекрасного пола.

Позже, закончив вычитку книги, я не преминула поделиться своими наблюдениями и эмоциями с Арнольдом, но он лишь ответил мне:

– Слушай! Все, что миня интересует, – чтобы книга хорошо продавалась и принесла бы мне миллионы!

Вот тебе и на! Я решила подколоть Арнольда и посмеяться над его устремлениями, но он парировал мои шутки:

– Паслушай и запомни, что я тибе скажу, Бар-бар-ха.

С помощью денег ты можешь купить всие что угодно!

Услышав такой ответ, я решила не отступать и заявила Арнольду:

– Да, деньги могут многое, но ты не можешь купить на них любовь и спокойствие!

Ни на секунду не задумываясь, Арнольд ответил мне:

– Кагда у миня будит столько денег, сколько я хочу, у миня будет время поразмыслить над теми вещами, о каторых ты говоришь. Деньги приносят тибе радость! Подумай над этим и поверь мне на слово!

Ну и что я могла ответить ему в тот момент? Ведь в этом разговоре участвовали двое: счастливый мужчина и не совсем счастливая женщина. У мужчины, кстати сказать, водились деньги, а у женщины их не было. Я, со своей стороны, тоже не отказалась бы заработать кучу денег, хотя при этом никогда бы не отреклась от самопознания и не посвятила бы свою жизнь погоне за деньгами.

Во время той беседы я поймала себя на мысли, что в спорах с Арнольдом я всегда была проигравшей стороной и при этом не понимала, почему так происходит. Разговор оставил у меня неприятный осадок, и, покидая свой бывший дом, я пришла к выводу, что голливудская версия Арнольда вряд ли способна отвечать моим текущим запросам. Кстати сказать, этот визит в дом Арнольда для вычитки его книги стал для меня последним.

Спустя какое-то время в разговоре с Дугласом Холлом я поинтересовалась его мнением об Арнольде и о себе.

– Арнольд познакомил нас с тобой потому, что он очень уважал тебя и твои языковые навыки. Он всегда воспринимал тебя как замечательного человека и как настоящую американку, – ответил на мой вопрос соавтор Арнольда.

Через пару месяцев после моего визита к Арнольду для вычитки книги, в День святого Валентина, я получила письмо от своего бывшего бойфренда, в которое была вложена валентинка с подписью «Твой Арнольд». Сказать по правде, я тогда не поняла смысла этого поздравления и даже не знала, как к нему отнестись.

А еще через пару недель после загадочной валентинки я получила по почте новую книгу Арнольда *Arnold's Bodybuilding for Women*, к которой была приложена следующая записка: «Барбаре, в благодарность за помощь, которую ты мне оказала в работе над этой книгой. Надеюсь, что она поможет тебе сохранить здоровье и привлекательность на долгие годы. С любовью, Арнольд».

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Пока я ожидала приема у губернатора, Арнольд попросил свою помощницу принести и показать мне специальный рождественский календарь, заказанный им в качестве подарка друзьям и знакомым. Помощница сходила за календарем, и я, воспользовавшись свободной минуткой, начала перелистывать его страницы. Как оказалось, в качестве картинок для своего календаря Арнольд выбрал собственные художественные наброски: пингвина, скатывающегося с горки, коров, пасущихся на живописных австрийских лугах, сердце, раскрашенное в цвета радуги, и выпрыгивающих из воды дельфинов. Как мне кажется, вся эта красота действительно была отличным подарком в рождественскую пору 2002 года.

Пока я рассматривала календарь, а помощница была занята выполнением поручений своего босса, у меня было достаточно времени, чтобы оглядеться вокруг. Первым делом я присмотрелась к тем книгам, которые стояли на полке, и обнаружила там следующий набор: «Сборник шуток» Мильтона Берли, «Замухрышки», «Цена свободы», «Американская система здравоохранения», «Судебная система», «Личные финансы» и книгу Ричарда Бена Крамера «Цена победы, или Путь в Белый дом».

Стоило мне только увидеть последнюю книгу, как я спросила себя: является ли интерес к теме президентства доказательством того, что губернатор Шварценеггер рассматривал возможность выдвижения своей кандидатуры на пост президента США? Мне, конечно, трудно ответить на этот вопрос, но одно могу сказать совершенно точно: вопросы политического устройства нашей страны были далеко не последней темой в наших разговорах с Арнольдом.

Заслуженная награда

В следующий раз Арнольд позвонил мне спустя четыре или пять месяцев со времени нашего последнего разговора. После первых приветственных слов Арнольд задал мне несколько неожиданный вопрос: он спросил, набожна ли я. Его больше всего удивляло, что кто-то в здравом уме и твердой памяти может верить в некое Высшее Существо. Надо сказать, что на протяжении всей нашей совместной жизни мы с Арнольдом не были особо верующими людьми, но со временем наши взгляды на веру изменились. Однако нельзя при этом сказать, что после произошедших перемен наше отношение к вопросам веры абсолютно совпадало. Со своей стороны я понимала, что не может быть приведено никаких доказательств существования Бога, но идея универсального порядка, используемого на благо человечества, и наличие моральных принципов – это было лучшее из того, что предписывалось Божественному началу. Именно поэтому в том разговоре с Арнольдом я так сформулировала свое отношение к вере:

– Кто, собственно говоря, знает, как оно обстоит на самом деле? Я лишь хочу жить так, чтобы после смерти продолжить свой путь независимо от моего вероисповедания! Все, что мне для этого нужно, – просто следовать десяти заповедям, которые мы заучивали в воскресной школе.

Арнольд большей частью отмалчивался во время моих рассуждений о вере, но мне было понятно и без слов: интерес моего бывшего бойфренда вызван особым вниманием к религии со стороны Марии Шрайвер, которая была ревностной католичкой. В тот раз Арнольд отделался ничего не значащей фразой в духе «Хател бы я паверить во все это».

Под конец нашего разговора я напомнила Арнольду о приближающейся годовщине свадьбы моих родителей: папа и мама жили вместе уже сорок лет.

– Как думаешь, ты сможешь прийти на вечеринку по поводу годовщины? Родители будут рады тебе!

Арнольд не смог приехать на праздник, но позвонил и тем самым проявил уважение к моим родителям, а его звонок стал подлинным украшением торжества. По правде сказать, после завершения наших отношений любое появление Арнольда всегда вызывало ажиотаж в нашей семье. Вот и в этот раз все мои бесчисленные племянники и племянницы с удовольствием болтали с «дядей Арнольдом» по телефону. Наконец телефонная трубка, передаваемая по кругу, попала ко мне, и Арнольд недолго

думая пригласил меня на ужин.

Когда через пару недель в дверь моей квартиры позвонили и я пошла открывать дверь, то встретила на своем пороге импозантного молодого человека. Гость был одет в белые джинсы *Levi's*, элегантную клетчатую рубашку, пиджак голубого цвета и сделанные на заказ из кожи страуса ботинки и ремень. Волосы у гостя были несколько длиннее, чем обычно, и он производил впечатление очень ухоженного человека. По крайней мере, на нем не было спортивных шортов и футболки, и он выглядел так презентабельно, что я даже немного испугалась.

Увидев меня в брюках и свитере, Арнольд пророкотал:

– Бар-бар-ха! Ну как же так! Иди переоденься и дай мне на тибя пасматреть в красивом наряде – тебе не идут мужские брюки!

Услышав такой призыв, я подчинилась и отправилась переодеваться. Когда я шла в свою комнату, дабы исполнить приказ альфа-самца, у меня в голове крутились слова из песни Боба Дилана, которые отражали мое чувство незащищенности: «Однажды утром я приду за тобой». По какой такой неведомой причине я продолжаю слушаться Арнольда? Это что, какая-то игра или просто сила привычки? Может, все это происходит из-за моей низкой самооценки или желания угодить? И почему я не могу противиться его командам? Такие размышления не могли помочь мне обрести спокойствие, и я без боя сдавалась под напором Арнольда и полностью подчинялась его воле. Переодевшись в лиловое платье и темно-бордовые туфли, я вернулась обратно в комнату к Арнольду и даже получила комплимент:

– Вот, так-то оно пудит луше. Сийчас ты выглидишь, как и полагается женщине!

Попивая шабли в ресторане, я думала о том, что вряд ли Мария так заискивает перед Арнольдом, как это делаю я. Такое проявление раболепного поведения злило меня, но я ничего не могла с этим поделать и вела себя так же, как и раньше. Вино притупило мое чувство недовольства, в зале заиграла романтическая песня, и в этот момент я спросила Арнольда, не пишет ли он, случаем, новую книгу.

– Сейчас у миня много рапоты – не до книг. Я буду сниматься в таком фильме, в каком никогда еще не снимался. Меня утвердили на главную роль в фильме *Conan the Barbarian*! Ты не паверишь, насколько это классный фильм! Мне придется учиться драться на мечах, и все такое. Это пудет очень круто!

Но ты-то, Бар-бар-ха! Почему бы тебе не написать книгу аба мне? Тибе это будет рас плюнуть, ведь ты знаешь о маей жизни

буквально все и ты ведь преподаватель английского! Ты можешь написать настоящий бестселлер!

Когда мы закончили обсуждать его карьеру и мои писательские таланты, Арнольд рассказал мне об отношениях с Марией и ее семьей. Особое внимание Арнольд уделил вопросам веры и тому, как она помогает Кеннеди оставаться на плаву, а также сказал, что верующие люди, в общем-то, достаточно счастливы в своей вере. Со своей стороны я лишь заметила, что объяснение основ массовых религий производит на меня меньшее впечатление, чем личные объяснения своих религиозных пристрастий обычными людьми. В тот раз я честно призналась Арнольду, что жесткие религиозные правила не особо меня прельщают.

По счастливому стечению обстоятельств обслуживавшая нас во время ужина официантка была одной из моих учениц, и мне было очень приятно видеть, с каким достоинством и спокойствием она делала свою работу на виду у Арнольда. Единственное, чего мне хотелось в тот момент, – чтобы Арнольд наконец-то понял, что для меня очень важны плоды собственного труда и что по жизни можно идти не только тем путем, который избрал для себя мой бывший бойфренд.

Вечер шел своим чередом, и после обсуждения последних новостей о наших общих знакомых Арнольд принялся рассказывать мне о своих достижениях на поприще кино – как оказалось, он должен был сыграть роль знаменитого бодибилдера Микки Харгитея, женатого на Джейн Мэнсфилд. Стоило только Арнольду поделиться новостью о его предстоящей роли, как мы вспомнили нашу поездку в гости к Микки в Пасадену и то, как мы обещали друг другу прожить всю жизнь вместе. Прошло время, и нам с Арнольдом пришлось столкнуться с реальным миром, который совершенно не соответствовал нашему прошлому представлению о нашей теперешней жизни.

Несмотря на то что обсуждение отношений всегда было существенной частью наших с Арнольдом разговоров, мы отлично понимали, что жизнь продолжается и не стоит на одном месте. Словно в подтверждение нашего нового статуса мы рассказывали друг другу истории из своей новой жизни: я делилась впечатлениями о своем опыте, полученном за последние четыре года самостоятельной жизни, а Арнольд больше всего любил обсуждать свои отношения с Марией. Именно во время того разговора я как будто невзначай упомянула о своем новом мужчине, с которым собиралась вступить в брак:

– Арнольд, ты не поверишь, но мы с ним хотим пожениться через два месяца!

– Как! Неужели это правда? – не поверил своим ушам Арнольд.

Пришлось мне рассказывать о том, как я устала от бесконечных и бесцельных свиданий со случайными мужчинами, но все же встретила человека, который мне понравился: он был антропологом по образованию и недавно окончил магистратуру по своей специальности. Меня он привлек тем, что имел свежий взгляд на многие вещи, который ему удавалось излагать просто и лаконично. Дэрил – именно так звали моего жениха – был простым парнем, он одевался очень непритязательно и был бесконечно далек от мира романтических свиданий, но при этом производил впечатление надежного и верного человека. Арнольд пристыдил меня за то, что я сохранила главную новость до конца вечера, и вообще сыграл роль этакого старшего брата, которому необходимо быть в курсе всех моих отношений.

Пользуясь случаем, я решилась на отчаянный шаг и спросила Арнольда:

– Скажи хотя бы сейчас: ты мне изменял?

Услышав мой вопрос, Арнольд опустил глаза и промямлил в ответ:

– Бар-бар-ха, у миня никогда не было ничиго серьезного, но, скажу честно, у меня был секс с несколькими девушками, и я всегда испытывал вину за эти связи. Поверь, эти девушки ничиго для миня не значили.

В этот момент наши глаза встретились, и я смогла лишь произнести:

– Хорошо, что хоть напоследок ты в этом признался, – прикидывая в уме количество «девушек», с которыми успел повстречаться Арнольд.

«Сколько же их у него было – *пять* или больше?» – думала я тогда. По моим ощущениям, пять в таком случае – это было слишком мало, но его признание благотворно сказалось на состоянии моей психики.

Наш совместный вечер подошел к концу, и мы с Арнольдом разошлись по домам. Тогда я и представить себе не могла, что этот раз был последним, когда мы с моим бывшим бойфрендом говорили по душам и обсуждали личные темы. С того вечера мы больше ни разу не откровенничали друг с другом, и все наше общение с Арнольдом сводилось лишь к обсуждению внешнего антуража наших новых отношений. Именно на нашем последнем «вечере откровений», как мне по наивности казалось, я наконец-то получила ответы на свои прямые вопросы и смогла освободиться от влияния Арнольда на мою жизнь. Вернувшись

домой, я смыла с себя макияж, нанесла ночной крем, почистила зубы и со спокойной душой легла в кровать.

Удобно устроившись на своем водяном матрасе, я заново начала вспоминать события вечера, и ко мне постепенно стало приходить осознание той разницы, которая существовала в наших с Арнольдом взглядах на мир. Жизнь Арнольда была полна динамизма и стремления к успеху, а меня тянуло к тихой жизни в пригороде, и мне не оставалось ничего другого, как только принять эту разницу во взглядах.

После той встречи во мне открылась тяга к новому поиску, и на ум стали приходить разные завораживающие мысли. *Вот было бы здорово написать книгу об Арнольде! У меня есть все возможности для этого, да и мне всегда хотелось попробовать себя на авторском поприще американской литературы! Но в моей книге не будет вымышленных персонажей – я расскажу историю Арнольда в стиле Горацио Алджера, и это будет рассказ о пареньке, добившемся успеха в Америке. Но с чего начать? Да, как-то это все сложно и совсем не ко времени, так что, пожалуй, не стоит мне ввязываться в это дело.*

Незадолго до моей свадьбы Арнольд позвонил мне в школу и сказал, что хотел бы вручить свадебный подарок *перед* этим событием. Нельзя сказать, что я слишком обрадовалась перспективе получения этого подарка: у меня и так голова шла кругом от предсвадебных приготовлений и суматохи. Ко всему прочему, я начала испытывать неуверенность в правильности своего выбора, но все же поддалась на уговоры Арнольда и поехала к нему в Санта-Монику. Встретившись у него в офисе, мы оба изобразили притворное благодушие, и мне даже пришлось пустить в ход все свое мастерство, чтобы не выдать своих сомнений.

Без преувеличения могу сказать, что Арнольд расстарался на славу и я получила в качестве презента очень ценный антикварный кувшин, ставший самым дорогим свадебным подарком. Этот кувшин словно символизировал обстановку моего дома и, казалось, излучал спокойствие и домашний уют.

Мне трудно в этом признаться, но на обратном пути я поймала себя на мысли, что не могу пересилить себя и представить Арнольда в качестве избавителя от моих ночных кошмаров. Честно сказать, на бессознательном уровне я все же искала повод помириться с Арнольдом. В голове у меня носились какие-то обрывочные мысли, а ощущения были примерно такие, как если бы у меня в дороге случайно открылся капот и заслонял весь обзор. Случись такое, мне пришлось бы в спешном порядке искать спокойное место, где я могла бы притормозить и закрыть

мешающую обзору крышку капота. Но где же мне найти такое место? Понемногу придя в себя, я даже начала напевать последний хит шведской группы *ABBA «I Have a Dream»*, в котором сильнее всего мне нравилась строчка «Стоит раз поверить в силу сказки, и больше не страшны тебе любые встряски».

За день до свадьбы произошло неприятное событие: мой жених прибежал домой и впопыхах сообщил о том, что его родители не смогут принять участие в церемонии.

– Ты, должно быть, шутишь! Что случилось-то? – ответила я на заявление своего предполагаемого супруга.

– Хорошо, раз ты настаиваешь, я расскажу все как на духу. Дело в том, что, когда мой отец узнал о твоей связи с Арнольдом Шварценеггером, он наотрез отказался приехать на нашу свадьбу, – выпалил скороговоркой Дэрил.

– Что ты такое говоришь! Этого просто не может быть! Я не верю своим ушам! – в замешательстве вскричала я.

В этот мучительный момент на душе у себя скребли кошки: *«Боже ты мой, ну неужели Арнольд навечно останется в моей жизни?»*

Когда улеглись первые эмоции после полученных новостей, до меня стало доходить реальное положение вещей: день свадьбы, о котором с детства мечтает каждая девочка, стал для меня не только самым желанным, но и наиболее ужасным днем в моей жизни. Словно в насмешку над ужасной ситуацией мне в голову лезли мысли о пресловутом «законе Мерфи», согласно которому если уж что-то должно пойти не так, это обязательно получится не так, как изначально задумывалось. Предпринимать какие-то действия в моем положении было уже бессмысленно, и я просто решила сделать общий сбор родственников и друзей. Мои родители, конечно, были расстроены такими вестями, ведь они специально приехали заранее и занимались приготовлениями к свадебной вечеринке. Сестры тоже не обрадовались новостям об отмене свадебной церемонии, ведь они убили кучу времени на приведение в порядок домика на колесах, украшая его приличествующими случаю безделушками и надувными шариками. Родителям даже пришлось привезти заказанный на свадьбу торт и цветы, втайне дуясь не столько на свою непутевую дочь, сколько на ее несуразного жениха, который даже не соизволил принести извинения. Бьюсь об заклад, что они даже искали повод, чтобы скрыть свое недовольство, и потихоньку спрашивали друг друга о том, где припрятано спиртное. Что касается племянниц и племянников, то они первый раз присутствовали на подобной церемонии и никак не могли взять в толк, по какой причине их родная «тетя Барбара» выглядит

взвинченной и расстроенной. Им сейчас тоже приходилось нелегко: вместо того чтобы веселиться вместе со всеми, дети были предоставлены сами себе, ходили вокруг алтаря и дергали травинки с лужайки.

Когда наши немногочисленные гости начали съезжаться на церемонию, их встречали мои племянники и провожали к месту общего сбора. Нельзя сказать, что приглашенные испытывали неприятные чувства из-за неловкой ситуации, но все же обстановка была напряженная. Видя, что нужно спасать положение, мой отец подошел ко мне, взял под руку и повел к «алтарю», возле которого я даже сумела сказать свое «согласна».

Ну и чтобы уж совсем «добить» меня в тот день, выяснилось, что наш брак вообще не может быть официально оформлен. Произошло это следующим образом: одним из поручений, возложенных на моего благоверного, был подбор распорядителя свадебной церемонии, которой должен был подготовить документы, необходимые для регистрации брака. Как оказалось, на эту роль он выбрал профессора физики из Калифорнийского университета, имевшего разрешение на оформление таких документов. Вполне возможно, что выбранный на роль распорядителя профессор и был сведущ в премудростях законов физики, но вместо того, чтобы направить наши документы в окружную регистрационную палату, он оставил наше свидетельство о браке на столе своей кухни.

Как только стало известно об отсутствии документов, всем стало ясно, что наша свадебная церемония – не более чем фикция, и такое положение вещей мало кого обрадовало. Тем не менее я убрала подальше в сумочку копию бесполезного сертификата о заключении брака, и впервые за долгое время ко мне пришло чувство успокоения. Мне еще предстояло провести медовый месяц с не совсем надежным человеком, и я уже начала прикидывать, как бы мне взять под контроль организацию нашего свадебного путешествия. Хотя после «фиктивной» свадебной церемонии слова «медовый месяц» и «свадебное путешествие» могли использоваться лишь в качестве насмешки.

После возвращения из нашего не очень веселого «свадебного путешествия» по Северной Калифорнии я получила письмо от родителей своего мужа. Вот что мне написала свекровь: «Дорогая Барбара, мы знаем, что вы старались сократить расходы на проведение свадебной церемонии, и поэтому решили не приезжать к вам, чтобы помочь избежать лишних трат. Мне очень жаль, что в такой важный момент вашей жизни Дэрил потерял работу и вы не смогли провести свадьбу на должном уровне. Тем не менее мы с мужем желаем вам обоим только всего

самого хорошего…»

Не могу сказать, что меня в тот момент волновали материнские переживания, и я уже было собиралась написать ответ, в котором хотела назвать своего мужа лжецом и трусом, но быстро поняла, что никогда не смогу донести свою точку зрения до его матери. Однако это письмо стало для меня самым лучшим свадебным подарком, так как оно позволило понять, с каким скользким и отвратительным типом я пытаюсь связать свою жизнь. Получив подтверждения вранья, я устроила разнос своему мужу:

– Ты лживый ублюдок! Как ты вообще додумался до того, чтобы за моей спиной убедить своих родителей не приезжать на нашу свадьбу? Как это понимать? Ты врешь на каждом шагу! Скажи, ты хотя бы раз говорил мне правду?

– Барбара, я боялся, что ты испугаешься консервативных взглядов моих родителей… – пытался защищаться Дэрил.

– Да какое мне до этого дело? Ты пытаешься найти оправдание своим действиям, но меня меньше всего волнует, по какой причине ты так делаешь. Между нами все кончено, слышишь! – не унималась я.

– Погоди, не кипятись, Барбара, – тебе нужно встретиться и поговорить с моим братом, и все встанет на свои места, – сказал мне Дэрил.

– У тебя есть брат и ты даже не сказал мне о нем? Да ты просто идиот, как я погляжу! – ответила я.

– Постой, не бросай меня. Давай поговорим с моим братом и его женой, – сделал последнюю попытку остановить меня Дэрил.

Непонятно, каким образом, но я поддалась на его уговоры, и мы поехали на встречу с его таинственными родственниками, хотя, честно сказать, я не понимала, на что именно надеялся мой муж. На встрече с братом Дэрила и его женой уже не только я уличила Дэрила во лжи – мою сторону приняли и его родственники. Было как-то странно видеть, что лжец не понимает того, что в открытую врет людям и даже не осознает этого. В какой-то момент все эти уловки вывели меня из себя, и я сказала Дэрилу: «Да ты просто больной». Как это ни странно, его родственники поддержали меня.

Вернувшись домой, я сказала Дэрилу, чтобы он побыстрее собирал свои вещи и катился на все четыре стороны. Дэрил наотрез отказался уезжать из моего дома – сначала он начал плакать, затем у него началась истерика. Он говорил, что не сможет есть и что вообще никогда не уйдет от меня. Оказавшись в странной для меня ситуации, из которой нужно

было найти выход, я ничего не смогла сделать для решения неожиданно возникшей проблемы. Должно быть, прошло около двух недель, пока мне удалось наконец-то избавиться от присутствия Дэрила в моей квартире: однажды придя с работы, я не застала его дома и немедленно вызвала слесаря, который поменял замки на входных дверях. Покончив с замками, я собрала все наши свадебные фотографии и сожгла их. Следом за фотографиями в огонь полетел и сертификат о заключении брака.

С Дэрилом было покончено, однако он продолжал доставать меня своими звонками на протяжении следующих пяти или шести лет, а когда Арнольд Шварценеггер стал первым иностранным губернатором Калифорнии, мой бывший муж прислал мне витиеватое письмо на четырнадцати страницах. Как оказалось, мой так называемый муж был крайне раздосадован тем, что я оказала поддержку Арнольду во время его избирательной кампании.

К тому времени когда происходили все эти неприятные вещи, у меня обострились проблемы со здоровьем, и я очень надеялась на помощь Франко Коломбо, успевшего стать врачом. Пару лет назад он успешно сдал все необходимые экзамены и получил официальное разрешение на лечение болезней позвоночника. Поэтому раз в месяц он навещал меня в Западном Лос-Анджелесе и помогал справиться с моим недугом.

Пока Франко колдовал над моим телом, я делилась с ним переживаниями о своих неудачах на личном фронте. Мне казалось, что после разрыва с Арнольдом мои отношения с мужчинами идут наперекосяк, и меня это совершенно не устраивало. Я думала, что могу стать хорошей женой и матерью, но все мои усилия были безрезультатными. Надо сказать, что Франко здорово меня тогда поддерживал и старался приободрить. «Однажды ты еще посмеешься над всэми этими нивзгодами», – успокаивал он меня.

Франко Коломбо, я и Арнольд, 1973

Франко не мог не поделиться с Арнольдом последними новостями из моей жизни, и спустя какое-то время мне позвонил бывший бойфренд, чтобы выразить свою поддержку. Когда я заикнулась о том, что должна вернуть ему свадебный подарок, раз никакой свадьбы не было, Арнольд запротестовал и попросил оставить у себя подаренный им кувшин. С тех пор этот кувшин хранится вместе с остальными вещами, подаренными мне когда-

то Арнольдом.

Во время того разговора мы с Арнольдом в деталях обсудили последние события моей жизни, и я даже попросила у него совета. Арнольд ответил в своей неподражаемой манере:

– Да ни валнуйся ты так, Барбара! Встретишь ты еще харошего мужа, раз так сильно этаго хочешь. Просто насложда йся жизнью и не васпринимай все слишкам сирьезно!

Прислушавшись к совету Арнольда, я временно отставила свои планы выйти замуж и решила написать книгу с биографией моего бывшего бойфренда. Действительно, в тот момент единственным спасением для меня стала пишущая машинка, к которой я буквально приклеилась, ища спасения от навалившихся на меня неприятностей.

Устроившись с пишущей машинкой на столике, я предавалась воспоминаниям о нашей с Арнольдом совместной жизни. Мне было что вспомнить: шесть лет я жила с этим человеком, и уже минуло четыре года, как я пытаюсь его забыть, и, вполне возможно, если мне удастся опубликовать свою книгу, это станет хорошим способом примириться со своим прошлым. На какое-то время книга *Arnold: the Anatomy of Legend* полностью поглотила меня, и, возвращаясь мыслями в прошлое, я порой испытывала чувство ностальгии, а иногда меня даже охватывала оторопь от пережитых воспоминаний. Как оказалось, призраки прошлых отношений крепко держали меня в своих руках, и я на собственной шкуре испытывала влияние бывшего бойфренда. Повторное переживание событий было очень болезненным для меня процессом, и большей частью мне пришлось идти по старым воспоминаниям с наглухо закрытым забралом.

Спустя четыре месяца интенсивного написания книги я решила, что работа, должно быть, закончена, и 24 октября 1979 года обратилась за помощью к Арнольду: «Привет, Арнольд! Спешу отправить тебе первый результат моей напряженной работы! Мне было настолько приятно не только снова пережить, но и описать наши отношения – это действительно уникальный опыт. Позвони мне, пожалуйста, и скажи, можно ли будет напечатать заметку о моей книге в журнале Джо Уайдера. Надеюсь, что твоя поездка на Атлантическое побережье удалась… До скорой встречи! С любовью, твоя Барбара!»

Вот что мне тогда ответил Арнольд: «Дорогая Барбара, для начала позволь мне сказать, что я был рад встрече с тобой, когда мы виделись последний раз, – ты выглядела просто замечательно и великолепно. Как я тебе уже сказал по телефону, я буду рад помочь с изданием книги, и, если ее не получится пристроить в одном месте, я отнесу ее в другие места. Можешь

не беспокоиться за свою книгу, она будет издана. С любовью, Арнольд».

Несмотря на все его обещания, заметка о моей книге так никогда и не вышла ни в одном журнале о бодибилдинге и Арнольд не помог мне в поисках издательства для публикации книги. Таким образом, мне пришлось брать все в свои руки и заниматься публикацией самостоятельно.

При помощи редактора, помогавшего мне выпустить книгу для подготовки студентов по английскому языку, я вышла на одного литературного агента и попросила просмотреть мою рукопись. Приехав в офис агента, я передала свою работу внушительной даме, сидевшей за таким же внушительным, как и она сама, столом. Когда рукопись оказалась у нее в руках, я даже испытала некое подобие гордости от осознания того, что выношу на обсуждение события своей личной жизни с одним известным иностранцем. Спустя какое-то время мне перезвонил агент и сказал: «Спасибо за то, что обратились ко мне за помощью, но я думаю, что публике не интересен данный персонаж».

Да вы, должно быть, шутите! Не может этого быть! Мне казалось, что в приступе ярости я легко могу разбить телефонную трубку. *Я вложила четыре месяца своей жизни в эту книгу, а этот агент отмахнулся от меня, словно от назойливой мухи? Ну и каково это?* Полученный отказ привел меня в уныние, и я начала обдумывать создавшуюся ситуацию. Разве агент сказал мне, что моя книга плохо написана? Или тот человек, про которого я написала, недостаточно известен, чтобы вообще про него упоминать?

Мне, как новичку в издательском деле, было тогда невдомек, что отказ – это нормально и что все сильно зависит от человека, принимающего решения. Поэтому вместо того, чтобы искать другого агента, который бы согласился взяться за издание моей книги, я лишь проглотила обиду и убрала рукопись в дальний ящик в надежде на то, что однажды у меня появится возможность ее опубликовать.

Неудачи на издательском поприще окончательно подорвали мою веру в себя. *Брось ты все это дело, Барбара. Сожги книгу, а заодно и все свои надежды и иди по жизни дальше.* Чтобы подсластить горькую пилюлю, я снова налегла на шоколадные батончики с миндалем. Шоколад, однако, не охладил моей ярости, и мне пришлось лезть в холодильник за мороженым, чтобы унять бушевавший внутри меня эмоциональный пожар. Могу со всей уверенностью сказать, что новые неприятности, наложившись на старые раны, окончательно вывели меня

из равновесия.

В очередной раз мне нужно было приходить в себя после разочарований неудавшегося брака и провала с изданием книги. Нетрудно догадаться, что мне, как никогда прежде, требовалась уверенность и гармония в жизни. И хотя табличка на моем невзрачном «шевроле» гласила: «Быть одинокой – счастье», это была далеко не пустая бравада. Я действительно любила свою семью, свою работу и своих друзей. Но как быть с вдохновением, деньгами, просвещением, моим избыточным весом и мужчинами? Все эти вопросы оставались далеко за пределами моего понимания.

Ясное дело, что, несмотря на все неурядицы, которые бывают в любой семье, семейные узы были самым надежным способом обрести требовавшееся мне спокойствие. Безусловно, мне был неприятен тот факт, что мои родители часто прикладываются к бутылке; но в целом они всегда оставались добрыми и отзывчивыми папой и мамой, которыми я безмерно дорожила. Довольно-таки быстро я успела так надоесть родственникам своим брюзжанием и бесполезными советами, что они даже прозвали меня «проповедником». Мне тогда казалось, что раз уж мне не удается наладить свою жизнь и вырасти в собственных глазах, то я могу получить необходимое признание путем чтения нотаций другим людям. Если исходить из реакции близких мне людей, этот хитрый план провалился. Но больше всего меня беспокоило то, что я не могла ответить себе на главный для меня вопрос: когда же я смогу создать полноценную семью? Шли годы, и мои не родившиеся пока дети подвергались дополнительному риску из-за стареющего с каждым днем тела их матери.

Что касается моей карьеры, с ней все было более или менее ясно. Несмотря на некоторое расхождение во взглядах с моими коллегами, которые преимущественно поддерживали Демократическую партию, я имела с ними много общего. Мне импонировали наши общие увлечения и те знания, которыми мы делились друг с другом, хотя иногда мы и придерживались разных взглядов на жизнь. Самой большой неприятностью, с которой мне приходилось сталкиваться на работе, была слишком пестрая толпа учеников. Их приходилось постоянно подтягивать по моему предмету, наставлять не откладывать выполнение заданий на самый последний момент, бороться с их ленью, апатией, безобразным поведением в классе и призывать хорошо учиться. Силы для этой постоянной борьбы мне давало участие в профессиональных конференциях, после которых я с удвоенным рвением погружалась в написание учебных пособий. Все мои усилия на поприще преподавания вознаграждали меня

за те неудачи, которые я терпела в жизни, и мне даже казалось, что сам Бог благоволит моим стараниям: «Если тебе и приходилось ошибаться в жизни, знай – твоя преподавательская деятельность будет наградой за твои страдания».

К моей радости, от матери я унаследовала способность заводить друзей в самых неожиданных местах и не упускала случая пристальнее присмотреться к новым знакомым. Независимо от того, с какими людьми меня сводила судьба, я все время пыталась наладить свою жизнь самым правильным, как мне казалось, образом – день за днем, месяц за месяцем.

Одной из главных проблем для меня были деньги: несмотря на то что у меня был постоянный доход, мне не хватало его на приобретение дорогих вещей. Особенно большую брешь в моем бюджете пробило мое стремление к увеличению состояния путем использования различных хитрых схем. На собственном горьком опыте мне пришлось убедиться, что правильное ведение финансов и округление состояния не входят в число полезных навыков семьи Аутленд.

После произошедших негативных событий – неудачного брака и отказа в публикации книги – моя квартира стала вызывать у меня отвращение, и я всячески старалась избавиться от тех «демонов», которые родились под крышей моего дома. Чуть ли не единственным радостным воспоминанием, связанным с моей квартирой, стала работа над учебным пособием по английскому языку, которым я по праву гордилась. В общем, как ни крути, у меня было очень мало доводов в пользу сохранения квартиры, и я решила выставить ее на продажу, чтобы на вырученные деньги приобрести небольшой домик.

За время моей холостяцкой жизни проявился еще один интересный момент: я самым кардинальным образом пересмотрела свои политические взгляды и даже заняла радикальные позиции по некоторым вопросам. Мой интерес к радикализму не прошел даром, и однажды я познакомилась с одним чудиком, который открыл мне глаза на зло, исходящее от федерального правительства Соединенных Штатов, и тот протест, который будоражил меня, вылился в мое увлечение протестными идеями. После общения с радикально настроенными по отношению к правительству США элементами мне начало казаться, что создание Церкви всемирной гармонии жизни позволит освободиться от тирании Федеральной налоговой службы США. После всестороннего обдумывания этой идеи я решилась на смелый шаг, а именно – стать священником новой церкви. Такая хитрая уловка позволила бы мне вырваться из тенет налоговой службы и легально списывать расходы на дом

и на машину, декларируя их при этом как затраты на церковную деятельность. Дух протеста, неизменно сопутствовавший собраниям единомышленников, желающих ниспровергнуть несправедливую налоговую систему, питал мои собственные тайные желания и придавал мне силы. Мы жили надеждами на то, что однажды наше движение обретет такое влияние на общество, которого с лихвой хватит для признания несправедливости существующей налоговой системы американским правительством. К слову сказать, мы были не одиноки в наших надеждах – нас поддерживали представители движения «Бостонское чаепитие», с которыми мы вместе искали пути совершения налоговой революции в США. Чем в итоге закончились эти поиски революции, я увидела чуть позже.

Что же касается путей познания Бога и истины, то в мире существовало столько самых разнообразных практик и систем, что мне трудно было даже вообразить себе их общее количество. Все эти пути, конечно же, не были простыми, и мне пришлось столкнуться и с верованиями конгрегационалистов, и с потерей веры после убийства Джона Кеннеди, и с детскими иллюзиями. Став взрослее, я пришла к мысли, что любая религия и любое верование имеют право на существование, – для меня, к примеру, не составляло особого труда в поисках христианского Бога использовать буддистские медитации под сенью индийских ашрамов. Кроме того, меня заворожила вера в прошлые жизни, и я с упоением зачитывалась работами Джозефа Кэмпбелла по сравнительной мифологии. Не остались без внимания и «Дао физики» Фритьофа Капры, и Библия Ламсы, и по всему выходило, что есть множество путей, посредством которых можно прийти к Создателю, и что путь Иисуса – наиболее предпочтительный.

На интуитивном уровне я начала обретать веру в то, что каждый из нас приходит в этот мир не просто так, и даже стала считать себя ответственной за привнесение Божьего промысла в повседневную жизнь. Стоит особо отметить, что я благоговела практически перед всеми религиями, и в особенности перед теми, которые отстаивали уникальный путь познания Создателя. Поэтому неудивительно, что в конце концов я остановилась на монотеистическом веровании в преподобного Христа, память о котором у меня была жива еще с детства.

Не знаю, как насчет души, но мое физическое тело продолжало вбирать в себя фрустрации и переживания. Несмотря на все мои усилия по использованию духовных практик, мне никак не удавалось взять под контроль вес и сбалансировать свое питание. Вместо следования рекомендациям «Прими витамины и выполни упражнения» я лишь по-прежнему спонтанно

фиксировала факты переедания или перекусов, невзирая на понимание необходимости ограничивать потребление определенной пищи.

Как-то раз, когда процесс перерождения моих политических взглядов был в самом разгаре, мне позвонил Арнольд и пригласил на встречу. По дороге у меня было достаточно времени, чтобы подумать над своими новыми политическими взглядами: не далее как десять лет назад во мне жила сильная уверенность в победе контркультуры, народившейся в шестидесятые, но я стала живым свидетелем быстрого увядания этого движения и потери им самостоятельности. Неудивительно, что все происходящие вокруг меня события напоминали сюжет книги Джорджа Оруэлла «Скотный двор», и я воспринимала все это достаточно болезненно: «свинюшки-командиры» удивительно быстро сумели подмять под себя безропотную и безликую массу людей. Эти политические эгоисты сделали все возможное, чтобы в нашей жизни возникли такие явления, как Уотергейт, топливный кризис, воинствующий феминизм, противозачаточные таблетки и перекосы в демографической ситуации, снижение требований к успеваемости учеников, повышение налогового бремени, ядерная угроза, голод и безудержный рост населения.

Когда президент Рейган начал рьяно отстаивать пользу индивидуальной свободы вместо косной уравниловки, я уже не могла сделать определенный выбор в пользу той или иной партии и не знала, что мне выбрать – свободу или равенство. Вы даже не представляете, насколько мне было сложно определиться со своими взглядами! Наблюдая за нашими самовлюбленными политиками, разрушавшими изнутри ценности своих же партий, я начала осматриваться по сторонам в поисках других идей.

Для начала я разложила и взвесила все за и против по каждой из крупнейших партий США. Кредо Республиканской партии с момента ее основания звучало как «Сделай себя сам», и все усилия партии были направлены на продвижение идеи о ценности личных достижений в ущерб общественному благу. Демократическая партия тем временем отстаивала патерналистский подход к общественному устройству, при котором качество жизни отдельного социального элемента обеспечивалось путем внедрения сбалансированной системы налогообложения. В процессе своих размышлений относительно политического устройства я пришла к выводу, что обе эти партии попросту использовались определенными группами лоббистов, юристов и политиков, которые в большей степени пеклись о своих собственных интересах, нежели об общественных. Я даже находила правильными слова, которыми Роберт Рингер в своей

книге «Возрождение американской мечты» охарактеризовал эти партии: «демпубликанцы и репукраты».

Мне, конечно, больше всего хотелось быть «политическим агностиком», но, к сожалению, это было невозможно: я жила в Соединенных Штатах, которые, по моему убеждению, находились в глубоком упадке, и мне ужасно хотелось понять всю глубину изменений, охвативших страну. Я еще очень долго пыталась определиться со своим отношением к происходящим в стране изменениям и в конце концов выбрала «любить то, что есть» вместо «не нравится – уезжай». При этом не могу сказать, что сделанный выбор устраивал меня в полной мере.

Как бы то ни было, все эти размышления о политических раскладах не помешали мне доехать до Арнольда, который уже поджидал меня в кафе на одной из центральных улиц Санта-Моники. Встретившись, мы с Арнольдом по-дружески поприветствовали друг друга, и я вновь попала под влияние того ощущения спокойствия, которое просто излучал мой бывший бойфренд. Сказать по правде, мне самой очень хотелось иметь хотя бы частичку этой уверенности и спокойствия. Правда, чем больше мы с ним разговаривали, тем отчетливее я понимала, что между нами оставалось все меньше и меньше общего. Мне очень неприятно это признавать, но тогда я ясно осознала, что Арнольд в своих взглядах все больше отдаляется от меня. Дополнительную нервозность вызывал «звездный» статус Арнольда, и я буквально кожей чувствовала ту пропасть, которая пролегла между нами. Наше поведение за столом можно было, конечно, принять за теплую дружескую беседу, но расставание после встречи лишь подчеркнуло нашу разницу.

На той встрече Арнольд выглядел так, словно специально соблюдал диету: должно быть, он весил около девяноста пяти килограммов. Когда я обратила внимание на вес Арнольда, то украдкой подумала, что сам он вряд ли будет «прикидывать» мой собственный вес, который я успела поднабрать с момента окончания нашей совместной жизни. У него даже была новая прическа, и сейчас его волосы были длиннее, чем обычно. Это придавало его голове вид львиной гривы, в которой уже начала виднеться седина. Обсудив последние сплетни и слухи, мы с Арнольдом перешли к более интересным вещам, а именно к моему финансовому положению, и, честно сказать, я специально искала совета по этим щекотливым для меня вопросам. Для начала я поделилась с Арнольдом своими планами по выпуску специальной обучающей телевизионной программы на базе моего пособия по скорочтению и рассказала о своих намерениях по скупке серебра и возможностях инвестирования

в недвижимость.

После того как Арнольд выслушал мои планы, он дал свою оценку моим действиям. Для начала он подчеркнул, что навык скорочтения – это, вне всякого сомнения, хороший навык, но выразил неуверенность в том, что удастся быстро собрать деньги для изготовления видеокурса. Высказав свои соображения, он предоставил мне, как безусловному эксперту в этих вопросах, самой поразмыслить над этой темой. Однако, будучи удачливым инвестором, Арнольд очень подробно прокомментировал другие мои начинания. В частности, он предостерег меня от чрезмерного увлечения серебром из-за непредсказуемости цен на этот металл и обратил особое внимание на то, что мне нужно будет иметь хороший запас денег «на всякий случай», если вдруг я решу инвестировать в недвижимость. Все его советы были просты и логичны, и потом я горько пожалела, что не последовала им.

Закончив обсуждение моих финансовых амбиций, мы плавно перешли к другому очень важному вопросу – политике. Для начала я поинтересовалась у Арнольда, известно ли ему о таком направлении политической мысли, как либертарианство. Что касается меня, то изучению этого направления я посвятила много времени, и в моем сознании оно представляло собой квинтэссенцию идей «старых республиканцев». В моем понимании ключевыми моментами идеологии либертарианства в приложении к Соединенными Штатам были две вещи: защита страны и идеалов конституции, а также предоставление гражданам свободы личности и предпринимательства в тех объемах, в которых они не затрагивают свободы других людей. В том случае если одни граждане нарушают свободы других граждан, государство должно обеспечить возможность разбирательства по допущенным нарушениям в судебном порядке. Если речь идет о налогах, то они должны быть минимальными, и для обеспечения функционирования общественных институтов должны в большей степени применяться добровольная помощь и пожертвования, уменьшая таким образом налоговое бремя граждан для содержания государства.

Что касается меня, Арнольд Шварценеггер представлялся мне идеальным воплощением образа Либертарианской партии. Я напомнила Арнольду о том, как он однажды участвовал в передаче Мерва Гриффина и поделился с аудиторией историей достижения своей «американской мечты». На той передаче Арнольд без обиняков заявил, что ни в одной другой стране мира у него не было бы ни малейшего шанса построить хорошую карьеру посредством занятий бодибилдингом. Арнольд

специально подчеркнул этот момент и сказал Мерву, что подобных успехов он смог добиться только в Штатах.

– Да ты просто настоящий герой, Арнольд! Ты родился и вырос за пределами страны, но достиг таких успехов и с легкостью мог бы стать одним из лидеров Либертарианской партии! Вся философия этой партии легко читается в тебе, и к тому же ты всегда выступал в поддержку личной свободы и предпринимательства. Думаю, что тебе по силам поменять точку зрения людей и вдохнуть в них веру в собственные силы, – произнесла я небольшую речь на одном дыхании.

Поддержке идеологии либертарианства, кстати сказать, нисколько не мешал тот факт, что Арнольд через Марию Шрайвер был связан с одним из влиятельнейших семейств, представлявших Демократическую партию.

Арнольд, однако, слегка поумерил мой пыл и выразил свою полную преданность идеалам Республиканской партии. Он даже пошутил, что со временем ему удастся «перековать этих Кеннеди» и перетащить их на свою сторону политической сцены. Так что даже если в Арнольде и жил дух либертарианства, то это был уж никак не дух истинного приверженца партии, и этому было достаточно простое объяснение: у власти в стране находились республиканцы, и именно с ними он связывал свои надежды. Мне в очередной раз стало ясно, что, в отличие от прагматичного в таких вещах Арнольда, я как была неисправимой фантазеркой, так ею и осталась.

Или все же Арнольд где-то в глубине души был идеалистом? Возвращаясь домой, я думала над его прощальными словами, которые он произнес перед нашим расставанием. Проводив меня до стоянки, Арнольд сказал:

– Вот подожди еще лет десять, и, уверяю тебя, я стану губернатором Кхали-фор-хнии!

Первые шаги Арнольда на пути к Белому Дому, 1973

Только когда я села в машину, до меня дошел весь смысл сказанного, и от волнения у меня даже перехватило дыхание. Неужели однажды Арнольд достигнет такого влияния? Сможет ли губернатор Шварценеггер, мой бывший бойфренд, избавить меня от охватившей меня меланхолии, возникшей на фоне быстро меняющихся событий в политической жизни страны? Да и хочу ли я, чтобы это произошло? Могу ли я вообразить, как буду голосовать за близкого мне человека на выборах? На недавнем собрании преподавателей Калифорнии мне удалось пожать руку губернатору штата Джерри Брауну, и, честно сказать, он не произвел на меня особого впечатления. Но что, если бы на его месте был Арнольд? По большому счету я не могла себе такого даже представить, и в возрасте тридцати одного года моя жизнь вдруг сильно изменилась и стала какой-то непонятной.

По пути домой я усиленно старалась представить себя через десять лет, когда мне будет уже сорок один год, и рисовала в своем воображении картину того, как на губернаторских выборах буду голосовать за бывшего бойфренда. Чтобы быть точной и соблюсти историческую достоверность, скажу, что это событие произошло тогда, когда мне было пятьдесят пять лет.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Во время нашей беседы я не могла не поинтересоваться у Арнольда, по какой причине наши отношения не переросли в полноценный брак.

– На протяжении тех шести лет, что мы провели вместе, я больше всего на свете хотела выйти за тебя замуж. Но ты все время открещивался от этого и говорил мне: «Я женюсь только в том возрасте, в котором женился мой отец», – напомнила я Арнольду подноготную наших отношений.

– Я что-то не помню такого, – усмехнулся он в ответ.

Тогда я поинтересовалась у Арнольда, не было ли такое поведение связано с тем, что он бессознательно примерял на себя поздний брак своего отца и поэтому не стремился жениться на мне в раннем возрасте.

– Да ничего подобного, я просто придуривался и не мог решиться на такой серьезный поступок. Понимаешь, в то время я ставил перед собой совершенно другие задачи, и голова у меня была занята всем чем угодно, но только не мыслями о браке. Проще говоря, я был не готов к такому шагу. Мне еще предстояло многого добиться, и я понимал, что не смогу совместить брак с достижением поставленных перед собой целей.

Знаешь, когда ты женат, у тебя появляется дополнительная ответственность за другого человека. Ты, по сути дела, берешь на себя обязательства по обеспечению своего партнера независимо от того, хочешь ты этого или нет. Скажем, если твоя жена потеряла работу, ты обязан ее обеспечивать, а если она заболела, обязан поддерживать ее. Если у вас появляется ребенок, тебе нужно брать его содержание на себя. Как я уже сказал, я был не готов взять на себя ответственность за кого-то в то время, когда мы жили вместе.

Со своей стороны могу сказать, что все, что ты делаешь, нужно делать с охотой и энтузиазмом. Однажды приходит время, и ты говоришь сам себе: «Да, я готов на этот шаг и хочу провести с этой женщиной остаток своей жизни». Но по большей части ты сохраняешь неуверенность в правильности своих поступков, и это происходит даже тогда, когда ты любишь человека. По большому

счету переступать через себя всегда очень трудно, – добавил Арнольд.

Абсолютное неведение

На протяжении семидесятых Арнольд активно занимался своим образованием. Ему даже удалось добиться того, что Университет Висконсина засчитал курсы, пройденные им в колледже Санта-Моники и Калифорнийском университете. Надо сказать, что Университет Висконсина настолько гибко подходил к образовательному процессу, что принял во внимание успехи Арнольда в бодибилдинге и бизнесе, позволив ему набрать необходимые баллы для дистанционного и очного обучения. Потратив в общей сложности около десяти лет, в восьмидесятом году Арнольд получил диплом бакалавра по экономике и предпринимательству. Сегодня Арнольд не просто имеет диплом Университета Висконсина, но еще и является почетным профессором всех своих бывших альма-матер, включая Чапман-колледж в Южной Калифорнии. Согласитесь, неплохие достижения для простого паренька из Таля.

Я была очень рада за Арнольда, но при этом не упускала случая осмотреться по сторонам в поисках подходящего для меня мужчины. Так случилось, что один из моих друзей был знаком с Гордоном Скоттом, одним из первых исполнителей роли Тарзана, и он все время говорил: «Барбара, я никогда не встречал человека, который был бы создан для счастья так, как ты». Моя подруга Пегги была согласна с мнением Гордона и с интересом наблюдала за моими экспериментами по поиску мужчины. Ну а я не могла согласиться на меньшее, чем найти мужчину, который сделал бы меня абсолютно счастливой, и это я знала совершенно точно.

Честно сказать, этого было нелегко добиться, и по ощущениям это больше всего напоминало возвращение из поездки в экзотическую страну, населенную львами, которые у меня прочно ассоциировались с Арнольдом. С каким бы мужчиной я ни встречалась, позади него всегда виднелась призрачная «львиная» тень Арнольда, с которым мне приходилось сравнивать каждого моего кавалера. Да и как мне было избежать таких сравнений? Что же это получается – мне придется всю оставшуюся жизнь сравнивать своих избранников с «королем джунглей»? Как мне ни трудно было это осознавать, но я до сих пор не могла избавиться от влияния Арнольда – даже несмотря на то, что он стал реже звонить мне и обозначать свое присутствие.

Поэтому неудивительно, что я искала любые способы скрасить свое одиночество. Судьба, по всей видимости,

благоволила мне, и спустя полтора года после моего неудачного «брака» с Дэрилом я познакомилась с одним интересным молодым человеком, который работал продавцом в еврейском магазине органической еды. Во время нашего романа Дэрил ухаживал за мной примерно полгода, но даже за это время я не смогла распознать в нем лжеца. Поэтому в надежде найти «своего человека» мне не оставалось ничего другого, как сделать решительный шаг и впустить в свою жизнь нового мужчину по имени Боб.

Боб был замечательным человеком – веселым и добрым, с хорошим чувством юмора. Для того чтобы доказать мне, что он не такой лжец, как мой бывший «муж», Боб с гордостью показал свой диплом бакалавра, документы на право владения трейлером и даже познакомил меня со своей мамой и друзьями. Ко всему прочему, он умел готовить и помогал матери заботиться о непутевом сыне ее родного брата. От Боба всегда веяло мятным ароматом пачули, и он не просто продавал изделия своего босса, но и предлагал покупателям собственные фирменные блюда из органических продуктов. После трудового дня Боб делился со мной впечатлениями о покупателях, товарах и сплетнях, которые он услышал во время обслуживания клиентов.

Однако довольно быстро такое поведение Боба перестало меня устраивать, и произошло это намного раньше, чем его мать стала делать замечания о наших отношениях, называя их не иначе как «межрасовый брак» между евреем и не еврейкой. Такие заявления не сулили ничего хорошего, но я, закрыв на это глаза, продолжала отношения с Бобом ради будущего моих детей.

Очень скоро выяснилось, что в наших с Бобом отношениях я играю роль тирана: вчерашний покорный раб превратился в строгого господина. Такое положение вещей мне ужасно не нравилось, и Боб явно не заслуживал подобного обращения. Ну а мне неприятно было осознавать, что из-за своей подозрительности я превратилась в настоящую мегеру, и я всячески пыталась смягчить свой сварливый характер. Со временем до меня дошел смысл произошедшего со мной перерождения: я просто облачилась в одежды Арнольда и стала играть его роль в совершенно новых для меня отношениях. Сейчас «Арнольдом» была я, ну а мою роль пришлось взять на себя Бобу. Трудно даже себе представить, насколько ужасной была эта ситуация, и я, всегда хотевшая быть такой же сильной и независимой, как Арнольд, вдруг поняла, что не желаю ни для себя, ни для Боба такой участи.

Что же касается моего переезда из квартиры в домик на колесах, то я была далеко не единственной, кто сменил свой

домашний адрес. За шесть лет отношений с Арнольдом я переезжала шесть раз, тогда как Арнольд поменял свое место жительства всего один раз. Но зато сейчас пришло время и Арнольду сделать обдуманный шаг, и на этот шаг он решился после успеха фильмов о Конане. На полученные за съемки деньги Арнольд переехал в расположенные неподалеку от Голливуда апартаменты в испанском стиле.

На фоне успехов Арнольда мои достижения выглядели очень скромно и ничего, кроме расстройства, не вызывали. Купив домик на колесах и переехав в него, я столкнулась с настоящим хаосом, царившим в округе. Безрадостная картина окружающей действительности, на которую накладывались переживания по поводу сложных отношений с Бобом, сводила меня с ума. За месяц до нашего с Бобом знакомства я продала свою квартиру и купила домик на колесах. Мой домик сейчас находился на стоянке в Канога Парке, и, помимо замечательного вида из окна, мне пришлось столкнуться с проблемами, которые были неочевидны на момент сделки. Дело в том, что по условиям договора я не владела землей, на которой был расположен мой домик, и этим не замедлил воспользоваться управляющий нашим поселением, действия которого, с моей точки зрения, напоминали поведение Гитлера. Ну и в довершение всего моим статусом «священника» заинтересовались федеральные власти, и мне это не сулило ничего хорошего.

С какой бы точки зрения я сейчас ни смотрела на свое положение, оно было таким, что врагу не пожелаешь. Помимо очередной ошибки в личной жизни, я сделала глупость и поставила под удар свои инвестиции в недвижимость. На фоне этих негативных моментов моя уверенность в завтрашнем дне становилась все призрачнее, и я в очередной раз пыталась «заесть» сластями возникшие проблемы. Как оказалось, я была быстра на действия, но совершала их впопыхах и совершенно не думала о последствиях. Поэтому неудивительно, что единственным средством от одолевающих меня страхов стало переедание. И конечно же, я при любой возможности искала поддержки у всегда спокойного и невозмутимого Арнольда. По крайней мере, когда я общалась с ним, то ощущала прилив спокойствия и уверенности. Но стоило мне только остаться одной, как вся моя уверенность моментально улетучивалась.

Прошло примерно полгода после нашего знакомства с Бобом, когда меня постигло очередное горе: серьезно заболел отец. У него недавно обнаружили рак, и последние четыре месяца он мужественно боролся со страшной болезнью, а его предсмертное состояние заставило меня пересмотреть свои взгляды на жизнь.

Как мне жить дальше и как мне лучше всего вести себя с Бобом? Кто будет платить по счетам за дом, если, не дай бог, меня сочтут виновной в уклонении от уплаты налогов? Все эти проблемы свалились на меня одновременно, и в довершение всего мой отец находился при смерти.

Я всю жизнь могла рассчитывать на помощь отца, и, хотя у меня частенько не хватало ума прислушиваться к его советам, его позитивный настрой всегда помогал мне в трудную минуту. Но вот пришло время, и я услышала страшные слова «Отца больше нет», заставившие мое сердце сжаться от безысходной тоски по ушедшему из жизни близкому человеку. После смерти отца у меня остался только один способ вновь услышать его советы – использовать свое воображение и просить его о том, чтобы он пришел и помог мне тогда, когда я больше всего нуждалась в нем.

В день похорон я приняла трудное для себя решение – и, думаю, отец бы поддержал меня в этом: я решила закончить отношения с Бобом, так как он, по моему мнению, заслуживал более достойной женщины, чем я.

В это тяжелое для нашей семьи время Арнольд проявил особое внимание к моей матери. Он интуитивно чувствовал, что ей сильно не хватает мужа, с которым она прожила сорок один год, и в память об умершем супруге преподнес ей четки, освященные самим папой римским. Хотя моя мать не была католичкой, она с благодарностью приняла этот подарок, и он оставался с ней вплоть до ее смерти. Что касается меня, то Арнольд продолжал поддерживать меня по телефону и помогал мне справиться со свалившимися на мою голову неприятностями, а мне лишь оставалось учиться жить в потускневшем и опустевшем мире.

Целый вал негативных событий, обрушившийся на меня, вызывал во мне воспоминания о тренинге *est,* который я когда-то проходила, и сейчас я снова встала на путь поиска истины и умиротворения. Мне это напоминало поиски святого Грааля рыцарем Персивалем, который отправился добывать священную реликвию в тот самый момент, когда все остальные рыцари Круглого стола отказались от продолжения поисков. Согласно преданиям, в святой Грааль собрали кровь распятого Христа, и эта чаша, как считалось, содержала Его благость и силу. Поэтому неудивительно, что я хотела испить из этой чаши, чтобы обрести силу и уверенность в себе, как это уже однажды произошло после прохождения *est*-тренинга. Да и разве я многого просила? Хотя, надо признать, вместо того чтобы благоговеть перед величием святого Грааля, я, фигурально выражаясь, просто

плевала в него.

Каждый раз, как только мне приходилось столкнуться с очередным разочарованием в своей жизни, я скатывалась в пучину самокопания и самоуничижения. К примеру, одним воскресным днем я пошла в кино на недавно вышедший фильм *Conan the Barbarian*, главную роль в котором сыграл Арнольд. Честно сказать, до этого дня я ни разу даже не задумывалась над тем, каково мне будет смотреть на Арнольда, который занимается любовью с другой женщиной. И вот этот момент наступил: на экране Арнольд обнимал Сэндал Бергман своими сильными руками, гладил ее губы, бедра и волосы именно таким образом, к какому я привыкла за время наших отношений. Даже звуки, которые он издавал в процессе любовных ласк, были те же самые, что и в моей «прошлой жизни». По пути домой на меня в очередной раз навалились невеселые думы. *Как мне относиться к тому, что я только что увидела на экране? Стоит ли мне ходить на другие фильмы с Арнольдом? Кем он мне вообще сейчас приходится? Почему этот человек занимает такое важное место в моей жизни? Что мне делать с воспоминаниями о наших отношениях, которые остались далеко в прошлом? Смогу ли я вообще когда-нибудь освободиться от того влияния, которое Арнольд продолжает оказывать на меня? А что, если мне придется всю жизнь прожить под его влиянием?*

Примерно такие невеселые мысли крутились у меня в голове, и постепенно я стала приходить к выводу, что столь прочное место в моей жизни Арнольд занял по той причине, что его яркая и насыщенная жизнь голливудского актера резко контрастировала с моей обыденной повседневностью. А вдруг случится так, что когда-нибудь в будущем мы снова станем парой? Я даже не понимала, как воспринимать внезапно возникшее предположение, но одно я знала совершенно точно: мне всегда было трудно совладать с его неуемной энергией и предприимчивостью.

Другим расстраивавшим меня моментом стали постоянные расспросы о наших с Арнольдом бывших отношениях: «Как, неужели ты с ним жила когда-то? Да не может этого быть – ты, должно быть, шутишь! Тебе что, правда нравились все эти мускулы?» Были и такие замечания: «Мы с Арнольдом посещали одни и те же курсы актерского мастерства, и, представляешь, он флиртовал со мной напропалую, несмотря на то что я замужем и он знал об этом. Меня это так раздражало! А что ты об этом думаешь?» Не удавалось мне отвертеться и от пересудов такого рода: «Боже, ну что он за свинья! Я просто не могу поверить, что у него такие дурные манеры. Однажды я видела, как он начал

бросаться едой и устроил целое побоище. Как ты вообще могла жить с ним?» Не оставались в стороне и телефонные разговоры: «Я встретила его в своем спортивном зале в Нью-Йорке, и он расспрашивал меня о тебе и твоих делах! Он даже собирался тебе позвонить в ближайшее время. Так он тебе уже позвонил?» Подружки постоянно удивлялись: «О боже, да ты просто *шутишь*! Ты? Жила с ним? Ну и каково это? Я всегда знала, что он нормальный парень». Ну а самым излюбленным вопросом друзей и приятелей, конечно же, был этот: «*Какой* у него?»

Не надо говорить, что темы расспросов менялись от разговора к разговору, и, в зависимости от своего настроения, я либо посмеивалась над этими попытками выведать мои тайны, либо ужасно злилась. Я, правда, не знала, следует ли мне гордиться подобным вниманием к своей персоне, которое по большому счету возникло на фоне набирающего популярность и общественный вес Арнольда. Стоит ли мне критиковать и обсуждать с кем-то его выступления на публике или в печати? Или с самым невинным видом просто уходить от подобных расспросов? По правде сказать, от всех этих мыслей я потеряла столько жизненной энергии, что мне становится жаль потраченных впустую сил.

Как раз в это время я в очередной раз пыталась бросить курить, избавиться от одолевающей меня вредной привычки. Однако я очень быстро обнаружила, что это не так-то просто сделать и что каждая новая выкуренная сигарета дает мне какое-то ощущение уверенности, которое я больше нигде не могла получить. Оказалось, что по степени своего успокаивающего воздействия даже шоколад не мог соперничать с сигаретами. В итоге каждый понедельник я сталкивалась с одной и той же картиной: просыпалась с твердой уверенностью бросить курить, которая совершенно непостижимым образом испарялась к полудню. Закончилось это все тем, что как-то под Новый год меня озарила интересная мысль: я смогу избавиться от своей вредной привычки только в том случае, если обрету внутреннее спокойствие.

Небольшой передышкой во всем этом негативе, происходившем со мной в последнее время, стала публикация моего учебного пособия по скорочтению. Наконец-то я смогла самостоятельно сделать что-то стоящее в своей жизни! И конечно, я не преминула поделиться радостью с Арнольдом – он одним из первых получил копию моей книги с автографом. Арнольд не стал ждать и после получения книги сразу же перезвонил мне с поздравлениями.

– Ну вот и все, ты стала автаром! Хотелось бы мне пасматреть

на учеников, которые будут заниматься по твоему учебнику по скарочтению. Да я и сам не прочь четать побыстрее, и вокруг столько всего, что я бы хател прочесть. Классная работа, Бар-бар-ха!

Опубликованная книга пошла мне на пользу: спустя некоторое время после ее выхода меня пригласили на работу в Университет Южной Калифорнии, где на протяжении следующих семи лет я занималась разработкой учебных программ подготовительных курсов для поступающих. Эти абитуриенты, как правило, были настолько испорчены телевидением, что мне приходилось прилагать определенные усилия, чтобы вызвать у них интерес к чтению и интерактивному обучению. Все свои программы я старалась делать таким образом, чтобы в максимально сжатой форме передать как можно больше полезной информации.

Новое место работы позволило мне чувствовать себя намного увереннее, и я даже сумела добиться заключения контракта на чтение моих курсов в одной из школ по обучению торговцев недвижимостью. Я читала курсы в разбросанных по разным частям Лос-Анджелеса офисах этой школы и помогала торговцам в их подготовке к прохождению квалификационного экзамена, необходимого для получения лицензии.

Ко всему прочему, на этот период пришлось мое увлечение различными теориями функционирования человеческого мозга. Мне даже удалось разработать специальные программы по развитию творческого мышления для преподавательского состава, которые я с успехом читала в Университете Ла Верна и Университете Санта-Барбары. По сути дела, я была не чем иным, как машиной по обучению других людей, – и, собственно говоря, что в этом было плохого? Я делала то, что у меня получалось лучше всего, и при этом постоянно ощущала благодарность своих учеников. Мне трудно сказать, что больше всего поддерживало меня в моей деятельности – нереализованный материнский инстинкт или вера в то, что я могу в какой-то мере изменить жизнь своих учеников. Но как бы то ни было, в своих учениках я обретала то спокойствие, которое мне было необходимо, и они стали очень важной частью моей жизни.

Мне, правда, пришлось прилагать усилия для того, чтобы всячески скрывать или, по крайней мере, не афишировать свою связь с Арнольдом. Дело в том, что многие мои ученики с увлечением обсуждали своего нового кумира, которым, как нетрудно догадаться, был мой бывший бойфренд. Независимо от пола и возраста, они боготворили Арнольда за его прекрасное

тело, славу, богатство, успех, влияние и обширные связи. Я старалась помалкивать и не влезать в эти обсуждения без лишней необходимости. Но иногда, когда я чувствовала особый настрой с какой-либо группой студентов, я могла сказать, что Арнольд Шварценеггер – это мой бывший бойфренд. «Что? Да вы просто шутите! Нет! Серьезно? Расскажите нам, как вы с ним познакомились?» Ну что сказать, Арнольд для большей части моих учеников был символом того, чего бы они хотели добиться в жизни.

Если оставить в стороне приятные моменты, придававшие мне сил, и оглянуться на другие аспекты моей жизни, то можно было увидеть массу трудностей. Одной из самых неприятных проблем для меня в то время стало разбирательство с налоговой службой, которая усмотрела в моих действиях способ ухода от уплаты налогов и потребовала от меня возмещения в девять тысяч долларов. Карточный домик, выстроенный мной, начал рушиться, и моего дохода было явно недостаточно, чтобы собрать необходимую сумму. Мне не помогло даже то, что ко мне переехала моя подруга Пегги и мы делили с ней расходы на содержание жилья. Единственным выходом из создавшейся ситуации стала продажа дома, и я была далеко не одинока в своем решении: многие соседи тоже пытались продать свои дома. Причины для продажи недвижимости у всех были разными, но все мы стали заложниками вопиющего поведения управляющего нашим земельным участком, который, по сути дела, взял домовладельцев в заложники и не позволял им продавать свое жилье. Пытаясь продать дом, я столкнулась с тем, что банки выставили на продажу соседние объекты по совершенно бросовым ценам, и такое бедственное положение не вызывало у меня ничего, кроме отчаяния.

Работа в Университете Южной Калифорнии принесла мне еще один приятный бонус: когда одной из аэрокосмических компаний потребовался специалист по скорочтению, мое руководство порекомендовало меня, и я должна была обучать ученых, работавших над проектом космического челнока, навыкам быстрого чтения текстов. Проработав с этим научным коллективом примерно с полгода, я совершила очередной безумный шаг в своей жизни – вышла замуж в третий раз. Да и разве могла я остаться равнодушной к человеку, с которым познакомилась в ходе совместной работы и который был так похож на киноактера Джорджа Пеппарда? Спокойствие, жизненная энергия, остроумие и сила выгодно дополняли «киношную» внешность моего избранника. Втайне я даже радовалась этой встрече – ведь мне наконец-то удалось найти

настоящего мужчину, который всем своим жизненным опытом, полученным при работе на крупную корпорацию, мог противостоять напору Арнольда.

Надо сказать, что на протяжении всей жизни мои родители сильно злоупотребляли алкоголем, и мне это приносило только неприятности и дополнительные расстройства. Поэтому я никогда не могла себе представить, что однажды выйду замуж за человека, который прикладывается к бутылке. Но именно так и вышло с моим новым спутником жизни: он злоупотреблял алкоголем, хотя и клятвенно обещал мне, что не будет пить, вплоть до нашей свадебной церемонии. Правда, когда он произносил эти слова, от него попахивало пивом, а у меня в это время в голове носилась тревожная мысль: «Если он позволяет себе такое поведение в самом начале, он будет постоянно так себя вести. Это просто какой-то заколдованный круг, но делать нечего, и надо идти дальше. Аминь». Обсудив эту проблему, мы решили официально скрепить наш союз и жить вместе.

Если рассмотреть жизнь человека, злоупотребляющего алкоголем, то можно увидеть, что, помимо алкоголизма, который не приносит ничего хорошего, случаются периоды нежности и обожания, и нам с Биллом пришлось пройти через все эти фазы. С одной стороны, у нас было много общего: мы любили дом и домашний уют, домашних животных, чтение, садоводство, гольф и просто обожали путешествия. Вместе с Биллом мы гуляли, развлекались и говорили на разные темы – в общем, жили обычной жизнью. На фоне нашей обыденной жизни я постепенно начала надеяться, что мы с Биллом сможем настолько скрепить наши отношения, что это позволит нам избежать развода, но где-то в глубине души у меня уже поселилась тревога за нашу будущую семейную жизнь.

Ко всему прочему, Билл был старше меня на девять лет, и нам пришлось серьезно обсуждать вопрос о рождении детей. Дело в том, что Билл был в разводе и у него от первого брака уже было двое сыновей, и, честно сказать, он не особо стремился обзавестись очередным потомством. Мое положение было ничуть не лучше: мне было уже тридцать пять лет, у меня были диагностированы серьезная болезнь позвоночника и проблемы с женским здоровьем. Безрадостную картину дополняло и то, что, постоянно общаясь с большим количеством людей, я прекрасно видела, насколько упал уровень жизни и в каких условиях растут современные дети. Еще десять лет назад я бы даже не задумалась над этими вопросами, но жизненные огорчения, возраст, разбитые мечты и надежды заставили меня по-другому смотреть на вещи.

Неудачный опыт прошлых отношений окончательно подорвал

мою веру в себя, и этот негатив временами просто давил на меня всей своей тяжестью. В моей жизни было очень много разочарований, и это привело меня к утрате ценности отношений. На своем веку я повидала слишком многих молодых девушек-студенток, оставленных своими молодыми людьми, которые прямо говорили мне: «Если бы я только знала, через что мне предстоит пройти, я бы никогда не заводила ребенка. Я, конечно, любила его, но не до такой же степени…»

Вся эта пестрая мозаика складывалась в одну картину: жизнь, конечно, увлекательная, но очень непростая штука. Поэтому я пришла к выводу, что добавлять хорошую порцию неопределенности в и без того нестабильную жизнь явно не стоит. Закончилось все это тем, что мы с Биллом решили не заводить детей и я согласилась на прохождение процедуры медицинской стерилизации. Таким образом, все мои мечты о счастливом материнстве закончились на операционном столе под скальпелем хирурга.

Распрощавшись с нашими нерожденными детьми, мы с Биллом полностью посвятили себя развитию отношений. Очень быстро, однако, выяснилось, что мы по-разному понимаем отношения, и если я позволяла некоторую свободу в нашей жизни, то Билл выступал за ограничение и контроль. Ради спасения нашего брака мы начали активно посещать специалистов по семейным отношениям и старались подвести наши темпераменты и предпочтения под единые правила. Поначалу мы вместе с мужем ходили к обычным врачам и посещали собрания анонимных алкоголиков, на некоторых из которых Билл иногда даже признавался в своем пристрастии к алкоголю. Нам как-то даже удалось найти хорошего специалиста, который пытался наладить наши отношения, но, к большому сожалению, все усилия пошли прахом, и бутылка всегда одерживала верх. Мы даже прибегли к услугам Дэвида Уискота, признанного корифея врачевания душевных и семейных проблем. За консультации этого известного врача-психиатра мы заплатили большие деньги, но даже его советы не смогли сохранить наш брак.

Была, правда, еще одна проблема, про которую необходимо рассказать отдельно по причине того, что она оказала большое негативное влияние на наши с Биллом отношения. За два дня до церемонии бракосочетания, воспользовавшись моим отсутствием дома, Билл совершенно бесцеремонным образом ознакомился с содержимым моих личных дневников. Сделал он это без моего разрешения и, если так можно сказать, облапал память о самых сокровенных моментах моей жизни. После того

как прямо накануне свадьбы вскрылся этот поступок, «мой бывший Арнольд» стал яблоком раздора между мной и Биллом и навис дамокловым мечом над нашими отношениями.

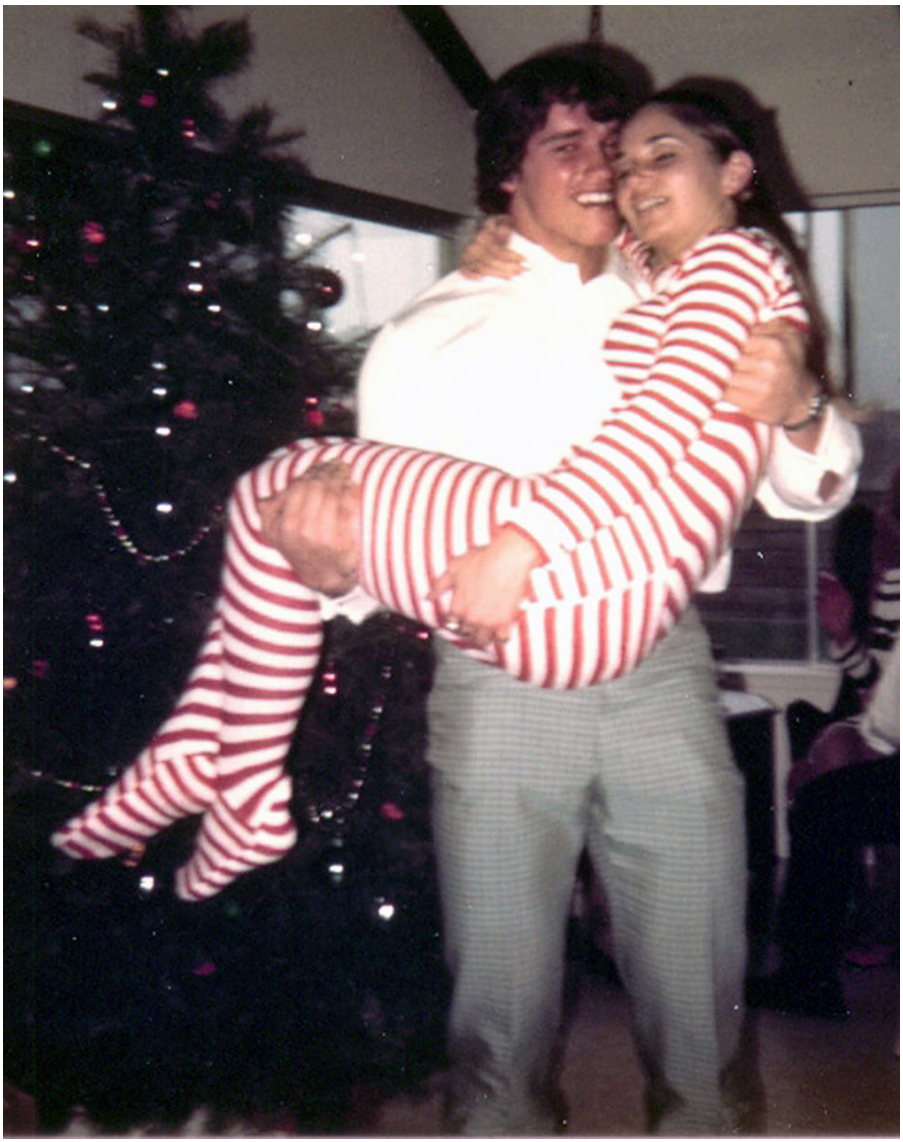
Такое бесцеремонное вторжение в мое личное пространство внесло атмосферу недоверия и подозрительности в наш брак. Билл никак не мог перебороть в себе чувство ревности к Арнольду, которого, как внезапно выяснилось, я когда-то очень сильно любила. Тема моих отношений с Арнольдом всегда выходила на первый план в любых наших перепалках, и, несмотря на то что я любила Билла и всячески пыталась донести до него свою точку зрения, со стороны это всегда выглядело как притворство и обман.

Мы с Биллом прожили семь долгих лет, в течение которых я с разочарованием наблюдала за шедшими под откос отношениями: радость и веселье со временем превратились в подколки и личные обиды. Наша жизнерадостность и наслаждение друг другом переросли в ярость и неприятие, а любовь стала лишь средством манипуляции. Я до последнего старалась поддерживать хорошие отношения с Биллом, пока раз за разом возрастающее напряжение не заставило меня окончательно уйти в себя.

К этому состоянию уединения в браке меня подтолкнула одна из встреч с Арнольдом, которая произошла в рождественскую пору 1988 года. А случилось вот что: у моей сестры Марианны и ее мужа недавно родилась дочь Саманта, и мы все вместе хотели отпраздновать пополнение в нашем семействе. На большую вечеринку по случаю Рождества моя мама пригласила всех родственников, включая моего племянника Боба с его женой Лори. Так вот, Боб с Лори по дороге к родителям заехали ко мне домой, и мой племянник спросил меня, будет ли на этой встрече Арнольд. Мужа в тот момент дома не было, и я без всякой задней мысли созвонилась с Арнольдом, чтобы передать просьбу моего племянника повидаться с ним на нашем семейном торжестве. По счастливому стечению обстоятельств Арнольд был свободен и согласился приехать повидать нас на вечеринке, которую мы планировали провести в одном из ресторанов Малибу.

Ко времени нашей встречи мы с Арнольдом не виделись уже несколько лет, хотя и продолжали созваниваться, чтобы перебросится парой слов. Не нужно говорить, что к этой важной для меня встрече я готовилась очень тщательно и постаралась принарядиться, чтобы произвести хорошее впечатление на Арнольда. На этот раз я выбрала зеленые брюки и белую блузку, декорированную узорами. Надо сказать, что узоры

на блузке я сделала сама, и они очень подходили к зеленым брюкам. Этот веселый наряд поднимал мне настроение в наступившую рождественскую пору и добавлял хорошую порцию оптимизма.



Я на руках Мистера Олимпия, 1971

Я на руках Мистера Олимпия, 1971

Мы с Арнольдом на пирсе в Малибу, 1988

Мы втроем – я, Боб и Лори – приехали в ресторан чуть раньше Арнольда, и я даже сейчас помню, как специально попросила официантку посадить наших гостей за самый лучший стол. На мою просьбу официантка отреагировала с истинным пренебрежением, и в ее взгляде явственно читалось: кто я такая, чтобы указывать ей, за какой стол нас посадить, особенно в рождественскую-то пору, когда в этом ресторане не было отбоя от голливудских звезд? Но выбор столика для встречи с Арнольдом был для меня далеко не праздным занятием – ведь мы с ним не виделись очень давно, тем более в публичном месте. Ну и, ко всему прочему, Арнольд добился просто ошеломляющего успеха в кино и сейчас был не просто *Конаном*, но еще и *Терминатором*, и поэтому встреча с ним на людях требовала соответствующего антуража.

В ресторан Арнольд вошел быстро и стремительно – так, словно пытался застать всех врасплох. Понять его, конечно, можно: он уже успел подустать от постоянного внимания к своей персоне со стороны окружающих, но при этом никогда особенно не пытался скрывать своего присутствия в публичных местах. Расположившись наконец за столом, Арнольд со всей возможной внимательностью и расположением завел разговор с мной и моими родственниками. Для начала он стал развлекать нас обсуждением блюд, которые мы успели заказать до его прихода, и делал это настолько умело, что мы были просто заворожены его речами. Да что там говорить про нас, если даже столь неприветливая и надменная официантка, с которой я столкнулась перед самой нашей встречей, заглянула к нам «на огонек», чтобы посмотреть, над чем это мы так громко потешаемся. Арнольд при этом чувствовал себя как рыба в воде: у него была хорошая память, и он очень умело мог собрать из разрозненных историй и фактов, которые происходили с нами в прошлом, единую картину событий. Не надо и говорить, что подобные воспоминания здорово веселили нас, – ведь мы получили возможность окунуться в нашу прошлую жизнь, когда все казалось простым и понятным, а мы были молодыми и бесшабашными.

Когда пришла пора прощаться, мне было не так-то легко это сделать. Я всеми своими фибрами ощущала, что та душевная связь, которая когда-то соединяла меня с Арнольдом, становится все тоньше и призрачнее. Мне даже стало казаться, что Арнольд перестал воспринимать меня как свою бывшую девушку и я стала для него лишь одной из поклонниц. Какая все же странная штука жизнь: Арнольд уже начал забывать меня, но его известность и популярность лишь усиливали мой интерес к нему. Когда я помахала Арнольду рукой на прощанье, то вдруг вспомнила слова одной из гадалок: «В твоей жизни всегда будет человек, чье имя начинается на букву *А*». Ну что на это сказать – судьба намертво привязала меня к Арнольду, и он стал частью меня.

На обратном пути мы вместе с Бобом и Лори обдумывали очень важный момент: каким образом преподнести историю о встрече с Арнольдом моему мужу. Как лучше всего повести дело, чтобы он не впал в ярость от своей ревности? Последующее развитие событий показало всю напрасность нашей предварительной подготовки. Несмотря на присутствие моих родственников на встрече с Арнольдом, что решительно исключало любовную интрижку с бывшим бойфрендом, это не удержало Билла от припадка ревности, а чрезмерное употребление алкоголя лишь подлило масла в огонь старых обид

и страхов.

Столкнувшись с такой реакцией мужа, я сделала для себя вывод: если я еще раз захочу встретиться со своим бывшим, мне лучше всего делать это тайно и не особо афишировать свои действия. Несмотря на все разочарования в семейной жизни, я тем не менее до последнего старалась сохранить брак и отношения с мужем. С этой целью я попросила Арнольда не звонить мне домой, а использовать для связи мой рабочий телефон – в этом случае я могла не переживать о том, что он случайно попадет на моего мужа. Как только я посвятила Арнольда в переживаемые мной трудности, он снова взял на себя роль уверенного в себе самца, выступающего в качестве советника и поверенного слабой женщины. Конечно, если бы мой брак не был столь суровым и напряженным, я не стала бы прибегать к помощи тайных разговоров со своим бывшим бойфрендом, но в данном случае это было лучшее, что я могла сделать.

Бóльшая часть наших с Арнольдом телефонных разговоров была лишь обычной досужей болтовней, когда старые приятели рассказывают друг другу о текущих делах. Иногда, когда Арнольд уезжал куда-то, он, оказавшись один в незнакомом месте, не упускал случая позвонить и поговорить со мной. При этом, если было поздно, Арнольд звонил мне домой, а не на работу, и, когда трубку брал мой муж, просто бросал ее, чтобы не выдать себя. Но иногда по вечерам нам с Арнольдом все же удавалось поговорить: мой муж был радиолюбителем и подолгу просиживал возле своего оборудования, что давало мне отличную возможность говорить со своим бывшим сколько душе угодно.

Во время одного из таких разговоров Арнольд упомянул о том, что Марию собираются повысить и перевести с должности обычного репортера на должность ведущей утренней передачи. Судя по всему, Арнольд был просто в восторге от этой новости, ведь Мария добилась подобных успехов в карьере самостоятельно, и это не могло не радовать такого целеустремленного человека, как мой бывший бойфренд. Карьера телеведущей, к слову сказать, не просто повышала самооценку Марии, но и делала ее более независимой в глазах Арнольда, а независимость и самостоятельность – это были как раз те качества, которые он очень уважал в людях. На словах я попросила передать мои поздравлении Марии и пожелала ей всяческих успехов.

Как-то раз Арнольд рассказал мне про своего нового питомца, пса Конана, подаренного ему отцом Марии Сарджентом Шрайвером. Сарджент специально сделал такой подарок Арнольду, чтобы своими глазами увидеть, как тот будет

проявлять свою любовь и заботиться о живом и небезразличном ему существе. Арнольд всегда тепло относился к животным, и лично я даже не сомневалась, что он с честью пройдет это испытание, которое подкинул ему будущий тесть.

Однажды, улучив благоприятный для такого вопроса момент, я поинтересовалась у Арнольда о том, как обстоят их дела с Марией.

– Ну, ты же знаешь женщин, Бар-бар-ха! Я купил самае бальшое кальцо с брыллиантом, которое вообще смог отыскать, и, когда мы с Марией были на отдыхе в Граце, я сделал ей предлажение. И Мария согласилась выйти за меня замуж!

Когда я услышала такие новости, то осознала, что, несмотря на весь мой жизненный опыт и возраст, я так и не стала по-настоящему взрослой. Мне сразу же вспомнилось то время, когда я, а не Мария, была вместе с Арнольдом в тех местах и даже ужинала с его матерью. Нахлынувшие на меня воспоминания были настолько яркими и ценными для меня, что у меня на какое-то время даже перехватило дыхание. Я представила, как Арнольд обнимает Марию своими сильными руками, и мне стало так больно от этого видения, которое шло вразрез с моими давними мечтами. В этот момент я сразу начала обдумывать ситуацию, свидетельницей которой только что стала. *Во время наших отношений с Арнольдом я достаточно нервно реагировала на его поведение, но вот что интересно: а как реагировала Мария? Постой-ка, а сколько они уже вместе? Что-то около десяти лет? Да, хотелось бы мне знать, любит ли Мария Арнольда так же, как и я, или нет? Ведь с ее-то положением у нее есть больше возможностей заинтересовать Арнольда.* Я с грустью взглянула на свое собственное обручальное кольцо, украшенное тремя бриллиантами, которое лишний раз напомнило мне о неудавшемся и несчастливом браке, в котором я тогда пребывала. Признаюсь, мне было бы намного легче услышать такие новости от Арнольда, если бы я жила в счастливом браке, но все, что мне оставалось, – сделать хорошую мину при плохой игре и выдавить из себя дежурную фразу:

– Ты, должно быть, очень этому рад! Поздравляю!

Ощущая подспудное чувство разочарования от полученных известий и крушения своих бывших надежд, я постаралась поскорее сменить тему разговора и начала расспрашивать Арнольда о насилии в фильмах. Последние киноленты с его участием, такие как *Red Sonja* и *Raw Deal*, были наполнены насилием и жестокостью, поэтому я задала такой вопрос:

– Как ты думаешь, голливудские воротилы когда-нибудь признают – ну ты знаешь, что, согласно исследованиям ученых,

дети перенимают увиденное на экране, и это подталкивает их к совершению преступлений?

– Да ты что! Между насилием в кено и риальной жизнью вообще нет никакой связи. Ведь кено – это лишь развлечение, уход от павседневной риальности, и ничего более. Если хочешь знать мое мнение, я просто абажаю свои фильмы!

Восьмидесятые стали золотым десятилетием Арнольда: его фильмы выходили на экраны один за другим, и я не переставала удивляться такому феноменальному успеху на «фабрике грез» простого паренька из Австрии. Мне начало казаться, что по-настоящему я и не знала этого человека и даже не могла себе представить тех легендарных успехов, которых он добьется в жизни. Я, конечно, предполагала, что из него выйдет хороший предприниматель и делец, но можно ли было предвидеть *такой* успех? И каждый раз, как только я сталкивалась с очередным подтверждением успехов Арнольда, на меня наваливались горечь и обида от своего собственного удручающего положения и несчастливого брака. Будь у меня счастливый брак и доверительные отношения с мужем, я бы смогла справиться с мыслями об успехах моего бывшего бойфренда. Но имя Арнольда было под запретом у нас в доме, и мне приходилось решать свои проблемы в одиночку.

К 1986 году мы не виделись с Арнольдом уже несколько лет, и он, посчитав, по всей видимости, что наша разлука затянулась, пригласил меня на съемки своего нового фильма *The Running Man*. Как раз перед этим я рассказала Арнольду о своем новом увлечении живописью и об успехах, достигнутых на этом поприще: дай мне дерево, одежду, холст или просто стену, и я быстро превращу этот невзрачный исходный материал в произведение искусства. Подхватив тему искусства, Арнольд попросил меня привезти на нашу встречу какие-нибудь из моих работ. Дождавшись, когда муж уйдет на работу, я отобрала парочку лучших полотен и уложила их в багажник. Как же мне хотелось в тот момент выглядеть под стать своим работам – но, к сожалению, недавняя травма, полученная во время катания на горных лыжах, вынуждала меня носить специальные шины. Я и так никогда не выглядела слишком худой, а уж в тот день мне вообще нечем было похвастаться.

Арнольд заранее позаботился о том, чтобы работники студии встретили меня и проводили в его персональный трейлер. Здесь, в трейлере, я вновь увидела того человека, под чарами которого я капитулировала восемнадцать лет назад. У Арнольда теперь была новая стрижка, да и цвет волос слегка изменился, но он продолжал оставаться все таким же властным

и целеустремленным, как в тот самый первый раз, когда мы с ним встретились в кафе «Деликатесы Зака». Прошло много времени с нашего знакомства, и мы с Арнольдом изменились, стали взрослее. В нашей теперешней встрече не было и намека на флирт: мы вели себя как старые приятели, у которых в жизни есть свои радости и горести. На мой взгляд, у Арнольда дела шли очень хорошо, чего нельзя было сказать о моем положении. Арнольд даже в шутку называл меня «Марией», и его дурачество очень походило на фрейдистские оговорки, но я решила не придавать этому особого значения. Нашу встречу мы закончили совместным обедом, распив по бокалу хорошего белого вина.

Затем настала очередь сигар – Арнольд, судя по всему, не расставался с ними даже во время съемок. Удивительно, но сигары ему прикуривал то Джим Белуши, то какие-то непонятые люди – возможно, это был даже сам директор картины или кто-то из съемочной бригады. На самом деле трудно сказать, как прошел тот день, но мне он запомнился тем, что я тогда вымоталась до такой степени, что мне даже трудно было вспомнить, когда прежде у меня было такое же состояние. Но, помимо сигарного дыма, мне пришлось еще столкнуться с постоянными взрывами пиротехники на съемочной площадке, призванными создавать нужный антураж для картины. Когда съемочный день подошел к концу, я была ужасно зла на все вокруг: на Арнольда – за то, что он не посмотрел на мои работы, а также на мешающие мне шины. Я устала и чувствовала себя разбитой, а по дороге домой еще и попала в огромную пробку. По случаю пятничного вечера все дороги были забиты, и от тяжелого дня у меня просто раскалывалась голова. Нетрудно догадаться, что я была в огромном «восторге» от встречи.

Эта встреча в очередной раз заставила меня пересмотреть свои отношения с Арнольдом. *Что это было? Это была просто дружеская встреча? Или просто встреча старых знакомых? Или это был просто способ проверки наших отношений со своими половинами?* Я просто терялась в догадках, что́ Арнольд хотел сказать этой встречей: поразить меня своими успехами в кино или просто отдать дань уважения бывшим отношением. Во всяком случае, я поняла лишь одно: это была наша последняя встреча наедине перед его женитьбой на Марии Шрайвер. Мой воспаленный разум без устали подкидывал мне все новые и новые вопросы, на которые, к великому моему сожалению, у меня не было ответов. Вернувшись домой и сославшись на плохое самочувствие, я скрыла от своего мужа факт свидания с Арнольдом – вот так и закончилась моя последняя приватная

встреча со своим бывшим бойфрендом.

После той встречи Арнольд мне еще изредка позванивал, но постепенно его образ стал занимать все меньше и меньше места в моей жизни. И вот как-то раз, спустя примерно два года после той памятной встречи на съемочной площадке, я получила заказное письмо из Мексики. Я очень удивилась, когда в своем почтовом ящике обнаружила извещение на получение заказного письма, к тому же в этом извещении был один странный момент: письмо пришло на мою девичью фамилию. Честно сказать, я даже не знала, на кого подумать, – кто бы стал отправлять заказное письмо на мою девичью фамилию, зная, что я замужем? Ведь, как ни крути, я не была настолько важной персоной, чтобы получать корреспонденцию подобным образом. Придя в почтовый офис и расписавшись в получении письма, я взяла конверт в руки и тут же узнала хорошо знакомый мне почерк Арнольда. *Ба! Да это письмо от Арнольда! Что же это он мне написал?* Вернувшись в машину, я осторожно вскрыла запечатанный конверт. Да, определенно, это был почерк Арнольда на бланке международных отправлений. Письма на подобных бланках он присылал мне и раньше из своих зарубежных поездок, но это был первый раз, когда он прислал мне заказное письмо. В письме Арнольд писал, что сейчас снимается в очередном фильме в Мексике и хотел бы повидаться со мной. «Так, Арнольд, что все это значит?» – тут же спросила я себя, закончив чтение необычного послания.

Удовлетворив любопытство, я поехала к себе домой, где не отказала себе в удовольствии снова перечитать письмо Арнольда. Я с нежностью рассматривала буквально каждую букву, выведенную его рукой, и смеялась над расставленными в тексте смайликами – это вообще был наш фирменный знак. Не до конца понимая смысл полученного письма, я решила убрать его в папку, где у меня хранилась переписка с друзьями и знакомыми. В это трудно поверить, но мой муж случайно наткнулся на это письмо, когда искал какой-то пустяк. Найденное письмо вызвало в нем такую бурю эмоций, какую даже трудно себе представить, и по большому счету этот приступ не оставлял нам ни малейшего шанса на сохранение брака.

– Ты ведь до сих пор не можешь его забыть, не так ли, Барбара? Я так и знал, что ты с ним спишь. Да и пошла ты…

Собрав кисти, разбросанные мужем по комнате, и вытерев разлитую по полу воду, я испытала сильнейший страх за свою жизнь. Именно сейчас я осознала, что больше не могу жить под постоянным прессингом со стороны мужа, с его постоянными подозрениями и неконтролируемой яростью. К тому же я очень сильно злилась на Арнольда, который своей бесцеремонной

выходкой устроил мне очередные неприятности. Я даже представила себе, как он наслаждается съемками в Мексике и не знает, причиной каких несчастий он стал. *Конечно, Арнольд пишет, что в Мексике хорошо и красиво и он с удовольствием показал бы мне всю эту красоту. Он ведь прекрасно знает, что мне нравится и что я люблю больше всего. А еще он написал, что надеется, что у меня все хорошо…* Честно сказать, даже мой неудачный брак не мог служить оправданием этому поступку. *Зачем он вообще посылал мне это письмо?* Подобные переживания из-за непонятных и необъяснимых поступков Арнольда мне были хорошо известны по нашей совместной жизни, и они всегда вызывали у меня приступы страха и мощный прилив адреналина.

Для того чтобы разобраться в ситуации, я решила провести небольшой опрос среди своих родственников, друзей и знакомых на предмет того, какой смысл Арнольд вложил в свое письмо. Да и что мне оставалось делать – я и так была в безвыходной ситуации. Итак, ответы были такие.

Мама: «Ох, Барбара, какая неприятность!»

Барб: «Ну ты даешь, Барбара! Вечно ты влипнешь в какую-нибудь историю!»

Диди: «Думаю, тебе нужно уйти от Билла!»

Линн: «Барбара, он до сих пор не понимает, что он с тобой делает!»

Дорин: «Карамба! Какой травы он там накурился, в этой Мексике?»

Розвита: «Бар-бар-ха, будь остоооорожна!»

Сара: «Что-то не нравится мне твоя сказка, Барбара».

Пегги: «Предатель!»

Но разгадка такого поведения нашлась довольно быстро. Как оказалось, меня с недавних пор разыскивала журналистка из Великобритании Венди Лей, которая специализировалась на разоблачительных репортажах. Вы не поверите, она даже наняла частного детектива, чтобы отыскать меня. Меня, обычную домохозяйку и преподавателя английского языка! Как бы то ни было, журналистка отыскала меня, и я просто сгорала от любопытства, желая узнать, кто же навел ее на мой след.

Итак, звонок от загадочной журналистки застал меня дома около семи часов вечера.

– Добрый вечер, Барбара. Меня зовут Венди Лей, и я сейчас пишу биографию Арнольда Шварценеггера. Мне хотелось бы взять у вас интервью для своей книги. Многие из тех людей, с которыми я уже успела поговорить, сказали мне, что вы бывшая девушка Арнольда и что вы с ним прожили достаточно долгое время вместе в начале семидесятых. Могу я подъехать к вам

сегодня вечером? – проговорила мне в трубку некая дама.

После слов журналистки у меня в голове возникла полная сумятица. В трубке что-то шумело, и я все никак не могла понять: уж не отдаются ли это в висках удары бешено колотящегося в груди сердце? На всякий случай я отвела подальше от себя трубку телефона, так что она едва касалась моего уха, и продолжала напряженно думать, как мне лучше ответить на вопрос. Венди ждала моего ответа, а я все никак не могла решиться ответить «да» или «нет» на ее предложение о проведении интервью.

В этот момент затянувшегося молчания я с тревогой искала воображаемой поддержки у близких для меня людей. *Дорогая мамочка, что бы ты сделала на моем месте? Отец, подай мне хоть какой-нибудь знак, где бы ты там ни находился! Что мне делать – я могу запросто согласиться на интервью, потому что Билла нет дома, но если я дам согласие на эту беседу и об этом узнает Арнольд и мой муж, они меня просто прибьют.* Успев обдумать кучу вариантов перед своим ответом, я решилась согласиться на встречу и пощекотать себе нервы осознанием своего поступка, который ни Арнольд, ни Билл явно бы не одобрили.

– Хорошо, Венди, приезжайте ко мне. Вы знаете дорогу? – сообщила я о своем решении после затянувшейся паузы.

Ожидание приезда журналистки превратилось для меня в изматывающий нервы аттракцион, и я вся извелась от неизвестности. Можно было, конечно, просто хлопнуть дверью перед ее носом без всякого объяснения причин, но у меня, к сожалению, было несколько другое воспитание, и я не привыкла так поступать с людьми. Эта ночь обещала стать богатой на разговоры об Арнольде, и мысленно я даже призывала Создателя к себе на помощь, пытаясь заручиться Его поддержкой: *«О Боже, дай мне силы сегодня ночью! Эта журналистка нашла меня благодаря частному детективу, и я не представляю, о чем она будет меня спрашивать!»*

Венди произвела на меня очень благоприятное впечатление и очаровала легкостью в общении и своим британским шармом. Перед началом серьезного разговора я предупредила Венди, что она не должна ссылаться на меня как на источник информации или цитировать мою речь. Для того чтобы закрепить нашу с ней устную договоренность о соблюдении тайны, мы даже подписали специальное соглашение о неразглашении информации. Однако я согласилась на то, чтобы Венди делала пометки на память для их последующей обработки и составления общей картины. Покончив с формальностями, мы приступили к содержательной части нашей беседы: Венди стала спрашивать меня об Арнольде и обо

всем, что касалось его жизни. При этом она с самого начала задала такой бешеный темп, адресуя мне заковыристые вопросы, что я даже удивилась подобному развитию событий. Она «кружилась» возле фигуры Арнольда, и ее расспросы напомнили мне танец фигуристки, исполняющей сложные пируэты вокруг своего партнера. За те три часа, что мы с ней проговорили, она успела рассказать мне, что уже два года пишет книгу с очень простым названием *«Арнольд»*. Несмотря на то что мои отношения с Арнольдом остались далеко в прошлом, я хорошо понимала то впечатление, которое этот человек оказал на нее. Мое отношение к Арнольду, конечно же, было несколько иное, чем у Венди, но нас обеих пленила некая мистическая сила, которой обладал этот человек.

По какой-то непонятной причине Венди сильно интересовал вопрос отношения Арнольда к власти. Как оказалось, она успела где-то узнать о губернаторских амбициях Арнольда, но ее смущали возможные связи его отца с нацистами и предвзятое отношение к евреям. Именно этот вопрос стал чуть ли не самым главным в нашем разговоре, но я честно сказала, что мне ничего не известно о негативном отношении Арнольда к американским евреям или Израилю как независимому государству. Я даже специально поинтересовалась, что, собственно говоря, ее беспокоит, но она ушла от прямого ответа на мои расспросы.

Что касается отца Арнольда, то, насколько я помню, он никогда не рассказывал, что его отец негативно отзывался о евреях.

– По иронии судьбы одним из тех, кто больше всех рассказывал Арнольду о Гитлере, был не кто иной, как Джо Уайдер. Тогда, в семидесятые, недостатка информации о холокосте уже не было, и Джо всегда говорил, что, знай люди о тех ужасах, которые принес с собой нацизм, Гитлер никогда бы не пришел к власти. Более того, Джо Уайдер и Арнольд всегда поражались тому, как ловко Гитлеру удавалось пропагандировать свои идеи ненависти к евреям, но при этом нельзя было сказать, что они поддерживали или разделяли взгляды Гитлера относительно еврейского населения. Я даже вспомнила, что Арнольд был на стороне Израиля в ходе Шестидневной войны и что Голда Меир заслужила его самую высокую оценку за мужество и решительность. Ко всему прочему, два самых близких друга Арнольда, Джо Уайдер и Арти Зеллер, были евреями. Они, конечно, иногда ругались и подначивали друг друга, но при этом ни о какой ненависти не могло идти и речи, – пояснила я интересующий Венди момент.

Чтобы увести беседу от неприятных вопросов, я рассказала

несколько забавных историй об Арнольде.

– Однажды он увидел, как пожилая женщина выпала из инвалидной коляски, и не раздумывая поднял ее и усадил обратно. Причем сделал он это с такой невиданной нежностью и преданностью, которую даже трудно себе представить.

Когда Арнольд делал свои первые шаги в кино, с ним произошел такой интересный случай. Он пригласил очень влиятельных людей на ужин в один из дорогих ресторанов Голливуда, но, когда пришло время расплачиваться, администратор огорчил Арнольда, сказав ему, что его кредитная карта не работает! Арнольд тогда здорово расстроился по этому поводу и сказал мне, что больше с ним такое не повторится.

И еще: насколько я помню, Арнольд стал первым гражданским лицом, сумевшим прокатиться на «хаммере» на виду у всех. Думаю, что машина напомнила ему о тех днях, которые он провел в танковых войсках.

Да, кстати, пару лет назад, когда Арнольд узнал о том, что моя племянница Холли должна ехать со школьным ансамблем в Дублин, он дал ей 500 долларов на покрытие дорожных расходов.

Однако, задав общий негативный тон разговора, Венди пыталась выведать у меня какие-то «жареные» подробности о жизни Арнольда.

– Вам не кажется странной дружба между Арнольдом и Франко Коломбо? Они, случаем, не состояли в гомосексуальной связи? Может быть, вы знаете об их гомосексуальных интересах на стороне? – допытывалась у меня Венди.

А что у меня было выпытывать – я всегда знала, что Арнольд гетеросексуален, а Франко для него словно родной брат. Поэтому особых рассуждений на эту тему у нас с Венди не вышло.

Закончив с темой гомосексуальных отношений, Венди перешла к другому вопросу – многочисленным связям с женщинами и тех слухах, что сопровождали любовные похождения Арнольда.

На этот вопрос я ответила уже более определенно и высказалась примерно так:

– Ну, что об этом сказать. У Арнольда лет с шестнадцати не было отбоя от девушек, которые просто лезли на него. Потом, когда он стал бодибилдером и актером, Арнольд не испытывал особого недостатка в поклонницах, которые сами ему навязывались. При всем при том надо понимать, что в этих связях участвовал не только Арнольд, но и сами девушки, которые своими действиями зачастую демонстрировали свою доступность и желание. Иногда, правда, Арнольд мог неверно истолковать

поведение конкретной женщины и получить от нее отказ, но это не отменяет того, что сами женщины приучили его к своей доступности.

Венди, по всей видимости, рассчитывала услышать очерняющий Арнольда рассказ и поэтому посмотрела на меня скептически, когда услышала мое мнение. Не получив желаемого ответа, она решила выспросить у меня про практику употребления Арнольдом стероидов.

В то время уже ходили какие-то нелепые слухи о том, что Арнольду на постоянной основе требуется использование специальной диализной машины для очистки организма от вредных веществ и что для внушительности он вкалывал себе силикон в икроножные мышцы. Лично меня всегда удивляли те, кто способен поверить в подобную чепуху. Единственное, что я могла сказать, – что в начале семидесятых бодибилдеры действительно принимали стероиды в небольших количествах, но это не идет ни в какое сравнение с тем, что стало происходить в восьмидесятые, когда объемы потребления химических препаратов культуристами резко увеличились. Да что там говорить, посмотрите на Арнольда сейчас – он же выглядит как ходячая реклама здорового образа жизни!

Примерно в таком духе проходил наш разговор с Венди, и она, по всей видимости надеясь на откровенность, сделала мне щедрое предложение: двадцать пять тысяч долларов за возможность открыто использовать полученную от меня информацию.

«О боже, только не это! Хотя можно и согласиться на такие условия, но в этом случае меня точно прибьет либо муж, либо Арнольд!» – вихрем пронеслось у меня в голове.

Находясь в нерешительности, я могла сказать Венди лишь одно:

– Нет, я не могу согласиться на эти условия. С одной стороны, у меня есть муж, который ревнует к моему прошлому, с другой – я не хочу вредить Арнольду. Лично я вам полностью доверяю, но мы с вами подписали специальное соглашение о неразглашении, и поэтому я прошу не ссылаться на меня как на источник информации.

– Хорошо, но если вы вдруг поменяете свое мнение, вы знаете, где меня найти, – ответила мне Венди и положила свою визитную карточку на стол.

Я проводила Венди до двери, где ее уже ждал лимузин, но, как выяснилось чуть позже, выпроводив Венди из своего дома, я не выпроводила ее из своей жизни.

Словно в подтверждение моих страхов мне стали названивать

из офиса Арнольда с просьбой перезвонить ему, так как он хотел обсудить ряд вопросов, «касающихся журналистки Венди Лей».

По правде сказать, мне ужасно не хотелось вляпаться в грязную историю с этой журналисткой, и поэтому я долго не перезванивала Арнольду, чтобы оттянуть неприятный разговор. Прошло некоторое время, прежде чем я решилась позвонить Арнольду и выяснить тревожащий меня вопрос по поводу общения с Венди.

– Добрый день, это Барбара Аутленд. Соедините меня, пожалуйста, с Арнольдом Шварценеггером, – проговорила я в трубку, специально представившись своей девичьей фамилий для того, чтобы меня побыстрее соединили с Арнольдом.

– Добрый день, Барбара! Арнольд оставил для вас специальное сообщение и просит дать ему знать, если с вами на контакт выйдет автор, пишущий не согласованную с Арнольдом биографию, – ответила мне одна из офисных сотрудниц.

– Хорошо, передайте Арнольду, чтобы он не беспокоился об этом: я не собираюсь участвовать в этом деле и не буду его нахваливать или обличать, – проговорила я в трубку.

– Спасибо большое, я передам Арнольду ваш ответ, – прощебетала секретарша.

Теперь, когда я узнала истинную причину многочисленных звонков из офиса Арнольда, я смогла сложить мозаику последних событий в единую картину. Мне стало ясно, зачем Арнольд отправил то злополучное заказное письмо: он просто хотел вызвать меня в Мексику, предотвратив тем самым мою встречу с Венди. Однако непонятным для меня остался только один момент: почему Арнольд не рассказал о Венди с самого начала и начал хитрить?

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Разговор о детях Арнольда для меня всегда был трудным делом: шутка ли сказать, у него их было четверо, а у меня их не было и в помине. Во время нашей короткой встречи в губернаторском кабинете невозможно, однако, было обойти эту тему стороной, и поэтому я задала Арнольду несколько вопросов, касающихся его детей.

– Как ты думаешь, твои дети пойдут по твоим стопам? Ты и в самом деле воспринимаешь их как продолжателей своего дела? – спросила я его.

– Понятия не имею, я как-то не думал об этом. Могу только сказать, что единственное, что меня сейчас беспокоит, – дать им

образование и вооружить полезными знаниями, которые им пригодятся в жизни. Если у них проснется интерес к определенному роду занятий, они, надеюсь, уже будут готовы к этому, – ответил мне Арнольд.

– Можешь рассказать об этом немного подробнее? Твоим детям нравится работать? – продолжала я свои расспросы.

– Конечно. Взять, к примеру, выступления бодибилдеров *Arnold Classic*, которые проходят в городе Колумбус, штат Огайо, где мои сыновья учились работать и торговать разными вещами. Мы с ними вместе составляли список товаров для продажи и вносили в него, скажем, мои фирменные футболки, книги или кожаные куртки наподобие тех, что делает Тони Новак, – поделился своими воспоминаниями Арнольд.

– Твоих детей постоянно сопровождают телохранители? – перебила я его.

– Да, ребят постоянно кто-то сопровождает – это требование полиции. Ну да ладно, давай вернемся к нашей работе. В прошлом году за время проведения турнира *Arnold Classic* ребята заработали сорок пять тысяч долларов, и они могли забрать себе десять процентов в качестве вознаграждения за свой труд. Но для начала необходимо было рассчитаться с поставщиками за товар, что в тот раз составило что-то около двадцати двух тысяч долларов. После расчета с поставщиками у ребят на руках остались где-то двадцать три тысячи долларов, от которых они и отсчитали десять процентов себе за труды, – вернулся к изначальному вопросу Арнольд.

– То есть ты учишь своих ребят быть настоящими деловыми людьми и объясняешь им цену вещей? – уточнила я.

– Именно! Я стараюсь объяснить им цену вещей и показать, как правильно все рассчитывать. Насколько мне известно, ребята поделили деньги поровну между собой и какую-то часть даже отдали на благотворительность. Бóльшую же часть денег – порядка девяноста процентов от суммы – ребята решили направить на оплату учебных курсов. По возвращении домой мы с Патриком сходили в банк, где он внес свои деньги на счет, получил банковскую выписку о проведенной операции и записал все к себе в специальную книжку, чтобы знать, сколько денег у него сейчас находится на счету. Таким образом, получилось, что ребята сами проделали весь путь – от заказа товара и контроля за его доставкой к месту торговли до непосредственной продажи покупателям.

А вот своим девочкам я денег не даю, но все равно о них забочусь и постоянно нахожу им какую-нибудь работу, связанную с животными: мои дочери просто обожают их. Так они

и работают, но не получают за это денег, да и, пожалуй, деньги их не особо интересуют. Им больше по душе ухаживать за животными и все такое прочее – они живут словно в другом мире. Да что там рассказывать, ты и так лучше меня все знаешь!

Однако по мере сил я стараюсь, чтобы девчонки умели хорошо считать. К примеру, они учатся высчитывать сумму чаевых с каждого оплаченного нами чека. Я каждый раз стараюсь добавлять цифры с подковыркой – скажем, девятнадцать или двадцать один процент от общей суммы, чтобы сложнее было высчитать чаевые. Девчонки обычно справляются с заданием, и они действительно уже набили руку на этих расчетах. Вот поэтому я и хочу, чтобы мои дети были подготовлены к реальной жизни, чтобы они умели считать, писать и грамотно излагать свои мысли, – так Арнольд подвел итоги своих воспитательных методов.

Тяжкий крест

Как бы странно это ни звучало, но Арнольд своим неуклюжим поведением подтолкнул меня к поиску путей решения семейных проблем. Одной из причин разлада наших с мужем отношений стали его постоянные подозрения о наличии связи между мной и Арнольдом. Казалось бы, прошло уже четырнадцать лет с того момента, как мы с моим бывшим бойфрендом разошлись, но он до сих пор продолжал оказывать огромное влияние на мою личную жизнь. Такое положение вещей трудно объяснить логически, но факт остается фактом, и от этого нельзя было просто так отмахнуться: мой муж нарисовал для себя «любовный треугольник», в углах которого, соответственно, была я, Арнольд и сам Билл. Напряженная ситуация в наших отношениях разрешилась довольно-таки просто: спустя семь лет совместной жизни мой муж нашел себе новую женщину.

Несмотря на то что я уже сама подумывала о разводе, такой вариант «решения» семейных проблем меня не особо обрадовал. К тому времени мне было уже сорок два года, и я ощущала себя мусоровозом, до отказа набитым разным барахлом и на всех парах несущимся на свалку. Да, по своим ощущениям я была молода духом и чувствовала себя так, словно мне было всего двадцать лет, но, как это ни прискорбно, мое тело так не считало. При каждом удобном случае оно напоминало, что с возрастом я не стала моложе, и мне даже пришлось пополнить свой словарный запас специальными медицинскими терминами типа «синдром дисфункции височно-нижнечелюстного сустава» и «медиальные крыловидные мышцы». Часто бывало так, что из-за скрежета зубов во время сна я просыпалась в страхе, и мне долго приходилось привыкать к своим новым проблемам со здоровьем.

Примерно в это время я начала мысленно перебирать в памяти своих бывших мужчин, которых условно разделила на две категории: тех, кто контролировал меня, и тех, кого контролировала я. К своему глубокому сожалению, лишь сейчас я начала понимать, что в жизни мне встречались либо закоренелые эгоисты, для которых на первом месте стояла карьера, либо совсем уж беспомощные и безынициативные мужчины. После проведения такого ретроспективного анализа мне стало ясно, что абсолютно каждый мужчина, с которым меня сводила судьба, был по-своему уникален, но при этом у нас постоянно не совпадали цели, желания и жизненные ориентиры. Разобравшись со своим прошлым опытом, я вдруг осознала, что подбирала себе в партнеры только тех мужчин, которые напоминали мне отца.

Не стоит, наверно, и говорить, что идеальной фигурой отца для меня всегда был Арнольд: в нем наилучшим образом сочетались настойчивость, сила и удачливость в делах. Что касается других моих мужчин – Дэрила и Боба, – они не подходили на роль того человека, которого бы я хотела видеть в качестве своего отца. Мой же последний мужчина, Билл, больше всего походил на мою мать: в нем самым непостижимым образом сочетались тяга к жизненным удовольствиям и внутренние страхи. Понятное дело, что подобные выводы расширяли мои познания в психологии, но мне от этого не становилось легче, и для меня это означало, что я вновь пытаюсь всеми силами преодолеть свое чувство незащищенности путем выбора себе в партнеры «правильных» «мамы» и «папы». Но пришла пора положить этому конец! Как показал мой собственный опыт, такой подход не работает.

Для того чтобы дать себе передышку, я воспользовалась советом своего племянника Билли и решила на некоторое время перестать встречаться с мужчинами – таким образом я рассчитывала разорвать порочный круг лицемерных поверхностных отношений и преодолеть свою искреннюю привязанность к близким для меня людям. Практически всю жизнь я думала, что обрету счастье только тогда, когда найду мужчину, дополняющего меня. Но в определенный момент я осознала, что все мои предположения были в корне неверными, и даже дала себе обещание жить максимально независимо и попытаться обрести свое счастье. В пользу моих выводов говорили и факты: я встречалась со многими мужчинами, и ни один из них не разделял моих взглядов на наши отношения. Ко всему прочему, операция по стерилизации сняла с повестки дня «детский вопрос», и поэтому я была свободна в своем дальнейшем выборе.

Такие перемены в жизни повлияли на меня самым лучшим образом: предоставив адвокатам утрясать все формальности, связанные с разводом, я всерьез занялась своим образованием, взяла длительный отпуск на работе и записалась на специальные учебные курсы повышения квалификации. Предстоящее обучение таило в себе еще один приятный бонус: какое-то время мне не нужно будет проверять целую кучу письменных работ своих учеников, и это меня несказанно радовало. К тому моменту как раздел имущества с бывшим супругом был завершен, я купила хороший дом в Уэстлейк Виллидж и открыла свое небольшое дело по декорированию домашних интерьеров. В то время я жила свободной жизнью и наслаждалась такой степенью независимости, которой у меня никогда прежде не было, – мне

хватало времени абсолютно на все: и на курсы переподготовки, и на свой маленький бизнес, за счет которого я серьезно расширила круг общения.

После переезда в новый дом я сохранила старый телефонный номер, и благодаря этому меня смог найти мой старый друг Джордж Батлер, с которым я познакомилась в то время, когда мы с Арнольдом жили вместе. Как оказалось, Джордж искал меня, чтобы прислать мне приглашение на презентацию своей книги *Arnold Schwarzenegger: A Portrait*, которая должна была состояться в фотогалерее Рея Хокинса. Не стоит говорить, что встреча с Джорджем позволила мне снова ощутить вкус прежней жизни, а сделанные им когда-то фотографии словно вернули нас в то «доброе славное время», и я мысленно спрашивала себя: «Неужели все это было на самом деле?»

Уже после встречи с Джорджем мне позвонил Арнольд, с которым мы мило поболтали, хотя во время нашего разговора я всячески старалась не упоминать имя Венди Лей. Не обошлось и без обсуждения моего недавнего развода, и, думаю, Арнольду было приятно услышать о моей очередной неудаче на личном фронте.

«Ты смотри-ка, прошел уже двадцать один год с момента нашего расставания, а я до сих пор остаюсь главным мужчиной в ее жизни!» – так, должно быть, думал Арнольд тогда.

Я даже поделилась с ним парочкой забавных историй о том, как по прошествии времени ему удается по-прежнему присутствовать в моей жизни. Одна из таких историй произошла с детьми моих знакомых, когда они вдруг начали выяснять очень важный вопрос: кто из их родственников лучше всего знает Арнольда.

– Подруга моей матери была в свое время девушкой Арнольда Шварценеггера, – заявил один из них.

– Ничего подобного! Это подруга *моей* матери была девушкой Арнольда, – возразил на это заявление другой мальчик.

После такой словесной перепалки они с криком побежали к своим мамам, чтобы те подтвердили правильность их слов и факт знакомства с одним из главных героев фильма *Terminator*. Да что там говорить, мужское эго одинаково – что у взрослых, что у детей.

Что касается эго Арнольда, то оно просто «пириполняло» его в тот момент, когда он позвонил мне с известием о рождении своего первого сына Патрика, ставшего третьим по счету ребенком в семье. О своих же дочках, Кэтрин и Кристине, Арнольд всегда говорил, что они уникальны, и не уставал повторять, как они с супругой рады быть хорошими родителями

для своих детей. Когда я слышала такое, мне всегда вспоминались те нежность и ласка, которыми одаривал моих племянниц и племянников Арнольд в период наших отношений, и у меня не было даже тени сомнения относительно того, с каким трепетом он относился к своим детям. Обсуждение детей Арнольда, конечно же, вносило некую двусмысленность в наши разговоры – ведь он прекрасно знал, что я не могу иметь детей, но у меня хватало ума с уважением относиться к его браку и держать мысли о влиянии этого человека на свою жизнь при себе.

В то время нам обоим уже было слегка за сорок, и одной из тем наших разговоров стало отношение к старению. Обычно я говорила, что моя мама, с которой я всегда брала пример в этом плане, достаточно спокойно воспринимала свой возраст и не делала из него трагедию. Дополнительную уверенность в борьбе со старостью мне придавали назначенные врачом витамины, благотворно влияющие на состояние моего организма. Ну а если совсем начистоту, то я, можно сказать, просто парила, несмотря на изменения в организме, которые обычно начинают проявляться в этом возрасте. Но несмотря на нашу браваду по поводу возраста, мы оба понимали, что становимся старше.

Раз уж речь зашла о происходящих в организме изменениях, нельзя не отметить, что для меня было странно наблюдать за тем, как менялся Арнольд: он со временем избавился от зазора между зубами и от большой бородавки на лице. Как-то в одной из передач я обратила внимание на появившиеся вокруг его глаз морщинки и легкое облысение, но не могла для себя решить, были ли эти изменения связаны со съемками в фильмах и необходимостью использования грима либо они были возрастными. Каждый раз, когда я видела Арнольда по телевизору, он выглядел несколько иначе, чем в последний раз, и совсем не походил на того двадцатидвухлетнего парня, с которым я когда-то встречалась. Столкнувшись с такими частыми изменениями в его облике, я нередко спрашивала себя, является ли это результатом «подгонки» внешности под очередного киногероя или это просто плод труда пластических хирургов.

Словно в ответ на мои размышления относительно изменений во внешности Арнольда мне однажды пришло приглашение на вечеринку в Вествуд, которую устраивал мой бывший бойфренд. Как оказалось впоследствии, Арнольд подружился с японским художником Ямагатой и помог тому организовать выставку в музее Арманда Хаммера. Мы с матерью, в силу нашего скромного финансового положения, не смогли бы

помочь в организации этой выставки. Тем не менее все происходящее вокруг вызывало у нас живейший интерес, и, чего греха таить, мы были рады оказаться в списке лиц, приглашенных на такое помпезное мероприятие. А посмотреть было на кого: выставку посетил Мильтон Берли со своей молодой супругой, Микки Доленз из группы *The Monkees* и недавно оформившая развод кинодива Кэти Ли Кросби. Как я уже сказала, мы с матерью были счастливы побывать на этой выставке и встретить здесь наших старых друзей, с которыми мы завязали знакомство еще во времена моих отношений с Арнольдом.

Другими желанными гостями из моей «прошлой жизни», с которыми я была рада встретиться, стали мать и племенник Арнольда. Понятное дело, что к маме Арнольда мне пришлось обращаться не иначе как Рели, – ведь называть ее *Mutter* было бы верхом фамильярности! После дружеских объятий Рели представила нас с матерью своему внуку Патрику, с которым я встречалась во время нашей с Арнольдом совместной поездки в Австрию в далеких семидесятых. С того времени Патрик сильно вырос, возмужал, переехал из Австрии в Западный Лос-Анджелес и учился на юридическом факультете. Как же мне было приятно вновь увидеть его спустя почти двадцать лет после нашей последней встречи. Патрик очень хорошо говорил по-английски и с нескрываемым удовольствием поделился со мной своими детскими впечатлениями от той давней встречи в Австрии. Мне особенно приятно было услышать от Патрика о том, что я, как оказалось, произвела на его бабушку самое благоприятное впечатление, – такие слова действительно имели для меня очень большую ценность. Пока мы общались с Патриком, я краем глаза заметила, что моя мама и мама Арнольда тоже не скучали и Рели при этом с жаром рассказывала о том, что всегда любила бывать у нас в гостях и что ее всегда принимали в теплой семейной обстановке.

Моя мама и Арнольд, 1991

Я с племянником Арнольда – Патриком, 1991

Я с племянником Арнольда – Патриком, 1991

А затем наступило время главного действа: к гостям вышел Арнольд. Его выход, по всей видимости, был тщательным образом подготовлен – он был похож на короля, спускавшегося по главной лестнице своего дворца, и каждым шагом демонстрировал превосходство перед остальными людьми. Под лучами софитов, в ярком пурпурном одеянии Арнольд Шварценеггер шел к воображаемому трону, показывая всем своим видом, что на протяжении всей жизни он никогда не расставался с этим королевским атрибутом. Полагаю, что Арнольд и сам прекрасно осознавал реальность происходящего, – ведь это было то, к чему он стремился всю свою жизнь.

Какой же одинокой и далекой от Арнольда почувствовала я себя в тот момент! Пока он медленно шел по залу, я пыталась заглянуть в его душу – это был сын Австрии, обретший славу чемпиона бодибилдинга, удачливый торговец недвижимостью, суперзвезда кино, филантроп и коллекционер, преданный и любящий отец, породнившийся с одной из самых влиятельный семей Америки, и, наконец, набирающий силу политик. В этот момент у меня в голове крутились мысли: *«Что было бы, если бы мы…», «Как бы мы поступили тогда…», «Почему мы…», «Неужели*

мы когда-то были парой?»

Да, когда-то в прошлом мы были вместе, но сейчас между нами пролегала пропасть – не то чтобы я чувствовала себя униженной, но я вдруг поняла, как улетучился тот романтизм и надежды, столь свойственные юности. Сейчас я ощущала себя полноценной женщиной, которая обрела себя и была настолько независимой, что не нуждалась в мужской поддержке. В тот самый миг, когда Арнольд проходил мимо меня, я улыбнулась ему и не почувствовала при этом ничего, кроме необычного для меня спокойствия: вид моего бывшего возлюбленного уже не волновал меня.

К моменту своего участия в выставке я уже серьезно увлекалась живописью и, хотя мне, конечно же, было далеко до выставлявшегося здесь художника Ямагаты, благодаря своему хобби ощущала такой прилив сил, которого у меня никогда прежде не было. Лет пять назад я начинала с художественной росписи мелких безделушек, которая была, по сути дела, переосмыслением европейской традиции украшения изделий из металла. Со временем я перешла к более серьезным формам живописи, включавшим в себя теорию рисунка, использование акварели и каллиграфию. Постигнув все эти премудрости, я занялась изучением техники декорирования и научилась превращать обычные стены в «пергамент», «мрамор» и «замшу». Для оттачивания мастерства я использовала свой дом и вкладывала в увлечение живописью все силы – посредством этих занятий мне удалось постичь истинное наслаждение и познать радость от создания собственного мира.

Именно на занятиях по декорированию я повстречала преподавателя, ставшего со временем моим хорошим другом, и, несмотря на его гомосексуальность, нам было весело вместе в период моего отрешения от общения с мужчинами. Если говорить прямо, я стала его «подружкой», а он исполнял роль моего верного и постоянного спутника. Да чего там греха таить, результатом наших совместных занятий живописью стал совершенно невероятный дуэт: оставив в стороне декорирование домов, мы с моим новым другом постигали тайны человеческих отношений, и делали это без малейшего намека на секс. Работа в паре с Байроном, вне всякого сомнения, обогатила наши с ним взгляды на жизнь, а мир живописи лишь укрепил нашу дружбу.

Достигнув определенных успехов в совместной работе, мы решили расширить сферу наших увлечений и записались на специальные курсы в школу искусств и дизайна Отис Парсон, которая располагалась в деловом центре Лос-Анджелеса. Каждую неделю мы изучали что-то новое и учились использовать сложную

художественную технику: мы рисовали завораживающие средиземноморские пейзажи, увитые виноградными лозами кухни, винные хранилища и древнеримские развалины.

Со временем, накопив солидное портфолио и уверовав в собственные силы, я решилась представить свои работы местным декораторам, и они свели меня со своими клиентами, желавшими украсить дома. Целыми днями я лазила по стремянке вверх и вниз, декорируя стены, накладывая золотые листья и рисуя выдуманные сценки, – я делала все для того, чтобы ублажить клиента, получить причитающуюся мне оплату и вновь погрузиться в сладостный мир искусства. Таким образом, я с максимальной пользой использовала годовой отпуск по основному месту работы и не только подтянула знания, необходимые преподавателю, но и приобрела новые навыки в живописи. При таком подходе оказались задействованы оба полушария моего мозга, и меня, как никогда прежде, просто переполняла жажда кипучей деятельности – я радовалась тому, что наконец-то обрела источник счастья, который дал мне успокоение, и благодарила Бога за каждый вздох.

А тем временем моя жизненная политика «одиночного плавания» постепенно приносила свои плоды: мне не приходилось беспокоиться о поисках «того единственного», с которым бы я обрела свое счастье, и я просто наслаждалась радостью бытия. Я позволила себе, вне зависимости от происходивших вокруг событий, быть собой, и у меня отпала необходимость носить маску, врать самой себе или подстраиваться под других людей. Этот период был наполнен откровенностью и самопониманием, с другими людьми я вела себя так, как они того заслуживали, и допускала в свое ближайшее окружение только тех, кто был мне глубоко симпатичен. При этом мне не приходилось идти на уловки, чтобы кого-то удивить или произвести впечатление, – ведь я общалась только с теми людьми, с которыми мне действительно хотелось разговаривать. Со временем я поняла, что счастье в большей степени является результатом принятых решений, чем слепой удачи. Чем чаще я использовала возможности, открывавшиеся передо мной, тем отчетливее я осознавала их подлинную ценностью. Случалось, конечно, что все шло не совсем так, как я того ожидала, но тем не менее во мне росло убеждение, что я могу использовать любое событие, происходящее со мной, себе на пользу.

Мое «одиночное плавание» не могло оставить равнодушными моих друзей, и при любой удобной возможности они старались познакомить меня с кем-нибудь или устроить свидание. Началось

все с того, что мой стоматолог организовал для меня встречу с президентом одной из местных компаний по производству спортивного инвентаря, хотя в тот период мне было важнее побыть одной, чем вступать в серьезные отношения. Затем одна моя подруга посоветовала мне встретиться с ее заказчиком, который по иронии судьбы жил со мной в одном доме, – она сказала, что это очень достойный мужчина, которому требуется помощь в оформлении его нового дома. Ко всему прочему, у этого заказчика был отменный вкус, он был великолепным собеседником и, по мнению моей подруги, был настроен на серьезные отношения.

Как оказалось впоследствии, подруга не ошиблась в своих предположениях, и после первого телефонного звонка я пришла к убеждению, что в Джоне Бейкере удачно сочетаются интеллигентность и острый ум. Поговорив с Джоном по телефону и назначив ему деловое свидание, я на следующий день взяла образцы своих работ и пошла к нему на встречу.

Впервые увидев Джона, я подумала про себя: «А он довольно высокий». А после нашего более близкого знакомства мне на ум пришла другая мысль: «Этому человеку, похоже, можно доверять».

Когда же он предложил мне поужинать, я согласилась без долгих раздумий:

– Да без проблем! Давай вместе сходим куда-нибудь.

Правда, ну какие могут быть игры в нашем-то с ним возрасте? Когда тебе сорок четыре года, нужно успевать наслаждаться каждой минутой и позволять себе принимать безрассудные решения.

К тому времени я уже почти не практиковала медитации и молитвы, но наработанные в прошлом привычки дисциплинировали меня. «Будь бодрой, будь чувственной, будь умной и живи сегодняшним днем», – так я говорила себе. Находясь в приятном расположении духа, я вместе с Джоном отправилась на вечернее продолжение нашего свидания.

Тот вечер в местечке Таскени был похож на старую компьютерную игру, в которой оба игрока повторяют движения друг друга при помощи быстрых нажатий мышки: мы здорово проводили время, попивая хорошее вино, и наслаждались вкусной ресторанной едой. Каждая перемена блюд вызывала у нас желание поделиться историями из своей жизни и планами на будущее – мы разговаривали обо всем на свете: искусстве, своих поездках в винодельческие страны, гольфе, тяжестях развода, моих двух кошках и его трех взрослых детях.

Во время нашего разговора Джон рассказал о том, что он играет в трехмерные шахматы, и о своей работе на один

из оборонных проектов федерального правительства. *«О боже, опять мне попался мужчина, связанный с космосом»,* – занервничала я в процессе этого рассказа. Но у меня хватило здравого смысла не переносить свои старые страхи на совершенно нового и незнакомого мне человека. Я просто позволила ему и себе быть самими собой и где-то в глубине души уже понимала, что наши взгляды на жизнь во многом совпадают.

Когда приятный вечер подошел к концу, я, разгоряченная самбукой, наслаждалась каждым моментом по пути домой: мне определенно нравился этот человек и чем-то напоминал отца. Когда мы подходили к дому, я улыбнулась на прощанье и горячо его поблагодарила:

– Большое тебе спасибо за чудесный вечер, Джон.

– Могу сказать, что мне было приятно провести с тобой этот вечер, он стал для меня особенным, и день рождения удался на славу! – усмехнулся мне в ответ Джон.

– У тебя сегодня день рождения? – удивилась я.

– Совершенно верно, – продолжал посмеиваться Джон.

Такие маленькие «открытия» представляли для нас особую ценность, ведь с их помощью мы лучше узнавали друг друга. Все это лишь укрепляло наши чувства, и частенько случалось так, что наши разговоры касались совсем уж личных вопросов. В эти моменты обычно появлялось какое-то странное чувство страха и неуверенности из-за нашей схожести, но при этом мы не могли сопротивляться тому притяжению, которое уже зародилось в нас.

Вместе с Джоном мы самым тщательным образом обсудили нашу дальнейшую жизнь и решили не торопиться с браком: мы отвели себе еще год на то, чтобы лучше узнать друг друга. Убедившись, что каждый из нас может полностью довериться партнеру, мы решили провести некоторое время на Гавайях, чтобы окончательно утвердиться в своих намерениях. Именно там, в священных для гавайцев пещерах, я решилась на ответственный шаг и согласилась связать свою жизнь с Джоном. Если попытаться выразить наше отношение к браку, то новоиспеченные миссис и мистер Джон Бейкер могли бы сказать, что они согласны с фразой из «Отверженных» Виктора Гюго: «Любить другого человека – значит увидеть лицо Бога». Как это ни странно, моим девичьим мечтам суждено было сбыться только на сорок пятом году жизни, и наконец-то я смогла разглядеть лицо Бога в глазах своего любимого мужчины.

Сейчас, конечно, легко рассуждать, но думаю, что если бы я заранее знала, через какие страдания мне придется пройти в жизни, то подобная осведомленность о Божественном промысле принесла бы мне больше вреда, чем пользы. Трудно себе

представить, как я себя чувствовала, когда рассталась с Арнольдом: одна, не замужем, без детей. Только потратив кучу времени на неудачные браки, будучи одинокой и бездетной женщиной, я смогла встретить близкого мне человека. Если бы я узнала свою судьбу раньше, это, вне всякого сомнения, просто убило бы меня. Но сейчас вера в себя поддержала меня и позволила пережить трудные времена.

Можно сказать, что причудливая мозаика моей жизни складывалась под воздействием могущественной первоосновы: Арнольд стал той силой, которая оказала на меня большое влияние и сформировала отношение ко многим вещам. Ко всему прочему, старые обиды пустили глубокие корни, но к тому времени, когда я встретила Джона, мне уже удалось изменить свое отношение к ним и даже обратить некоторые из них себе на пользу. Я сумела перебороть задевавшие меня когда-то неприятности еще задолго до встречи с Джоном, но именно под его благотворным влиянием мне удалось окончательно освободиться от их пут.

Что касается Джона, то его жизнь была прямой противоположностью моей. Когда-то он был рослым, склонным к полноте ребенком, страдавшим от амблиопии и наводившим страх на окружающих одним своим видом. Учеба в школе не особо привлекала Джона, но зато с ее помощью он овладел навыками хитрого обращения с людьми, а хорошие отметки получал разве что из-под палки. Его домашняя обстановка тоже не отличалась большим разнообразием: вечно работающих родителей практически никогда не было дома, и старшей сестре Джона пришлось взять на себя роль матери. Время от времени родители Джона устраивали вечеринки, и он постепенно свыкся с подобного рода развлечениями и даже находил их довольно приятными. Если говорить о его умственных способностях, Джон был довольно сообразительным парнем, но без явного уклона в научную сферу – учеба не прельщала его. Как только перед ним замаячила возможность поступить на службу в национальную гвардию, он без промедления сделал этот шаг, предоставив другим заниматься скучной научной деятельностью. Со своей будущей супругой Джон познакомился на работе и женился на ней потому, что «так надо». Пара, однако, не смогла обрести семейного счастья и большей частью существовала только ради троих детей.

Одно время Джон вместе с семьей жил в Лас-Вегасе, и именно там он начал активно интересоваться изучением Библии. Что самое любопытное, ему удалось избежать крайностей: он не стал религиозным фанатиком или почитателем церковных догм,

но тем не менее обсуждение библейских сюжетов было одной из любимых тем наших с ним дискуссий.

В работе ему сопутствовала удача: за короткий срок Джон вырос из рядового клерка в менеджера по закупкам, продемонстрировав при этом недюжинные знания в торговле, составлении контрактов, планировании, бухгалтерском учете, промышленном оборудовании, производственных процессах и управлении персоналом. Но он очень быстро столкнулся с одной из самых неприглядных сторон работы по найму: предприятие, на котором он трудился, сократило его по причине «слишком высокой квалификации», а его должность досталась менее подготовленным сотрудникам. Можно сказать, что Джон отдал свое место в пользу посредственности. Потеряв работу, Джон перевез семью в местечко Пиош в штате Невада, откуда была родом его жена. В этом забытом Богом городишке Джон стал важным человеком: он выполнял обязанности надзирателя за нарушителями, медбрата, пожарного, администратора местной больницы, общественного активиста в области защиты водных ресурсов Невады и привлечения туристов и, конечно же, местного священника.

Очень скоро, однако, смерть отца и бесперспективность захолустной жизни вынудили Джона совершить вместе с семьей очередной переезд, на этот раз в городок своего детства Карпинтерию неподалеку от Санта-Барбары. После возвращения в родной город Джон быстро нашел работу на одном из аэрокосмических предприятий и с удвоенной энергией принялся за выполнение обязанностей, приятно удивляя руководителей своей инициативностью. Конечно, отсутствие специального образования сказывалось на общем восприятии его как работника, но Джона ценили за исполнительность и опыт, закрывая глаза на отсутствие у него диплома. Вернувшись к своему любимому делу, Джон продолжил проповедовать Слово Божие в одной из воскресных школ Санта-Барбары.

Примерно в это время Джон начал осознавать, что живет жизнью робота: на работе были постоянные проблемы и авралы, а дома он сталкивался с безучастностью жены и ее неспособностью эмоционально поддержать мужа. Родные дети воспринимали отца только в качестве источника денег на карманные расходы и мастера Самоделкина, а прихожане церковного округа требовали постоянного внимания, что приводило к необходимости уделять им дополнительное время. По всему выходило, что к своим сорока восьми годам Джон большей частью жил для других: он все отдавал людям, не оставляя ничего для себя.

Джон всегда был рубахой-парнем, готовым на все ради других, и его чувство самоуважения целиком и полностью основывалось на готовности услужить всем и каждому. Однако со временем Джон начал понимать, что ничего хорошего в самопожертвовании ради других людей, в общем-то, и нет. Неудивительно, что на фоне подобных размышлений Джон чувствовал себя использованным, и это в итоге привело его к затяжным приступам депрессии. Дело даже дошло до того, что во время одного из длительных переездов Джон задремал прямо за рулем и только чудом не съехал с дороги и не попал в аварию, – до такой степени его выматывали обязательства перед другими людьми. После двадцати трех лет, проведенных в браке, перед Джоном встал непростой и неприятный вопрос: как жить дальше? Очень быстро выяснилось, что у него было два пути: продолжать сохранять надоевший брак «во имя детей» или бежать из семьи. Это, правда, легче было сказать, чем сделать: баптисты не могут разводиться, и это означало, что если он покинет свою семью, то будет вынужден покинуть и Церковь. В тот момент, когда Джон ушел из дома и стал смотрителем клуба по игре в поло в Санта-Барбаре, практически все его близкие желали ему только одного – чтобы он сдох. В сущности, такие пожелания соответствовали действительности: Джон уже давно не чувствовал себя живым.

Чтобы окончательно не сойти с ума, Джон делился своими переживаниями с самыми близкими друзьями и проводил бесконечные, полные одиночества ночи в своей съемной квартире. В это тяжелое время Джон основательно принялся за изучение специальной литературы, в которой объяснялись методы преодоления «кризиса среднего возраста», – он всячески пытался противостоять своему чувству вины и даже бравировал улыбкой. Примерно тогда же он начал знакомиться с невоцерковленными женщинами, но у него это плохо получалось. Сначала он встречался с одной молодой женщиной, которой, как оказалось, нужен был мужчина моложе ее самой. Затем была еще одна, которая путем разных уловок выманила у него крупную сумму денег. Следующей его пассией стала сослуживица, которую спустя некоторое время поймали на воровстве. Две следующие попытки завязать отношения тоже не принесли счастья: одна из женщин, казалось, больше разговаривала со своим попугаем, чем с Джоном, а другой как раз был нужен женатый любовник. Не надо и говорить, что на фоне подобных кандидатур я выглядела для Джона просто святой!

Могу сказать, что Джон мне понравился с первого взгляда, – и чем больше он раскрывал свою душу, тем больше становился

мне симпатичен. Его многогранность льстила мне: он мог быть и благожелательным, и сильным, и, в конце-то концов, у него был здравый смысл и огромный жизненный опыт. Да, конечно, мне пришлось столкнуться с изрядной долей упрямства в его поведении, и, честно сказать, я довольно сильно переживала из-за его внешнего спокойствия и невозмутимости. Но если отбросить все предубеждения, то можно сказать, что такое положение дел меня устраивало, и я перестала сомневаться в серьезности его намерений. Ко всему прочему, спокойный характер Джона придавал уверенности и мне самой, приуменьшая мои собственные страхи. Мы подшучивали друг над другом и смеясь говорили, что каждому из нас нужно поступаться чем-то ради своей второй половины. В то время, в общем-то, мы с Джоном оба уже поняли, что каждый из нас нашел именно того человека, которого искал всю свою жизнь.

Как-то раз, когда я ждала возвращения Джона с работы, мне позвонил Арнольд, и я, не удержавшись, выболтала ему радостную новость о своем новом мужчине:

– Арнольд, поверь мне, в этот раз я нашла именно того, кто мне был нужен, – клянусь тебе! Да, кстати, ты не поверишь, но Джон многое о тебе слышал и хотел бы познакомиться с тобой!

Арнольд в обычном для него шутливом тоне сказал, что вечеринка по случаю его дня рождения, которую он собирался устроить для близких друзей в местечке Пасифик-Палисадес, станет подходящим поводом для знакомства. Честно сказать, у меня были сомнения относительно серьезности намерений Арнольда, но за ужином я все же рассказала Джону о полученном предложении. Джон, как и я, высказал некоторую неуверенность в том, что подобная встреча вообще может состояться, – и, как оказалось впоследствии, он был прав: мы так и не дождались официального приглашения на вечеринку. Семья Бейкер никогда не удостоилась чести разделить трапезу с четой Шварценеггер, да и звонки Арнольда после того разговора прекратились сами собой.

Я нашла такое поведение Арнольда несколько странным и, как мне тогда казалось, заслуживающим внимания. Меня тогда очень интересовало, что именно стоит за таким решением Арнольда. Как он себя чувствовал, когда узнал, что в моей жизни появился другой мужчина? Или Арнольд просто потерял ко мне интерес и больше не воспринимал себя как важную часть моей жизни? Вполне возможно, что, имея четверых детей, Арнольд был занят делами и просто не находил времени на пустопорожние разговоры со своей бывшей девушкой. А может быть, существовали и еще какие-то неизвестные мне причины, которые

мешали нашему общению? Хотя я вполне допускаю, что Арнольд даже и не задумывался о подобных мелочах. Пусть с трудом, но я приняла такое положение вещей, и единственным способом общения с Арнольдом стали поздравительные открытки на Рождество, которые я отправляла ему скорее из вежливости, чем в надежде на продолжение наших дружеских отношений. После смерти матери Арнольда и одного из младших Кеннеди я направила ему открытки со своими соболезнованиями и в ответ получила отпечатанные на машинке слова благодарности.

Оставив в стороне размышления по поводу Арнольда, я с головой ушла в новые для себя отношения с Джоном, и чем пристальнее я смотрела в его глаза, тем яснее понимала, что нашла своего человека. Стоило нам с Джоном осознать свою значимость друг для друга, как из этого родилась надежда на создание крепкой семьи и использование потенциала партнера для общего дела. Как только к нам с Джоном пришло понимание этих вещей, мы принялись сообща устраивать нашу совместную жизнь.

Тогда у нас с Джоном в распоряжении были две квартиры, одну из которых мы решили сдавать внаем, а еще одну квартиру, с видом на океан, мы купили для себя. Из ее окон открывался роскошный вид на водную гладь, а на заднем фоне отчетливо проступали великолепные горы Санта-Моники, которыми мы привыкли любоваться. Вряд ли стоит говорить о том, что великолепные виды из окна нашей общей квартиры наводили нас на мысли о наступлении нового и замечательного этапа в жизни.

Для того чтобы придать нашему жилищу больше уюта, мы оформили его в средиземноморском стиле с сильным преобладанием греческих мотивов: к тому времени мы уже вместе съездили в Европу и занимались оформлением дома «по горячим следам». Мы представляли свою квартиру в виде одиноко стоящего острова, на котором могли бы собираться близкие нам люди, чтобы разделить с нами трапезу под безоблачным и чистым небом. Такой подход к совместному оформлению квартиры лишь укрепил наши отношения и усилил интерес к жизни.

Словно настоящие молодожены, мы с Джоном наслаждались каждым моментом нашей совместной жизни, и эту радость разделяли наши друзья и члены наших семей, которых мы часто приглашали к себе в гости. Для создания умиротворяющей атмосферы в нашем доме мы подбирали специальное музыкальное сопровождение, поддерживали теплую беседу с гостями и предлагали им великолепные блюда. Не секрет, что хорошее вино обеспечивает дополнительную утонченность вкусового восприятия и облегчает общение, поэтому мы угощали

наших гостей этим «жизненным нектаром», и по большому счету мало кого интересовало, как он называется – «Тобин Джеймс», «Мерло» или «Шардоне». Так, с бокалом вина в руках, мы с упоением всходили на наш воображаемый корабль *«Вечное лето»,* и каждый из нас при этом понимал: наша общая мечта наконец-то сбылась.

Собственно говоря, так оно и было: вся жизнь вращалась вокруг нас двоих. С самого начала отношений мы с Джоном установили традицию посвящать друг другу вечер пятницы и назвали ее «ночное свидание». В каждодневной суете каждый из нас знал абсолютно точно: как бы ни прошла наша неделя, вечер пятницы целиком и полностью только в нашем распоряжении. С учетом того, что у меня было больше свободного времени, чем у Джона, подготовку романтической обстановки я взяла на себя – подбирала необходимую музыку и готовила еду. Однако бывали случаи, когда свои коррективы в планы на вечер вносила погода. Если день был солнечным и влажным, я убирала навес, стелила нарядную скатерть, расставляла на ней закуски и с нетерпением ждала своего мужчину на «палубе» нашего «корабля». Ну а если день выдавался пасмурным и хмурым, то, согревшись подручными средствами, я расставляла закуски на кофейном столике и ждала того момента, когда Джон появится на горизонте. Остаток вечера, как правило, проходил спонтанно, но независимо от того, отправлялись мы на озеро или в постель, каждый из нас знал: этой ночью мы будем принадлежать только друг другу. Мы смеялись, разговаривали, ели, играли, дурачились и любили друг друга – такое времяпрепровождение на «ночном свидании» было для нас желанной наградой.

С тех самых пор, как в мою жизнь вошел гедонизм, разум и тело вновь развязали междоусобную войну. Однако к своим годам я уже поняла, что существуют более страшные вещи, наносящие мне вред, чем обычный лишний вес. Я, разумеется, пыталась питаться правильно, но сейчас ситуация была совсем другой: раньше я пыталась «заесть» свои проблемы, а теперь пища доставляла мне истинное удовольствие и служила мерилом наслаждения жизнью. Я даже открыла для себя один интересный момент: если вкушать пищу с благодарностью, ее негативное влияние на здоровье уменьшается.

Одно время мне удавалось бороться с лишними калориями путем физических занятий на домашнем тренажере. Но как, скажите на милость, сжечь сотню лишних калорий за получасовую тренировку на велотренажере? И каково это – перейти сразу же к выполнению упражнений на пресс или с гимнастической палкой? Не могу сказать со всей уверенностью,

но лично меня всегда интересовало, кому на самом деле могут нравиться занятия в спортивном зале независимо от того, с какой целью они выполнялись – для накачки мышц рук или для придания лучшей формы бедрам. Прерывистое дыхание, разгоряченное тело и неприятное жжение в мышцах, и так раз за разом – вот с чем для меня ассоциировались занятия в зале. Но тем не менее тело должно быть в движении, и это так же верно, как и то, что нужно читать книги и проставлять оценки в работах учеников. Я прекрасно понимала, что мне вполне хватает дневной порции упражнений, и для нас с Джоном физические занятия были своего рода развлечением, призванным поддержать здоровье и продлить годы жизни. Любили ли мы с Джоном «качаться»? Нет, конечно, – мы целиком и полностью оставили это занятие Арнольду.

В дополнение ко всему мы с мужем решили, что я забочусь о домашнем очаге, а Джон берет на себя обязанности управляющего нашим жилым комплексом. После долгих переговоров с владельцами квартир, растянувшихся на добрых пять лет, мужу все же удалось выработать план действий по ремонту нашего дома. Честно сказать, очень немногим семейным парам выпадает случай поработать друг с другом над какой-то совместной задачей, и в процессе этой работы мне посчастливилось увидеть своего мужа совершенно другими глазами: он предстал передо мной человеком, досконально разбирающимся во всех деталях и перипетиях сложных изматывающих переговоров и стратегического планирования. Приложенные супругом усилия не пропали даром, и стоимость нашего жилого комплекса выросла до небес, а соседи, как нетрудно догадаться, просто боготворили Джона за отличные результаты.

Жизнь шла своим чередом, и мы с Джоном с удовольствием наблюдали за тем, как растут и взрослеют его дети от первого брака. Его дочь Келли решила стать фельдшером скорой помощи, а Брайан посвятил себя изучению компьютеров. Старшая из дочерей Джона, Дженнифер, заканчивала обучение на историческом факультете университета, и основной темой ее выпускной работы стало отношение Джона Кеннеди к положению дел в стране после принятия эстафеты от своего предшественника Дуайта Эйзенхауэра и эскалации военного конфликта во Вьетнаме. Когда Дженнифер проводила свои исследования, часть ранее засекреченных документов уже была обнародована, и это позволило ей провести качественный анализ того исторического периода.

Как только я узнала о теме исследований Дженнифер, то

решила, что было бы неплохо устроить ей сюрприз и выбить для нее возможность поработать в Библиотеке Кеннеди. Для этого требовалось всего-то ничего: нужно было сделать один звонок племяннице Джона Кеннеди, и вопрос решен! Я решила немедленно связаться с Арнольдом и обсудить мою идею, несмотря на то что мы достаточно давно не общались.

С первого раза застать Арнольда не удалось, но я оставила для него сообщение, и однажды поздним вечером он мне перезвонил. Джона как раз не было дома, он уехал по делам на Крит, и поэтому поздний звонок не разбудил его.

– Итак, Бар-бар-ха, чиго тибе надо? – спросил меня Арнольд.

«Как же ему сказать о моей просьбе?» – промелькнуло у меня в голове в тот момент. Но решив, что ничего страшного в моей просьбе нет, я сказала Арнольду, что позвонила ему, чтобы попросить о небольшом одолжении. Несмотря на всю смелость, я чувствовала себя немного не в своей тарелке, когда мне пришлось озвучить мою просьбу.

Неловкое положение, вызванное моей просьбой, очень быстро отошло на задний план, и мы с Арнольдом переключились на обсуждение семейных новостей и наших общих друзей. Я рассказала Арнольду, что моя мать в последнее время серьезно болеет – у нее болезнь Паркинсона и остеопороз. Узнав эту печальную новость, Арнольд искренне мне посочувствовал, но был рад услышать, что остальные представители клана Аутленд находятся в полном порядке. Тогда же я поделилась с Арнольдом нашими планами по переезду в Грецию, где мы с Джоном собирались всерьез заняться развитием бизнеса в сфере изобразительного искусства (эти планы, как показало время, так и остались планами). Рассказывая про себя, я не забыла поинтересоваться и самочувствием Арнольда после перенесенной им операции на сердце, и он уверил меня, что чувствует себя «пирикрасно».

Постепенно наш разговор перешел на философские темы, и мы стали выяснять, что же именно привносит «магию» в отношения между людьми. В тот раз Арнольд сказал, что ценил очень многое во мне и всегда с уважением относился к моему стремлению наладить крепкие и доверительные отношения.

– Знаешь, я ведь расту над сабой, кагда говорю на такие темы. Думаю, что маи дети и Мар-хия тоже ожидают от меня этаго! – добавил Арнольд. – Да, кстати, пащиму ты так долго не званила, Бар-бар-ха? – пожурил он меня.

– Ты знаешь, ведь меня не надо ждать – можно просто взять и позвонить самому. И это уже не говоря о том, что тебе легче дозвониться до меня, чем мне до тебя, не так ли? При этом я

никогда не забываю поздравить тебя с Рождеством и регулярно отправляю поздравительные открытки! – парировала я его упреки.

– Та-та, ты, как всигда, права! – засмеялся в ответ Арнольд.

– Возвращаясь к моему вопросу – как ты считаешь, можно ли каким-то образом устроить для моей падчерицы возможность поработать в Библиотеке Кеннеди в Бостоне? Мне бы очень хотелось сделать ей такой сюрприз, – с надеждой в голосе спросила я Арнольда.

– Да без проблем – пусть она позвонит Тедди, он всегда охотно помогает студентам, – ответил он мне.

На этом наш разговор закончился, и на прощанье мы пожелали друг другу всего самого хорошего.

Я решила не откладывать дело в долгий ящик и на следующий день перезвонила Арнольду, чтобы уточнить телефонный номер сенатора Кеннеди. Заодно я напомнила ему, что в этом году ему исполняется пятьдесят лет, а мне – сорок девять и что мы могли бы устроить небольшую совместную вечеринку по этому поводу. Надо сказать, что мой вопрос по поводу совместного проведения дней рождения повис в воздухе и больше мы к нему никогда не возвращались. Такое положение дел меня вполне устраивало, и наше общение в очередной раз прекратилось на очень долгое время.

Мой стиль жизни самым разительным образом отличался от стиля жизни Арнольда: я все больше уходила в тень, тогда как он становился все более публичной персоной. Мне запомнился один случай, произошедший тем летом, который со всей очевидностью показал образовавшуюся между мной и Арнольдом пропасть. Дело было так: я повела сына Дженнифер к врачу, чей кабинет был расположен на Стейт-стрит в Санта-Барбаре. Пока мы сидели и ждали своей очереди, в приемную вошли Джефф Бриджес и его жена Сью. От этой неожиданной встречи у меня перехватило дыхание, и когда я попыталась заговорить с ними, то не смогла сделать это: все слова застряли у меня в горле. По всей видимости, они так меня и не вспомнили, хотя перед съемками фильма «Оставайся голодным» они приезжали к нам с Арнольдом домой. На их лицах читалось, что они приняли меня за обычную поклонницу и им было неприятно столкнуться со своими почитателями во врачебном кабинете.

Я не особенно расстроилась по этому поводу, но все равно где-то в глубине души была рада тому, что однажды мне удалось пообщаться с этими людьми. Лично меня полностью устраивала такая ситуация: прошло время, и вчерашняя озорная девчушка преобразилась в уверенную в себе женщину, а воспоминания

о наших совместных посиделках с четой Бриджес лишь обострили мое нынешнее самоощущение. Жизнь иногда подкидывает тебе сюрпризы, и нужно научиться их ценить, ну а эта случайная встреча стала еще одним приятным воспоминанием о том периоде жизни, когда мы с Арнольдом были вместе.

В обычной жизни тоже было полно случаев, которые напоминали мне об Арнольде. Так, однажды, когда мы Джоном отдыхали в Австрии и остановились на какой-то автозаправке, я стала рассматривать дорожные знаки, и на одном из них мне попалось название близлежащего города. «Куфштайн? Боже мой! Так ведь это же город, в который мы ездили с Арнольдом, чтобы навестить девушку его погибшего брата Эрику и их сына Патрика!»

Стоило только нам с Джоном выйти из машины, как служащий станции окрикнул нас:

– Амир-икан-цы, да?

Говорил он со славянским акцентом и тыкал при этом пальцем в ковбойскую шляпу Джона. Эта шляпа, по всей видимости, характеризовала нас в его глазах как настоящих американцев.

Чтобы поддержать разговор, мы приветливо улыбнулись работнику станции, приглашая его к дальнейшему общению.

– Да, точно, амир-икан-цы! Арнольд! Вчера был здесь. На лимазине. Я видел его собственными глазами! – вдруг выпалил работник.

– Должно быть, вы имели в виду, что вчера здесь был Арнольд Шварценеггер? Ну, тогда-то все понятно, – потрафили мы чувствам служащего.

Вот так всегда – Арнольд резко появлялся «из-за угла», в какой бы точке земного шара ты ни оказался. Образ Арнольда преследовал нас с Джоном везде: и возле парижских кафе, и в греческом порту, и в художественных галереях Ла-Хойи, и в гольф-клубах Палм-Дезерт, и в Музее Гетти. Иногда казалось, что на планете не осталось мест, где бы мы с Джоном могли спокойно уединиться: даже в самых отдаленных уголках ощущалось незримое присутствие Арнольда – его мускулистого тела, славы, богатства и политического влияния. Со временем Джон был вынужден смириться с мыслью, что ему придется разделить мою судьбу и взвалить на свои плечи тяжкий крест борьбы с тенью и наследием Австрийского Дуба.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Во время нашей встречи в губернаторском кабинете я

не могла не задеть в разговоре тему брака Марии и Арнольда.

– Насколько оправдались твои ожидания от брака с Марией? Ты получил то, что хотел, или реальность оказалась другой? – задала я вопрос Арнольду.

– Знаешь, сейчас трудно сказать, что у меня были какие-то ожидания. Все, чего мне хотелось, – найти партнера себе под стать, чтобы жить с ним душа в душу, но чтобы при этом у каждого из нас были свои интересы и чтобы мы могли работать вместе и порознь. В общем, мне нужен был кто-то, кто был бы достаточно независим от меня, но при этом нуждался во мне… Именно такая спутница жизни устраивала меня, и она уж точно не одергивала бы меня и не препятствовала достижению моих целей. Мария очень хорошо подходила на эту роль: она ведь была из большой и амбициозной семьи, а у меня самого, как ты знаешь, были очень серьезные жизненные амбиции, и это мне очень импонировало.

Ко всему прочему, у Марии было хорошее чувство юмора, и она стремилась к созданию своей семьи – было сразу видно, что со временем она станет отличной матерью. Хорошее происхождение и воспитание, ум и рассудительность, тяга к построению карьеры и достижению финансового благополучия – все эти качества подкупали меня в Марии.

При этом не надо забывать, что мне здорово повезло с тестем и тещей. Несмотря на наши разные взгляды на жизнь, они тем не менее поддерживали меня. Сарджент, к примеру, не давал мне расслабиться и постоянно подталкивал к новым свершениям в карьере… Он писал мне бессчетное количество писем, в каждом из которых говорил о том, что я – «Божий дар» и вообще лучше всех.

Что касается Юнис, это тема для отдельного разговора. Она явно была не от мира сего. Но с ней было весело, и у нее было очень хорошее чувство юмора. Юнис, как и Мария, росла вместе с мальчишками – и, если честно, это очень здорово, когда девочка сталкивается со всеми этими пацанскими подколками. Если у нее был подобный опыт общения с парнями в детстве, она проще смотрит на многие вещи, – делился своими размышлениями Арнольд.

Сидя здесь, в его губернаторском кабинете, я начала лучше понимать мотивацию Арнольда и постепенно стала прощать его поступки. Хотя наши семьи различались самым кардинальным образом, из его ответов, по крайней мере, становилось понятно, из-за чего он интуитивно отвергал меня. Он говорил, что был не готов к браку со мной, но на самом деле я просто не соответствовала его представлению об «идеальном спутнике

жизни с большими амбициями». Даже если бы Арнольд постепенно смирился с моими взглядами на жизнь, боюсь, мне самой было бы очень сложно свыкнуться с тем, что я не отвечаю его ожиданиям. Я была благодарна Арнольду за то, что во время нашего разговора он открыл мне глаза на ценность брака.

Работа над книгой

Для всех мужчин, с которыми меня сводила судьба, включая трех моих бывших мужей и бессчетное количество ухажеров, мои отношения с Арнольдом всегда были неприятной темой. И вот теперь, когда мы с Джоном уже семь лет жили в счастливом для нас обоих браке, мне вдруг захотелось потревожить гармонию наших отношений и пересмотреть историю своей жизни с Арнольдом.

Несмотря на то что Джон всегда был готов обсудить со мной любой вопрос, в этот раз я решила не торопиться открывать ему свои планы и до поры до времени держала их при себе. Такое поведение было легко объяснимо: мне было что терять, и Джон, мой четвертый и последний муж, наконец-то смог избавить наш брак от призраков моих прошлых отношений с Арнольдом. Теперь для нас с Джоном он значил не больше, чем мушка, хотя еще совсем недавно Арнольд больше походил на соплю из носа, от которой ты пытаешься всячески избавиться, но она все равно появляется в самом неподходящем месте – на ногтях, одежде или в кармане. Как бы ты ни старался отделаться от этой неприятной субстанции, она каждый раз находила способ напомнить о себе и говорила тебе: «Я еще вернусь!»

Временами мне казалось, что настоящий Арнольд никуда, собственно говоря, не собирался исчезать – его слава достигла просто непомерной величины, а имя давно стало синонимом успеха. Абсолютно все вокруг меня дышало Арнольдом: бесконечные телевизионные передачи, где он выступал, журнальные обложки, досужая болтовня и ехидные насмешки в классе. Вся эта атмосфера тотального присутствия Арнольда явственно подчеркивала те высоты, которых он смог достичь.

Понимая, что мне вряд ли удастся избавиться от его образа, засевшего у меня в голове, я все больше стала склоняться к мысли о том, чтобы переосмыслить роль Арнольда. Внутренний голос раз за разом говорил мне: *«Барбара, ты однажды уже писала книгу об Арнольде – так давай же, поднимай старые материалы».* Я долго не решалась озвучить эту безумную идею вслух, но в какой-то момент внутренние позывы оформились в реальные действия. Выбрав удобный случай, когда, по моим прикидкам, Джон был в состоянии спокойно меня выслушать, я спросила его:

– Любимый, как ты отнесешься к тому, что я напишу книгу? Это будет по-настоящему интересная книга, и она будет написана только благодаря тому, что в моей жизни появился ты.

– Книга? – вопросительно посмотрел на меня Джон, ожидая

услышать от меня подробности.

– Ты знаешь, я просто с ума схожу от того, что не могу найти для себя занятия. Живопись пока не для меня: поврежденный палец до сих пор дает о себе знать… – начала я издалека.

– Ну ладно, проказница. Давай уже говори, что ты там задумала, – подначил меня Джон.

– Помнишь, я тебе рассказывала о том, что в свое время писала книгу об Арнольде? Он еще тогда думал, что я пишу его биографию, но ни о чем подобном я даже и не помышляла, – ответила я.

– Так-так, – спокойно произнес Джон, всем своим видом приглашая меня к дальнейшему обсуждению.

Приободренная участием мужа, я продолжала:

– Идея, в общем-то, простая – я хочу написать книгу. Как ты считаешь, может быть, стоит добавить в нее каких-нибудь подробностей? Я так думаю, что многие захотят прочесть историю *Терминатора*, как ты полагаешь? А может, мне вообще стоит написать художественное произведение без привязки к конкретным фактам?

– Я так понимаю, что ты хочешь привнести тень Арнольда и в мою жизнь? Ну что же, давай посмотрим, что из этого выйдет, – уклончиво ответил Джон.

После короткого обсуждения моей идеи о написании книги мы с мужем время от времени возвращались к этой теме и делились друг с другом своими мыслями относительно дальнейших перспектив данного проекта.

Осенью 1999 года мы с Джоном отдыхали в Европе – в то время я находилась в очередном отпуске по повышению квалификации, и снова, как и прежде, нас повсюду преследовал образ Арнольда. Когда мой муж в очередной раз увидел рекламу с участием Арнольда, он не удержался и сказал:

– Слушай, этот твой бывший, он просто вездесущ!

Затем мы вместе с Джоном попали на какое-то очередное испанское телевизионное шоу, где выступал Арнольд, который, совершенно не стесняясь, подкалывал ведущего этой программы Конана О'Брайна:

– Ну, давай же, Конан! Кто бы тибя знал, не будь моих *Кононов*! Я же прославил твае имя, и тебе бы стоило меня поблагадарить за это! Ну, давай, имей смелость признать это!

Именно тогда в Мадриде Джон со всей серьезностью отнесся к моей идее.

– У меня складывается ощущение, что я со всех сторон окружен твоим Арнольдом! И ведь надо же, ты жила с ним в один из самых важных этапов его становления, и, знаешь, мне кажется,

что в твоей идее что-то есть, – высказал свое предположение Джон.

– Я и сама так думаю. Правда, прошло уже много времени с момента написания первой книги об Арнольде – нужно будет добавить побольше историй о наших друзьях и уточнить некоторые детали. Скоро заканчивается мой отпуск, и я рассчитываю, что в течение следующего года я уже смогу опубликовать свою книгу, – подвела я черту под своими намерениями.

Да и разве могло быть как-то иначе? На дворе была компьютерная эра – так неужели преподаватель английского языка не сможет по-быстрому написать книгу?

Что касается Арнольда, то он продолжал попадаться на каждом шагу: смотрел с рекламных щитов сети спортивных залов в Германии, во Франции рекламировал новый фильм, а в одном из голландских кафе мы с Джоном увидели стену, сплошь покрытую фотографиями с его автографами. Надо признать, от образа Арнольда я не могла избавиться даже в отпуске – так что же будет, если я решу заняться книгой всерьез и начну поднимать старые воспоминания? Как это отразится на моей психике и моем браке?

Столкнувшись с такими неприятными размышлениями, я начала обдумывать пути отступления. Для начала я прикинула, не написать ли мне книгу о чем-то другом, – ведь на свете есть куча вещей, о которых я могла бы рассказать, помимо наших отношений с Арнольдом. Но к тому времени Джон настолько заразился моей идеей создания книги об Арнольде, что начал усиленно подталкивать меня к воплощению этого проекта в жизнь. Дело дошло до того, что во время нашего пребывания в испанской Альгамбре Джон сказал:

– Если ты помнишь, во время нашей свадебной церемонии мы обещали во всем поддерживать друг друга. Поэтому, если ты действительно хочешь написать книгу о своих отношениях с Арнольдом, давай сделаем это вместе.

После нашего возвращения в Америку я еще долго не могла собраться с силами, чтобы начать работу над книгой, и, если честно, мои мысли были целиком и полностью заняты вопросами организации отдыха и получения удовольствия. Дело в том, что двадцатый век подходил к концу, и мы вместе с Джоном, как и многие другие, хотели встретить наступающее тысячелетие с шиком. Нам тогда казалось, что если с началом новой эры нашему миру предстоит провалиться в тартарары, то это событие нужно отметить весело и непринужденно! Ради празднования такого знаменательного события планетарного масштаба мы даже

сняли номер в гостинице «Времена года».

Пока мы с Джоном готовились к празднованию миллениума, к нам в гости заглянула Диди – моя давняя подруга по университетскому братству. В тот вечер, когда Диди гостила у нас, она внезапно спросила, не сохранились ли, случаем, у меня ее фотографии с Арнольдом. Как оказалась, Диди интересовалась фотографиями с одной из вечеринок, которую она вместе со своими родителями и Арнольдом устроила для меня. Диди планировала написать статью в журнале о том, как знакомство с Арнольдом Шварценеггером заставило ее пересмотреть свои взгляды на людей и избавиться от некоторых предубеждений. Диди с удовольствием рассказала Джону о том, как она познакомилась с большим и неотесанным детиной и при этом старалась изо всех сил вести себя в рамках приличий, чтобы поберечь мои чувства. Втихомолку она, конечно же, посмеивалась над его необузданными амбициями и жаждой успеха – но кто бы рискнул посмеяться над ним сейчас?

В тот раз я так и не смогла вспомнить, о каких именно фотографиях идет речь, но пообещала поискать их в своих альбомах. Тем не менее воспоминания Диди и ее желание написать статью об Арнольде подтолкнули меня к тому, чтобы поделиться с ней своими идеями о написании книги. Начала я с того, что мой поврежденный палец и больная спина поставили крест на увлечении живописью и единственным доступным для меня занятием осталась литература.

– Сейчас я только и могу, что писать, – это единственное, на что я способна. Ко всему прочему, я всегда наставляю своих студентов: записывайте все, что видите вокруг! Пишите искренне и с вдохновением! Знаешь, теперь у меня есть хороший шанс последовать своему собственному совету и написать книгу об Арнольде. При этом мне бы не хотелось просто использовать его образ – я хотела бы поделиться с читателями удивительными историями из своей жизни, – продолжала я развивать тему.

Оскар Уайльд как-то сказал: «У каждого святого есть апостолы, и всегда есть Иуда, который напишет его биографию», и эта фраза очень долго преследовала меня. Меньше всего мне хотелось быть предателем Арнольда, но разве от моей книги ему станет хуже? Размышляя над этим, я постепенно пришла к такому выводу: *«Давай, действуй смелее. Если бы ты ждала его реакции, ты бы даже не написала первую книгу!»*

Взвешивая все за и против, я очень надеялась, что рассказанная мной история будет востребована и желанна во всем мире. Когда-то я была любима королем бодибилдинга, и этот факт сильно подпортил мне жизнь: большинство мужчин,

с которыми я пыталась завязать отношения, не могли спокойно относиться к моему прошлому. Другие, напротив, пытались использовать мои отношения с Арнольдом в качестве источника подпитки их эгоизма.

Совсем иначе дело обстояло с Джоном: он совершенно не походил на страдающих от своей неуверенности тридцати– и сорокалетних мужчин. В первую неделю нашего знакомства я рассказала Джону о своих отношениях с Арнольдом, но он проявил большой такт и достаточно недвусмысленно выразил желание связать наши судьбы. И вот теперь, по прошествии семи лет, мы с Джоном решили пощекотать себе нервы, впустив в нашу жизнь мои давно закончившиеся отношения с Арнольдом. Что стояло за этим нашим желанием? Простого ответа на этот вопрос, думаю, не существует, но мы с Джоном полагали, что такая деликатная тема, как мои отношения с Арнольдом, не повлияет на наш брак, и главной причиной уверенности в безопасности этой затеи была зрелость Джона и наше доверие друг к другу. Ко всему прочему, я уже примерно знала, каким образом встретить наступающее столетие.

Наступлением нового века запомнилось нам целой тучей конфетти и шариков, сброшенных с большой высоты. Пока на огромных экранах показывали, как в разных странах встречают новый, 2000 год, мой муж крепко обнял меня и прижал к своему сердцу. Когда через пару дней наш новогодний отпуск подошел к концу, мы вернулись к себе домой, сохранив при этом замечательные воспоминания о прошедшем празднестве и пребывая в полной уверенности, что «проблема Y2K» больше не будет нас терроризировать, а наш мир полон надежд и новых свершений.

Мир миром, но мои переживания никуда не делись и с новой силой проявились во время нашего возвращения домой.

– Итак, Джон, как ты думаешь, нужно ли мне браться за написание этой книги? Кому она вообще будет интересна? Да и сам Арнольд сейчас более чем известен, что же я могу рассказать нового о нем? И что он обо всем этом подумает? Могу ли я замахнуться на такое дело? – поделилась я переживаниями с мужем.

– Вот что я тебе скажу, дорогая. Ты смогла перенести тяжесть отношений с ним и сейчас вполне можешь рассказать свою историю – это ведь твоя жизнь, так давай же, расскажи о ней. Ты все время жила с ощущением постоянных ограничений, но теперь ты вышла за эти границы – поделись этим с читателями, – приободрил меня Джон.

– Знаешь, а ведь ты прав. К тому же Арнольд не звонил мне

уже несколько лет, и я уже даже начала его забывать. Однако должна сказать, что не особо горю желанием заканчивать нашу тридцатилетнюю дружбу с Арнольдом на такой неприятной ноте. Хотя тут как посмотреть – быть может, он будет рад этой книге: как ни крути, а это лишний повод напомнить о себе, – ответила я, уже пребывая в ажиотаже.

– Ну, с этим трудно не согласиться – некоторые даже говорят, что для людей известных нет ничего хуже, чем когда про них забывают, – поддержал меня Джон.

– Но с чего же мне начать? – снова заметалась я, чувствуя неуверенность и обеспокоенность. С каждым новым вопросом мне все сильнее хотелось отказаться от этого непростого проекта.

– Знаешь, ты можешь рассказать читателям историю женщины, которая всю жизнь прожила в тени суперзвезды, но все же смогла обрести свое счастье. Посмотри-ка, ты ведь встретила меня! – пришел мне на помощь Джон и шутливо напряг свой бицепс.

Тем не менее даже слова Джона не особо успокоили меня, и я продолжала сомневаться в том, что смогу воплотить в жизнь свой замысел и правильно изобразить преследовавшие меня переживания и последующие изменения. Смогу ли я убедить других людей в том, что гибкость в подходах к принятию решений – это один из путей достижения своих целей? Чувствуя сильную поддержку со стороны мужа, я пришла к выводу, что смогу извлечь определенную пользу из наших с Арнольдом отношений и основательно разработать эту золотую жилу. При этом если в результате работы я допущу некоторые ошибки, это не остановит моей решимости показать подлинные сокровища чувств и эмоциональных переживаний.

Вернувшись домой, Джон первым делом проверил сообщения на автоответчике и с каким-то загадочным видом подозвал меня к себе:

– Иди-ка сюда, Барбара. Думаю, что это сообщение из твоего прошлого заинтересует тебя.

Оставленное сообщение звучало примерно так: «Привет, Барбара. Прошло уже много времени с тех пор, как мы виделись с тобой в последний раз, но я хотел бы встретиться и обсудить один проект по истории бодибилдинга, над которым я сейчас работаю, – перезвони мне, пожалуйста, я сейчас в Лос-Анджелесе».

В очередной раз без всякого предупреждения Арнольд ворвался в мою жизнь, и я заметила, как глаза Джона лукаво блеснули: вот он, Барбара, и знак Божий! Действительно, это было похоже на совпадение, знак и ответ на мои вопросы – для

меня было удивительно, что мой старый друг позвонил точно в нужное время.

Пока я слушала эту запись на автоответчике, в моей памяти всплыл афоризм Ральфа Эмерсона: *«И солнце светит вновь».*

На афоризм Эмерсона откликался Генри Дэвид Торо и поддерживал меня: *«Ранним утром свет дня ярче всего».*

«О боже, Барбара! Да оставь ты свою преподавательскую ерунду и начни писать эту чертову книгу об Арнольде!» – вот какие мысли крутились у меня в голове.

Приняв решение, я обернулась к мужу и уверенно сказала ему:

– Так, Джон. Больше никаких поблажек – я напишу книгу со своими воспоминаниями.

Дальше события развивались следующим образом: в один солнечный и погожий зимний день к нам в гости заехал давний приятель и рассказал о своем новом проекте. Если кратко, то его план был таков: собрать материал для написания ретроспективной истории событий в мире бодибилдинга и постараться связаться с непосредственными участниками тех событий, чтобы записать их воспоминания. Мне отводилась особая роль – я ведь была «первой леди» короля бодибилдинга того времени, и у меня было много интересной и важной информации. Свою книгу приятель решил назвать «Золотое время».

– Знаешь, я ведь и сама планирую написать книгу о своей жизни с Арнольдом, – сказала я тогда. – По правде говоря, я до последнего сомневалась, стоит ли мне ввязываться в это, но твой звонок помог принять окончательное решение. И хотя сейчас мне пятьдесят два года, у меня очень хорошая память. Ко всему прочему, у меня крепкий брак, и я думаю, что многим будет интересно узнать о том, какое влияние Арнольд оказал на меня и мою жизнь и как я смогла побороть это влияние. Мне остается только поблагодарить Бога за все это, – продолжила я с воодушевлением.

Мой старый приятель быстро нашелся и сказал:

– В этом нет ничего удивительного – каждый, кто знает Арнольда, хочет написать о нем книгу, и кому, как не тебе, это знать. Но, как ты догадываешься, каждый человек рассказывает свою историю.

Арнольд читает мои поздравления, которые я написала на его день рождения, 1971

Зная, что созданная когда-то рукопись сейчас может находиться где угодно, я принялась методично осматривать все самые укромные места в поисках этих мелко исписанных зеленых листочков. Как это ни странно, но нашла я их в моих старых бумагах о разводе – именно здесь они ждали меня двадцать долгих лет. Найдя рукопись, я поначалу испугалась и начала переживать: каким сейчас для меня предстанет образ Арнольда, которого я так хорошо знала и любила? И кто знает, не откроются ли у меня старые раны от чтения воспоминаний?

Тем не менее, набравшись смелости и устроившись поудобнее, я приступила к чтению. Самая первая страница сразу же развеяла все мои сомнения: мемуары были написаны в обличительном тоне, и в них сквозила обида за то подчиненное положение, в котором я оказалась во время отношений с Арнольдом. Мне потребовалась определенная доля мужества, чтобы ознакомиться с каждой из страниц, до предела забитых путаными и очень эмоциональными переживаниями далеких семидесятых.

На меня вдруг мощным потоком нахлынули старые чувства, и мне иногда даже хотелось прикрикнуть на тогдашнюю себя: *«Давай, тряпка, дай ему бой!»*

Ожившие при чтении старых записей воспоминания всколыхнули в моей душе все самое низкое и неприятное. Неосознанные желания, спавшие во мне до поры до времени, вновь ожили и обрели силу: своей книгой я лишь пыталась взять реванш у Арнольда. Если поразмыслить, то главными причинами такого настроя были четыре года вынужденного одиночества и двухнедельный «брак» со лжецом. Именно они лежали в основе жажды реванша.

И раз уж речь зашла о причинах, то даже мой стиль обращения к читателю, изобиловавший запятыми, тире и восклицательными знаками, четко и ясно давал понять: тогда мне действительно очень не хватало Арнольда. А уж про сложные моменты в тексте нечего даже и говорить – для лучшего понимания они сопровождались пространными пояснениями. Первая глава моих воспоминаний начиналась так: «Этот простой сельский парень родом из Австрии, страстно мечтающий стать знаменитым… в которого, по странному стечению обстоятельств, никто не верил…» Не скрою, мне было стыдно читать подобные вещи, написанные когда-то давно, но зато из моих старых воспоминаний вышла бы отличная трагедия. Я так и представляла себе завязку сюжета:

Как ни скрывай, но шила в мешке не утаишь – борьба с редкой формой рака была неравной, и я, потратив все свои средства на лечение, умерла молодой. Среди оставшихся после меня вещей особо выделялась старая рукопись, содержание которой до глубины души потрясло мою любимую племянницу Холли. Находясь под впечатлением от прочитанного, Холли отнесла рукопись Арнольду. Только тогда, когда Арнольд прочел мои воспоминания, он осознал, как горячо мы любили друг друга и какую смертельную обиду он мне нанес, не предложив выйти за него замуж. Не находя себе места из-за чувства вины, Арнольд потерял покой, но моя племянница лишь ответила ему: «Моя тетя уже умерла, и ты не сможешь ей помочь». Приняв мою смерть в столь юном возрасте, Арнольд создал специальный Фонд по исследованию раковых заболеваний имени Барбары Аутленд, целью которого стал поиск методов лечения этой страшной болезни.

Дав себе время слегка пофантазировать на вольную тему, я вернулась к историям из реальной жизни и внезапно ощутила сильную потребность оставить после себя настоящее литературное произведение. Я даже знала, что именно послужило основой для такого сильного творческого желания: пережитые

когда-то эмоции и старые воспоминания, недосказанности и противоречия. *«Зачем мне вообще нужно ворошить это грязное белье?* – спрашивала я себя. Но решение уже было принято, и я начала скрупулезно вспоминать и записывать ключевые моменты, на которые нужно было обратить особое внимание, имена людей и хронологию событий после нашего с Арнольдом расставания. Отбросив в сторону все сомнения, я решила, что вполне в состоянии вспомнить интересные моменты из жизни, подобрать для них канву, записать их понятным языком и поделить получившийся в результате текст на главы. Определившись с главными темами повествования, я могу украсить текст метафорами, диалогами и описаниями различных сцен. В конце концов, я же была преподавателем английского языка и смогу подобрать правильные слова для своей книги – нужно лишь дать себе волю.

Мне доставляло истинное удовольствие осознание того, что я увижу свое имя на обложке книги – и это, вне всякого сомнения, повысит мой авторитет среди признанных корифеев литературы. Я уже представляла себя талантливой писательницей, реализовавшейся на литературном поприще. Ну а если написанная мной книга будет пользоваться спросом у читателей, я даже смогу хорошенько пополнить своей пенсионный счет. В довершение ко всему у меня была целая куча старых пожелтевших фотографий, и в том случае, если я потерплю неудачу как автор (хотя трудно себе представить, что такое может произойти), у меня всегда остается шанс открыть миру молодого Арнольда!

Пребывая в столь радужных фантазиях, я тем не менее не забывала уделять время и своему проекту, который мне необходимо было завершить во время курсов повышения квалификации. Целью этого проекта было улучшение навыков чтения школьных преподавателей, и, несмотря на сильную загруженность, я наметила для себя дату начала работы над своей книгой.

Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, я засела за работу над книгой во время нашего очередного отпуска, который в начале марта мы, по обыкновению, проводили в Карлсбаде. К тому времени Джон уже успел отсканировать мои старые записи, которые здорово помогли в самом начале: по крайней мере, мне не пришлось бесцельно пялиться в пустой монитор.

Во время работы над книгой я начала постепенно осознавать всю ценность запечатленных когда-то воспоминаний: пережитые мной эмоции и события были настолько подробно описаны в старых записях, что без таких подсказок я вряд ли бы вспомнила

о некоторых из них. Наличие старых записей привело к еще одному интересному эффекту: при попытках собрать воедино свой опыт «жизни без Арнольда» и записанные ранее воспоминания перед моим внутренним взором возникала огромная аудитория, с жадностью внимающая моему рассказу.

Вернувшись из отпуска, я старалась уделять немного времени из своего плотного рабочего графика внесению изменений и правок в текст новой книги. К большому моему сожалению, времени постоянно не хватало, и три месяца, за которые я рассчитывала закончить работу над книгой, плавно растянулись до пяти, но даже после этого начатый мной проект был далек от завершения. Как только курсы повышения квалификации подошли к концу, мне пришлось выйти на свою старую работу, где я с удивлением обнаружила следующее: преподавательская деятельность отнимает у меня столько времени, что его практически не остается на то, чтобы заниматься книгой. Проверка и исправление студенческих работ до предела загружали меня и тормозили мою литературную деятельность, так что даже трехмесячный летний отпуск не спасал положение. А если ко всему этому прибавить командировки, занятия спортом, походы по магазинам, личное время на общение с мужем, телефонные разговоры, семейные встречи, посиделки с подружками, путешествия и другие развлечения, то времени на книгу практически не оставалось.

Сам процесс работы над книгой тоже был не из легких, и каждый параграф отнимал у меня уйму времени. При таких временных затратах, конечно же, не могло быть и речи о тех трех месяцах, в течение которых я планировала написать книгу, и черновой вариант появился у меня только примерно через год после начала работы.

Для предварительной оценки книги я послала черновик своей давней подруге, которая поставила мне твердую пятерку за эмоциональное изложение материала. Спустя еще примерно полгода я отправила улучшенную и исправленную версию книги для ознакомления нескольким своим близким друзьям.

Через пару дней один из них позвонил мне по телефону и сказал:

– Я просто не могу оторваться от твоей книги, и хотя у тебя особенный стиль, но он просто прекрасен.

Услышав такой хороший отклик о своей книге, я с нетерпением стала ждать реакции остальных друзей. По правде сказать, для работы над книгой нужно огромное терпение, но ожидание отзывов о своем труде требует его в несравненно большем объеме. *«Ну что же они так медлят с ответом?»* –

изводила я себя в ожидании звонка от друзей. Время, однако, шло, но никто не спешил поделиться со мной своими впечатлениями о книге.

В томительном ожидании прошел месяц, и вот начали поступать первые комментарии:

– Отличная работа, но хорошо бы добавить подробностей и кое-что исправить.

Добавить подробностей? Каких это подробностей? Я и так выжала из себя все что могла. Тем не менее я не стала пренебрегать советами друзей и снова засела за работу и по прошествии какого-то времени отправила созданная текст книги своему другу-литератору.

Ознакомившись с новым вариантом рукописи, мой друг сказал:

– Книга вышла слишком грустной.

– Грустной? Что ты имеешь в виду? – опешила я, услышав такой отзыв.

– Она полна отчаяния, – ответил друг.

Сказать по правде, я совсем не ожидала такого отзыва и, чтобы удостовериться в объективности полученной оценки, отправила черновик своей книги другому критику. Его ответ не заставил себя долго ждать и подтвердил выводы первого литератора: книга действительно была написана в трагическом ключе, и причиной этому послужило изображение меня в качестве жертвы.

– В книге есть серьезные перегибы, – резюмировал свое мнение эксперт.

Не успокоившись на отзывах профессиональных критиков, я решила ознакомить с содержанием книги своих наиболее близких друзей.

– Ничего себе! Тебе очень точно удалось изобразить себя, – так прокомментировала книгу одна моя подруга.

– Мне очень понравилась твоя книга – особенно после того, как я привыкла к твоему не совсем обычному стилю, – дала свою оценку другая.

«Не совсем обычный стиль» вновь напомнил о себе, и мне пришлось учесть это при дальнейшей доработке книги – я отредактировала слишком вольные трактовки, уменьшила объем отдельных предложений и упростила изложение мыслей, постаралась использовать меньше прилагательных и метафор. Можно сказать, что в большей степени я сфокусировалась на изложении истории наших с Арнольдом отношений. Побочные размышления и темы были подвергнуты ревизии с целью создания более точной и целостной картины нашей совместной

жизни.

По иронии судьбы, будучи преподавателем, чьей основной задачей было учить других людей писать правильно и красиво, я столкнулась с очень непростой для себя ситуацией: мне трудно было осознать, как важна основная идея произведения. Я никак не могла взять в толк, почему нельзя использовать методы написания статей и заметок при создании художественного произведения. Опыт работы над собственной книгой, однако, не прошел даром, и результатом стал мой серьезный профессиональный рост и требовательность к другим – теперь я точно знала, с какими трудностями приходится сталкиваться ученикам, и старалась направлять их усилия в правильное русло.

Продолжая работать над книгой, я установила для себя одно простое правило: стараться изобразить целостный женский персонаж и не слишком сгущать краски.

Что касается моего состояния здоровья, то от слишком долгого сидения за работой я даже начала полнеть, и мне пришлось использовать специальный поддерживающий пояс, чтобы держать себя в форме. Да и как могло быть иначе: мне два года кряду пришлось работать не поднимая головы, и от такого напряжения мою спину, на долю которой выпала колоссальная нагрузка, спасали только многочисленные подушки и спинка эргономичного стула. Помимо подушек и удобного стула, мне здорово помогал хиропрактик, который очень умело снимал напряжение со спины.

Шло время, и постепенно я смягчила формулировки в книге до такой степени, что смогла отправить ее копию своим родственникам. В очередной раз в мою жизнь вошло тревожное ожидание критических отзывов на свою работу, и для того, чтобы хоть как-то заглушить это неприятное ощущение, я принялась править книгу, не дожидаясь первых откликов. Должно быть, прошло еще пару месяцев, прежде чем я стала получать первые впечатления о своей книге.

Первой позвонила моя племянница Холли:

– Ничего себе, тетя Барбара! Представь себе, но я даже не подозревала, насколько интригующей была твоя жизнь, хотя всегда считала, что очень хорошо тебя знаю. Мне действительно очень жаль тебя, особенно после того, как я прочитала историю твоей жизни, и, честно сказать, я просто поражена.

Прочитав книгу, Холли отдала ее своей матери, чтобы та тоже могла ознакомиться с ней.

– Вот это да, я никогда не могла даже подумать, что наше с тобой детство можно представить так, как это сделала ты. Твоя книга вновь напомнила мне о старом добром времени, –

призналась моя сестра Салли.

Другая моя сестра, Марианна после знакомства с книгой сказала:

– Слушай, я надеюсь, что ты сделала все, что считала нужным. Тебе, должно быть, пришлось здорово попотеть, чтобы написать все это.

Не оставила без внимания мою книгу и Паула:

– Дорогая Барбара, что за чудесная работа! Тебе удалось отлично изобразить историю любви юной девушки и влиятельного мужчины. Твой эмоциональный заряд, которым ты делишься с читателями, производит психотерапевтический эффект и позволяет другим людям легче переносить невзгоды.

Однажды, когда мы вместе с Джоном отдыхали в одном из немецких городов, он позвонил домой и проверил оставленные на автоответчике записи. Прослушав их, он передал мне трубку со словами: «Думаю, тебе это понравится», и именно в этот момент в расположенной поблизости церкви начал звонить колокол.

Как оказалось, Джон специально выбрал для меня сообщение, оставленное моей племянницей Дженни:

– Поздравляю тебя с днем рождения, тетя Барбара! Только что закончила читать твою книгу – сказать по правде, я даже не подозревала, насколько драматичной была твоя жизнь! После прочтения книги я изменила некоторые свои взгляды и даже хочу создать женскую группу по изучению литературы. Первой книгой, с которой я бы хотела начать этот литературный кружок, станет твоя работа, ведь она просто замечательна.

Несмотря на такие хорошие отзывы, я продолжала работать над текстом книги в то время, которое оставалось у меня после посещения музеев и речных прогулок. Сейчас трудно сказать, какой вариант правок это был – восемнадцатый, двадцать первый или тридцать третий. Я уже давно бросила считать изменения, которые вносились в книгу, и делала то, что должна была делать, – продолжала работу по улучшению текста. Ко всему прочему, когда муж согласился помочь мне с этим проектом, он сказал: «Постарайся написать книгу настолько хорошо, насколько сможешь».

С наступлением осени оживились и мои критики – я начала получать новые отзывы, некоторые из которых меня даже удивили.

– Мне нравится твой стиль изложения: он прост и ясен. Хотелось бы, чтобы все писали так же, как ты, – в книге понятны абсолютно все сюжетные линии, – высказал свое мнение один из критиков.

– Могу сказать как мужчина: после прочтения твоей книги я стал лучше понимать своих дочерей, и это очень здорово! – поделился другой.

– Это так необычно – читать о твоих детских желаниях. Боже, какая это была боль! – продолжал третий.

Были, правда, и такие, которые не особо вдохновились прочитанным.

– Все эти вещи очень трудно понять, – сказал один.

– Ты действительно хочешь поделиться своими переживаниями с окружающими? Не кажется ли тебе, что подобные откровения лучше всего держать при себе? – предостерегал другой.

Мне пришлось ответить на все эти неприятные вопросы и продолжать свой труд.

Одним из важных дел, отнимавшим у меня много времени, стала разработка рекламных материалов книги для литературных агентов. К тому времени я уже зарегистрировала права на ранние версии книги и усиленно занималась поисками издательства, которое согласилось бы взяться за публикацию произведения. Решив для себя, что заинтересовать крупные нью-йоркские издательства можно только с помощью профессионально подготовленных материалов, я засела за составление рекламных презентаций. Не удовлетворившись одним лишь обычным письмом-заявкой, я составила развернутый рекламный буклет, в который вошли макет заглавной страницы, предисловие, содержание, одна полная глава и краткое содержание остальных, небольшое исследование целевой аудитории, биография автора, выписки из других книг обо мне, список книг об Арнольде, информация о подготовительных работах по выпуску книги, а также фотографии. Каждый из этих пунктов, которые нужно было подготовить со всей возможной тщательностью, отнимал у меня кучу времени.

Продвижение своей книги я начала с того, что отправила двадцать заказных бандеролей литературным агентам с Атлантического побережья, которые специализировались на издании мемуаров и биографических произведений о звездах кино, эстрады, политики и спорта. Я была полностью уверена в том, что представленный мной материал вызовет неподдельный интерес в издательском мире, и уже готовилась к разговорам с конкурирующими компаниями, желающими выпустить книгу.

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, моя книга не вызвала особого интереса, и отправленные на Атлантическое побережье посылки возвратились обратно ко мне абсолютно нетронутыми. Каждую посылку при этом

сопровождало письмо с вежливым отказом: «Благодарим вас за обращение в наше агентство, но обозначенная тема вашей книги не соответствует потребностям нашего издательства».

Получив такие отзывы, я поначалу очень удивилась: как же книга об Арнольде Шварценеггере может не интересовать литературных агентов? Честно сказать, после такого «холодного душа» от издателей я упала духом.

Однако прошло какое-то время, и я получила электронное письмо от одной издательницы, которая попросила меня предоставить как можно больше информации о книге. Я начала переписываться с ней, но очень быстро потеряла интерес к нашему общению: как оказалось, издательница хотела, чтобы я взяла на себя все риски, которые были связаны с публикацией книги. Вот еще – разве не для этого и подбирают издателя, чтобы он взял всю работу по публикации на себя, а не перекладывал бы свои обязанности на автора?

Нет уж, спасибо, при таком положении вещей я всегда смогу самостоятельно опубликовать свою книгу.

После этой неудачной попытки мне позвонил один старый друг, время от времени занимающийся публикациями, и дал такой совет:

– Для того чтобы продать книгу, тебе стоит подумать над тем, чтобы побольше внимания уделить Арнольду и поменьше самой себе. Ко всему прочему, ты должна знать, что Арнольд никому не интересен в Нью-Йорке, так что тебе будет трудно продать свою книгу на Атлантическом побережье.

Арнольд никому не интересен? Никто не хочет прочесть про ранние годы *Терминатора*? Это что же получается, ньюйоркцы запомнили Арнольда только как *Геркулеса*, который однажды бегал по их городу? В моем понимании многочисленные почитатели Арнольда помнили его не только за эти роли – ведь был, к примеру, еще и *Бегущий человек*, и *Детсадовский полицейский*, юмора которого, по всей видимости, ньюйоркцы тоже не понимали. Как же так получается, что серьезные бизнесмены договариваются с Арнольдом о съемках фильма *«Хищник»*, а издатели не видят перспектив сотрудничества со мной? Столкнувшись с такой неприятной ситуацией, я впала в уныние и задним числом начала искать какие-то оправдания создавшегося положения.

Эй, вы! Вот моя история – история девушки Арнольда в период расцвета бодибилдинга. Неужели читатели не хотят узнать о том, кто оказал влияние на формирование личности Арнольда в это время? Разве никому не интересны первые годы в Америке человека, который уже давно стал истинным воплощением

«американской мечты»?

Но, как показала практика, издательский мир не интересовался подобными темами, а единственным условием публикации было добавление в мою книгу пикантных и фривольных историй, которые бы подпортили реноме Арнольда.

Честно сказать, в создавшейся ситуации я не видела для себя выхода.

Пребывая в каком-то оцепенении из-за реакции издателей, я находила утешение в дальнейшем улучшении своей книги и доводила каждое слово до максимальной степени совершенства. Что касается вопроса публикации, я не знала, что мне предпринять и в какую сторону нужно бежать, но при этом мы с Джоном были абсолютно уверены в том, что это была хорошая и достойная книга, которую должны высоко оценить все почитатели Арнольда. Столкнувшись с отрицательной реакцией издателей, я скорее по инерции, чем по собственному желанию, пыталась заниматься проектом, который был мало кому интересен, и в таких муках прошло четыре года.

И тут мой муж подкинул новую идею:

– Слушай, а что, если обратиться за помощью к самому Арнольду? Может быть, он согласится написать предисловие к твоей книге.

К тому времени я уже и сама подумывала об этом и даже считала, что Арнольд должен узнать об этой книге от меня. Сойдясь на том, что лучше будет поговорить с Арнольдом об издании книги, мы с Джоном составили специальное письмо, в котором постарались максимально точно и аккуратно рассказать о поднятых в книге темах. Подготовленное письмо я отправила на адрес Арнольда в июне 2003 года; в нем я не только рассказала о своем проекте, но и попросила Арнольда оказать посильную помощь. Как раз в это время решался вопрос об отзыве губернатора Калифорнии, и я знала, что Арнольд мог выставить свою кандидатуру на выборах. Пользуясь тем, что пока он не принял окончательное решение, я просила его прорекламировать мою книгу. С учетом того, что перед тем, как попасть в руки Арнольда, письмо должно было пройти долгую бюрократическую процедуру, я на всякий случай упомянула, что мы вместе с Джоном проведем весь июль в Европе.

Даже находясь в отпуске, вне зависимости от того, где мы отдыхали – будь это Прага или Амстердам, – я и Джон никогда не упускали случая посмотреть новости. И как это уже неоднократно бывало раньше, с телевизионного экрана на меня взирал Арнольд: на одном канале немецкого телевидения он

рекламировал свой новый фильм *Terminator-3,* а на другом пожимал руку знаменитому велосипедисту Армстронгу. Короче говоря, Арнольд был везде.

Находясь проездом в Париже, мы узнали, что планы по отзыву губернатора Калифорнии начали приобретать определенные очертания: собранных в ходе референдума подписей хватило для начала процедуры отстранения Грея Дэвиса от занимаемой должности и объявления досрочных выборов. Все эти новости будоражили наше с Джоном воображение: ну еще бы, ведь против Грея Дэвиса ополчились как республиканцы, так и демократы. Мы с мужем, сгорая от нетерпения, ждали того дня, когда слухи о выдвижении кандидатуры Арнольда станут реальностью. Тем не менее британские телеканалы не давали ответа на наш вопрос, да и родной *CNN* не спешил прояснить ситуацию.

Вернувшись домой, мы первым делом проверили автоответчик – и там меня поджидал сюрприз. В своей неподражаемой манере Арнольд оставил такое сообщение: «Привет, Бар-бар-ха! Как же долго мы с тобой не общались!»

Прослушав сообщение, я решила не торопиться с ответом, а для начала хорошенько выспаться. Отлично отдохнув, я позвонила Арнольду на следующий день, но никто не поднял трубку, и мне ничего не оставалось, кроме как продиктовать для него сообщение. В следующие несколько дней до меня безуспешно пытался дозвониться личный помощник Арнольда, но меня, как назло, в это время не было дома.

Тем не менее мы с Джоном, наряду со многими гражданами, интересующимися политикой, знали, что Арнольд собирается заявить о своем решении относительно участия в губернаторских выборах на телепередаче своего давнего друга Джея Лено. Ходили слухи, что Арнольд решил отказаться от этой затеи и не выставлять свою кандидатуру. Но кто бы там что ни говорил, я ни на секунду не сомневалась в том, какое решение примет Арнольд, – ведь он грезил о губернаторском кресле с 1979 года. Ко всему прочему, подготовка избирательной кампании удачно совпала по времени с рекламными мероприятиями недавно вышедшего фильма *Terminator-3*, и для Арнольда это означало повышенное внимание аудитории.

Я даже пожалела, что не поставила деньги на решение Арнольда, которое он озвучил на той памятной передаче Джея Лено: «Джей, я действительно собираюсь выставить свою кандидатуру на выборах губернатора Калифорнии». Если бы я тогда сделала ставку, то мне бы хватило денег на публикацию книги и на обеспеченную старость. Но мне, по всей видимости,

не суждено было стать скороспелым миллионером, да и слишком много сил я потратила на то, чтобы довести до ума свою книгу, поэтому все не могло закончиться так просто.

И вот я сидела дома и ждала звонка от влиятельного представителя Республиканской партии и потенциального кандидата на пост губернатора штата Калифорния. Как же мне удавалось сдерживать свои эмоции в этот период томительного ожидания, когда вокруг меня разворачивались такие необычные события? Днем, как правило, я занимала себя тем, что правила текст книги, а вечером мы с мужем внимательно наблюдали за баталиями, разворачивающимися на местной политической сцене, и гадали, чем обернется избрание Арнольда на губернаторский пост для всех жителей штата и лично для меня как автора книги о нем. По всему выходило, что мой бывший возлюбленный должен был стать губернатором, и, хотя это происходило с некоторым опозданием, для меня это уже стало реальностью.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Пока я сидела в кабинете Арнольда, меня не покидала мысль: каково это – жить с осознанием того, что твои близкие родственники уже умерли и не могут по достоинству оценить тех вершин, которых ты достиг? Неудивительно, что я с интересом начала расспрашивать его о том, как он относится к теории «приемных родителей».

– Я думаю, что все дело в моих родителях, – ведь я уехал от них в очень юном возрасте, а в скором времени после моего отъезда умер отец. Именно поэтому, полагаю, мало кто догадывается о том, сколько же «приемных родителей» мне на самом деле посчастливилось повстречать в своей жизни, – и, честно сказать, я очень рад такому повороту событий. Взять, к примеру, Джо Уайдера, или Митса и Дот Кавашима, или Дино Де Лаурентиса, который «нянчился» со мной на съемках «Конана» и у которого я перенимал опыт предпринимательской деятельности… А ведь были еще и с теплотой относившиеся ко мне Рег Парк и Марианна, которые при любом удобном случае писали мне замечательные письма: «Только что посмотрели твой новый фильм и очень тобой гордимся – ты, как всегда, просто неподражаем».

Можно еще вспомнить моего давнего австрийского приятеля Фредди Герстеля, который многому меня научил. Когда мне было всего пятнадцать лет, я начал заниматься вместе с его сыном, который был на три или четыре года старше меня. Фредди был хорошим примером для нас и всячески поощрял наши занятия

силовыми упражнениями. Еще одним ценным преимуществом Фреда было то, что он подкармливал меня мясом, которое по причине бедности не могла себе позволить наша семья. Поэтому неудивительно, что, когда мне требовалась помощь и поддержка уже здесь, в Америке, я обращался к Фредди, и он всегда приезжал ко мне.

Минута славы

В тот самый день, когда Арнольд озвучил планы по выдвижению своей кандидатуры на пост губернатора Калифорнии, он позвонил мне домой. В этот момент я как раз готовилась к встрече со своими подругами, с которыми планировала провести вечер за бокалом вина и задушевной беседой. Чтобы сгладить эту неловкую ситуацию, роль радушного хозяина, принимающего гостей, пришлось взять на себя Джону, который встретил моих подруг и проводил их в дом. Ему даже пришлось принести извинения за мое временное отсутствие, которое он объяснил так: «Барбара немного задерживается – ей позвонил Арнольд, и им есть о чем поговорить. Они сейчас немного побеседуют, и я приведу ее к вам!»

Звонок Арнольда, конечно же, вызвал бурную реакцию у моих подруг, но для того, чтобы не смущать меня, они прошли на кухню, где занялись приготовлением коктейлей.

А я в это время, сгорая от нетерпения и задыхаясь от предвкушения давно ожидаемых слов, вслушивалась в речь Арнольда:

– При-вее-тт! Как у тебя дела, Бар-бар-ха? Прошло уже довольно много времени с тех пор, когда мы в последний раз разговаривали с тобой. Последние пару лет я собирался пазванить тибе, но не знал твоего номера телефона.

– Ты знаешь, мой номер телефона не менялся последние лет двадцать, но не будем об этом. Да ладно, о чем там говорить, Арнольд, – я до сих пор не могу поверить, что ты решился идти на выборы! Что ты сам-то об этом думаешь?

– Да это все пустое – настоящий вопрос, который меня волнует: как у тебя дела? – сказал Арнольд.

– Я так понимаю, что сейчас это не самый важный вопрос! – ответила я смеясь.

Как раз накануне из новостей я узнала, что Арнольд встречался с Уорреном Баффетом, одним из влиятельнейших финансистов мира, и обсуждал с ним планы выдвижения своей кандидатуры на губернаторский пост. И вот этот человек, который еще вчера проводил консультации с важными финансовыми воротилами, звонит мне домой – ну разве жизнь не умеет подкидывать сюрпризы?

В тот вечер мы с Арнольдом весело болтали, как старые добрые друзья, словно и не было тех тридцати с лишним лет, минувших со времени нашего расставания. Наш разговор затянулся на полчаса, и на прощание мы договорились, что

по окончании процедуры выборов Арнольд напишет введение для моей книги.

– Ты же знаешь, что я всигда харашо отношусь к своим старым друзьям, поэтому присылай мне свою книгу, чтобы я мог с ней ознакомиться, – сказал Арнольд, завершая наш телефонный разговор.

– Хорошо, я отправлю тебе экземпляр – и, Арнольд, я желаю тебе победы на этих выборах! Нашему штату нужен сообразительный и финансово подкованный лидер! – ответила я.

Закончив беседовать с Арнольдом, я спустилась к своим подругам, и за бокалом вина мы начали активно обсуждать последние новости и события. Поначалу подруги хотели отложить эти разговоры до следующего раза – ведь нам с мужем требовалось некоторое время для того, чтобы обдумать и обсудить предложение Арнольда, – но я решила поделиться с ними своими переживаниями именно в тот вечер. Джону пришлось, таким образом, присутствовать при нашей беседе, которая изначально планировалась как чисто женские посиделки. Главной темой обсуждения, конечно же, стал разговор с Арнольдом, моим бывшим молодым человеком, а сейчас – одним из кандидатов на пост губернатора штата Калифорния.

На следующий день, обнадеженные хорошими новостями о поддержке со стороны Арнольда, мы с мужем вновь приступили к поискам литературного агента, который бы взялся за издание моей книги. В этот раз я была полностью уверена в том, что агенты больше не смогут игнорировать популярность Арнольда и, следовательно, шансы на издание моей книги увеличивались, ведь в преддверии выборов средства массовой информации проявляли повышенный интерес к этому кандидату. При таком положении вещей моя книга давала читателям отличную возможность лучше узнать прошлое Арнольда, и в случае принятия положительного решения об ее издании она могла быть выпущена в течение ближайших девяти месяцев.

Теперь настал мой черед отказать издательству *New Yorkers* в праве на публикацию книги. Вместе с мужем мы составили список из шести литературных агентов, работающих в Калифорнии, и послали им электронные письма с предложением опубликовать мою работу: уж они-то хорошо знали подлинную цену той известности, которую заслужил Арнольд. Не успели мы отправить письма, как мне домой позвонил Поль Левин, адвокат и литературный агент, с предложением издать книгу.

В один погожий августовский вечер мы вместе со своими супругами собрались на семейный ужин в одном

из ресторанчиков Малибу, чтобы обсудить планы по изданию книги. По итогам нашей встречи Поль опубликовал краткое содержание моей книги на специальном сайте под названием *Publishers» Marketplace*.

Спустя некоторое время, уже в сентябре, работая на своем компьютере в университетской лаборатории, я зашла в электронную почту и не поверила своим глазам: на предложение моего литературного агента ответил Адам Таннер, известный журналист из *Reuters News Service*, который высказал пожелание встретиться и поговорить о моей книге.

Боже мой, что же я наделала? Сомнения в правильности своих действий вновь охватили меня, и я в задумчивости уставилась на студентов, искавших в Интернете материалы для предстоящей письменной работы. *«Так, спокойно, Барбара. Не подавай виду и не паникуй,* – уговаривала я себя. – *Но что же теперь будет, ведь эти студенты пока не догадываются, что их преподаватель – это бывшая девушка Арнольда Шварценеггера. Что же они мне скажут, когда узнают?»* – лихорадочно думала я в тот момент.

Я ответила на письмо Адама Таннера тем же вечером, попросив его дать мне пару дней на подготовку перед нашим разговором и публикацией моей истории в средствах массовой информации.

Как показали дальнейшие события, мое письмо с просьбой о небольшой передышке перед публикацией информации в прессе не возымело особого действия: компания *Reuters News Service* без предупреждения опубликовала собранную из разных источников историю о моих отношениях с Арнольдом. В основу статьи легла информация, которая содержалась в двух книгах – биографии Арнольда и скандальной работе Венди Лей.

Не прошло и суток с того момента, как я прочла электронное письмо от Адама Таннера, а ко мне на встречу уже приехал обозреватель местной газеты *The Ventura County Star* Ти Джей Салливан. Увидев меня, журналист пошел в атаку:

– Для вас это, должно быть, выглядит очень необычно, но я нашел ваши контактные данные в списках преподавательского состава, и мне очень повезло, что мы с вами живем в одном округе. Вам известно о том, что сегодня утром газета *Washington Post* напечатала статью о вашей книге? Надеюсь, что вы согласитесь дать мне интервью для нашей газеты и позволите сделать пару фотографий.

«Да, хороша же я буду в свои пятьдесят пять лет», – пронеслось у меня голове. Не успела я прийти в себя от такого поворота событий, как на смену старым пришли новые сомнения:

«Что же мне сейчас делать? Фотографироваться? А что на мне сегодня надето? Достаточно ли времени я потратила утром на укладку и макияж? Что обо мне подумают студенты и преподаватели, когда узнают о моих отношениях с Арнольдом? Боже, что же мне делать?..»

Мое первоначальное удивление и растерянность от неожиданного визита представителя прессы постепенно улеглись, и, чтобы потянуть время и собраться с мыслями, я внимательно рассматривала журналиста и его удостоверение. В руках у меня были ключи и книги, которые я в нерешительности перебирала, усиленно соображая, как мне поступить дальше. *«Барбара, постарайся выиграть время и не будь наивной. Таннер достаточно умен, чтобы найти тебя так быстро! Так что думай, что делать дальше!»* – размышляла я в тот непростой для себя момент.

– Должна сказать, что я очень удивлена, – наконец произнесла я. – Дадите мне пару минут, чтобы я могла позвонить своему агенту и спросить его совета?

– Конечно. Мы подождем вас здесь, – ответил журналист.

Вместо того чтобы срочно связаться с Полем, я решила позвонить своему мужу.

– Послушай, Джон, ты не поверишь, но, когда я сегодня вернулась к себе в офис… – начала я свой рассказ и в двух словах пересказала мужу произошедшие со мной события. – Что же мне делать? Я ведь не рассчитывала, что это произойдет так быстро! – выпалила я на одном дыхании.

Мы, конечно, понимали, что раз Таннер уже взял след, то статья о моих отношениях с Арнольдом рано или поздно появится в прессе. Так что плохого в том, чтобы самой поведать обо всем газетчикам? Да и как, в конце концов, интервью прессе может повредить публикации книги?

На следующий день после интервью один из моих приятелей так охарактеризовал вышедшую статью за авторством Ти Джея Салливана: «Она просто заполонила всю страницу». Мне стало интересно, что же там журналисты написали про меня, и, обнаружив на одной из страниц свою фотографию, я прочла следующее: «Преподаватель английского языка Барбара Аутленд Бейкер, по всей видимости, была не готова к такому повороту событий…»

Хорошенькое начало – как же тут быть готовой? Лично я ощущала себя, как героиня фильма *Flash Dance*, которая только что закончила свой чувственный танец и, откинувшись на стул, с нетерпением ждала освежающего душа. Надо сказать, что по сравнению со мной героине фильма повезло значительно

больше: она была готова к этому «потопу», а я, в отличие от нее, боялась захлебнуться бурным потоком. Мне пришлось уговаривать себя подольше задерживать дыхание и время от времени всплывать на поверхность, чтобы глотнуть свежего воздуха.

В связи с тем, что я была преподавателем английского языка в колледже, мой номер телефона был опубликован в специальном справочнике, и любой желающий легко мог его найти и позвонить мне. После первых публикаций в прессе недостатка в таких желающих, надо сказать, не наблюдалось, и мне все время кто-то названивал. Повышенный интерес был для меня в новинку, и я постоянно рассказывала мужу, кто на этот раз дозвонился до меня: репортеры, владельцы радиостанций и телевизионных передач. Нужно отметить, что подобное внимание со стороны посторонних людей стало для меня тяжелым испытанием.

Возросший интерес к моей персоне отразился не только на мне, но и на моем муже, которому так и не удалось насладиться своим выходом на пенсию. В один прекрасный момент он был вынужден стать моим персональным поверенным и забросить свои собственные увлечения гольфом и фотографией, к которым так давно стремился. Вместо этого ему пришлось быть одновременно автором, литературным агентом и главным действующим лицом в процессе продвижения моего проекта. При всем при том двое значимых для меня мужчин поддерживали меня во время публикации интервью в прессе, оставляя моему настоящему агенту вопросы согласования моих публичных выступлений.

Однажды во время телефонного разговора с Таннером, состоявшегося после передачи *The Post*, в которой он рассказал обо мне, я приняла решение стать более общительной и открытой для прессы. В тот момент, когда Таннер сделал несколько реверансов в мою сторону, я ответила ему примерно так:

– Надеюсь, что вы разделяете мои сомнения, ведь мне не хотелось бы, чтобы люди неправильно восприняли мои высказывания, и такое непонятное для меня положение очень нервирует меня!

Адам Таннер проявил искреннее сочувствие, успокаивал и подбадривал меня, но при этом не упустил случая задать вопрос:

– Барбара, почему вы озаглавили свою книгу «Преодолевая Арнольда»? От этого названия веет безнадегой.

Для того чтобы сгладить первое отрицательное впечатление о своей книге, мне пришлось объяснить Адаму, что это название ни в коей мере не обвиняет Арнольда, а лишь показывает,

насколько большое влияние он оказал на мою жизнь в период наших отношений и продолжал оказывать даже после расставания. После моих объяснений Адам перешел к более детальным расспросам о том, каково это было – пережить разрыв отношений с Арнольдом и что я при этом чувствовала.

В публикациях, последовавших за моим интервью с Адамом, журналисты стали придерживаться более взвешенной позиции и давали объективную оценку моим мемуарам. По ходу публикаций мне приходилось делать множество пояснений относительно различных хитросплетений карьеры Арнольда. Средства массовой информации не обошли стороной то злосчастное интервью порнографическому журналу *Oui*, которое Арнольд дал в далеком 1977 году, но я объяснила, что этот его поступок был продиктован исключительно наглостью и чванством, а не порочностью и развратом. Также я опровергла связь Арнольда с нацизмом, которую ему упорно старались приписать на основании того, что его отец служил в немецкой армии во время Второй мировой войны. Надо сказать, что Адам был очень удивлен тем, что бывшая девушка Арнольда достаточно активно его поддерживает, и, насколько я могу судить, моя поддержка не оставила его равнодушным.

Помимо двух уже упомянутых журналистов, я общалась и с другими представителями СМИ, которым давала достаточно пространные и, как мне кажется, не всегда удачные интервью. Так, Джон Циммерман из газеты *Contra Costa Times* написал достаточно обидную заметку о том, что Арнольд очень плохо воспринимал и не понимал протесты общественности против войны во Вьетнаме. Мне нечего было ответить на подобные выпады, ведь я даже не могла вспомнить, как же на самом деле Арнольд относился к этой войне! Именно в этот момент я поняла, что, попав однажды на страницы газет, ты перестаешь жить своей жизнью и начинаешь играть по чужим правилам.

В другой раз, когда мы всей семьей собрались в одном из укромных местечек Калифорнии, я дала интервью британскому журналисту из газеты *New York Daily*. Ради этого интервью мне пришлось даже пожертвовать своим личным временем, которое я украла у своих родственников в угоду общения с прессой. Этому англичанину, как и Джону Циммерману, не особенно понравилась моя поддержка Арнольда, которую я демонстрировала во время интервью, и он постарался поскорее закончить наш разговор.

Во время предвыборной кампании ко мне пришел представитель газеты *Chronicle of Higher Education* и взял у меня интервью как у одного из специалистов в преподавательском

составе, имеющего связи среди кандидатов на губернаторский пост. Да и Ланс Уильямс из газеты *San Francisco Chronicle* показал себя грамотным профессионалом, напечатав взвешенное и объективное интервью об Арнольде. Одним из моментов, который постарался выяснить Ланс, стал вопрос об использовании Арнольдом нелицеприятных высказываний типа «сраные гомосеки» в адрес лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Я уверила Ланса в том, что у Арнольда было довольно много друзей из этой среды, а упомянутые выражения он обычно употреблял по отношению к богатеньким гомосексуалистам, предлагавшим бодибилдерам вступить с ними в половую связь за деньги.

Одним из самых запоминающихся стал разговор с командой британской газеты *The Daily Telegraph,* в состав которой вошли репортер Оливер Пул и фотограф Джон Фримен. Эти ребята были настолько открытыми и с ними было так приятно общаться, что мы с Джоном были рады принять таких замечательных гостей у себя в доме. Помимо того что ребята из британской газеты были веселыми и приятными в общении, они еще и опубликовали в своей газете очень хорошее интервью, в котором особое внимание уделили лидерским качествам Арнольда.

После того как мои интервью стали появляться в средствах массовой информации, мне стали поступать предложения от различных лиц и организаций, желавших тоже побеседовать со мной. Моему агенту пришлось здорово потрудиться, чтобы обработать все полученные запросы и постараться обговорить хорошие условия для интервью на достаточно большом количестве различных телеканалов: *Fox News 11, German TV in L. A., Inside Edition*, *Good Morning America*, *Today, The Early Show, CNN, MSNBC, Primetime, Fox News New York.*

Как-то раз я даже дала несколько телефонных интервью одной из радиостанций Лос-Анджелеса, и их крутили во время дневных эфиров.

Если говорить о радиостанциях, здесь я нашла благодарную и отзывчивую публику, и моими проводниками к сердцам слушателей стали два неординарных радиоведущих из Лос-Анджелеса – Джон Кобальт и Кен Шампи. Эти два господина вели специальную передачу *The John and Ken Show*, в которой делились взглядами на злободневные темы и политику. На передачу к Джону и Кену я попала случайно: когда я была на занятиях в колледже, мой муж просто позвонил на передачу и поинтересовался, не хотели бы они пригласить на встречу бывшую девушку Арнольда Шварценеггера. Как только они удостоверились, что их не разыгрывают, они тут же назначили

время для интервью, и мой муж перезвонил мне на работу:

– Любимая, постарайся сегодня не задерживаться. Тебе нужно быть дома в полшестого вечера, чтобы успеть к телефонному интервью с Джоном и Кеном!

Интерес к интервью со мной объяснялся достаточно просто: одной из самых обсуждаемых тем в предвыборной кампании Арнольда стала его чрезмерная увлеченность женским полом. Газета *Los Angeles Times* изо дня в день обмусоливала эту тему на своих страницах, и, ко всему прочему, один из кандидатов на губернаторский пост, Арианна Хаффингтон, на предвыборных дебатах довела Арнольда до белого каления подобными вопросами. Такое поведение Арианны не особенно ее красило, и она стала удобной мишенью для местных средств массовой информации. Однако на эфир с Джоном и Кеном я ехала со спокойной душой, так как отлично знала: эти радиоведущие не любят копаться в подобных темах.

Было, конечно, странновато по пути домой услышать по радио, как ведущий объявляет: «В ближайшее время с нами на связь выйдет Барбара Аутленд Бейкер, преподаватель английского языка в колледже, которая в свое время стала первой девушкой Арнольда Шварценеггера после его переезда в США». Обычно Джон и Кен не особо церемонились со своими гостями, но в этот раз мое представление выглядело как комплимент, и от таких слов у меня даже закололо в груди.

Как только я добралась до дома и вошла в дверь, я тут же убедилась, что мой муж отлично постарался и сделал все возможное, чтобы я со всеми удобствами могла дать интервью. Телефонный аппарат был наготове, рядом с моим креслом стоял стакан воды, неподалеку было установлено радио, и всю эту картину дополнял магнитофон, на котором оставалось в нужный момент просто нажать кнопку «Запись». Но на приготовлениях к телефонному интервью Джон не остановился и, помимо всего прочего, уведомил моих родственников и знакомых о предстоящем радиоэфире. Когда подошло назначенное для интервью время, Джон вышел из дома и присоединился к нашим соседям, которые стояли и слушали мое выступление по установленному неподалеку радиоприемнику. Более того, Джон подготовил для меня небольшие листочки бумаги, на которых написал названия тем, которые я должна была затронуть во время эфира. Сделанные Джоном приготовления вселили в меня уверенность и вернули присутствие духа – я стала бодрее отвечать на вопросы радиоведущих и комментировать события вокруг избирательной кампании. Для начала мы вместе с Джоном и Кеном посмеялись над редактором газеты *Times*

Джоном Кэрроллом, который старался всячески досадить Арнольду и даже делал публичные заявления о том, что обязательно его «закопает». Затем мы перешли к нападкам Арианны Хаффингтон, и обсуждение попыток этой дамы насолить Арнольду во время предвыборных дебатов вызвало у нас шквал смеха и шуток. Время, отведенное для моего интервью, подходило к концу, но ведущие решили увеличить продолжительность эфира со мной и продлили передачу. К тому моменту когда время окончательно вышло, а беседа подходила к финалу, мы вместе с Джоном и Кеном пришли к выводу, что, пожалуй, лучшего кандидата в губернаторы, чем Арнольд, не сыскать.

Прошло, должно быть, около недели, когда меня позвали на передачу к Стейси Тэйлор, где мы вместе с ведущей снова посмеялись над попытками газеты *L. A. Times* вылить ушат помоев на Арнольда. На этой передаче уже в который раз была высказана мысль, что в это непростое для штата время Арнольд является идеальной кандидатурой на губернаторский пост.

Помимо явного неудовольствия из-за действий редакторской команды газеты *Times,* я была разочарована решением апелляционного суда девятого избирательного округа. По какой такой странной причине суд решил прервать уже начавшиеся приготовления к проведению избирательной кампании? Как оказалось, трое судей решили, что в части избирательных округов штата Калифорния наблюдаются проблемы с оборудованием для проведения голосования, и было выделено дополнительное время для приготовления к процессу волеизъявления. Представители средств массовой информации тоже получили передышку и время для подготовки к освещению процесса выборов, но вдруг в один момент решение было изменено на прямо противоположное! Не прошло и недели с даты объявления о приостановке предвыборного процесса, как апелляционный суд, собравшись в полном составе, пересмотрел свое собственное решение и изменил его: никакого перерыва для проведения дополнительных подготовительных мероприятий не будет, и предвыборная кампания должна идти своим чередом. Трудно представить себе шумиху, поднятую по этому поводу в прессе, а мне лишь оставалось посмеиваться над подобными скоропалительными решениями.

Не нужно говорить, что с возобновлением процедуры проведения выборов средства массовой информации начали снова проявлять повышенный интерес к моей персоне, – без преувеличения можно сказать, что имя Барбара Аутленд Бейкер стало все чаще и чаще фигурировать в запросах пользователей

в поисковых системах. Многие газеты начали поднимать старые материалы и использовать их в своих публикациях. Не остались в стороне и зарубежные издания: статьи обо мне напечатали газеты из Германии, Австралии, Новой Зеландии и Индонезии.

Более того, средства массовой информации в своих корыстных интересах активно использовали материалы из моих интервью. Так, к примеру, сетевое издание для лиц нетрадиционной ориентации *Gay.com* опубликовало статью под броским заголовком «Арнольд Шварценеггер снимался в порнофильме для гомосексуалистов», и лишь в самой статье давались пояснения, что это произошло «по его неведению».

Другое издание, *Glamour.com* поместило заметку под названием «СТАЛИ ИЗВЕСТНЫ ВСЕ СЕКРЕТЫ АРНОЛЬДА. Барбара Аутленд Бейкер… поделилась с нами пикантными подробностями, которые стоят того, чтобы их прочесть». Что я, извините, сделала? Поделилась подробностями? И когда же, скажите на милость, это произошло?

Неудивительно, что подобное поведение средств массовой информации, без зазрения совести перевирающих мои слова в угоду охочей до сенсаций публики, стало для меня неприятным сюрпризом. При этом вне зависимости от издания, опубликовавшего мое интервью, мне было странно видеть свои слова, над которыми основательно поработал редактор, и у меня постоянно возникал вопрос: по каким причинам журналисты либо выпячивали какие-то факты, либо скрывали их? Неужели такой подход был обычной тактикой повышения продаж для бульварной прессы?

Но больше всего меня удивляло безразличие к моей персоне со стороны местной газеты *Los Angeles Times.* Странно, но факт: эта газета старательно избегала контактов со мной, и я никак не могла взять в толк, почему это происходит. Тем более что изданию из Лос-Анджелеса было довольно легко выйти на меня, раз уж меня без особых проблем нашли журналисты из Великобритании. Чего же в таком случае боялась эта газета? Уж не того ли, что я выскажусь в поддержку Арнольда и мои высказывания не совпадут с редакционной политикой издания? А еще меня удивляла настойчивость главного редактора *Los Angeles Times,* который на время предвыборной кампании выделил из своего штата двадцать четыре человека и бросил их на поиски компромата против Арнольда. Что удивительно, ни один человек из этой команды по «перебиранию грязного белья» так и не удосужился выйти на меня. Что могло послужить причиной того, что эти журналисты не захотели обратиться ко мне за комментариями по поводу нашей с Арнольдом совместной

жизни и вынести на суд публики набившие оскомину вопросы? *Арнольд был расистом? Нет. Он ненавидел гомосексуалистов? Нет. Он восхищался Гитлером? Нет. Арнольд способен на необдуманные поступки? Да. Известно ли вам о случаях сексуального домогательства к женщинам со стороны Арнольда? Нет. Изменял он вам? Да. Вы будете голосовать за Арнольда? Да. Как вы объясните свое желание проголосовать за него? Я буду голосовать за Арнольда по причине многогранности его личности.*

Понятное дело, что с таким настроем газета *Los Angeles Times* не особенно стремилась меня интервьюировать и упорно продолжала размещать на своих страницах негативные заметки об Арнольде как об «актере», не упоминая при этом, что он не только актер, но и один из кандидатов в губернаторы. Попытки *Los Angeles Times* очернить Арнольда и отвернуть от него избирателей привели, однако, к прямо противоположному результату: читатели и подписчики издания стали все чаще высказываться в его пользу и даже говорили, что скорее согласились бы стать «жертвой домогательств Арнольда», чем разделить редакционную политику газеты.

Повышенный интерес ко мне отразился и на моей работе: студенты стали все чаще приносить на занятия копии газетных публикаций, в которых их преподавательница высказывала свою точку зрения, и, к их огромному удовольствию, мне приходилось давать подробные объяснения относительно наших с Арнольдом отношений. Надо отметить, что моя активность пришлась по душе далеко не всем, и в мой электронный почтовый ящик начали сыпаться гневные письма от каких-то неизвестных мне людей. Мне даже советовали нанять телохранителя, чтобы избежать эксцессов. Но скажите на милость, кому была охота заниматься такой персоной, как я?

Во время избирательной кампании каждый мой день начинался с того, что, придя на работу, я прослушивала записи на своем автоответчике, – некоторые из них оставляли люди, критиковавшие меня за поддержку, которую я оказывала Арнольду. Мне также пришлось столкнуться с непониманием со стороны коллег. По всей видимости, они обижались на меня за то, что, поддержав процедуру отзыва губернатора и кандидата от республиканцев, я тем самым нарушила «корпоративную этику» преподавательского сообщества. Этих людей, конечно, можно понять: они, вероятно, не читали газет и не смотрели телевизор, раз не смогли понять, что у меня были личные причины поддержать кандидата от республиканцев по имени Арнольд Шварценеггер.

При таком положении вещей и на фоне не совсем приятных

событий вокруг меня я с нетерпением ждала выходных и мечтала отдохнуть от чрезмерного внимания средств массовой информации и непонимания коллег. В это блаженное для меня время я могла спокойно заняться проверкой работ, написанных моими студентами после знакомства с романом «Чтец» Бернхарда Шлинка. В произведении немецкого писателя поднимались болезненные темы переосмысления событий холокоста в послевоенный период – и как же далеки были эти темы от тех мелочных вопросов, которые изо дня в день обмусоливались средствами массовой информации! Но я прежде всего была преподавателем и должна была заниматься своим любимым делом, несмотря на происходящее.

Перед самыми выборами, когда накал страстей достиг пика, со мной практически одновременно связались два представителя телеканала *Fox TV* из Нью-Йорка: Джон Гибсон, ведущий телепередачи *The Big Story*, и Грета ван Шустерн из ток-шоу *On the Record*. Каждый из этих телеведущих, помимо всего прочего, спросил меня:

– Если мы сейчас вышлем лимузин, вы готовы прийти к нам на прямой эфир в студии?

Помня наставления своего мужа, я сразу же согласилась на подобное предложение – ведь мы с Джоном прекрасно понимали, что такие телеинтервью играют нам на руку и дают хороший шанс привлечь внимание издателей к моей книге. Я быстро собрала письменные работы своих студентов и принялась лихорадочно соображать, какой наряд мне лучше всего надеть для выступления в студии. Поначалу я остановила свой выбор на свитере персикового цвета, но потом задумалась: не будет ли он меня полнить перед телекамерами? Такие раздумья по поводу своего внешнего вида заставили меня основательно понервничать, и мне даже пришлось сделать себе более яркий макияж, чем тот, который я использовала в повседневной жизни.

Наш водитель, который привез нас с Джоном на съемки передачи, 2002

Ровно в полдень в дверь нашего дома постучался строго одетый и подтянутый водитель лимузина по имени Стив, чтобы отвезти нас с мужем в другой мир. Как только мы уселись в машину, Стив начал нас успокаивать: нам нечего бояться прямого эфира, и профессиональные сотрудники компании *Fox* помогут мне сделать все необходимые приготовления для выступления в студии. Забегая вперед, можно сказать, что предсказания Стива не оправдались: сотрудники телекомпании Трейс Гэлахер и Мэйджор Гаррет умело провели с нами предварительную беседу на тему процесса отзыва губернатора Калифорнии, но потом мы с Джоном столкнулись с целой кучей самых разных вопросов.

Куда запропастились все эти гримеры? И где, позвольте спросить, все наши наставники, которые должны были нам помогать перед эфиром? Все, что у меня было, – это мой замечательный муж, но, к большому сожалению, проведение прямых телеэфиров не было его сильной стороной. В этот сложный для меня момент, когда я не знала, как себя вести во время эфира, в гримерку зашла Мэри Шайво, бывший главный инспектор государственного департамента транспорта, приехавшая на запись передачи о мерах обеспечения авиационной безопасности. Пока Мэри поправляла макияж

и смотрелась в зеркало, она дала мне совет, в котором я больше всего нуждалась.

– Главное – не смотреть на себя в монитор во время выступления, – сказала она.

Закончив заниматься макияжем, Мэри ушла в студию, а я с интересом наблюдала за ее эмоциональным выступлением по расположенному в гримерке монитору. После того как Мэри закончила, меня пригласили в студию для установки микрофона. В полутемном помещении студии меня усадили на стул, стоявший на специальном постаменте, и молоденький латиноамериканец прикрепил ко мне скрытый микрофон. Разобравшись с микрофоном, он указал на специальную телевизионную установку, при помощи которой я могла оценивать свое выступление во время прямого эфира. Увидев своими глазами эту установку, про которую мне рассказала Мэри, я тихо засмеялась и ответила:

– Нет, спасибо! Я не особо хочу рассматривать себя во время выступления. Лучше я посмотрю передачу в записи – это будет куда интереснее!

После технических приготовлений и объяснений мне оставалось только сидеть в полутемной комнате и ждать своей очереди. Надо сказать, что во время моих выступлений для двух разных передач одного телеканала мне пришлось разговаривать с бесплотными, но хорошо знакомыми мне голосами телеведущих.

Джон Гибсон, ведущий телепередачи *The Big Story*, больше всего интересовался вопросом отношения Арнольда Шварценеггера к Адольфу Гитлеру – с его точки зрения, Арнольд не особенно осуждал действия Гитлера, касающиеся к евреев.

Когда очередь дошла до Греты ван Шустерн, она решила расспросить меня о связях Арнольда с другими женщинами, и больше всего ее интересовал вопрос о том, нет ли, случаем, у Арнольда каких-то девиаций на почве отношений с противоположным полом.

Для того чтобы раскрыть смысл беседы с Гретой, лучше всего привести протокол нашего с ней разговора:

– Думаю, что, когда мы говорим об Арнольде, мы имеем в виду человека, который не особо стесняется своих внутренних порывов и падок до представительниц слабого пола вне зависимости от того, есть ли у него в настоящий момент серьезные отношения с какой-то женщиной. Поэтому нельзя сказать, что у Арнольда есть проблемы в отношениях с женщинами, – попробуйте, к примеру, поставить любого мужчину на его место и посмотрите, как он себя будет вести

в таком положении. Более того, мне кажется, что со временем Арнольд научился управлять собой и начал вести себя более пристойно. Сейчас я могу с уверенностью сказать, что Арнольд сегодня и Арнольд в молодости – это два совершенно разных человека.

Позже Грета спросила меня:

– Скажите, пожалуйста, как по вашему, Арнольд осознал, что домогательство к женщинам является примером неприемлемого поведения?

Немного подумав, я ответила:

– Что касается Арнольда, то могу сказать: он быстро учится, и до него дошло, что такое поведение не особо приветствуется.

Между этими двумя интервью у нас был небольшой перерыв, во время которого мы перекусили бутербродами и успели съездить на обед в небольшой ресторанчик в Малибу. Когда мы вернулись обратно в студию, мой муж позвонил домой, чтобы проверить сообщения на автоответчике. Помимо поздравлений от наших друзей, которые видели мое выступление по телевизору, на автоответчике было сообщение от одной из сотрудниц канала *KCAL TV,* телеведущей Лизы Сигель, которая приглашала меня на интервью в тот же самый день, когда у меня шли прямые эфиры на телеканале *Fox*. Джон перезвонил Лизе и договорился встретиться с ней неподалеку от студии телеканала *Fox*, чтобы обсудить место и время проведения интервью. Лиза с ходу предложила провести интервью в офисе незнакомого мне бизнесмена, и записанная таким образом беседа как раз подоспела к вечерним выпускам новостей. Вспоминая тот день, я могу лишь сказать, что такой слаженной работы и взаимной поддержки у нас с Джоном еще никогда не было, несмотря на то что к тому времени мы уже двенадцать лет жили вместе.

Во время перерыва между интервью Джон познакомился с Эндрю Уилсоном, который работал в европейском подразделении компании *Fox Network – Sky News*. Как оказалось, европейцы тоже проявляли интерес к процедуре отзыва губернатора Калифорнии. Мой муж договорился с Эндрю Уилсоном о том, что к нам домой приедет съемочная группа из Великобритании, чтобы показать наш с Джоном быт и взять интервью об Арнольде. Это звучит странно, но даже далекие от Америки страны интересовались событиями в Калифорнии, и при помощи интервью зрители со всего мира могли воочию наблюдать за происходящим.

Когда стало понятно, что процедура выборов возобновилась и идет своим чередом, мой литературный агент договорился

с представителями телеканала *Inside Edition* о съемках небольшого сюжета обо мне и моей семье. В прошлый раз съемки сюжета о семье Бейкер были отменены, так как телеканал посчитал нужным осветить более важное событие – предстоящую свадьбу Бена Аффлека и Дженнифер Лопес. Но, как оказалось, новости об этой свадьбе были всего лишь слухами, и телеканал вновь обратился к сюжету о бывшей девушке Арнольда Шварценеггера. И вот в один прекрасный день к нам в дом приехала съемочная группа из трех человек, которая провела у нас в общей сложности около трех с половиной часов и сняла на пленку около тридцати пяти минут сырого материала. К вечеру следующего дня эти тридцать пять минут превратились в трехминутный ролик, готовый для показа в эфире прямо накануне голосования. В этом ролике телеведущий с иронией поведал зрителям о том, что даже бывшая девушка одного из кандидатов вместе со своим нынешним мужем поддерживает на выборах именно того человека, который однажды разбил ей сердце.

Когда же наступил день выборов, мне, как человеку, близко знавшему Арнольда в молодости, когда его характер только формировался, очень хотелось, чтобы вся моя помощь не пропала даром и он стал победителем.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Наша с Арнольдом беседа вместо запланированных двух часов растянулась на целых три, и во время этого разговора я старалась быстро записывать высказанные им мысли, попутно прикидывая в уме, как лучше всего будет оформить сказанное в интересную моим читателям историю.

Встреча в офисе губернатора происходила в рабочее время, и поэтому к нам достаточно часто заходила секретарь Арнольда, чтобы напомнить своему начальнику о необходимости сделать важный звонок или о том, что пришло время ехать на протокольное мероприятие по сдаче крови. Некоторые напоминания своего секретаря Арнольд пропускал мимо ушей, но так продолжалось только до тех пор, пока помощница не сообщила о том, что до губернатора пытаются дозвониться с важной информацией. Арнольд сказал мне, что ему звонит сотрудник, который проводил переговоры с представителями коренных народов США по поводу режима налогообложения казино, расположенных на территории их племен.

– Да, Питер, так что говорят племена? Хорошо. Так, чего они хотят? Сколько игровых автоматов они хотят установить? Так, понятно. Попадают ли эти новые казино под законодательство

о повышенных налоговых ставках? Попытайся выяснить, нет ли там подводных камней, и постарайся уточнить насчет представителей оппозиции. Тебе ведь отлично известно, что они нам вчера сказали. Не предвидится ли изменений в графике внесения платежей? Можно ли рассчитывать на повышение уровня выплат?

Не буду скрывать, присутствуя при этом разговоре, я испытывала огромное чувство гордости и не могла поверить, что когда-то любила этого человека. Можно сказать со всей определенностью, что он давно перестал быть близким для меня человеком, но сейчас Арнольд предстал передо мной в совершенно другом свете – он был губернатором, который умел задавать нужные вопросы и принимать нужные решения. Да, было видно сразу: Арнольд здесь был главным.

Я в очередной раз получила подтверждение того, что моя поддержка Арнольда на выборах не пропала даром и теперь у штата был хороший и ответственный руководитель. Ко всему прочему, Арнольд сильно отличался от обычного политика, и я была рада, что проголосовала за него: мне импонировал его стиль управления штатом, свидетелем которого я только что стала.

Инаугурация

За день до выборов все опросы общественного мнения показывали, что, несмотря на усилия кандидата от Республиканской партии Тома МакКлинтока, оттянувшего на себя часть голосов консервативных избирателей, победителем станет Арнольд. На фоне отчетов об уверенном лидерстве Арнольда на выборах репортер Адам Таннер написал мне письмо, в котором спросил, приглашена ли я на церемонию инаугурации, чем изрядно подогрел мой интерес к этому мероприятию. Мы с мужем стали горячо обсуждать этот вопрос и пришли к следующему выводу: если уж меня, которая положила столько сил на поддержку Арнольда, не пригласят на церемонию инаугурации, кто тогда вообще будет достоин присутствовать на этом мероприятии? И вот в один прекрасный день, когда я была на работе, муж написал письмо помощнице Арнольда, в котором задал простой вопрос: «Приглашены ли мы с женой на праздничное мероприятие по случаю победы на выборах?»

Получив письмо от Джона, помощница перенаправила его в отдел внешних связей, и к концу дня у нас на руках были специальные приглашения на праздничный вечер.

Не успели мы с мужем порадоваться полученному приглашению, как Адам Таннер сообщил нам, что может помочь пройти на это мероприятие и, более того, приютит нас в специальной ложе для прессы. Адам отлично знал, как работают службы безопасности на подобных собраниях, и пообещал поделиться с нами некоторыми секретами, которые бы помогли нам в нелегком деле проникновения в зал собраний. Началось все с того, что Адам посоветовал нам лучший путь объезда пробок на пути к зданию, в котором должен был состояться праздничный вечер. После того как мы с Джоном припарковали машину, мы связались с Адамом и описали ему свой внешний вид: так проще всего было опознать друг друга на входе в зал. Встретившись с Адамом, мы сердечно поприветствовали друг друга, и он повел нас вглубь здания, указывая путь и проводя мимо постов охраны. Пока мы шли по лабиринту переходов и перекрестков, я не могла отделаться от мысли, что, в сущности, целью этого мероприятия было чествование одного человека – моего бывшего парня, который со временем должен был стать моим мужем, был любовью всей моей юности и, по всей видимости, очередным губернатором Калифорнии! Лично я нисколько не сомневалась в том, что этот вечер удастся на славу.

Как только мы миновали лабиринт из гостей, рамок

досмотра, репортажных групп и множественных переходов, Адам сказал, что нам необходимо разделиться: мы с Джоном должны были войти через общий вход для гостей, но позже он проведет нас в специальное место для прессы.

Попрощавшись с Адамом и пройдя к буфету, мы с Джоном обнаружили, что оказались среди сливок общества: вокруг нас было около двух сотен избранных гостей, а остальную часть приглашенных составляли представители прессы и средств массовой информации. Надо сказать, что именно в этом зале располагался избирательный штаб Рональда Рейгана и здесь он был провозглашен Президентом Соединенных Штатов. Но сегодняшний вечер был особенным: процедура отзыва губернатора Калифорнии и Арнольд Шварценеггер в качестве одного из фаворитов избирательной гонки привлекли к себе беспрецедентное внимание. Только теперь я поняла, почему в этот вечер Арнольд надел пуленепробиваемый жилет.

Мы с Джоном решили выпить по бокалу легкого белого вина, чтобы слегка успокоить нервы после событий этого вечера. Пока мы стояли в очереди за вином, я увидела Франко Коломбо и, не удержавшись, крикнула:

– Франко! Джон, посмотри-ка, это ведь Франко!

Не медля ни секунды, я ринулась к своему старому другу, которого знала с момента его приезда в Америку. С первого дня нашего знакомства с Франко прошло уже много времени, и кто бы мог подумать, какие удивительные события произойдут с этими двумя европейцами, которые даже не умели толком говорить по-английски? И надо же такому случиться, что один из этих «пришельцев» сегодня должен был стать губернатором Калифорнии.

После общения с Франко мы вновь встретились с Адамом и поняли, что он чем-то сильно озабочен: даже вкусная еда не особо отвлекала его от раздумий. Как оказалось, Адам провел довольно много времени, освещая события предвыборной кампании Арнольда, и у него была масса занимательных историй, которые он мог рассказывать бесконечно. Стоило только нам с Адамом зацепиться языками, как он начал показывать мне всех важных представителей Республиканской партии, которые были приглашены на этот вечер, и рассказывать про них. Он даже счел своим долгом подвести меня к самым интересным, с его точки зрения, журналистам. Пока мы общались с Адамом, он не забыл упомянуть про грозящую нам опасность: из-за высокой концентрации радио– и телеаппаратуры, кабелей и электрогенераторов местный департамент по борьбе с пожарами был начеку. Присутствующие средства массовой

информации рассказывали всему миру о разворачивающихся в Калифорнии событиях, и, конечно, отдельные штаты не забыли прислать своих представителей для освещения столь интригующего вечера! Не исключено, что внимание всего мира было приковано к процессу избрания главы исполнительной власти Калифорнии и к тому, как суперзвезда из мира кино по всем фронтам теснит старого губернатора, умудрившегося довести наш штат до ручки.

К семи часам вечера начали поступать первые результаты голосования, и всем стало ясно: Арнольд не оставил никаких шансов своим соперникам. С установленных в зале экранов телеведущие представляли актуальные комментарии процесса голосования, и, как мне показалось, в этот момент граждане разных стран страстно желали только одного – чтобы в их распоряжении оказался такой же инструмент отзыва не справляющихся со своими обязанностями чиновников. При этом особо стоит отметить, что, несмотря на обвинения со стороны представителей Демократической партии в нелегитимности процедуры отзыва губернатора, многие демократы отдали свои голоса за кандидата от Республиканской партии.

В какой-то момент я обратила внимание на двух политических «тяжеловесов» – бывшего мэра Лос-Анджелеса Ричарда Ридона и конгрессмена Дэррила Иссу. Оба этих политика, пользуясь случаем, очень активно раздавали интервью представителям средств массовой информации. В левой стороне зала были отведены специальные места для фотографов, каждый из которых в погоне за удачным снимком старался потеснить своего соседа и занять лучшую позицию. В дальнем конце зала располагались многоярусные помосты, на которых было смонтировано сложное и тяжелое телевизионное оборудование, а члены обслуживающего персонала буквально сидел друг у друга на головах, пытаясь при этом обеспечить качественную трансляцию для каналов *CNN* и *Fox*. Именно при помощи этого телевизионного оборудования мир в режиме реального времени мог наблюдать момент звонка уходящего с поста губернатора Грея Дэвиса новоиспеченному главе штата Арнольду Шварценеггеру, в ходе которого Дэвис признал свое поражение.

Толпа заходилась в неистовом крике: «Арнольд! Арнольд! Арнольд!» Часы показывали десять вечера, и я вновь, как когда-то прежде, вместе со всеми кричала знакомую мне «мантру» – с той лишь разницей, что в этот раз рядом со мной был мой муж и вместе с ним мы горячо поддерживали Арнольда. Не надо говорить, что в этот момент нас с Джоном переполняли эмоции:

шутка ли, мой бывший парень стал новым губернатором Калифорнии, и мы страстно желали услышать приветственную речь Арнольда по этому поводу.

В самом начале вечера Адам предупредил меня, что из-за повышенных мер безопасности мне вряд ли удастся переговорить с Арнольдом, и, по всей видимости, эти предупреждения имели под собой реальную основу: служба безопасности нового губернатора являла собой неприступную крепость. Но необычная смесь демократической семьи Кеннеди и республиканца Шварценеггера вселяла в меня оптимизм и надежду на самый непредсказуемый поворот событий. Со стороны австрийской родни Арнольда семью Шварценеггер представлял его племянник Патрик, которого Арнольд перевез в Соединенные Штаты после смерти его матери Эрики. Собственных детей Арнольда и Марии не было видно в зале, и, честно сказать, я очень сильно переживала за нашего нового губернатора – ведь в живых у него не осталось ни родителей, ни брата, ни матери его племянника, которые бы могли порадоваться за него в этот момент. Меня так и подмывало крикнуть: *«Эй, Густав! Ты хорошо видишь подлинный триумф своего сына?»*

События вечера, однако, развивались своим чередом, и, когда Джей Лено объявил результаты выборов нового губернатора Калифорнии, собравшаяся толпа, казалось, оглохла от восторженных криков. После объявления официальных результатов на помост торжественно поднялся виновник всего этого действа, чтобы поприветствовать своих сторонников. В этот волнительный для многих момент зрители в самых разных странах ощутили прилив необычайного оптимизма и надежды. Могу с уверенностью сказать, что происходившее в тот вечер невозможно было оценить с рациональной точки зрения и мозг просто отказывался воспринимать проплывавшие мимо глаз сюрреалистические картины.

Мне пришлось немало потрудиться над тем, чтобы привлечь внимание к своей персоне, и это была попытка обрести душевное обновление, излечиться от старых ран и подспудное желание быть вместе с Арнольдом в этот момент. Конечно же, представить себе такое в моем нынешнем положении было очень сложно, но засевшие в моей голове мысли не давали покоя. Что станет с моей книгой? Смогу ли я ее опубликовать? Что все это будет означать для меня и моего мужа? В очередной раз я поймала себя на мысли, что мне до конца жизни придется бороться с тем влиянием, которое Арнольд продолжал совершенно неосознанно оказывать на меня. Но что касается поддержки Арнольда на выборах, здесь я полностью отдалась в его власть и была рада

оказать ему посильную помощь.

Нам с мужем пришлось слегка схитрить, чтобы получить приглашение на вечер в день голосования, а на инаугурацию губернатора нас с Джоном пригласили просто так, без всяких усилий с нашей стороны. Для нас, очень далеких от политики людей, было лестно оказаться среди приглашенных на такое важное событие. Как выяснилось впоследствии, мы были приглашены не только на саму процедуру инаугурации, но и на частную вечеринку, на которой должен был присутствовать и новоиспеченный губернатор.

В назначенный день мы с Джоном, подхватив свои чемоданы, поехали в аэропорт, предвкушая провести два ближайших дня на инаугурационных мероприятиях в Сакраменто. Стоило нам только зайти в здание аэропорта, как мы тут же столкнулись с явными признаками повышенной активности на местной политической сцене. Вместе с нами в самолете летел конгрессмен от Калифорнии Дэвид Драйер, который во время выборов исполнял обязанности советника Арнольда Шварценеггера и возглавлял его предвыборный штаб. Дэвид не знал нас с Джоном лично, и поэтому мы лишь обменялись с ним парой вежливых фраз и попрощались до конца полета. В следующий раз мы встретились с Дэвидом уже в холле гостиницы *Hyatt*, куда начали съезжаться приглашенные на инаугурацию гости. Нам с Джоном даже удалось переговорить с Дэвидом, но для этого пришлось попросить секретаря Арнольда выхлопотать для нас аудиенцию с конгрессменом. Пользуясь удобным случаем, мой муж даже рассказал Драйеру о той роли, которую мне пришлось сыграть в предвыборном процессе. Дэвид внимательно выслушал Джона, с интересом посмотрел на меня и произнес:

– Со всей очевидностью можно сказать, что вы выбрали еще одного хорошего человека.

С моей точки зрения, подобный ответ сенатора явил собой интересный прием политического флирта.

После перелета нам с Джоном зверски хотелось есть, и, чтобы сходить на ужин, мы стали спешно распаковывать свой багаж. Не надо говорить о том, что мне пришлось потратить на свой туалет несколько больше времени, чем Джону, но долгие сборы в конце концов благополучно закончились, и мы вышли из номера. Как только мы очутились в гостиничном ресторане, нас тут же проводили к отдельному столику. Устроившись на своем месте, я увидела, что за соседним столом сидят мои давние друзья – Митс и Дот Кавашима.

Мне было приятно увидеть старых друзей, и я решила немедленно познакомить Джона с Митсом и Дот. Встав из-за

своего столика, я подошла к нашим соседям и извинилась за то, что вмешиваюсь в чужой разговор. Положив руку на плечо Митсу, я сказала:

– С момента нашей последней встречи я стала на тридцать лет старше, и как же я рада видеть вас снова! Меня зовут Барбара Аутленд, и я бывшая девушка Арнольда!

После первых приветствий я не забыла отметить, что даже в свои восемьдесят Митс и Дот выглядят очень хорошо и, как и прежде, обладают отличным чувством юмора.

– Барбара! – вскричали Митс и Дот. – Все эти годы мы часто вспоминали о тебе, и как же хорошо, что ты сегодня здесь!

Они тут же представили меня своим соседям, с которыми они делили стол, – Брендану и его жене Одре. После взаимного представления я поймала себя на мысли, что Брендан – это не кто иной, как красивый блондин из Австралии, с которым я познакомилась в семидесятые. Брендан быстро подключился к нашему разговору и даже рассказал одну историю из нашей молодости:

– Как-то раз я приехал в Калифорнию, и Арнольд устроил мне незабываемое приключение! Помнишь, он мне дал поездить на твоем «фольксвагене»? Это было очень здорово, я ведь отлично знал, что эта машина была очень популярной в то время. Выдав мне машину, Арнольд попросил меня забрать что-то у Джо Уайдера и даже указал направление, куда мне надо было ехать. Мне пришлось проехать много времени по дороге, расположенной в пустыне, пока до меня не дошло, что Арнольд дал мне неверные данные и отправил совсем в другую сторону! Представь мое положение: в самый разгар лета я оказался в пустыне на машине без кондиционера. Но я все же сумел выбраться из того гиблого места!

Так, с воспоминаний о моем старом зеленом «фольксвагене» начался наш долгий застольный разговор. Оба моих собеседника с удовольствием вспоминали о том, как они брали «напрокат» мой видавший виды «Фольксваген-жук», стоило им только оказаться в нашем городе.

Если говорить о Митсе и Дот, они довольно часто появлялись в Калифорнии, чтобы развеять скуку. Нельзя, конечно, сказать, что Митс и Дот приезжали в Калифорнию только ради развлечений, – они всегда живо интересовались новинками оборудования для тренажерных залов, тренировочными программами и специальным питанием, которые они могли с пользой применить в своем зале в Гонолулу. Обычно, когда супруги приезжали в Калифорнию, они останавливались в голливудской гостинице *Roosevelt*, где мы однажды

и познакомились за совместным ужином. Стараясь облегчить пребывание Митс и Дот в чужом месте, мы с Арнольдом довольно часто перемещались по городу на разных машинах, предоставив мой старый «фольксваген» в полное распоряжение супружеской четы. И вот теперь, когда мы встретились в Сакраменто по случаю инаугурационной церемонии, Митс подшучивал над моим стареньким «фольксвагеном» и говорил, что всегда чувствовал себя в нем не вполне комфортно, так как машина была с норовом и ее постоянно трясло.

– Да, это уж точно – мой старый «жучок» тогда поработал на славу! – ответила я смеясь.

После обеда мы с Джоном договорились с друзьями, что встретимся позже, и отправились прогуляться перед вечерними мероприятиями – посмотреть на старый город и познакомиться с историей золотой лихорадки. Наша прогулка по историческим местам была недолгой, и мы вернулись в гостиницу заранее, чтобы успеть привести себя в порядок. В тот вечер я не особенно старалась приукрасить себя, но мне все же пришлось потратить некоторое время, чтобы быть уверенной, что бывшая девушка Арнольда выглядит на все сто процентов. Шутка ли сказать, если мне повезет и вечером я увижу Арнольда, то это будет наша первая встреча за последние двенадцать лет. Правда, откровенно говоря, это Арнольд увидит меня после долгого перерыва. Ну а что касается меня, то я видела Арнольда практически ежедневно начиная аж с 1969 года.

Когда мы с Джоном закончили свои приготовления, мне вдруг захотелось спросить его о том, как я выгляжу. Но не успела я и рта раскрыть, чтобы попросить мужа сделать мне комплимент, как в глаза мне бросилась одна из деталей его гардероба.

– Джон, это, должно быть, какая-то шутка! И это очень смешно, конечно, но шутки кончились. Нам пора идти, так что надевай новый галстук, не задерживайся.

Полная невозмутимость Джона заставила меня серьезно поволноваться, и, похоже, мой муж так и не понял, что явилось причиной моего недовольства. Как оказалось, он захватил с собой только один галстук, который ему подарили на шестидесятилетие. Ничего не подозревающий Джон, сам того не ожидая, стал ходячей рекламой виагры: его галстук сверху донизу был усеян маленькими синими пилюльками, и мне стоило больших усилий, чтобы взять себя в руки.

– Джон, посмотри на себя! Ты хоть понимаешь, какой галстук ты взял с собой и как он выглядит… – сказала я, переведя дух.

– И что не так с этим галстуком? – удивился Джон.

Но стоило ему рассмотреть свой аксессуар поближе, как он

с грустью произнес:

– Вот это да! Я думал, что взял совсем другой галстук!

Осознав наконец, что произошло, Джон рассмеялся. Понятное дело, что такой галстук был больше похож на шутку, чем на атрибут престарелого альфа-самца, и в этот момент Джон напомнил мне пса, который с явным превосходством метит чужой газон. Другого галстука у мужа под рукой не оказалось, и ему пришлось замаскировать предательский предмет туалета, оставив от него лишь небольшую полоску.

Добравшись до здания, где должна была проходить церемония инаугурации, мы увидели, что перед ним собралась толпа примерно из двух тысяч приглашенных гостей, пытавшихся пройти через рамки металлоискателей и попасть внутрь. Нам повезло больше других: мы попали в число избранных гостей, для прохода которых был организован отдельный вход. По причине тяжелого финансового положения штата расходы на предпраздничный вечер были сильно урезаны, и мы с Джоном ожидали увидеть спартанскую обстановку в главном зале мероприятия. Однако стоило только нам переступить порог, как все наши предположения о скромности проведения этого вечера моментально улетучились. Позже мы узнали, что организовать вечер помогли многочисленные волонтеры. В зале были накрыты красивые столы, предлагавшие приглашенным гостям разнообразные блюда японской и американской кухни. По залу также были расставлены стационарные пункты по приготовлению пирожных, булочек и других сладостей, а для тех, кто устал, были предусмотрены небольшие столики, за которые можно было присесть и дать отдых ногам.

В главном зале царила приподнятая атмосфера, и в надежде увидеть своих старых знакомых я начала всматриваться в лица гостей. Кто знает, может быть, я видела кого-то из них раньше, но сейчас они сильно изменились? Однако знакомых, кроме тех двух пар, с которыми мы встретились в гостинице во время обеда, на глаза не попадалось. Надо признать, что за прошедшие тридцать лет лица многих людей могли сильно измениться: морщины, подтяжки и косметологическая хирургия меняли людей до полной неузнаваемости. Я поймала себя на мысли, что с интересом разглядываю приглашенных гостей, а они, в свою очередь, разглядывали меня. Но к сожалению, никто из нас не узнавал друг друга в лицо.

Было, правда, лицо, которое я бы не спутала ни с одним другим, и оно, конечно же, принадлежало Арнольду. В какой-то момент он вместе со всей семьей взошел на специальный помост, и рядом с ним стояли и представители демократического лагеря –

Юнис и Сарджент Шрайвер. В последнее время меня часто спрашивали: «Барбара, ты когда-нибудь представляла себя женой Арнольда? Только подумай, ты бы сейчас была первой леди Калифорнии!» Но присутствие родителей жены Арнольда мигом охладило подобные размышления.

Но вот на что я обратила особое внимание, так это на детей Арнольда, и, честно сказать, это стало для меня настоящим испытанием. Дети – это именно то, чего я хотела от Арнольда больше всего, и сейчас передо мной стояли четверо его детей, два сына и две дочери. Я понимала, что предаваться досужим размышлениям о своем прошлом – это бесполезное занятие, но все же постаралась пробраться поближе к установленному помосту. Протиснувшись сквозь толпу и приблизившись к сцене, я сумела сделать пару удачных снимков, которые можно было вклеить в фотоальбом.

Когда все речи были сказаны и новому губернатору преподнесли положенные по такому случаю подарки, заиграл оркестр, и все потихоньку начали расходиться. Как и было обговорено ранее, я позвонила одному из репортеров информационного агентства *Reuters*, и ровно через двадцать минут в зоне, отведенной для прессы, меня встретил Адам Таннер. Мы разговорились, и каждый из нас поделился увиденным: я рассказала о том, как прошел вечер, а Адам поведал мне, как Арнольд представил свое правительство на специально устроенной пресс-конференции. Мы с Адамом сошлись во мнении, что стали свидетелями уникального процесса трансформации актера во влиятельного политика и что очень немногие люди способны на такое перевоплощение. Что же касается Арнольда, то ему удалось очень органично перейти из одного состояния в другое, не испытывая при этом, судя по всему, ни малейшего неудобства.

На следующее утро мы вместе с Джоном встретили одиноко стоящую Кэролайн Кеннеди, но поспешили присоединиться к группе гостей, которую на церемонию инаугурации должен был сопровождать эскорт. В неясном утреннем свете я вновь стала всматриваться в лица, некоторые из которых будили во мне давние воспоминания. Пользуясь любым удобным случаем, я подходила к каждому знакомому мне человеку и завязывала разговор о давно прошедших временах. Такие беседы вызывали старые воспоминания нашей молодости, и от всех этих разговоров меня переполняли положительные эмоции. Мы, конечно же, не избежали сравнения нынешнего Арнольда с тем молодым человеком, которого мы знали в семидесятые, когда даже мысль о возможности владения собственным тренажерным

залом приводила его в неописуемый восторг. Друзья и знакомые сходились на том, что стали свидетелями постепенного открытия талантов Арнольда, которые делали его абсолютно уникальным человеком. Неудивительно, что мы спрашивали друг друга: «Удалось ли вам разглядеть те черты характера Арнольда, которые сделали из него губернатора „Золотого штата“?» По правде сказать, на этот вопрос никто не смог ответить утвердительно.

Когда все приготовления были закончены и гостей разделили на небольшие группы, я вновь увидела своих старых друзей – чету Кавашима и чету Райн, с которыми виделась вчера за обедом. Только теперь я обратила внимание, что Митс идет, опираясь на тросточку, и, конечно же, во мне взыграло чувство милосердия.

– Вот что, Митс. Позволь мне взять тебя под руку, когда мы будем проходить возле здания Капитолия, – сказала я.

Пока я заботилась об одном из пожилых супругов Кавашима, Дот пожаловалась, что ей не по себе от холодной погоды, которая установилась в то время в Сакраменто. Услышав об этом, ей на помощь незамедлительно пришел Джон, который взял ее за руку и сопровождал на всем пути следования процессии. После того как мы позаботились о семье Кавашима, охранники провели нас по воображаемой красной дорожке, и вместе с нами проследовали супруги Райн. Несмотря на то что нас сопровождал специальный эскорт, нам пришлось потратить три четверти часа, чтобы преодолеть один квартал. Охранники смотрели на нас с удивлением, словно хотели сказать: «Вы, должно быть, важные шишки, раз у вас такое сопровождение. Но, черт побери, кто вы такие?» Ну а мы, в свою очередь, с изумлением взирали на идущих рядом с нами Роберта Лоу, Айвана Райтмана, Дэнни Де Вито, Джейми Ли Кертис и Денниса Миллера. Понятное дело, что настоящих знаменитостей сопровождал еще более внушительный эскорт.

К тому времени как мы наконец-то дошли до своих мест, семьи Кавашима и Бейкер подружились настолько, что вряд ли что-то на свете могло нас разлучить. Расположившись, мы стали оглядываться по сторонам – ведь рядом с нами мог сидеть кто-то из наших давних друзей и знакомых. Арнольд всегда очень чутко относился к своим старым друзьям и старался пригласить их на какое-нибудь мероприятие. Чутье не подвело нас и в этот раз: неподалеку от нас сидел старый босс Арнольда Джо Уайдер со своей женой Бетти, и я была рада вновь увидеть этих людей, вместе с которыми пережила много интересных моментов.

Пока я рассматривала гостей, ко мне подошел какой-то

человек и спросил:

– Мы как-то с вами встречались – вы меня не узнаете?

Взглянув на него, я смутно вспомнила этого человека, но не могла с уверенностью сказать, откуда я его знаю.

– Мне кажется, что я вас знаю, но вот где и при каких обстоятельствах мы встречались, я не припомню, – ответила я ему.

– Я однажды лечил вам зубы, помните? – пришел мне на помощь незнакомец.

– Не может быть! Неужели вы хотите сказать, что до сих пор лечите Арнольда и его семью? – вскрикнула я, осознав, что передо мной стоит дантист Арнольда.

Как бы удивительно это ни звучало, но приглашению этого врача на церемонию инаугурации поспособствовал один эпизод, когда мне потребовалась срочная помощь стоматолога.

Встретившись снова после стольких лет, мы вместе с доктором вспомнили тот случай, который послужил причиной нашего мимолетного знакомства. В тот раз я стащила несколько карамелек в магазине и, пока ходила в поисках мяса для стейков, с удовольствием их поедала. К большому моему сожалению, увлечение карамельками не прошло даром, и у меня из зуба вылетела пломба. Вернувшись домой, я начала срочно обзванивать стоматологов, но из-за того, что неприятность произошла в субботу, это была нетривиальная задача: по выходным дням многие врачи не работали. В тот раз моим спасителем оказался Джон Беттингер, и, как оказалось, он до сих пор лечил зубы всего семейства Шварценеггер – Шрайвер. Встретив доктора Джона Беттингера на церемонии инаугурации, я была немало удивлена – ведь, получается, причиной его приглашения на сегодняшний вечер стало мое воровство карамелек в магазине, потому что, если бы я не стащила те конфеты, Арнольд Шварценеггер никогда бы не стал его пациентом.

Пока мы разговаривали с доктором, начались приготовления к открытию церемонии инаугурации, и мы с мужем поспешили на свои места. Не успели мы усесться, как Джон разговорился со своим соседом и даже высказал восхищение его фотокамерой:

– Вот это да! Судя по тому, какая у вас сегодня серьезная камера, вы явно рассчитываете сделать хорошие снимки.

Сосед поддержал разговор, и Джон не упустил случая поинтересоваться, по какой причине наши соседи сидят на таких хороших местах.

Жена соседа присоединилась к беседе и подбодрила своего мужа:

– Давай же, расскажи ему, как все было.

Тогда сосед повернулся к Джону и произнес:

– Честно сказать, мне нелегко это признать, но я был одним из первых друзей Арнольда после его приезда в Америку.

Услышав такое, мой муж улыбнулся:

– Вот ведь как удивительно, а моя жена как раз была его первой девушкой.

Стоило только мужу это сказать, как Джон Балик (а это был именно он) нагнулся так, чтобы видеть меня, и спросил:

– Барбара, так это ты! Как поживаешь?

Трудно описать словами, как я была рада видеть своего старого друга: прошло много лет с момента нашей последней встречи, и, вполне возможно, Джон даже помнил мою выходку на одном из дней рождения Арнольда.

– Ты помнишь тот случай, Джон? Вы еще тогда собирались подарить Арнольду золотые столовые приборы, а я забрала часть из них и уехала к себе домой!

Так за нашими общими с Джоном Баликом воспоминаниями прошло время вплоть до самого открытия церемонии инаугурации.

Церемония началась с исполнения гимна Соединенных Штатов Америки, и нам с Джоном пришлось прервать разговор. Пока Ванесса Уильямс пела гимн, я размышляла над событиями вечера: «Вот ведь как странно складывается жизнь – сегодня я встретила своих старых друзей, с которыми познакомилась только благодаря своей склонности к клептомании, и случаи с воровством конфет и столовых принадлежностей были ярким тому доказательством!» Да уж, не совсем приятные размышления, но я все же надеялась поправить свой имидж в глазах старых друзей.

Тем временем церемония инаугурации перешла в активную фазу, и вместе со всей десятитысячной аудиторией я наблюдала за происходящим. На наших глазах австрийский иммигрант, положив левую руку на двухсотлетнюю Библию для принятия присяги, стал тридцать восьмым губернатором штата Калифорния. Как только с присягой было покончено, каждый из нас мог поприветствовать нового губернатора Калифорнии, и все мы надеялись на то, что он решит те проблемы штата, которые создал его предшественник Грей Дэвис.

После окончания церемонии охрана пришла в движение и приготовилась сопровождать приглашенных гостей в заведение *Sutter Club*, располагавшееся в паре кварталов отсюда. Вокруг было полно зевак, которые с интересом наблюдали за тем, как гости следуют по направлению к следующему пункту

праздничных мероприятий. Многие из наблюдателей фотографировали нас, и, по всей видимости, наши снимки будут еще долго храниться в семейных альбомах – ну что же, мы, как и Арнольд, получили свою минуту славы.

Что касается нас с Джоном, мы тоже не упускали случая сфотографировать находившихся рядом с нами голливудских звезд и прочих знаменитостей. Как только мы вошли в здание клуба, всю нашу группу усадили за один стол. Вместе с нами сидел известный комедийный актер Том Арнольд, а напротив – актриса Линда Хэмилтон. Тот вечер нам запомнился тем, что за одним столом собрались старые приятели, дружба которых началась в семидесятые и на глазах у которых проходила полная интересных событий жизнь Арнольда.

Застольная беседа, конечно же, не обошлась без вопросов о моей книге.

– Книга, к сожалению, еще не опубликована. Издательства хотят получить сборник скандальный историй, который можно использовать против Арнольда, и поэтому моя книга не подходит им! – разъясняла я сложившуюся ситуацию с публикацией книги.

Во время обеда мы в напряжении ожидали скорого приезда губернатора Арнольда Шварценеггера – именно здесь, в здании *Sutter Club*, должна была пройти его частная вечеринка. Обед тем временем подходил к концу, а новый губернатор Калифорнии до сих пор не приехал к нам, хотя – я в этом абсолютно уверена – очень многие гости хотели бы обменяться с Арнольдом крепким рукопожатием. Для того чтобы держать руку на пульсе, наша дружная группа старых знакомых решила разделиться и смешаться с толпой гостей. Но совершенно естественно, что мы с Джоном, решив присматривать за пожилой парой Кавашима, не упускали супругов из виду.

Прогулявшись по зданию клуба, я очутилась на главной лестнице, по которой посетители попадали в большой зал. Оказавшись там, я уловила какие-то изменения в окружавшей меня обстановке: количество людей вдруг резко уменьшилось, а те, кто остался, с интересом смотрели вниз, под лестницу. Рядом со мной стоял офицер в форме дорожного патруля штата Калифорния, и я вопросительно взглянула на него: неужели Арнольд приехал в клуб?

– Да, он приехал, – ответил мне офицер.

В этот момент я поставила себя на место этого офицера и постаралась понять, что он сейчас чувствует и верит ли в реальность всего происходящего. Только что в здание клуба приехал его новый начальник – бывший «Мистер Олимпия», «Конан-варвар» и «детсадовский полицейский», и этому новому

руководителю штата он присягнул на верность! Как такое вообще могло произойти? Глядя на полицейского, я видела, что тот находится в приподнятом настроении от столь волнительных событий.

Чтобы лучше рассмотреть происходящее внизу, я перегнулась через перила, и мне не потребовалось много времени, чтобы увидеть фигуру прибывшего в клуб губернатора. Мне казалось, что Арнольда можно будет легко найти в толпе из-за его высокого роста, но поначалу я увидела своего мужа, и, когда мы встретились взглядами, он указал мне на окруженного со всех сторон Арнольда. Вокруг нового губернатора собралась приличная толпа, а те, кто не мог подойти, смотрели на происходящее издалека. В тот самый момент, когда я увидела Арнольда, я решила перекинуться парой слов со своим бывшим возлюбленным, чего бы мне это ни стоило.

– Простите, извините, мне надо пройти! – со всей решимостью я врезалась в толпу и стала пробираться поближе к Арнольду. Мне пришлось активно поработать локтями, и это был один из тех моментов в жизни, когда меня не особо волновала реакция незнакомых людей на мои решительные действия.

Пробравшись к тому месту, где стоял Арнольд, я увидела, как он разговаривает с одним из своих «приемных отцов» – Митсом Кавашимой, на глазах которого произошло превращение желторотого юнца во влиятельного политика мирового уровня. Каким-то образом Митс увидел меня в толпе и спросил Арнольда:

– Кстати, ты помнишь Барбару?

– Не могу поверить – Бар-бар-ха, ты здесь! Как поживаешь? – вскричал Арнольд.

Я приветствую новоиспеченного губернатора Калифорнии – Арнольда Шварценеггера, Сакраменто, 2003

Встретившись спустя столько лет, мы вновь приблизились друг к другу: он – чтобы пожать мне руку, я – чтобы обнять его. Арнольд, казалось, удивился моим объятиям, и, честно сказать, столкнувшись с такой реакцией, я запаниковала. Не нарушила ли я своими вольностями официальный протокол? Позволительно ли обычным гражданам обнимать губернатора? Мне даже вспомнилось, как сурово обходилась королева Елизавета с неприятными для нее гостями. Но все прошло как нельзя лучше, и на этот неловкий момент никто не обратил особого внимания.

Чтобы приободрить меня, Арнольд похвалил мою короткую стрижку, сказав, что она мне очень идет. Его слова придали мне уверенности, и в ответ я спросила:

– Ты вообще веришь во все это? Ты стал губернатором Калифорнии! Но ты не просто губернатор Калифорнии – ты и мой губернатор! Как тебе это? Что ты думаешь?

– Знаешь, я думал, что это слушится только через два года, но все произошло быстрее, чем я предполагал! – ответил Арнольд.

Разговаривая с новым губернатором Калифорнии, я почувствовала, как муж сует мне в руку карандаш и бумагу. *«О боже, Джон, только не сейчас – это совсем неподходящий момент!»* – пронеслось у меня в голове. Но я вспомнила, что за обедом мы с друзьями пообещали друг другу взять автограф

у губернатора, и мне пришлось переступить через себя и спросить Арнольда:

– Мне трудно поверить во все происходящее – ведь, смотри, я сейчас твой самый преданный фанат. И вот скажи мне, разве жизнь не полна неожиданностей? Да, кстати, не дашь ли ты мне сейчас свой автограф?

Арнольд не стал отказывать в моей просьбе, взял лист бумаги с напечатанной на нем программой инаугурации и поставил свою подпись. Пока Арнольд ставил автограф, он, ни на минуту не останавливаясь, продолжал разговаривать с окружавшими его людьми и во время этой беседы обратил внимание на стоявшего неподалеку своего старого друга Джона Балика.

– Джон, неужели это ты? И как это вы умудрились встретиться здесь с Барбарой? – спросил Арнольд, передавая мне листок с автографом.

Арнольд, казалось, был сильно изумлен, когда увидел нас с Джоном Баликом вместе. В принципе, здесь было чему удивиться: трудно было найти в мире людей, более непохожих друг на друга, чем мы с Джоном.

Тем не менее Арнольд был рад встретить старых друзей и даже завязал с нами разговор.

– Знаете, есть такие специальные фотоальбомы в виде кубиков, в которые можно вставлять фотографии? Так вот, у меня есть один такой, и он полностью заполнен фотографиями из нашей совместной поездки в Виргинию. Ведь это было в семьдесят третьем, не так ли, Бар-бар-ха? Помнишь, это как раз был тот год, когда ты вручила мне награду на церемонии чествования победителей «Мистер Олимпия»? – поделился с нами своими воспоминаниями Арнольд.

Все мои помыслы, казалось, вернулись в то время, про которое только что сказал Арнольд, и, конечно же, я вряд ли могла забыть такое событие! *«Да, действительно, это было на соревнованиях „Мистер Олимпия“ в 1973-м – ты тогда победил, и я вышла вручать тебе приз. И когда я подошла к тебе, комментатор объявил, что награду победителю вручает „будущая миссис Шварценеггер“! Вот и скажите, разве можно забыть такой момент, мистер губернатор?»*

Тем не менее я предпочла скромно промолчать и оставить при себе свои мысли и лишь напомнила о нашей совместной поездке в Монтичелло, резиденцию Томаса Джефферсона. Во время того путешествия Джон Балик показал нам многие достопримечательности времен Гражданской войны и познакомил с великолепными окрестностями Виргинии. Позже, уже после разговора с Арнольдом мы вместе с Джоном Баликом задались

вопросом, как вообще новоиспеченный губернатор мог вспомнить события тридцатилетней давности, когда с момента принесения им присяги не прошло и пары часов. Немного порассуждав на эту тему, мы с Джоном сошлись во мнении, что причина такой хорошей памяти Арнольда крылась в его способности к *концентрации*. Временами действительно казалось, что Арнольд привнес какое-то свое понимание в это привычное для всех слово.

Время тем не менее шло своим чередом, и от процесса воспоминаний нас оторвал Ли Бака, шериф округа Лос-Анджелес, который приблизился к Арнольду и положил свою руку на плечо губернатора. Мне стало понятно, что аудиенция со старыми друзьями окончена и нужно уступить место другим гостям. Но напоследок я решила представить губернатору своего мужа.

– От всей души поздравляю вас с избранием! – начал Джон свою речь, но в этот момент у него раскрылся пиджак, под которым просматривался предательский галстук с рекламой виагры. Хорошо еще, что Арнольд не обратил внимания на эту часть туалета моего мужа, – все же его способность отмечать детали не распространялась на такие мелочи, как галстуки посторонних для него людей.

А тут еще на помощь пришли Митс, Дот и супруги Райн: они смогли подойти поближе и попросили Арнольда сделать совместное фото. Внезапно для всех Арнольд властно сказал:

– Так, дайте нам место!

Не успел Арнольд отдать распоряжение, как его официальный фотограф защелкал затвором своего аппарата и сделал несколько снимков. Мой муж тоже успел сделать кадр, но на второй снимок у него уже не хватило времени: его камера дала осечку. В этой ситуации Джон не нашел ничего лучше, чем сказать: «Можно сделать еще один снимок?» – хотя, если я правильно понимаю, для Арнольда мой муж был просто человеком из толпы. Во время возникшего замешательства Джон молился, чтобы его камера успела перезарядиться и была готова к съемке. Для него это было чрезвычайно важно: этой минуты он ждал очень долго, и для него она должна была стать самым важным моментом в двадцать первом веке.

– Извините, но времени больше нет! – произнес властный голос.

В этот момент мне захотелось закричать: *«Арнольд, но ведь это мой муж, и он хочет сделать снимок для всех нас – Митса, Дот и меня!»* Но эти слова застряли у меня в горле – настолько решительно прозвучал этот отказ.

Под действием этого властного голоса моего бывшего возлюбленного Джон разом сник, мысленно проклиная свою

фотокамеру. Когда к нему снова вернулся дар речи, он произнес:

– Я обещаю, что обязательно куплю себе новый фотоаппарат, чтобы подобной неприятности никогда больше не произошло.

Собственно говоря, этими словами для нас закончилась церемония инаугурации, и наша дружная компания направила свои стопы в гостиницу. Стоило нам только ступить за порог, как мы увидели, что вся улица перегорожена специальными заборчиками, а по другую ее сторону притаились фотографы, которые снимали всех, кто выходил из дверей клуба, в надежде получить кадр с «очень важной персоной». Тут же мы увидели, как одна из съемочных бригад берет интервью у Тиа Каррере – актрисы, сыгравшей в фильме «Мир Уэйна».

Пройдя пешком пару кварталов, мы столкнулись с одним бойким торговцем, который во весь голос предлагал приобрести значки с изображением губернатора. «Три значка за десять долларов!» – кричал торговец, демонстрируя покупателям свой товар. На каждом из значков был запечатлен Арнольд в разные годы его жизни, и эти значки были такими смешными, что мы не могли устоять и купили их.

Продолжив наш путь к отелю, мы завели разговор с Митсом и Дот, которые настойчиво интересовались судьбой своего приглашения на праздничную вечеринку по поводу их восьмидесятилетия. Митс и Дот спрашивали нас, сможем ли мы прийти на эту вечеринку, которая должна была состояться в ресторане *Schatzi*, некогда принадлежавшем Арнольду. Праздничный ужин должен был пройти в декабре, и ради такого случая пожилые супруги собирались специально прилететь из Гонолулу. Чтобы не расстраивать стариков, мы с Джоном обещали подумать над этим предложением и сделать все возможное, чтобы прийти на вечеринку.

Как только в разговоре всплыло имя Арнольда, я вдруг вспомнила об автографе:

– Арнольд! Я ведь совсем забыла о нем и даже не взглянула на автограф!

Я открыла свою сумочку, достала из нее листок бумаги и, пока мы шли по улице под ручку с Митсом, прочла оставленную Арнольдом надпись: «Барбара, люблю и целую. Арнольд Шварценеггер».

По правде сказать, мне понравилось это «Барбара».

Да и «люблю и целую» было совсем неплохо!

Но зачем он подписался своим полным именем – «Арнольд Шварценеггер»? Разве лаконичное «Арнольд» не было бы более уместно в таком случае?

Как только наша компания дошла до гостиницы «Хилтон»

и мы решили пропустить по стаканчику, я поняла одну вещь, которая долгое время не давала мне покоя. Я честно призналась самой себе, что в записке Арнольда я хотела бы увидеть следующий текст: *«Дорогая Барбара, я бы не смог этого добиться без тебя. Люблю и целую, твой Арнольд».* Я вдруг осознала, что во мне до сих пор живет маленькая девочка, которая настойчиво требует признания своих заслуг.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Во время нашей беседы я не могла не поинтересоваться у Арнольда его отношением к власти и специально спросила его об этом.

– Это довольно сложный вопрос. Если честно, я никогда особо не рассматривал власть как самоцель, но больше всего во власти мне нравится возможность оказывать влияние на ход событий и реализовывать свои идеи. Для начала, конечно же, требуется окружить себя людьми, с которыми можно поделиться своей точкой зрения, и получить от них необходимую поддержку. Каким образом можно собрать вокруг себя нужных тебе людей и повести их за собой? Ответ один: ключевую роль здесь играет твоя личность – именно с ее помощью ты можешь доносить до людей свои идеи и перетягивать их на свою сторону. Как видишь, речь здесь идет не о власти как таковой, а о способности убеждать других людей следовать за тобой.

Взять, к примеру, Калифорнию: в нашем штате мы не можем приступить к решению структурных проблем из-за нежелания демократов снизить расходы на пятнадцать миллиардов долларов, с одной стороны, и из-за нежелания республиканцев повысить налоги на эти же самые пятнадцать миллиардов долларов – с другой. Позиция каждой из партий ясна и понятна, и остается только найти компромиссный вариант, который всех устроит. Именно так и нужно решать проблемы – постоянно искать компромисс и учитывать интересы всех вовлеченных сторон. Вот как все это работает, и я отлично понимаю, каким образом выстроить процесс поиска компромисса так, чтобы достигнуть конечной цели. «Граждане, присоединяйтесь ко мне, и я вас не подведу – мне хорошо известны ваши чаяния и надежды, и я знаю, что вы хотите в итоге получить. При этом мне неважно, к какой партии вы принадлежите – Демократической или Республиканской, – я лишь выступаю за поиск такого варианта решения проблемы, при котором никто не будет считать себя обделенным».

Вот почему я считаю, что гораздо важнее обладать

определенным влиянием, чем властью. Связано это с тем, что если у тебя есть власть, но ты не знаешь, что с ней делать, то ничего хорошего из этого не выйдет. Саддам Хусейн обладал неограниченной властью у себя в стране – и чего он добился? Он ведь мог многое сделать для своего народа при помощи своей власти и доходов от продажи нефти, но лишь тратил деньги на пытки и преследование несогласных.

Я же придерживаюсь другого подхода и по мере сил стараюсь популяризировать свои идеи – от продвижения бодибилдинга в массы до привнесения новых элементов в жанр кинобоевиков, что позволило мне стать одним из самых высокооплачиваемых актеров.

Выслушав мнение Арнольда, я задала ему такой вопрос:

– Если бы ты знал, что однажды станешь крупным политиком, изменил бы ты свое поведение?

Немого подумав, он ответил мне:

– Ну ведь ты знаешь, что я не машина. Что касается женщин, то у меня никогда не было недостатка в них, и на протяжении всей жизни они добивались моего внимания. Сегодня, конечно, я знаю о существовании определенных правил и стараюсь их придерживаться.

Снова в тени

После церемонии инаугурации прошел всего лишь месяц, и в течение всего этого времени сюжеты с участием Арнольда не сходили с телеэкранов. Даже оппозиционно настроенная газета *Los Angeles Times* нехотя признала популярность нового губернатора среди населения штата. Первым делом Арнольд отменил вызвавший много нареканий налог на регистрацию автотранспортных средств, добился приостановки действия закона о выдаче прав на вождение автомобиля лицам, не являющимся гражданами Соединенных Штатов, и стал досконально разбираться с расходами бюджета. В какой-то момент популярность Арнольда даже превзошла популярность Рональда Рейгана в его бытность губернатором штата Калифорния.

Примерно в это время Грета ван Шустерн пригласила меня к себе на передачу, где я впервые высказала свои опасения, что Арнольд вряд ли сейчас найдет свободную минутку для ознакомления с моими мемуарами. Совершенно ясно, что, исполняя обязанности губернатора штата, он был слишком занят, но я все же отправила ему копию своей книги и стала надеяться на лучшее.

После избрания Арнольда губернатором моя жизнь вновь оказалась связанной с этим человеком: мне постоянно звонили журналисты и интересовались моим мнением о новом главе штата. Мне даже пришлось поучаствовать в специальном телевизионном проекте студентов одного из колледжей, который бы посвящен обсуждению кандидатур, выставленных на губернаторские выборы.

Но больше всего мне запомнилось интервью, которое я дала для компании *E-Entertainment* в ее студии на бульваре Уилшир. Эта компания снимала документальный фильм под названием *The Arnold and Maria Show*, и их представители посчитали, что без упоминания моей роли в жизни Арнольда фильм получится неполным. Поначалу я отказалась от съемок, так как побоялась, что журналисты подредактируют мое интервью сообразно своим интересам. Ко всему прочему, предложение о съемках пришлось на конец семестра, когда нагрузка на преподавателей возрастала неимоверно. Дополнительным препятствием стало то, что мне не хотелось вновь оказываться «в одной лодке» с Арнольдом и заново переживать наши отношения. Но директор картины Дэвид Штейн все же уговорил меня принять участие в съемках. По всему выходило, что компания решила снять документальный

фильм с объективным взглядом на губернаторскую чету штата Калифорния.

Немного посомневавшись, я приняла предложение и согласилась участвовать в съемках фильма. Перед съемками меня попросили подобрать гардероб в красно-бело-синей гамме, и, пересмотрев все, что у меня было, я решила ехать на запись в красной кожаной куртке. Разобравшись с нарядом, я вместе с Джоном поехала в студию, чтобы посвятить пятничный вечер обсуждению человека, который однажды вошел в мою жизнь. Оказавшись в студии, я попала в распоряжение директора картины, который после небольших приготовлений начал интервью. Как нетрудно догадаться, все вопросы в фильме касались одного человека – Арнольда. Что я могу рассказать о его детских воспоминаниях? Что я могу вспомнить о его жизни в Мюнхене? Почему Арнольд такой уникальный? Как впоследствии оказалось, в финальную версию документального фильма вошла бóльшая часть моего интервью, и для сотрудников кинокомпании я стала ценным источником информации об Арнольде.

По окончании съемок я узнала, что в студию должен приехать подлинный кумир Арнольда, Рег Парк, вместе со своим сыном. Именно он стал для Арнольда отцом и братом, в которых он так нуждался с самого раннего детства. Перед тем как уехать из студии, я специально поинтересовалась у персонала, не приехал ли на съемки Рег Парк. Я очень хотела вновь встретиться с давним другом, а тот факт, что Рег тоже согласился принять участие в съемках, стал одним из весомых доводов в пользу моего присутствия на этом проекте.

Встретившись с Регом, я с удовольствием отметила, что бывший «Мистер Вселенная» находится в великолепной форме. А когда я увидела его сына, то не смогла сдержать улыбку: подросток, которого я когда-то видела, возмужал и превратился в представительного мужчину. После дружеских объятий я не удержалась и спросила Рега:

– Слушай, Рег, каково это – знать, что когда-то ты был героем для нынешнего губернатора Калифорнии?

Как оказалось, даже спустя тридцать лет Рег Парк не потерял чувство юмора.

– Конечно, я знал, что был кумиром для Арнольда и что он видел во мне идеального отца. Но и твою роль нельзя преуменьшать: с твоей помощью он стал менее грубым и более утонченным, – рассмеявшись, ответил мне Рег со своим южноафриканским акцентом.

Мне было приятно услышать комплимент в свой адрес:

не каждый день знаменитые люди говорят тебе подобные вещи. А затем наступило время воспоминаний: серебряное кольцо, украшенное слоновьей щетиной, которое мне подарила жена Рега; наши заботы о его сыне, когда тот учился в одной из калифорнийских школ; поездки Арнольда в Йоханнесбург в гости к семье Рега. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, так было и в этот раз – Рега позвали на съемку в студию, а мы с мужем поехали домой.

Вся следующая неделя после съемок прошла в хлопотах: я проверяла итоговые работы студентов и выставляла оценки. Несмотря на высокую загруженность на работе, я тешила себя мечтами о приближавшемся отпуске, который мы с Джоном планировали провести на Гавайских островах. Однако не только мысли об отпуске будоражили мое сознание – за день до нашего отлета мы с Джоном были приглашены на вечеринку по случаю восьмидесятилетия Дот Кавашима. При этом мероприятие должно было пройти в одном из ресторанов Санта-Моники, который принадлежал Арнольду. Несмотря на то что мы лишались возможности отдохнуть и набраться сил перед дальней дорогой, мы с Джоном не могли пропустить такое событие. Тем более мы знали, что супруги Кавашима были на короткой ноге со многими представителями бодибилдинга. Что касается моего мужа, то он целиком и полностью поддержал мое желание принять участие в этой вечеринке и пообщаться с адептами силовых упражнений, которые намного раньше других распознали огромный потенциал занятий с тяжестями.

Не успели мы с Джоном подъехать к ресторану, как встретили Рега Парка с его женой Марианной, вместе с которыми поднялись наверх и прошли в главный зал. Здесь мы встретили Дот Кавашима в элегантном бирюзовом костюме, перехваченном лентой из цветов. Ее супруг Митс Кавашима был рядом с женой и, казалось, был безумно рад тому, что мог оставить в гардеробе свою тросточку. Потом я разглядела Арманда Танни – активного сторонника Джо Уайдера, не раз писавшего статьи для его журналов, и «по совместительству» брата спортивного магната Вика Танни. На вечере присутствовал и бодибилдер Дэйв Дрейпер по прозвищу Белокурый Бомбардировщик, который многого добился на ниве культуризма и завоевал титулы «Мистер Америка» в 1965 году, «Мистер мира» в 1966-м и «Мистер Вселенная» в 1979-м. Даже спустя много лет Дэйв находился в великолепной форме, но лично я помнила его за то, что именно он соорудил для нас с Арнольдом массивную кровать, обеденный стол и стулья, столик для кофе и кучу полок. Не скрою, что мне не терпелось вновь заговорить с Дэйвом и обменяться с ним

своими воспоминаниями о давно прошедших событиях. Отдельно стоит упомянуть, что на вечере присутствовал и Джон Балик, издатель журналов *Iron Man* и *Iron Man Online*, с которым я была близко знакома еще со времен нашей с Арнольдом совместной жизни. Ну а когда я увидела Джо Уайдера с его женой Бэтти, я просто не знала, к кому из старых друзей мне в первую очередь бежать со своими воспоминаниями.

Эта сложная ситуация разрешилась просто: Джо Уайдер о чем-то заговорил с Джоном Баликом, а в это время Дэйв Дрейпер начал рассказывать мне об открытии своего тренажерного зала в местечке Санта-Круз. Дэйв рассказал, что они с женой тщательным образом подготовились к открытию зала, но, как оказалось, не предусмотрели повышенный интерес прессы к этому событию. Довольно внушительная толпа представителей средств массовой информации собралась тогда перед входом, и в этот момент Дэйв обратил внимание, что к зданию тренажерного зала подъезжает целая кавалькада автомобилей, среди которых выделялся лимузин Арнольда. Давний друг Дэйва моментально сориентировался в ситуации и понял, что нужно брать контроль над ситуацией в свои руки. Арнольд без промедления перешел к решительным действиям и произнес речь о том, что «Дэйв был классным напарником и добился васхитительных ризультатов в бодибилдинге» и, вне всякого сомнения, будет отличным владельцем тренажерного зала. Дэйву с женой оставалось лишь внимательно слушать Арнольда и благодарить его за то, что он совершенно внезапно пришел к ним на выручку и спас ситуацию. Произнеся зажигательную речь, Арнольд быстро сел в машину и уехал по своим делам, оставив Дэйва и его жену в полном недоумении от произошедшего чуда.

Выслушав историю Дэйва, я обратила внимание на группу представительного вида мужчин, сидевших за отдельным столиком, и не смогла устоять перед искушением подойти к ним поближе. За этим столиком вели оживленную беседу двое знаменитых «старейшин», Джо Уайдер и Джек Лалэйн, каждый из которых пытался убедить другого в правильности своего метода тренировок. Понятное дело, что на правах старшего Джек наставлял Джо относительно необходимого режима занятий: «Тебе нужно сделать упор на работу с гантелями и штангой. Одних упражнений на тренажерах недостаточно, Джо!» Было смешно наблюдать за спором двух признанных гуру, но я была признательна им обоим. Когда-то давно, когда мне было лет двенадцать, в одной из передач я увидела, как Джек Лалэйн показывает метод выполнения приема «ножницы», и научилась

делать его самостоятельно. Теперь история повторялась: Джек вновь выступал в роли учителя, объяснявшего методику работы с тяжестями в пожилом возрасте.

Джек всегда был очень общительным человеком, и поэтому ближайший час мы с ним провели за интересным разговором. Как оказалось, Джек очень любил песню «Гавайская свадьба», и во время нашей беседы он часто ее напевал. Мне эта песня тоже очень нравилась, и я с удовольствием подпевала Джеку: «Вот и настало то время, которого я так ждал. Я даже слышу, как поет мое сердце в ожидании звона свадебных колокольчиков». Во время этого спонтанного исполнения свадебной песни могло показаться, что я напропалую флиртую с человеком, которому было без малого восемьдесят девять лет. Но наши супруги отлично понимали те чувства, которые мы с Джеком испытывали друг к другу, и поэтому к нашему совместному выступлению все отнеслись с известной долей юмора.

Время шло, и муж начал меня поторапливать:

– Автобус в аэропорт приедет за нами в пять утра, а сейчас уже десять вечера – нам нужно ехать домой и немного передохнуть. Давай собираться, Барбара, – как видишь, уже поздно, и Арнольд вряд ли сейчас приедет.

Но не успел Джон высказать свои опасения, как по залу прошел слух: «Арнольд будет здесь с минуты на минуту – он только что выехал из дома».

Присутствующие на вечеринке гости, как мне показалось, отреагировали на эту новость немного странно. Я думала, что визит Арнольда представляет ценность только для меня, но все собравшиеся высказали крайнюю заинтересованность в том, чтобы встретиться с ним.

Решив дождаться приезда Арнольда, я продолжила разговор с Джеком Лалэйном, и в ту самую минуту, когда новый губернатор Калифорнии вошел в зал, мы с Джеком потешались друг над другом. Нетрудно догадаться, что стоило только Арнольду появиться в зале, как он приковал к себе наши взгляды.

Войдя в зал, Арнольд поднял руку и поприветствовал Джо Уайдера:

– Привет, Джо. Как твоя спина?.

После этого небольшого знака уважения они крепко обнялись.

Затем Арнольд повернулся к Джеку и пожал ему руку:

– Джек, ах ты мелкий бес. Как поживаешь?

Потом его взгляд упал на меня, и он как-то сухо со мной поздоровался.

После этого Арнольд снова обернулся к Джону и Джеку

и тут же начал с ними шутить. В этот момент больше всего мне хотелось провалиться сквозь землю. Я никак не ожидала такого безразличия со стороны Арнольда и, чтобы заглушить обиду, решила налечь на мороженое. Пока я смотрела, как Арнольд общается с гостями, мне в голову лезли всякие неприятные мысли: *«Почему он так со мной поступает? Неужели ему не понравилась моя книга и он решил мне насолить? О боже, куда запропастился мой муж? Нужно немедленно отсюда уезжать!»*

Неподалеку от входа в зал стояла небольшая группа детей, жаждавших заполучить губернаторский автограф – или, если быть точнее, автограф киношного супергероя. Администратор ресторана, однако, был начеку и не подпускал детей к гостям: «Извините, но это частная вечеринка».

В этот момент мне показалось, что Арнольду что-то сказали, и он внезапно оборвал свой разговор с гостями. Я увидела, как Арнольд начал пристально всматриваться в лица присутствующих, и даже услышала, как он тихо спрашивает у гостей:

– Вы не видели Бар-бар-ху?

Постепенно его взгляд добрался до меня, и я часто-часто замигала. Собравшиеся у порога зала дети вдруг ушли куда-то на второй план, и, казалось, само время остановилось. Внезапно я поняла, что Арнольд просто не узнал меня: того короткого разговора на церемонии инаугурации было явно недостаточно, чтобы в его памяти закрепился мой новый образ. Но сегодня, разговаривая со своими старыми друзьями, он наконец-то понял, кто эта блондинка в зеленой замшевой куртке. Недолго думая Арнольд попросил меня подойти к нему, и я вновь, как маленькая девочка, послушалась его.

Как только я к нему приблизилась, Арнольд спросил:

– Бар-бар-ха, как ты тут оказалась?

– Ну ты даешь – я ведь даже специально позвонила к тебе в офис и уточнила, не помешает ли тебе и твоей жене мое присутствие на этой вечеринке. Ты ведь понимаешь, что официальные мероприятия – это одно дело, но сегодня-то вечер только для приглашенных гостей, – ответила я ему.

– А мне никто ничего не сказал по этому поводу, но я всегда рад тебя видеть, – нашелся Арнольд.

Теперь все внимание гостей было приковано к нам: каждый из присутствующих отлично знал историю наших отношений, и все понимали, какую ценность имела наша встреча с Арнольдом. Этот момент, казалось, старались запечатлеть все кому не лень – вспышки фотокамер виднелись и тут и там. Мы с Арнольдом попозировали всем желающим нас

сфотографировать, и я отступила в сторону, чтобы дать место другим людям. Я, однако, не стала уходить далеко, и фотокамеры продолжали щелкать не переставая, а все присутствующие вели себя так, словно Арнольд был королем Вселенной. Я даже подумала в этот момент: догадывается ли вообще Арнольд о том обожании и преклонении, которое испытывают к нему его друзья?

Мы с Арнольдом на Дне Рождения Дот Кавашимы, 2003

Когда официальная часть мероприятия подошла к концу и некоторые гости уже начали расходиться по домам, австрийский шеф-повар ресторана выкатил в зал огромный праздничный торт. К этому времени в зале остались только давние друзья, поспешившие занять места за главным столом. Предусмотрительный охранник Арнольда выбрал себе место между своим шефом и мной, а мой муж встал за нашими спинами и взирал на все происходящее – он, по всей видимости, окончательно смирился с неприятной перспективой провести бессонную ночь перед вылетом. Арнольд, как обычно, взял инициативу на себя и, подняв бокал шампанского, произнес хвалебную речь в честь своей «приемной матери» Дот Кавашима. Арнольд тогда сказал, что Дот поддерживала его на протяжении всех долгих лет их знакомства и что наконец-то настало время признания ее заслуг.

Во время своей речи Арнольд упомянул одну смешную

историю, которая произошла с ним в конце шестидесятых и непосредственными участниками которой стали супруги Кавашима.

– Эта история произашла в 1968 году, кагда я ездил на гавайский остров Оаху. Помнишь ту поездку, Дэйв? Во время этого путешествия Митс отвел меня в сторону и спросил, не видел ли я еще «фильмы с Микки-Маусом». А я же тогда был наивным австрийским пареньком, и Митс не упустил шанса воспользоваться моей неосведомленностью – он открыл специальный шкафчик и соблазнил меня порнофильмами. Эх, Митс, ну ты и чертяка!

Затем, когда оставшиеся гости перешли к торту и кофе, Арнольд начал рассказывать о своих впечатлениях от пребывания на губернаторском посту, и очень быстро все присутствующие поняли, что новоиспеченный глава штата в большом восторге от своей новой должности. Во время застольной беседы я даже пошутила, что Арнольду вряд ли можно будет надолго покидать свой штат по причине большого количества претендентов на это кресло.

– Да, точно, так и есть. Недавно я ездил к родственникам жены на День благодарения, а лейтенант-губернатор Калифорнии Круз Буштаманте вместе с несколькими официальными лицами уехал на конференцию на Гавайские острова. Догадайся, кто замещал нас в это время в штате? – полушутливо ответил Арнольд.

– Джон Бартон? – высказала я свое предположение, прекрасно зная о том, что этот сенатор был хорошо известен своими ультралиберальными взглядами и слыл ярым противником республиканцев.

– Ты угадала! Так вот, я позвонил ему из дома родителей Марии, чтобы поздравить с Днем благодарения. Первое, что он мне сказал во время того звонка: «Арнольд, мы уже отменили все законы, которые ты успел провести в период своих губернаторских полномочий! И ты уже не в силах что-либо изменить!» Этот парень очень смешной, конечно же, – продолжил он делиться своими губернаторскими байками.

В этом был весь Арнольд, и благодарные слушатели на протяжении ближайшего часа надрывали животики от его рассказов. Было уже довольно поздно, и Джон начал намекать мне, что нам уже надо бы выдвигаться в сторону дома.

– Губернатор Шварценеггер, Дот, Митс, извините нас за то, что мы вынуждены покинуть вас прямо посреди такого веселья, но нам нужно идти: мы завтра улетаем утренним рейсом, – сказала я в наше с Джоном оправдание.

– А гиде твой муж? – поинтересовался Арнольд.

Мне пришлось указать на Джона, который стоял прямо позади Арнольда.

– И куда же вы едете? – спросил Арнольд моего мужа.

– Мы едем в отпуск на Гавайи, – отвечал ему Джон.

– Вот здорово! А на какой остров? – уточнил Арнольд.

– Мауи, Гавайи и Оаху, – пояснил мой муж.

– Как же я вам завидую! – вскричал Арнольд.

Странно, конечно же, было услышать подобное от счастливого обладателя частного самолета! Но последние пять месяцев интенсивной работы по проведению избирательной кампании и одержанная на выборах победа давали Арнольду все основания жаловаться на недостаток времени, которое можно было бы провести в свое удовольствие.

– Думаю, что у тебя сейчас действительно есть повод для зависти! – вот и все, что мне оставалось ответить в тот момент.

На прощанье Арнольд посоветовал нам во время остановки на Мауи поужинать в ресторане *Spago*, который, по его отзывам, был прекрасным местом для отдыха. Когда мы с Джоном направились к выходу, Арнольд добавил:

– Ты не теряйся, Бар-бар-ха. Звони при случае.

Пока мы с мужем стояли на парковке и ждали, когда распорядитель подгонит нашу машину, мы старались даже не смотреть друг на друга, чтобы не выдать своих чувств по поводу всего произошедшего в этот вечер. Ну а как еще можно было себя чувствовать, проведя вечер в компании губернатора Калифорнии? Тем более что последние несколько лет прошли в активном обсуждении происходящих в судьбе штата событий, в которых Арнольд играл одну из ведущих ролей, и сейчас нам с мужем было абсолютно необходимо отдохнуть от всего этого. О боже, как же хорошо нам было от осознания того, что завтра наши шеи будут обвивать ожерелья из цветов, а Арнольд останется далеко позади вместе с дымом своих сигар! Нам с мужем действительно нужен был отдых от последних событий, и мы радовались возможности провести некоторое время в компании ветра, лавовых полей и цветочных ожерелий. За последние пять месяцев, в течение которых происходила предвыборная кампания, мы вдоволь насмотрелись на Арнольда, и это не говоря о том, что последние пять лет новый губернатор Калифорнии и история его жизни были постоянной темой наших с мужем бесед. И вот наконец-то настало благословенное время, когда мы с Джоном могли целиком и полностью посвятить себя друг другу. А в первую неделю нашего отпуска мы еще и успели встретиться с моей сестрой Салли, которая тоже решила

отдохнуть от суеты на Мауи.

Но нашим отпускным планам пришлось претерпеть некоторые непредвиденные изменения. Каждое утро, пока мы были на Мауи, мне звонили со студии, снимавшей документальный фильм *The Arnold and Maria Show*: еще перед нашим отъездом Дэвид, директор картины, попросил у меня разрешения звонить в случае необходимости, чтобы уточнять факты, которые должны были войти в заключительный вариант фильма. Естественно, я оставила номер телефона нашего отеля, и даже во время отпуска мне пришлось давать пояснения по отснятому материалу.

– В какую больницу вы поехали, когда Арнольду потребовалась хирургическая помощь при травме колена? Франко Коломбо сказал, что это было где-то в Нью-Йорке, – спросил меня как-то раз Дэвид по телефону.

– Нет, я уверена, что мы ездили в Инглвуд, – прием тогда вел доктор, который обслуживал местную команду *Dodgers*, – отвечала я.

На следующее утро все повторилось.

– Скажи, пожалуйста, кто умер первым – отец или брат Арнольда? – прозвучал очередной вопрос в трубке.

– Сначала погиб в автокатастрофе его брат Мейнхард, а потом от сердечного приступа умер его отец, – делилась я своими воспоминаниями.

Сутки еще не успели закончиться, как мне вновь позвонили.

– Это снова Дэвид! Мне нужно уточнить: сколько лет вы с Арнольдом были вместе? – интересовался директор картины.

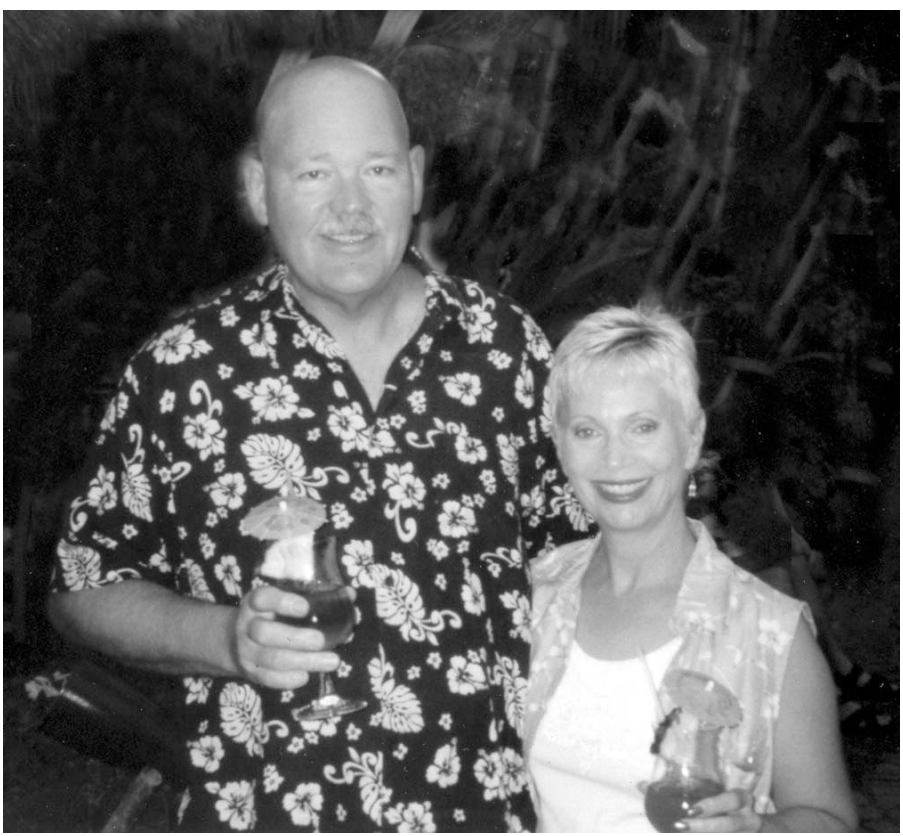
– Наши отношения длились шесть лет, четыре из которых мы прожили вместе, – прояснила я волнующий его вопрос.

Спустя некоторое время настойчивые расспросы прекратились, и мы вместе с Джоном и Салли смогли распрощаться с тенью Арнольда и перейти к нашему отдыху. Мы посетили художественную галерею в городе Лахайна, выходили на пешие утренние прогулки вдоль побережья Каанапали и смотрели на китов. Мы даже позволили себе вдоволь полакомиться орехами макадамии и местными картофельными чипсами. Постепенно спокойствие и умиротворение вновь пришли в нашу жизнь.

Уже перед самым окончанием нашего отпуска мы решили посетить гостиницу «Времена года», что располагалась в местечке Вайлеа. Ресторан *Spago*, который рекомендовал нам Арнольд, был закрыт в тот день, но эту неприятность компенсировали подробные рассказы местных жителей о том, как новый губернатор Калифорнии проводил здесь время. Мне лишь

оставалось дополнить эти истории с помощью своего воображения и представить, как Арнольд отдыхал здесь с бокалом австрийского рислинга или мохито. Мне чудилось, что Арнольд не просто попивал здесь вино, но и с удовольствием курил сигару, почитывая газету *The Trades*. Как мне кажется, сейчас, находясь на посту губернатора Калифорнии, он мог лишь мечтать о подобном отдыхе, но зато мы воспользовались его советами и отлично провели время.

Когда по завершении своего отпуска моя сестра уехала на континент, мы с Джоном полетели в местечко Кона Кост – один из административных округов Большого гавайского острова. Здесь мы смогли полностью посвятить время друг другу: играли в гольф, смотрели на морских черепах и купались с дельфинами. По негласной договоренности мы с Джоном старались не произносить слово «Арнольд», и нам даже казалось, что на упоминание этого имени было наложено своего рода табу.



С любимым мужем на отдыхе, 2003

Было, однако, одно имя, которое мы вспоминали в те дни особенно часто, и это было имя моей матери, воспоминания

о которой органично вписались в наш гавайский отпуск. После двух недель, проведенных на разных островах архипелага, мы с Джоном отравились в конечный пункт нашего отпуска – на остров Оаху. Именно здесь, на восточном берегу этого острова, два года тому назад была похоронена моя мать. Нам с Джоном было известно примерное место захоронения, и с чувством глубочайшего уважения мы нашли могилу моей матери. Отыскав скорбное место, я принялась мастерить самодельный алтарь, а Джон фотографировал окружающие пейзажи. Недолго думая я украсила могилу дарами природы и для разнообразия добавила семена и лепестки растений. За этим занятием я вспомнила о том, как в юности специально делала цветочный букет для мамы, оставляла его у входной двери и, нажав кнопку звонка, пряталась, чтобы насладиться ее удивлением от приятного сюрприза. Сейчас, думаю, моя мама была бы рада тому, что в этот день дочь проведала ее могилу и провела с ней некоторое время.

Завершив эту волнительную миссию, мы с Джоном готовы были повеселиться, а намечавшееся празднование Нового года на острове Оаху очень способствовало нашим планам. Во время этих празднеств мы собирались посетить наших друзей Кавашима в Гонолулу и пригласить их на обед. В последний раз я видела супругов Кавашима в этом городе в 1974 году, когда они ссудили моим родителям свою машину. В этот раз супруги предстали в роли заботливых хозяев и отвезли нас в хороший ресторан с отличным выбором блюд. За праздничным обедом речь довольно скоро зашла о последней вечеринке по случаю дня рождения Дот, и нам с Джоном пришлось забыть о своем табу на упоминание имени определенного человека.

Как бы там ни было, мы с Джоном провели восемнадцать великолепных дней, набрались энергии и вновь обрели себя. Вернувшись домой, мы уже точно знали свой план действий в новом году: добавить в мою книгу материал о выборах губернатора Калифорнии и попытаться найти возможность для публикации. Нетрудно догадаться, что табуированное слово «Арнольд» вновь вошло в наш повседневный обиход. А если быть точнее, имя Арнольда Шварценеггера не просто прочно вошло в нашу жизнь – оно словно было выжжено железом в нашей судьбе.

Копия моей книги к тому времени уже пару месяцев находилась у Арнольда, и я решила разузнать, что с ней стало. Однако все мои попытки справиться о том, как проходит ознакомление губернатора с книгой, разбивались об однообразные ответы его секретаря: – Я постараюсь вставить знакомство с книгой в расписание губернатора.

По прошествии недели последовало следующее объяснение:

– Поверьте мне, я делаю все возможное, чтобы учесть знакомство с вашей книгой в расписании губернатора.

Спустя месяц меня «осчастливили» таким возражением:

– Сегодня губернатору пришлось сделать пятьдесят звонков.

Выслушивая все это, я утешала себя тем, что на моей фотографии из выпускного класса красуется надпись: «Терпение – основа добродетели», и поэтому я со спокойной совестью ждала того момента, когда мне назначат встречу с губернатором.

Как раз в это время в эфир вышел фильм *The Arnold and Maria Show*, который дал мне мощный эмоциональный заряд. Кинокомпания *E-Entertainment* устроила специальный двухчасовой показ в феврале, а затем выпустила несколько повторов в марте. Ах, сколько раз во время этих показов мне звонили друзья и знакомые, которые спешили поделиться со мной впечатлениями:

– Барбара, они же неправильно назвали эту передачу! Она должна была называться «Шоу Арнольда, Марии и Барбары»!

Я догадывалась о причине подобных отзывов: директор картины Дэвид Штейн включил в фильм довольно объемный материал из моего интервью. Мне трудно передать словами те ощущения, которые я испытывала, когда впервые увидела себя по телевизору. Это выглядело так, словно я видела и слышала какую-то другую Барбару, не имевшую ко мне совершенно никакого отношения, и для меня это стало своего рода новым опытом, который кардинально отличался от моих предыдущих выступлений на радио и телевидении. Основным отличием снятого Дэвидом фильма стало то, что я не просто рассказывала про жизнь с Арнольдом, а на мои слова был наложен интересный видеоряд, который передавал общую атмосферу того времени. К примеру, когда я рассказывала о своем первом свидании с Арнольдом, то упомянула о том, что тогда мы вместе с ним смотрели репортаж о высадке американских астронавтов на Луне, и в качестве сопровождения моего рассказа в фильм были включены кадры этого исторического события.

Съемки в этом фильме позволили мне не только взглянуть на себя со стороны, но и задуматься над тем, каким образом пристальное внимание средств массовой информации может изменить человека. Думаю, что, пережив этот уникальный опыт съемок в документальном фильме, я стала лучше понимать Арнольда, который долгое время находился в фокусе внимания журналистов. Как это ни странно, участие в съемках фильма на правах приглашенного гостя повлекло за собой повышенный интерес к моей персоне со стороны съемочной бригады, и ко мне

даже начали относиться как к «звезде». Любое, пусть самое пустяковое действие – наложение грима или обмен жестами – тут же вызывало интерес ко мне, и я всегда была в центре внимания. Переживая новые для себя ощущения, я поневоле задумывалась, что будет со мной дальше. Какую часть своего «Я» мне придется потерять навсегда? Какие новые черты характера я приобрету после съемок? Каким образом мне придется поддерживать отношения с людьми, часть из которых станут для меня чужими? Кто из моих друзей навсегда распрощается со мной? А кто, наоборот, останется? Сохранится ли во мне хоть капля человечности? Сказать по правде, больше всего мне хотелось никогда не получить ответы на подобные каверзные вопросы, раз за разом возникавшие в моем сознании. Нет уж, увольте – позвольте мне обойтись без лишней рефлексии.

Несмотря на то что мне удавалось избегать самокопания, мне было трудно сдерживать выражение своих чувств. Прошло уже четыре года с тех пор, как я закончила писать книгу, но нахлынувшие переживания вновь заставили меня взяться за перо. Мне было трудно свыкнуться со смертью матери, и иногда я просто записывала несколько строк, в которых вопрошала: по какой же причине мама покинула меня, не дождавшись завершения работы над моим проектом? Иногда мне становились нестерпимо больно, и я злилась на своих родителей – в такие моменты мне ужасно хотелось, чтобы папа и мама были рядом со мной и смогли бы поддержать меня в эти трудные времена. В таких случаях только мать способна поддержать тебя и посочувствовать, а отец – удивленно покачать головой, словно говоря: «Ну кто бы мог подумать?»

Тем не менее я продолжала тешить себя надеждой, что написанная мной книга привлечет внимание Арнольда, который уже четыре месяца руководил Калифорнией. Для того чтобы хоть как-то себя занять, я начала искать новые проекты, за которыми можно было скоротать время. Для начала я отправила письмо Джону Балику, издателю журнала *Iron Man*, и спросила его, не согласится ли он напечатать в своем журнале интервью с Джеком Лалэйном, которое можно приурочить к девяностолетнему юбилею легендарного подвижника здорового образа жизни.

Джон Балик согласился на мое предложение, но только при условии, что в своем интервью я уделю особое внимание его жизненной философии, – это даст читателям возможность лучше понять мотивы поведения Джека Лалэйна, человека, сумевшего вывести занятия фитнесом на телеэкран и заинтересовать ими широкие народные массы.

Надо сказать, что с супружеской парой Лалэйн, Джеком и Элейн, я была знакома еще со времен нашей с Арнольдом совместной жизни. В момент, когда Арнольд представил меня Джеку и Элейн, я чуть не упала перед ними на колени, словно говоря: «Без ваших советов, Джек, боюсь, я бы не смогла научиться делать даже самые простые упражнения». Моей попытке коленопреклонения, однако, помешала больная нога, и поэтому наше общение ограничилось формальным обменом любезностями. Когда на дне рождения Дот Кавашима мы вновь встретились с Джеком, наш разговор получился более продолжительным и содержательным.

Во время той беседы на дне рождения Дот я поняла, что мне хочется поговорить с Джеком о многих вещах, и мое желание поддерживали наши супруги. И вот мы с мужем, предварительно договорившись с Джеком о встрече, едем по шоссе к нему в гости, попутно смеясь над своим желанием похудеть на три килограмма, чтобы произвести впечатление на человека, которому недавно стукнуло восемьдесят девять лет. Пока мы ехали, я тщательно обдумывала вопросы, которые нужно было задать Джеку Лалэйну, – о философии жизни, здоровом питании и крепких отношениях с женой. Моему мужу Джону тоже нашлось применение: на него были возложены обязанности фотографа и – при необходимости – второго интервьюера.

По приезде в поместье Джека нас встретила его жена и, проведя сквозь лабиринт самых разнообразных построек, подвела к своему мужу, смотревшему утренний выпуск новостей, в котором рассказывалось о суде над Мартой Стюарт. Как только мы подошли к Джеку, между нами завязался непринужденный разговор, и с каждым моим новым вопросом он все больше и больше втягивался в беседу.

– Люди должны научиться выбирать жизнь, а не смерть! Мы все должны научиться употреблять натуральную пищу и заниматься физическими упражнениями для поддержания себя в форме! – делился своими взглядами Джек.

Во время интервью я не удержалась и записала у себя в блокноте: «Мне трудно понять это явное несоответствие реального возраста Джека его жизненной силе – ведь он родился в далеком 1914 году, но до сих пор умудряется отвечать на мои вопросы с большим запалом и задором. Действительно, передо мной сидит поджарый и подтянутый довольно пожилой человек, вес которого вряд ли превышает семьдесят килограммов, но в его глазах так и мелькают искорки».

Когда мы с Джоном уезжали с полными руками подарков, я находилась в каком-то расслабленном состоянии и, зная, что муж

поддержит меня, поделилась с ним своими впечатлениями:

– Мне бы очень хотелось, чтобы моя статья стала хорошим подарком Джеку на его день рождения.

Со статьей, правда, вышла небольшая загвоздка: Джек за свою жизнь дал столько интервью, что мне было трудно написать что-то по-настоящему новое и интересное. Однако никакие конкуренты не могли сбить мой настрой сделать хорошую статью о Джеке, за которую мне не было бы стыдно перед читателями, и где-то неделю спустя я послала ему на утверждение черновик.

Через некоторое время мне перезвонила Элейн и сказала, что «мне удалось заглянуть в душу Джека». Услышав такой отзыв о статье, я радовалась, словно школьница, которая получила отличную отметку за выученный урок.

Надо сказать, что написанная статья была вскоре опубликована в журнале *Iron Man*, копию которого вместе с дополнительными материалами я направила чете Лалэйн. Получив посылку, супруги позвонили мне, чтобы выразить свою признательность и поблагодарить за проявленное внимание. Этот благодарственный звонок придал мне сил в работе над моими проектами, и я не могла дождаться приближающейся вечеринки по случаю дня рождения Джека Лалэйна, чтобы обнять и расцеловать его.

Не успела я порадоваться телефонному разговору с супругами Лалэйн, как спустя некоторое время получила неожиданный звонок. Это произошло в марте – я как раз собиралась выходить из дома, чтобы идти на работу, когда мне позвонил неизвестный мужчина. Незнакомец назвался Полем и сказал, что он является финансовым советником Арнольда и ему поручено ведение дел по публикации моей книги. Поблагодарив Поля за пояснения, я попросила его организовать для меня встречу с Арнольдом, чтобы я могла уточнить некоторые детали, которые меня интересовали.

Перед встречей с Арнольдом я, как прилежный ученик, составила список вопросов, в который вошло порядка 250 пунктов, но муж предложил мне ограничиться сорока. Нужно отметить, что во время работы над книгой Джон всячески поддерживал меня, и я даже могу сказать, что эта книга стала нашим совместным детищем. Когда я только задумалась над проектом книги и Джон поддержал мое решение, мы даже представить себе не могли, что процесс ее написания затянется на такое долгое время и настолько сблизит нас. Трудно, конечно, представить ситуацию, при которой жена будет целыми днями писать о своих прежних отношениях, а муж при этом останется в стороне от происходящего. Естественно, в процессе написания

книги мне хотелось поделиться своими переживаниями с мужем, поддержка которого была для меня очень важна. Поначалу Джон не проявлял большого интереса к книге, но со временем начал активно участвовать в ее написании, давал мне советы и редактировал текст. Без лишней скромности можно сказать, что в процессе работы над книгой мы с Джоном сблизились настолько, что, казалось, каждая строка была выстрадана нами обоими.

Поэтому, когда советник Арнольда потребовал от меня прийти на встречу с губернатором без мужа, я почувствовала себя предателем. К моменту моей встречи с Арнольдом мы с Джоном уже рассматривали этого человека как наше «совместное достояние», но, согласитесь, мне было бы трудно объяснить такие тонкие моменты помощникам губернатора. Да и что я могла сказать им в свое оправдание?

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Наш разговор с Арнольдом не обошелся без обсуждения его судьбы, и больше всего меня интересовал следующий вопрос: неужели ко времени его приезда в Америку в 1969 году у него были такие ясные и четкие планы собственных достижений? Не упустила ли я чего-то из виду во время нашей совместной жизни и в процессе написания книги?

– По большому счету все эти разговоры про судьбу – сущая ерунда. Я всегда был уверен в том, что у меня будет интересное будущее и что мое место именно здесь, хоть и не мог точно сказать, что конкретно меня ждет. Мне было трудно сформулировать это даже для самого себя, поэтому я просто доверился своим чувствам и позволил себе плыть по течению. Еще одной моей особенностью было то, что у меня всегда был дар предвидения и я всегда мог понять, что меня ждет вслед за очередным изменением в жизни… Когда я был подростком, я воображал себя на пьедестале – именно так, как это было изображено в журналах и книгах. Я представлял себя в разных ситуациях: как я стою на пьедестале, как получаю приз и как я просто недостижим для других бодибилдеров, – начал свой ответ Арнольд.

– Как ты считаешь, что является первопричиной такого удивительного дара? – спросила я.

– Думаю, что причиной всего этого было мое воображение, – я видел привлекательные картинки в журналах, и где-то в глубине меня зародилась жажда покорения вершин. Именно тогда, как мне кажется, у меня и начало формироваться

«внутреннее зрение», которое позволило мне увидеть себя на чемпионском пьедестале. Да, именно так все и было! То, что я видел посредством «внутреннего взора», стало частью меня самого, частью моей реальности, и мне уже не приходилось переживать по самым разным поводам: как мне всего этого добиться? А когда же все это произойдет? – продолжил он свою мысль.

– Знаешь, есть люди, которые верят в Бога, или, скажем, люди, у которых есть вера в свое предназначение. Так вот, именно вера формирует реальность и делает достижимыми твои цели, – резюмировал Арнольд.

Встреча в офисе губернатора

Встреча с губернатором была для меня важным событием, и я решила одеться поярче, чтобы скрыть переполнявшие меня эмоции. В итоге я выбрала наряд розового цвета. Когда я спустилась на кухню, мой муж, пристально осмотрев меня с ног до головы, заметил:

– А ты сегодня хорошо выглядишь, Барбара!

Когда мы с ним стали прощаться, Джон пошутил по поводу вечности бытия Арнольда в нашей жизни.

– Слушай, я думаю, что даже на твоем надгробии напишут: «Первая любовь Арнольда Шварценеггера», – вот попомни мои слова, – высказался он напоследок.

Сказать по правде, мне стало как-то не по себе от слов мужа, и, пока я ехала в офис Арнольда, в моей голове роились мысли о замечании Джона. Надо признать, что мне, по всей видимости, до конца жизни не удастся избавиться от тени Арнольда и даже смерть не станет для меня спасением. Так стоит ли в таком случае переживать по этому поводу и не лучше ли будет просто посмеяться над этой ситуацией? Еще вчера Арнольд был моим любимым человеком, а сегодня он – мой губернатор. Но что в таком случае произойдет завтра и кем он станет? Послом, сенатором, президентом Арнольдом Алоисом Шварценеггером? Именно сейчас, когда в моей голове проносились такие мысли, явственнее всего ощущался контраст между нынешними событиями и нашей с Арнольдом первой встречей в ресторанчике «Деликатесы Зака» тридцать пять лет назад.

Поездка до офиса Арнольда заняла у меня примерно час, и, припарковав свою машину на стоянке, я поинтересовалась у местного сотрудника, на месте ли губернатор.

– Губернатор еще не приехал, но вы можете подняться к нему в офис – просто пройдите в ту дверь, и вы увидите там лифт, – ответил мне работник парковки.

Я поначалу подумала, что в здании будут какие-то повышенные меры безопасности, – ведь, как ни крути, это был офис губернатора. Что, если я выгляжу как-то подозрительно или веду себя не вполне сдержанно? Будет ли охрана проверять мою сумочку на предмет наличия оружия – ножа или пистолета? Но все мои страхи оказались напрасными: никого не интересовали мои личные вещи, и я спокойно и без приключений добралась до лифта. Поднявшись на третий этаж, я улыбнулась охраннику и вошла в дверь губернаторского офиса, где меня встретила секретарь. Увидев меня, она даже сделала мне

комплимент:

– Доброе утро! Проходите вон туда – там вы сможете спокойно подождать губернатора. И знаете что, вам очень идет этот розовый цвет.

Помощник Арнольда, должно быть, услышал наш разговор с секретарем и вышел из своего кабинета, чтобы поприветствовать меня:

– Доброе утро, Барбара! Знаете, я должен вам сказать, что вы великолепно выглядите! Особенно сегодня, когда на улице творится не пойми что.

Затем он повел меня внутрь офиса, у входа в который стояла увеличенная фигура *Терминатора*, охранявшего самый ценный актив компании *Oak Productions, Inc.* – Арнольда Шварценеггера. Оказавшись в кабинете губернатора, я постаралась расспросить помощника о том, как в столице штата относятся к новому руководителю.

– Вы знаете, абсолютно все без ума от нового губернатора, его здесь очень любят, – ответил мне помощник.

Предложив мне располагаться поудобнее, помощник оставил меня одну и вышел из кабинета, сославшись на занятость. По причине сумрачного дня в кабинете был зажжен камин, огонь которого очень оживлял интерьер. Даже отдаленные уголки комнаты озаряли языки пламени, благотворно влияя на мое состояние перед важной встречей: глядя на них, я постепенно успокаивались и настраивала себя на беседу. Однако надо признать, что никакой огонь не мог вселить в меня полную уверенность, и я с тревогой ожидала прибытия Арнольда. Я продолжала сидеть в кабинете губернатора, а выделенное для встречи с ним драгоценное время таяло с каждой секундой.

От нечего делать я начала рассматривать окружавшую меня обстановку, и вдруг мне в голову пришла мысль: уж не наблюдают ли за мной при помощи скрытых камер, раз мне позволили остаться без присмотра в губернаторском кабинете? Эта шальная идея только подстегнула мои страхи. Мне ужасно хотелось позвонить домой и сказать мужу, что Арнольд задерживается. Но я подумала, что будет не совсем красиво, если во время моего телефонного разговора в губернаторский кабинет войдет его хозяин и застигнет меня врасплох. Мне не оставалось ничего другого, как просто сидеть и ждать, пытаясь хоть чем-то себя занять. Но если честно, у меня это плохо получалось: в ожидании Арнольда я себя основательно «накрутила». Я даже решила еще раз пробежаться по списку вопросов, но быстро поняла, что это не требуется, – все самые важные вопросы были в моем сердце, а не на безликом листе бумаги.

В бесплодном ожидании я не находила себе места и, чтобы хоть как-то себя занять, стала внимательно изучать рабочее место губернатора. Нужно сказать, что почти от каждого элемента рабочей обстановки веяло властью и авторитетом хозяина. Казалось, весь кабинет был наполнен духом Арнольда, и я вновь почувствовала необходимость противостоять незримому влиянию своего бывшего возлюбленного. Бог не даст мне соврать: именно этим я занималась последние тридцать пять лет.

Время шло, а я все сидела и думала о том, что вряд ли какая-то другая бывшая девушка Арнольда была бы способна по достоинству оценить его достижения и успехи. Решив пройтись по комнате, я встала, но не успела дойти до расположенной неподалеку кушетки, как меня посетила мысль, что в мои умозаключения закралась досадная ошибка. Мне, как никогда ранее, захотелось, чтобы на моем месте оказалась какая-нибудь другая женщина и чтобы именно она была первой возлюбленной Арнольда. Как бы она поступила на моем месте? Насколько бы ей удалось быть гибкой в отношениях с Арнольдом? Смогла бы она выйти за него замуж? Кто знает, может быть, она нашла бы в себе силы принять публичный статус Арнольда и не беспокоиться о необходимости жить «в тени Австрийского Дуба».

Такие мысли выводили меня из себя – еще бы, ведь Арнольд даже не догадывался о тех переживаниях, которые выпали на мою долю. Справедливости ради нужно сказать, что я не могла похвастаться какими-то серьезными успехами: из меня не вышло новой Опры Уинфри, и я не смогла приобрести серьезный вес в шоу-бизнесе. К тому же, как мне ни горько об этом говорить, сейчас я знала об Арнольде значительно больше, чем он обо мне.

Арнольд задерживался уже на пятнадцать минут, и мне стало казаться, что наше двухчасовое интервью пойдет прахом. В таком мрачном расположении духа, с невеселыми мыслями в голове я сидела и дожидалась обещанной встречи. Как бы то ни было, я все же задумалась над тем, какими будут наши первые слова, когда Арнольд появится в кабинете, и каково ему сейчас приходится. Вполне возможно, что он злится на меня из-за книги, в которой я рассказала про наши отношения. Однако меня успокаивали слова его помощника, который сказал, что Арнольд уже написал вступительное слово для моей книги, и этот подспудный страх постепенно исчез. Время шло, а Арнольд все не появлялся, и я поневоле начала размышлять о причинах его отсутствия в офисе в условленное время. В какой-то момент мне даже показалось, что Арнольд мог отменить встречу, а я об этом ничего не знаю. Для того чтобы отвлечься, я решила сосредоточить свое внимание на окружающей обстановке – ведь,

как ни крути, это был офис Арнольда! Как мне казалось, каждая деталь этого помпезного кабинета подчеркивала статус и влияние его хозяина.

У меня, однако, не получилось сосредоточиться на обстановке, и я вновь начала беспокоиться. Чтобы как-то унять свою тревогу, я снова решила просмотреть список подготовленных вопросов, мысленно рассуждая о том, как мне стоит обращаться к Арнольду во время встречи: «Арнольд» или «губернатор Шварценеггер». Хотя второй вариант был более правильным с протокольной точки зрения, он мне не особенно нравился: от такого обращения веяло формализмом. Не находя себе места от беспокойства, я начала оглядываться вокруг, пытаясь найти скрытую камеру, которая, как мне казалось, была направлена прямо на меня. Я просто не могла поверить, что помощник Арнольда вот так запросто мог оставить меня одну в кабинете губернатора. Но я ведь находилась в губернаторском офисе на правах журналиста, и мне вдруг стало жутко любопытно, могу ли я сделать пару фотографий. Решив прояснить этот момент, я высунула голову из двери и спросила об этом помощника.

– К сожалению, мы не позволяем делать снимки у губернатора в офисе. Но если вы хотите, я могу сделать парочку общих фотографий с губернатором, когда он приедет. И не забудьте, кстати, заглянуть в специальную «австрийскую комнату» в конце кабинета, – ответил мне помощник.

Услышав такой ответ, я решила направить свое беспокойство в мирное русло и записать свои впечатления от знакомства с кабинетом. Несмотря на то что основная комната могла быть оснащена скрытыми камерами наблюдения, мне казалось, что ведение записей – это лучший способ справиться с расшатанными нервами. Да и куда лучше будет начать нашу встречу спонтанно, чем просто сидеть, словно кукла, и ничего не делать. Взяв карандаш, я решила сделать парочку записей, чтобы с пользой провести время до начала встречи. Ощутив в руках письменные принадлежности, я вновь почувствовала себя журналистом и стала рассматривать обстановку кабинета не как простой посетитель, а как представитель прессы.

Общий вид губернаторского офиса ясно говорил о насыщенной и богатой событиями жизни его владельца. Я даже не поленилась проверить поверхность мебели, чтобы убедиться, нет ли на ней пыли. Пыли на мебели не оказалось, более того, в кабинете царил полный порядок. Неподалеку от двойных дверей был установлен камин, манивший меня своим теплом. Обе стороны этого камина украшали декоративные растения в кадках,

а в его центре словно в виде символического напоминания располагалась сосновая шишка. Левую часть комнаты занимала внушительного вида бронзовая скульптура, рядом с которой лежал рюкзак. Бегло осмотрев офис, я вновь сконцентрировалась на изучении камина.

Каминная полка была сплошь уставлена фотографиями Арнольда, на которых были изображены важные моменты его жизни в Америке. На части снимков Арнольд был запечатлен с известными людьми – папой римским, президентами Никсоном, Фордом и Рейганом, а другая часть была посвящена его родителям. Дальний угол каминной полки занимали фотографии представителей семейства Клинтон, на одной из которых Хиллари Клинтон сделала дарственную надпись: «Всегда рада лично обсудить с вами важные темы». По правде сказать, увиденные фотографии поразили меня до глубины души – ведь сейчас я явственно осознала всю глубину пропасти, лежавшей между нами. Мне действительно нечего было предложить Арнольду по сравнению с людьми такого уровня, и я даже представить себе не могла, что он не просто пожимает руки важным персонам, но и состоит с ними в приятельских отношениях. Со смешанными чувствами я продолжила изучать рабочий кабинет губернатора.

Прямо перед камином был расстелен индейский ковер, на котором стояли три кресла и небольшой столик с набором для игры в шахматы. Увидев шахматы, я вспомнила, как на церемонии инаугурации один мой давний приятель сказал, что Арнольд сильно поднаторел в этой старинной игре. Помнится, я тогда ответила, что Арнольд всегда преуспевал в игровых видах спорта – даже до того, как взялся за шахматы.

Закончив разглядывать камин, я начала исследовать рабочее место Арнольда, состоявшее из огромного стола и кожаного кресла. Одного взгляда на стол было достаточно, чтобы понять: здесь сидит человек, наделенный огромной властью. Рядом со столом стояла плетеная корзина, которая, по всей видимости, выполняла роль мусорного ведра. Увидев эту корзину, я рассмеялась: мне вдруг представилось, как губернатор легко и просто расстается с ненужными ему вещами, – вспомнить, к примеру, как быстро и без колебаний он выбросил меня из своей жизни. *«C'est la vie, детка! Давай, до свиданья!»* Вдруг я увидела лежавшее на столе расписание дня. В этот момент у меня промелькнула шальная мысль: уж не выбросить ли мне этот листок в мусорную корзину? Тем не менее мне удалось укротить свой ребяческий порыв – ведь я находилась в губернаторском кабинете и поэтому решила не создавать себе лишних проблем.

Покончив со своими внутренними метаниями, я перешла к осмотру стола. Здесь были расставлены большая квадратная пепельница, деревянная пивная кружка, которая использовалась в качестве подставки для карандашей и ручек, бутылка воды и зеленая лампа от «Тиффани». Особняком на столе стояла фотография матери Арнольда в красивой зеленой рамке, подсвеченная небольшим светильником. Очень странно, но на столе не было видно компьютера, хотя он был оборудован современной телефонной системой, позволявшей губернатору связываться с сотрудниками своего офиса. Я думаю, что Арнольду не требовалось самому вникать в работу сложных компьютерных систем и все, что ему было нужно, – это надежная телефонная связь. Отсутствие компьютера показалось мне странным, так как в последнее время я проводила по десять часов в день перед экраном монитора и уже не представляла свою жизнь без этого современного устройства.

Помимо фотографий и телефонной системы, на столе у Арнольда в избытке были представлены различные предметы, напоминавшие об истории бодибилдинга и успехах хозяина кабинета. Одним из таких предметов была бронзовая скульптура прусского силача Евгения Сандова, на подножии которой были выбиты годы жизни знаменитого атлета: 1867—1925. Его фигура была повернута лицом к двери и всем своим видом, казалось, говорила посетителям: «Здесь место для сильных людей».

Когда Арнольд, сидя в своем кресле, поворачивал голову влево, его взору представала статуя Джо Уэйна, бюсты Джона Кеннеди и Рональда Рейгана, а рядом с этими бюстами стояла фотография Джона Кеннеди во время его выхода в открытое море на яхте *Victura*. Прямо над рабочим столом Арнольда висела картина Энди Уорхола с изображением североамериканского индейца. Казалось, что эта картина играла роль «охранника» композиции из личных фотографий Арнольда и его семьи.

На одной из семейных фотографий была изображена Мария Шрайвер – с пышными волосами и изящно изогнутыми пальцами, которыми она касалась своих губ. Помимо этой фотографии Марии, где она была запечатлена в одиночестве, здесь находились и ее снимки в окружении детей. Всем своим видом Мария ясно давала понять, что она является истинной «первой леди», и только от одной мысли об этом меня вновь посетил холодок сомнения. Но не только фотографии Марии и детей украшали рабочую обстановку кабинета – здесь были и снимки матери Арнольда в окружении внуков. Одной из последних фотографий, привлекших мое внимание, было фото, сделанное в свое время Энни Лейбовиц. На этом снимке был изображен

полуобнаженный Арнольд верхом на белом коне и с сигарой в зубах. Я отлично помню эту фотографию, которая была напечатана в одном из журналов *Rolling Stone* в 1988 году, и когда я впервые увидела ее, то явственно почувствовала всю глубину пропасти, разделявшей нас с Арнольдом. Ну еще бы – ведь Энни Лейбовиц специализировалась на фотопортретах только признанных звезд.

Нельзя не отметить, что в кабинете были широко представлены и атрибуты, говорящие о политической принадлежности Арнольда. Так, на специальном буфетном столике были расставлены изделия из стекла, металла и дерева с изображением слона – символа Республиканской партии США. Эту коллекцию дополняло чучело медведя и целый набор различных мечей и ружей. Увидев все это, я поймала себя на мысли, что во всем этом великолепии есть и мой вклад, ведь это именно я объяснила Арнольду устройство политической системы Соединенных Штатов, после чего он безоговорочно принял сторону республиканцев.

Справа от стола находилась специальная переговорная зона, каждый из элементов которой поражал своими размерами – от огромного дивана, украшенного подушками, до трех больших кожаных кресел, в которых могли расположиться даже очень высокие люди. Здесь также размещался внушительного вида китайский стул, установленный по всем правилам фэншуй, а находящийся тут же кофейный столик был выполнен из цельного дерева. На этом столике были расставлены тарелки с большим выбором самых разнообразных закусок и столовых принадлежностей. Богатая обстановка лишний раз убедила меня, что Арнольд уже давненько не покупает вещи на гаражных распродажах, как он любил это делать после переезда в Америку. Здесь же я увидела и какие-то странные палочки, грубо выполненные из дерева, и каково же было мое удивление, когда я поняла, что это были обычные карандаши. Стоило, конечно, спросить себя: а надо ли мне вообще удивляться в таком случае? Ведь у Арнольда всегда был свой взгляд на вещи.

На рабочем столе Арнольда размещался целый набор курильщика: пепельница, зажигалка и специальные ножницы для подрезания сигар. Я, конечно же, знала, что Арнольд уважает сигары, но мне бы очень не хотелось, чтобы он использовал курительные принадлежности в моем присутствии. Устыдившись своего отрицательного отношения к курению, я призвала себя не выглядеть ханжой в глазах Арнольда, хотя мне и нелегко было это сделать, так как остатки пепла вызывали у меня сильную головную боль. Что касается запаса сигар, то он хранился

в специально предназначенном для этого ящике, расположенном неподалеку от китайского стула. Общую картину дополнял причудливо украшенный австрийский нож и стаканы для бренди, в которые по мере необходимости наливались горячительные напитки для поддержания задушевного разговора.

Слева от большого дивана висела красивая картина с изображением ребенка, а на правом краю рабочего стола виднелись два памятных знака, подтверждавшие активное участие Арнольда в различных благотворительных мероприятиях. На одном из них красовалась надпись «Америка поздравляет Израиль с пятидесятилетием обретения государственности», а другой представлял собой стеклянную скульптуру, подаренную Арнольду за его общественную деятельность. Все это великолепие венчал роскошный ковер, выполненный в национальной технике североамериканских индейцев, и мне даже стало интересно, нет ли где поблизости знаменитого индейского перстня Арнольда. Кто знает, где сейчас Арнольд хранит этот перстень? Может быть, он подарил его кому-то, а может, бережет его в шкатулке в память о нашей поездке. Здесь же, возле окна стояла фигура ковбоя, гарцевавшего верхом на вздыбленной лошади. *«О боже, Арнольд ни капельки не изменился – это как раз в его стиле»*, – подумала я, когда увидела эту скульптуру.

За статуей ковбоя располагался бильярдный стол, разделявший кабинет на официальную и приватную части. Над столом висела модель самолета, смотревшаяся причудливо на фоне зеленого сукна и бильярдных шаров. Одну стену импровизированного игрового зала занимал огромных размеров плакат с рекламой фильма Сесила Демилля «Крестовые походы». Все увиденное я тщательно описывала в записной книжке и постепенно дошла до барной стойки – здесь хранились не только запасы алкогольных напитков, но и специальные подставки для игровых принадлежностей. Позже Арнольд скажет мне, что он коллекционирует самые разные вещи и все они призваны отражать его взгляд на окружающий мир.

В задней части офиса располагался еще один стол для переговоров. На стене, возле которой стоял стол, был нарисован огромный черный локомотив с огромной надписью «Деньги – двигатель торговли». *«Ну что же, по крайней мере эта картина хорошо иллюстрирует его деловую хватку»*, – подумалось мне, когда я увидела это «полотно».

Позади стола виднелись деревянные полки, богато уставленные трофеями Арнольда – бронзовыми статуэтками, тарелками и медалями с потрескавшимися от времени ленточками. На одной из полок я заметила памятную награду

с конкурса «Мистер Олимпия» 1973 года, вручение которой я запомнила на всю жизнь, – еще бы, ведь на церемонии награждения победителей меня представили в качестве «будущей миссис Шварценеггер»! Отголоски прошлых событий вновь задели меня за живое, но сейчас у меня не было времени предаваться бесполезным переживаниям, и я совершенно спокойно продолжила осмотр кабинета. Я, конечно, поддалась минутной слабости и подумала о том, что эта награда была вручена за работу над созданием одного из лучших тел в мире. Тела, которое я знала очень близко.

Размышляя обо всем этом, я обратила внимание на роскошное кресло, расположенное в одном из углов кабинета, которое из-за богатого убранства и украшений отдаленно напоминало королевский трон. Здесь же была установлена самая современная электронная аппаратура – плазменный телевизор и стереосистема, резко контрастировавшая с антикварным «королевским троном». Мне трудно было представить, сколько времени может проводить Арнольд за просмотром телевизора, кроме разве что редких моментов, когда у него выпадает минутка, чтобы посмотреть интересный матч. Я вспомнила, что во время нашей совместной жизни Арнольд любил смотреть вечерние выпуски новостей, поглаживая меня по волосам. Сейчас же, как мне казалось, Арнольд сказал бы: «Телевизор – это бесполезная трата времени».

К моменту осмотра телевизионной установки я уже изрядно устала описывать обстановку кабинета и почувствовала позывы к посещению уборной. Я не рискнула воспользоваться губернаторским туалетом без особого разрешения, но помощник Арнольда позволил мне посетить это интимное помещение.

Когда я по небольшому коридору направилась к уборной, то очень удивилась отсутствию дверей. Не успела я найти туалет, как мне на глаза попалась необъятных размеров ванная комната – с высокими потолками, огромной раковиной и большим количеством полотенец. По правой стене ванной вытянулись полки с футболками и кепками, на которых красовалась реклама фильмов Арнольда. Сказать по правде, некоторые из этих фильмов я бы предпочла вообще не смотреть. Повернув налево, туда, где, по моему мнению, должны были находиться душ и туалет, я увидела душевую кабину – такую чистую и нетронутую, что, казалось, ей никогда не пользовались. Напротив душевой стояла скамейка с чистыми полотенцами и махровым халатом. Поведя взглядом влево, я наконец-то увидела унитаз, но в этот момент засомневалась: а могу ли я вообще воспользоваться личным «отхожим местом» Арнольда?

Что, если он как раз в эту минуту поднимается на лифте к себе в кабинет? Физиология тем не менее была сильнее меня, и времени на раздумья совсем не оставалось.

Я быстро расстегнула брюки, села на унитаз, сделала все свои дела, встала и застегнулась. Только я собралась воспользоваться смывом, как меня вновь посетили сомнения: должна ли я оставить крышку унитаза открытой или закрыть ее? Арнольд всегда отличался вниманием к деталям – что будет, если он заметит факт использования его личного туалета? Я прожила с этим человеком шесть лет, на протяжении которых мне приходилось заниматься в том числе и уборкой нашего туалета, но сегодня я воспользовалась его унитазом с таким пиететом, словно это была королевская привилегия. «Давай, думай быстрее, Барбара!» – подгоняла я себя, ища выход из создавшейся ситуации. Следующая пара минут прошла в томительных раздумьях: а что, если сейчас в кабинет войдет губернатор и захочет воспользоваться туалетом? И что мне прикажете ему сказать? «Привет, Арни! Скажи, пожалуйста, ты сейчас закрываешь крышку унитаза?»

Поколебавшись, я все же решила закрыть крышку, но тут мне на ум пришла еще одна пугающая мысль: не станет ли закрытая крышка унитаза веской уликой моего вторжения в его личные владения? «Он ведь никогда не закрывал крышку унитаза! О боже, нужно прекратить эту панику! У меня просто нет времени на эти бесполезные переживания», – подумалось мне в эту минуту.

Приняв решение, я быстро подошла к раковине и вымыла руки, но не успела я убрать их из-под крана, как передо мной встала очередная дилемма: нужно ли вытереть после себя раковину? Понимая всю абсурдность создавшейся ситуации, я сунула руки под сушильный аппарат, и тут меня посетила новая мысль: могу ли я воспользоваться одним из полотенец, которых здесь было в избытке? *«Вот черт! Да когда же это закончится?»* – корила я себя в эту минуту.

Мое поведение могло показаться смешным и глупым, но соблюдение чистоты и порядка всегда давалось мне с очень большим трудом. Я даже вспомнила один случай, когда во время нашей совместной жизни Арнольд сделал мне замечание по поводу бардака в моей машине:

– Пачиму бы тибе не убрать книги и покупки в багажник? Твоя машина паходит на свинарник, Бар-бар-ха.

«Ладно, сейчас сделаю так, чтобы Арнольд ничего не заметил. Тем более никто же не видел, что я здесь была», – решила я про себя.

Вернувшись в кабинет, я постаралась успокоиться и настроиться на предстоящую беседу. Пока я пыталась прийти в себя, мне вспомнилось, как секретарь Арнольда сказал, что все новые и интересные произведения искусства он перевез в свой губернаторский офис в Сакраменто. Я попыталась представить, как выглядит официальный офис губернатора в столице штата, если даже личный кабинет Арнольда обставлен с такой роскошью. *«Клянусь, если мне посчастливится побывать в губернаторском офисе в Сакраменто, я не допущу повторения сегодняшней ситуации. А сейчас давайте уже перейдем к делу»*, – думала я, ожидая губернатора.

Здесь я поймала себя на мысли, что встреча с Арнольдом может и не состояться. От этого мне стало не по себе и захотелось закричать: ну почему же он так задерживается?! Взяв себя в руки, я вспомнила, как помощник Арнольда советовал мне посетить потайную комнату, расположенную в задней части кабинета. Помощник рассказал, что в этой комнате Арнольд собрал вещи, которые напоминали ему о родных для него Восточных Альпах. Здесь нашли приют карты, картины, статуэтки, посуда, фотографии его родного Таля – словом, все то, что он помнил со времен своего детства. Помощник не забыл упомянуть и о стеганых детских одеялках, под которыми мирно сопели дети Арнольда, и о стуле, на котором его отпрыски сделали надпись о том, как сильно они любят своего отца. Услышав все эти душещипательные рассказы о семье, я испытала сильный приступ меланхолии с примесью нежности.

Арнольд до сих пор не появлялся, и я решила воспользоваться случаем и осмотреть потайную комнату. Стоило мне только войти в это помещение, как я явственно ощутила, что это была не просто «австрийская комната» – это было его святилище. На стене прямо напротив входа были развешаны всякие мелочи, присутствие которых изрядно меня удивило. «Боже мой, так это же сувениры из наших с Арнольдом поездок!» – сказала я себе. Одной из таких безделушек была деревянная дощечка с нарисованной на ней рожицей сказочного человечка в колпачке, который, казалось, радостно приветствовал вошедшего посетителя. Я даже помню, что Арнольд называл этого сказочного персонажа *Wurzelsepp* – этакий добродушный старичок-лесовичок, помогающий людям в трудную минуту. Когда мы еще жили с Арнольдом, мне ужасно не нравился этот *Wurzelsepp*, и в конце концов я попросила Арнольда убрать его от меня подальше. Помимо дощечки со старичком-лесовичком, на стене висели картина с изображением седовласого старца, курящего старинную трубку, и натюрморт с виноградом. Увидев все эти

вещи, я задалась вопросом: вспоминал ли Арнольд о том, что эти сувениры были куплены во время наших с ним европейских каникул? Трудно, конечно, сказать, что чувствовал Арнольд, глядя на эти сувениры, но что касается меня, то я всегда помнила о том времени, когда мы покупали эти безделушки. Тогда мы с Арнольдом ездили навестить его овдовевшую мать, и с тех пор купленные в той поездке сувениры украшали нашу гостиную. Увиденные свидетельства нашей с Арнольдом совместной жизни оживили во мне старые воспоминания о тех днях. Действительно, нам с Арнольдом довелось пережить вместе замечательные моменты, и все эти воспоминания вызывали у меня прилив нежности и умиротворения.

Однако охватившая меня ностальгия разом исчезла, стоило мне только услышать приближавшиеся к кабинету голоса, один из которых был мне хорошо знаком.

Мне пришлось прождать целых тридцать четыре минуты, прежде чем я смогла заговорить с Арнольдом! Встретившись с губернатором возле его рабочего стола, я не преминула упомянуть о посещении «австрийской комнаты»:

– Привет, Арнольд! Я только что была в «австрийской комнате» и видела сувениры, которые мы купили с тобой во время нашей поездки к твоей матери! Боже, какое это было время!

– Это ведь действительно круто, да? Прошло двадцать пять, нет, тридцать лет, и вот ты здесь – берешь у меня интервью. Кто бы мог подумать? Это же просто какой-то сюрреализм! – пророкотал Арнольд в ответ.

– Не то слово – ведь ты сейчас мой губернатор! Вот где настоящий сюрреализм! Разве могли мы тогда подумать, что ты станешь губернатором? – вторила я ему.

Арнольд довольно хмыкнул в ответ на мое замечание и углубился в изучение бумаг. Проверив документы, он вновь обратил на меня внимание и даже сделал мне комплимент:

– Ты сегодня здорово выглядишь!

Сегодня я уже слышала лестные отзывы в свой адрес от мужа и сотрудников Арнольда, но, пожалуй, этот комплимент был самым желанным для меня. Мысленно я поблагодарила себя за то, что выбрала сегодня такой наряд, удачно дополнявший мой душевный настрой. Арнольд предпочел надеть на встречу белую рубашку с коротким рукавом, защитного цвета брюки и модельные ботинки. Одним словом, ничто во внешнем виде Арнольда не напоминало об унылости этого не слишком погожего июньского денька.

Я даже задалась вопросом, ощущает ли сейчас Арнольд

важность нашей встречи, как это представлялось мне, – ведь, как ни крути, сегодня встретились два близких человека. В нашей с Арнольдом жизни были как хорошие, так и плохие моменты, и что бы мы сейчас значили друг для друга без этих воспоминаний? Как произошло, что один из нас повлиял на другого самым непредсказуемым образом? Вряд ли стоит упоминать, что те четыре года, которые мы прожили с Арнольдом вместе, навсегда остались в моей душе и я до сих пор продолжала ощущать влияние этого человека на свою жизнь. Что касается Арнольда, то он жил своей жизнью и, скорее всего, даже не помнил мою фамилию – для него я что тогда, что сейчас оставалась всего лишь «Бар-бар-хой». Вполне может быть, конечно, что Арнольд и помнил обо мне, но вряд ли я занимала заметное место в его воспоминаниях. Ярким подтверждением моего предположения о разнице в восприятии послужило начало разговора – беседа явно не складывалась. Только когда мы с Арнольдом уселись поудобнее на своих местах, я почувствовала некоторое облегчение и уверенность в себе.

Как и я предполагала, Арнольд решил сесть в свое роскошное китайское кресло, предоставив мне возможность расположиться на огромном диване. Устроившись на диване, я достала блокнот и стала проверять свой диктофон перед записью нашей беседы. В этот момент Арнольд тоже достал диктофон и небрежно произнес:

– Не беспокойся насчет записи – я все сделаю сам.

«Ну конечно. Разве могло быть по-другому – опять Арнольд мне показывает, кто здесь главный», – подумала я. Ведь буква *А* всегда идет *перед* буквой *Б*. Пока Арнольд вставлял кассету в свой диктофон, я думала про себя, известно ли ему о том, что буква *А* до сих пор виднеется на моей правой руке. Как-то раз цыганка уже разглядела эту отметку у меня на руке и предупредила о том, что «некто, чье имя начинается на букву *А*», будет влиять на меня всю жизнь. Даже сейчас, когда прошло уже много времени, это предсказание было со мной, и на земле не существовало такой силы, которая заставила бы меня забыть этого человека! Более того, даже моему мужу пришлось испытать на себе влияние Арнольда, и я со всей уверенностью могу сказать, что буква *А* была видна не только на моей руке.

Как только Арнольд закончил настраивать свой диктофон, первым делом я решила поинтересоваться у него, прочел ли он написанную мной книгу. Однако по какой-то странной причине я удержалась от этого вопроса: кнопка «Запись» на диктофоне, по всей видимости, призывала меня придерживаться строгого стиля в разговоре. Поэтому вместо того, чтобы расспрашивать его

про свою книгу, я начала разговор с впечатлений Арнольда от пребывания на посту губернатора Калифорнии – к моменту нашей беседы он уже семь месяцев возглавлял штат. Помнится, на частной вечеринке по случаю инаугурации Арнольд сказал, что, по его мнению, путь к креслу губернатора занял у него больше времени, чем он изначально предполагал. Но сегодня, по прошествии семи месяцев, Арнольд изложил другую точку зрения на произошедшие события.

– Знаешь, я воспринимаю все это как само собой разумеющееся. Я просто методично делаю то, что считаю нужным, и в моем понимании я все делаю правильно, – сказал он.

Беседа потихоньку налаживалась, и я посетовала Арнольду, что на организацию этой встречи у меня ушло около года, поэтому мне бы очень хотелось использовать этот разговор с максимальной эффективностью.

– Арнольд, мне нравится беседовать с тобой на отвлеченные темы, но сегодня я пришла к тебе за новой информацией, которая была бы интересна моим читателям. Не секрет, что я знаю тебя достаточно хорошо – ну, скажем, знала тебя когда-то – и никогда не переставала интересоваться твоими успехами и достижениями. Да и как, скажи на милость, я могла не интересоваться тобой? Но сейчас мне бы хотелось не просто оценить тебя со стороны, но и понять твои ощущения. Как тебе мое предложение? – так я решила задать тон нашей беседы.

Обычно, когда я разговаривала со своими старыми друзьями, с которыми очень долго не виделась, у нас всегда находилась куча тем для самого оживленного обсуждения. Но сегодня во время разговора с Арнольдом в нашем поведении чувствовалась какая-то неловкость – ведь мы с этим человеком были близки, и, хотя прошло уже тридцать пять лет со времени нашего расставания, мы явно были далеко не чужими людьми. Нужно сказать, что, несмотря на наши близкие отношения в прошлом и неловкость в начале беседы, я все же чувствовала себя назойливой журналисткой, которая «лезет под кожу» очередной знаменитости. Я даже явственно ощущала, что сейчас Арнольду трудно быть самим собой и что ему не очень удобно делиться своими переживаниями.

Осознав все это, я решила провести интервью с Арнольдом в строго профессиональном ключе, избегая при этом роли его бывшей девушки. Да, действительно, я сегодня должна относиться к Арнольду так, словно он для меня посторонний человек, и при этом не забывать о статусе журналиста, исполняющего свой долг. Нельзя сказать, что мне пришлось по душе такое положение вещей, но зато я ощущала моральное

удовлетворение оттого, что сумела верно подстроиться под текущую ситуацию. Арнольд, по всей видимости, не осознал моей мотивации к такому поведению, и мне пришлось держать свои чувства при себе и не допускать эмоционального обсуждения вопросов. Во время нашей беседы мне довелось пережить своего рода «эмоциональные экстремумы», когда веселый настрой от совместных шуток сменялся расстройством от проявленной Арнольдом холодности и отстраненности. Действительно, трудно сказать, что беседа проходила в одном ключе: временами я испытывала благодарность к Арнольду за его умение прощать старые обиды, которая быстро сменялась раздражением, стоило ему только упомянуть о моей вине перед отцом. Но когда во время разговора Арнольд стал упоминать «о нашем с ним времени», это стало для меня подлинной наградой. Тем не менее я держала в уме, что мне нужно любой ценой избегать сравнений того Арнольда, которого я когда-то знала, с тем Арнольдом, который сейчас сидел передо мной. Во время беседы я пришла к парадоксальному для себя выводу: только сейчас я со всей ясностью осознала, что Арнольд стал заложником своих феноменальных успехов. Стоило мне только понять это, как я мысленно поблагодарила Арнольда за то, что он позволил мне прожить жизнь так, как я того хотела, и не подстраиваться при этом под окружавших меня людей.

Во время беседы нам пришлось сделать вынужденный перерыв: Арнольду необходимо было ответить на важный звонок по вопросу организации азартных игр на территориях индейских племен. Став невольным свидетелем этого телефонного разговора, я поймала себя на мысли, что сейчас в моей голове живут два разных Арнольда. Образ одного из этих «Арнольдов» я помнила по нашим отношениям во времена золотой эры бодибилдинга, образ другого был слеплен средствами массовой информации, которые одновременно обожали и ненавидели свое создание. Все эти хитросплетения судьбы Арнольда слишком долго терзали меня, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы привести свои чувства в порядок и трезво оценивать поступки этого человека. Только тогда, когда Арнольд одержал победу на губернаторских выборах, я окончательно поняла его предназначение на этой земле. Более того, мне повезло знать Арнольда в молодости, когда на нем еще не было бремени славы и не лежал груз ответственности за свои поступки. Именно того Арнольда я любила до полного беспамятства, но сегодняшний Арнольд сильно отличался от того человека, которого я когда-то знала. Только теперь, когда ко мне пришло это осознание, я могла изложить подлинную историю наших с Арнольдом

отношений.

Когда нашу беседу прервал помощник Арнольда, предупредивший своего босса об очередном важном звонке, я поняла, что отведенные мне два часа плавно превратились в три. К тому времени я уже забыла о своих расстройствах по поводу опоздания Арнольда и пребывала в приподнятом настроении от нашей беседы. Помощник Арнольда сдержал свое обещание и сфотографировал нас перед тем, как я собралась уходить. Мы с Арнольдом встали перед пылающим камином, и, пока мы позировали фотографу, я пыталась дать честную оценку своей жизни.

Арнольд Шварценеггер и я в офисе губернатора Калифорнии, 2004

Закончив съемку, мы с Арнольдом обнялись на прощанье, и в момент нашего расставания мне в голову пришла мысль: неужели эта встреча была для нас последней? Сказать по правде, мне бы очень хотелось при случае встретиться с Арнольдом, хотя сейчас я не могла с уверенностью сказать, когда и где произойдет

следующая встреча. Во время прощания я пожелала Арнольду успехов на губернаторском посту, а он поддержал мои стремления к написанию книги, сказав:

– Напиши хорошую книгу, Бар-бар-ха!

Распрощавшись с Арнольдом, я направилась к выходу из офиса, раскланиваясь попутно с работающими здесь сотрудниками. Мне трудно сказать, догадывались ли они об истории моей жизни, – да и, по правде говоря, должны ли они вообще были думать обо мне? Проходя мимо охранников и работников парковки, я вновь задумалась о том, как меня воспринимают все эти люди. Спустя некоторое время я добралась до своей машины и уселась в водительское кресло. Выезжая на Оушен-бульвар, я стала размышлять о событиях сегодняшнего дня. *«Боже мой, какие там меры безопасности! Подумать только, помощник Арнольда запер нас в кабинете, как только узнал о том, что его босс планирует выкурить сигару! Как же все это непохоже на ту непринужденную обстановку во время наших завтраков в ресторанчике „Деликатесы Зака“! Еще мне бы очень хотелось знать, как меня воспринял Арнольд – насколько я соответствовала его ожиданиям? Смог ли он разглядеть мой девичий задор, который он видел раньше?»*

Так, погруженная в свои раздумья, я добралась до Пасифик Кост Хайвей. Высоко в небе ярко светило солнце, и лишь парочка случайных машин портила открывшийся передо мной великолепный пейзаж – я была просто очарована красотой Тихого океана и видом горных массивов Санта-Моники. Мое приподнятое настроение, однако, несколько поутихло, стоило мне только увидеть впереди себя дорожный поворот.

Шум океанского прибоя наполнял меня спокойствием и безмятежностью. В этот момент я представляла всю свою семью и мысленно благодарила тех, кто помогал мне в жизни. Своим внутренним взором я видела старых друзей и тех людей, с которыми мне еще предстояло познакомиться. К этому времени я уже добралась до каньона Малибу и мысленно поблагодарила судьбу за удачно сложившуюся семейную жизнь, которая позволила мне обрести спокойствие и счастье. Проезжая в тот день по горам, я чувствовала себя любимой, защищенной и нужной, и для меня уже было неважно, что для обретения этого ощущения мне пришлось долго бороться с влиянием одного человека.

Когда я добралась до самой вершины, мне вдруг захотелось подурачиться. Опустив стекло, я полной грудью вдохнула свежий воздух, пропитанный цветочными ароматами. Затем, собрав все свои силы, я крикнула так, что меня, должно быть, слышали

на Мэйн-стрит:

– Эй, Арнольд! Ты далеко не единственный человек в этом мире, обладающий влиянием! И заруби это себе на носу, дружок: *I'll be back!*

Эпилог

На доработку книги и решение вопросов, связанных с ее изданием, у меня ушло два года, и к тому моменту, когда работа была завершена, я воспринимала ее как художественный образ. Этот образ, словно позаимствованный у древних греков, отражал восприятие моей жизни.

На мраморной стене древнего Акрополя виднеется высеченная гигантская мужская фигура. Этот гигант изображен стоящим на фоне полной луны, и зритель видит, что в тени этого силача находятся мужчина и женщина. Одного взгляда, брошенного на этого гиганта, хватает, чтобы понять всю его силу и властность. Левая рука гиганта указывает на луну, демонстрируя всем и каждому его великие амбиции, а своей правой рукой он практически касается сидящей рядом с ним женщины. Видно, что указательный палец правой руки гиганта направлен на открытую женскую ладонь, на линиях которой явственно просматривается буква А. Женщина, однако, крепко держит за руку своего возлюбленного, и кажется, что сам мрамор скрепляет их объятия, – так они и стоят в тени гигантской фигуры и наслаждаются лунным светом.

Вопросы и пожелания

Если после прочтения книги возникли вопросы, которые хотелось бы уточнить у автора, или появились комментарии, Вы всегда можете связаться с переводчиком по следующим контактам и уточнить интересующую Вас информацию:

alexander.stikhin@gmail.com
http://astikhin.livejournal.com/
https://www.facebook.com/alexander.stikhin
http://vk.com/id26977111

Barbara Outland Baker
Arnold and Me
In the Shadow of the Austrian Oak
Copyright 2006 by Barbara Outland Baker
Originally published by Author House
ISBN: 1—4259—5222—4 (sc)
ISBN: 1—4259—5221—6 (dj)
Library of Congress Control number: 2006906958
@Barbara Outland Baker, 2006
@Стихин А. А., перевод на русский язык, 2015
Дизайн обложки: Козионов А.
Издание на русском языке, ИП Стихин А. А.